

М И Х А И Л

ЛИФШИЦ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ ВТОРОЙ

Михаил ЛИФШИЦ

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ДВУХ ТОМАХ**

ТОМ 2

Зебра Е
МОСКВА

УДК 821.161.1-7
ББК 84(2Рос=Рус)
Б43

Иллюстрации
Елизавета Петрова

Оформление
Александр Щукин

ДУЭЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ

Еврейский детектив

Лифшиц, Михаил.

Л 43 Собрание сочинений в двух томах. Том 2 / Михаил Лифшиц. – М.: Зебра Е: 2015. – 576 с.

ISBN 978-5-906339-

ISBN 978-5-906339-

© Лифшиц М., 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одна из успешно решенных советской властью задач — разрушение еврейской общины. Появилось множество евреев, не живших еврейской жизнью и понятия о ней не имевших. Если русские, даже члены партии, потихоньку крестили своих детей и посещали церковь на Пасху, то евреи, партийные и беспартийные, своих обрядов не проводили никогда. Знали они только русский язык, интересовались только интернациональной культурой и, если бы не антисемитизм, обрусели бы совершенно. А так оставшееся еврейское самосознание эти люди тешили, подсчитывая евреев в списках Сталинских, Ленинских и Государственных премий и рассказывая анекдоты о том, как евреев не берут на работу, а еврейскую молодежь не принимают в институты.

Современные российские евреи, потомки советских евреев, к еврейской жизни не вернуться, за редким исключением. Многие из них состоят в счастливых смешанных браках, некоторые крестились, не столько из возникшего религиозного чувства, сколько от желания быть вместе со своей православной семьей.

«ДЕЛО ПЕРЕЛЬМУТЕРА»

Когда пишут про евреев, исследователи обязательно приводят число новых синагог и другие подобные сведения, полагая, что это хорошо для евреев, а антисемиты говорят о тайном еврейском правительстве, в котором каждый еврей чуть ли не министр, минимум агент и действует по заданию мирового еврейства, убеждая всех, что нашли причину всех зол.

К тем людям, о которых я пишу в этой книге, все это не относится. В синагогу они не ходят, а с мировым закулисем никак не связаны. Они — обычные жители русских городов, выполняющие в силу своих способностей, сил и обстоятельств свою работу. Некоторые достигли профессиональных вершин, у некоторых карьера не сложилась. И в семейной жизни, и в душевных склонностях, и в остальном у них так же, как у всех. Но что-то общее у этих людей все же есть. Книга написана об этих людях.

Бывают такие происшествия в жизни, о которых всем интересно узнать. Равномерный ход событий нарушается, необычные события следуют одно за другим, обычные люди ведут себя необычно. О таком происшествии я рассказываю в этой книге, а так как многие герои повествования — евреи, то книга имеет подзаголовок «Еврейский детектив».

ДОРОГА

Я стоял в цепочке автомобилей и ждал «зеленую стрелку» налево, чтобы свернуть со Старой Московской Дороги на Чернышевское шоссе. На первую «стрелку», наверное, не успею, а уж вторая — моя. Здесь, в деревне Жилкино всегда нужно постоять, особенно тяжело стало года три назад, ждали поворота по двадцать минут. А потом построили новую дорогу, слегка в объезд, мимо Жилкино, но без «пробок», и все стали ездить там, а я привычно ездил по старой дороге. Я в Чернышев довольно часто езжу с женой, она родилась и выросла в этом городе в период его расцвета. А теперь я ехал по службе. Когда бы мы ни стояли перед этим светофором, жена обязательно говорила мне: «На кладбище, около синей церкви, похоронен актер Олег Борисенко», и называла фильмы, в которых он снимался. Теперь жены рядом не было, и я это сказал себе сам мысленно.

Меня зовут Роман Борисович Шваркевич, мне уже сорок пять лет, я служу в Следственном комитете следователем по особо важным делам, пол-

ковник юстиции, а в прокуратуре был старшим советником юстиции, но погоны были такие же, как у полковника. Я всегда хотел быть сыщиком. В девятом классе решил, что буду поступать в МГУ на юридический факультет. Тогда все факультеты назывались просто. Друг моих родителей, в честь которого меня называли Романом, приехал к нам с бутылкой коньяку, засел с отцом на кухне и стал его уговаривать не пускать меня на юрфак. Сначала они говорили тихо, разговор не предназначался для моих ушей. Потом начали орать, и я услышал вопль дяди Ромы: «Его все равно не примут, а психику твоего сына эта неудача травмирует на всю жизнь! Не будь кретином, пожалей ребенка, мало ли чего он хочет!» Но родители не стали «меня жалеть» и в десятом, последнем тогда классе, взяли мне репетиторов из МГУ «по истории» и «по сочинению», хотели взять еще и «по английскому». Мне стыдно было тратить родительские деньги, я мямлил, что хватит мне одной истории. Сошлись на двух репетиторах. Я занимался упорно весь год. В мае отцу позвонил «историк» и сказал, что нужно встретиться. Впустив отца в свою профессорскую квартиру, «историк» закрыл окна, вынул телефонный шнур из розетки. Затем, оглядев потолок и стены, как будто в поисках «жучков», репетитор сказал: «Парень сильный. Экзамены может сдать очень хорошо. Но его все равно не примут с «пятой графой». Нужно «дать», я знаю кому». Родители мои посовещались между собой, сначала прикидывали, что бы такое продать, чтобы набрать денег на взятку, а потом решили «не давать». Экзамены я сдал, на последнем экзамене по истории меня спрашивали весьма придирчиво, потом экзаменатор

сказал: «Я вам ставлю «четверку». К сожалению, вы пройдете».

Узнав по телефону о моем поступлении репетитор-«историк» промолвил равнодушно: «Ну, слава богу!» А дядя Рома приехал к нам с бутылкой коньяку, сидел теперь уже с папой и с мамой за столом в большой комнате. Сначала выпили за мой успех, а потом дядя Рома провозгласил: «Выпьем за то, что вроде что-то начинает меняться!»

Первые полтора-два года все студенты учились очень интенсивно, старались, чтобы не вышибли. На третьем курсе стали осматриваться. Тут мои мечты о работе следователя отошли на задний план. Никто не собирался работать ни в милиции, ни в прокуратуре. Все хотели деньги зарабатывать, заниматься миллионными сделками, покупать и продавать фабрики, заводы, рудники и скважины. В крайнем случае хотели стать нотариусами. Ну, и я вместе со всеми...

Незадолго до окончания мной университета к декану юрфака пришел знакомый ему прокурор из Московской прокуратуры и попросил подобрать хорошего способного парня для работы следователем. Декан выразил сомнение, сказал, что согласятся только нехорошие и неспособные. «Плотим мы, конечно, мало», — этими словами прокурор дал понять, что разделяет сомнение декана, но просит помочь. Декану понравилось слово «плотим», и они вдвоем стали смотреть списки студентов-выпускников. Прокурор ткнул пальцем в мою фамилию: «Вот Шваркевич Роман, белорус, они — тщательные!» Он имел в виду «старательные». Декан ничего объяснять не стал и поручил секретарше найти меня по расписанию и вызвать в деканат для беседы. Про-

курор простился и вышел, за ним выбежала секретарша. Догнала его в коридоре и сказала: «Товарищ прокурор, Шваркевич — не белорус, а обыкновенный еврей!» «А... Вы в деканате работаете секретарем? — сам себе напомнил прокурор. — Хорошо, я скажу декану, что некоторые его сотрудники еще не перестроились, пусть проведет с вами воспитательную работу». Секретарша испугалась, что-то пискнула в ответ и поплелась обратно в деканат.

После разговора с деканом, потом с прокурором в прокуратуре на меня нашло умопомешательство — мне предлагают быть сыщиком в Москве! Ура! И хоть мой «здравый смысл» говорил скрипучим голосом: «Ты что?! Одумайся! А жить на что? Взятки брать ты не будешь, а зарплата маленькая», я не прислушался к «здравому смыслу», а пошел «по зову сердца», как настоящий комсомолец, которым мне удалось немножко побыть.

В прокуратуре я оказался среди молодежи единственным москвичом и единственным «русским», или, скажем, говорящим по-русски без акцента. Остальные молодые сотрудники родились и научились говорить на Кавказе. Потом, через два года после меня в прокуратуру пришел еще один молодой «русский» москвич — Ринат Шамшутдинов. При этом все наши старшие товарищи были родом из разных областей Европейской части России, но не из Москвы и Питера, а из Рязанской, Саратовской, Владимирской областей, из Ставропольского и Краснодарского краев. К обилию молодых сотрудников-армян они относились спокойно, как к неизбежному явлению в условиях «перестройки», я же вызывал у старших товарищей некоторую настороженность. Один младший советник юстиции осо-

бенно внимательно на меня смотрел, потом как-то спросил: «А ты кто по национальности?» Я ответил. «Что, и в паспорте написано «еврей»?» — уточнил советник. «В паспортах сейчас национальность не пишут», — ответил я юристу с высшим образованием. «Ну, а у родителей, что было написано, или в твоём свидетельстве о рождении?» — с некоторым даже раздражением уточнил свой вопрос советник. «Отец — еврей, мать — еврейка». «Так и было написано?! — поразился советник. — Но ты понимаешь, что ты лишил себя всех высших чинов?!» Тут я перестал понимать, что он от меня хочет, просто смотрел на него, ничего не отвечая. «Ну, ладно, — сказал он. — Иди работай, потом поговорим». Года через три он снова спросил меня: «Скажи, Роман, а китайцы твоей национальности бывают?» Я был уже юристом второго класса, считался хорошим сотрудником и привык и к месту службы, и к людям. Поэтому я не напрягся от его глупой речи, как в первый раз, и ответил вопросом на вопрос: «А твоей национальности китайцы бывают?» Он уверенно ответил: «Нет!» — а я сказал: «И моей — нет!» Почему-то этот разговор запомнился, я порылся в Интернете и узнал, что мы оба ошибались. Оказывается, давным-давно группа евреев приехала в Китай, представилась мандарину, понравилась ему и осталась жить в Поднебесной, при этом все евреи получили китайские имена для удобства общения. Так что вопрос советника был не такой уж и глупый. А сто лет назад просвещенный король Сиама Рама V получил от своего друга русского царя Николая II подарок — отряд из двухсот русских гвардейцев для охраны королевского дворца. Командировка гвардейцев кончилась в 1920-м году, они побоялись возвращаться

в Советскую Россию и попросили у короля разрешения остаться в Таиланде. Король согласился, выделил им деревню на севере страны, где они и зажили. Охрана королевского дворца в Бангкоке до сих пор носит форму по образцу русской гвардейской формы начала двадцатого века. Так что и китайцы моей национальности, и китайцы (индокитайцы) национальности младшего советника юстиции бывают. Но в наше время они уже не походят на своих далеких предков, перемешались с местным населением. Впрочем, может быть, это и байки.

Через пять лет службы следователем мне предложили стать прокурором в Чернышеве, в котором я никогда не был. Наш прокурор сказал: «Съезди, посмотри. А потом соглашайся, надо расти, а без этого — никак. Через пять лет, не больше, вернем тебя сюда, есть соображения, как тебя использовать... Только не вляпайся ни во что!»

Служба в Чернышеве дала мне жену и бесценный опыт взаимодействия с местной властью. Четыре года я пробыл самым молодым прокурором Московский области, а потом был переведен в Москву и стал старшим следователем, а потом следователем по особо важным делам сначала в прокуратуре, потом в Следственном комитете.

Я повернул наконец «на стрелку» налево и поехал по Чернышевскому шоссе. Теперь недалеко, почти приехал.

ДУЭЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ

Я затребовал справку на Перельмутера. Мне быстро подготовили бесполезную бумагу «родил-

ся — учился — женился — не судился — кандидат наук — лауреат Госпремии — главный конструктор». Я пошел к экспертам и попросил по-хорошему помочь мне разобраться в ситуации, чтобы я почувствовал, мог этот человек крупно провороваться, создать преступную группу или нет и были ли у него условия воровать.

Эксперты «прониклись» моей заботой, и вот что я узнал.

Самый известный и описанный в книгах вид воздушного боя — сражение истребителя с истребителем, дуэль. Все читали про героя-летчика, который несется на врага, давит на гашетку, а расстреляв боезапас, идет на таран. Оружием истребителей в Отечественной войне были пушки и пулеметы специальной самолетной конструкции, а «поле боя» измерялось сотнями метров.

Потом, в 60-е, 70-е и 80-е годы XX века самолеты-противники перестали близко подлетать один к другому, а поймав отраженный от чужого самолета радиосигнал, стреляли ракетой с головкой самонаведения. Аппаратура на ракете вычисляла по этому сигналу, где находится самолет противника, какова его скорость, и ракета «сама» управляла своим полетом так, чтобы лететь в то место, в котором окажется самолет в момент роковой встречи, в «упрежденную точку». По статистике потерь в локальных войнах этого периода ракеты класса «воздух–воздух» с радиоголовками самонаведения были самым эффективным оружием воздушного боя, более эффективным, чем бортовые пушки, пулеметы и зенитная артиллерия.

Чтобы самолет противника отражал радиоволны, его надо было этими радиоволнами облучить. Излу-

чал радиоволны собственный самолет, пустивший ракету. Требовалось, чтобы самолет облучал противника, «подсвечивал» ракете до самого момента поражения. Из-за этого летчик рисковал, потому что был ограничен в маневре, не мог «удрять», пустив ракету. Без «подсветки» ракета полетела бы, неизвестно куда. Поэтому такое ракетное оружие считалось «негуманным».

«Ха-ха! Негуманное оружие!» Я, хоть и прослужил четыре года в авиационном городе Чернышеве, ни о чем об этом не имел понятия и читал справку с увлечением, как в детстве читал книжку про снайперов «О смелых и умелых».

Чтобы выйти из положения, освободить летчика от необходимости «подсвечивать» ракете с риском для жизни, требовалось оснастить ракету собственным передатчиком. Тогда ракета могла наводиться по собственному сигналу, а истребитель, пустив ракету, получил бы возможность действовать самостоятельно. Это называлось «пустил и забыл».

Но сделать собственный передатчик для маленького летательного аппарата — ракеты не удавалось. Уж больно большое, тяжелое и энергоемкое устройство получалось. Время от времени проводились научно-исследовательские работы (НИРы) с целью разрешить эту проблему, но каждый раз делались отрицательные выводы.

«Удивительно, — подумал я. — Какие неразрешимые проблемы стояли перед инженерами 30–40 лет назад! Теперь передатчик есть в каждом мобильном телефоне и в каждом автомобильном ключе, а тогда летчики жизнью рисковали, потому что тогда передатчик был неподъемным ящиком, который маленькая ракета не могла увезти!»

Ответственным исполнителем очередной безнадежной НИР назначили Семена Владиленича (сокращенно от Владимира Ленина!) Перельмутера, молодого кандидата наук. Он увлекся работой, добился результата — на стенде головка с передатчиком работала. Открыли опытно-конструкторскую работу (ОКР), тоже закончившуюся успехом — действующим опытным образцом. Далее последовала полномасштабная разработка — создание головки самонаведения для ракеты класса «воздух-воздух». Новая ракета, не нуждающаяся в «подсветке», была принята на вооружение. Работу отметили Государственной премией, одним из 12 лауреатов стал главный конструктор разработки Перельмутер. В какой-то момент он чуть было не вылетел из списка, когда понадобилось поощрить одного вновь назначенного начальника, которому обещали, но как-то оставили в списке Перельмутера, а начальника наградили орденом.

К периоду «утрашки» списка на Госпремию относится и первое «преступление» Перельмутера. В партком предприятия подали заявление, сообщавшее, что Перельмутер выписал для своих работ радиопоглощающий материал, а вместо этого привез к себе на садовый участок шлаковату для утепления дачи. Послали комиссию, которая увидела, что садовый домик утеплен пенопластом, в который упаковывали телевизоры. Потом пенопласт выбрасывали, а садоводы его собирали в мусорных контейнерах около магазинов, торгующих телевизорами, и около новых домов, где упаковку выбрасывали новоселы. Несколько полотен шлаковаты действительно лежали в домике на потолке для утепления, но садовод Перельмутер показал товарный чек, в котором зна-

чилось, что полотна куплены на строительно-торговой базе по цене 1р. 50 коп. за штуку. Заявлению хода не дали. Тем более что радиопоглощающий материал, заказанный Перельмутером, вообще не оплатили и не купили, потому что этот материал признали вредным для здоровья, санэпидемстанция не разрешила его применять, и заявку на покупку аннулировали. Тут тоже все сходилось.

Больше до последнего времени «на Перельмутера» не было ничего. И вот в Следственный комитет поступила «бумага», соответствующая главной задаче нашей организации — рассматривать поступившие сообщения о совершенных или готовящихся преступлениях. В «сообщении» говорилось о том, что Семен Перельмутер от техники отошел, превратился в посредственного администратора, а остатки бывшего таланта ныне употребляет для личного обогащения, для чего придумал схему в соответствии с нынешними веяниями, и гонит народные деньги, выделенные на оборону страны, себе в карман. Далее в «сообщении» приводились преступные схемы и примерная оценка суммы похищенных Перельмутером денег. Сумма была приличная.

Получая такие письма, «сигналы», наш руководитель по прозвищу «Пострел» обычно раскладывал их на три стопки. На письмах из первой стопки писал «Начальнику отдела такому-то — разобрать и доложить», что называется, расписывал по исполнителям. Это самые простые сигналы, от того, как будет отработано такое письмо, может быть, и зависела судьба подозреваемого, но судьба Пострела никак не зависела. Во вторую стопку попадали явные клеветы и анонимки. Эти письма получали резолюцию «В архив». Говорят, что руководитель

ОГПУ Феликс Дзержинский всегда показывал анонимки своему первому заместителю Вячеславу Менжинскому. У Менжинского было особое чутье, способность определять, что такое эта анонимка: попытка помочь «органам» раскрыть преступление или ложный донос. Наш Пострел работал и за Дзержинского, и за Менжинского, сам решал, что делать с анонимками и другой «некондицией». В общем, некоторые письма не получали никакой резолюции и складывались в третью стопку. По этим письмам требовалось «посоветоваться». Это означало, что, когда подходил момент, Пострел вез третью стопку в Администрацию президента, где получал указание по каждому письму, давать ему ход или нет.

Жалоба на Перельмутера в другое время, без сомнения, отправилась бы в архив. Во-первых, наше ведомство не любит вести дела на оборонных предприятиях из-за дополнительных сложностей, связанных с режимом, из-за того, что юристу трудно понять суть дела, и, в конце концов, у оборонщиков и военных свои надзирающие службы есть, пусть эти службы и ковыряются. Во-вторых, жалоба была проникнута такой ненавистью к Перельмутеру, что, скорее всего, жалобщиком двигали личные мотивы, не имеющие отношения к уголовному кодексу. В-третьих, письмо было анонимное: «не подписываюсь, потому что боюсь мести Перельмутера и его прихвостней».

Но в период поступления доноса на Перельмутера в оборонной промышленности сменили руководителя. Новый шеф тут же заявил, что «оборонка» разболталась. Нужно «подтянуть трудовую дисциплину», ужесточить режим, тогда все наладится, ракеты перестанут падать на старте, а будут лететь

прямо в цель. А на попытки опытных работников ознакомить нового руководителя с проблемами отрасли он отвечал: «Я — не инженер и не обязан за вас думать». Вот наш Пострел, считавший себя политиком, решил запросить мнение высокого начальства: не будет ли своевременным «раскрутить» дело о воровстве в оборонной промышленности, процветавшем при прежнем руководстве «оборонки».

По возвращении Пострела из Администрации, письмо про воровство на ракетном предприятии получило резолюцию и попало ко мне.

Приняв письмо к исполнению, я решил сразу не тревожить старика Перельмутера, а сначала поглядеть, что там делается на предприятии. Созвонившись со знакомым мне заместителем директора Трясенковым, я отправился в Чернышев, за много лет впервые без жены.

ЗНАКОМСТВО С ПРОКУРОРОМ

Давно, почти двадцать лет назад, у меня, тогда прокурора города Чернышева, в плане работы стояла лекция на предприятии. Мой помощник договорился с одним из трех больших НИИ, которые были в городе, подготовил слайды по тезисам моего доклада, и в назначенный день мы отправились. Сопровождал нас по предприятию Коля Трясенков, который занимался в НИИ подобными делами и назывался, кажется, «начальник общего отдела». Я его знал. Коля был постарше меня годами, успел поработать в райкоме комсомола, потом его взяли в городскую администрацию, где мы с ним и познакомились. Но в администрации у него работа не ла-

дилась, и он вернулся на предприятие, из которого вышел.

Прочитал лекцию я довольно гладко, потом на десять минут пустил на трибуну моего помощника. И тот не ударил в грязь лицом, осветил напряженную работу нашего правоохранительного органа. После лекции ответили на вопросы и отправились в кабинет директора перекусить. Директор устроил настоящий банкет для узкого круга, прокуратура есть прокуратура. Обслуживали нас две очаровательные девушки. «Посмотрите, какие у них официантки красивые!» — шепнул мне помощник. «Это наверняка не официантки, а сотрудницы, «инженерки», их попросили нас обслужить один раз», — тоже шепотом ответил я ему.

— А вот — прокурор города Чернышева! — сказал мой помощник одной из девушек, подошедшей забрать тарелки. Девушка как будто ждала, чтобы мы с ней заговорили. Она посмотрела на меня и сказала:

— А ваш дедушка тоже был прокурором города Чернышева?

«Неужели, все красавицы — дуры?!» — подумал я.

— Нет, мой дедушка никогда не был в городе Чернышеве.

Девушка слегка вздрогнул, как будто проснулась, промямлила что-то вроде «А-а-а... извините» и отошла с тарелками. Человек, работающий с людьми, должен, по выражению Чехова, «уметь разговаривать с дураками». Мне этому пришлось научиться в первую очередь, когда я начал вести прием посетителей. Главное тут — не ошибиться, не принять за дурака умника, который от волнения не может понятно рассказать о своем деле.

Банкет прошел очень достойно, заместитель директора поблагодарил меня за полезную лекцию, а я пообещал не жалеть сил для правового образования инженеров и рабочих, что и требует от работников прокуратуры президент России и без чего нельзя создать правового государства. Все застолье — час, пятнадцать минут. Мы встали из-за стола сытые, немного подшофе и направились к проходной в сопровождении заместителя директора. На улице прошла весна, которая началась и кончилась, пока мы читали лекцию и выпивали. Солнце клонилось к горизонту и совсем не грело, но без нас, чувствуется, светило во всю: снег осел и покрылся блестящей корочкой, а на жестяных стоках появились сосульки. Мы, не торопясь, нараспашку дошли до проходной, распрощались с заместителем и с Колей Трясеньковым, застегнули пальто, прикрывавшие форму работников прокуратуры, и вышли на улицу.

Перед проходной прогуливалась, поджидая нас, девушка. Увидев меня, девушка подошла и с отчаянной настойчивостью сказала:

— Роман Борисович, можно с вами поговорить. Только две минуты. Я — Вера, вы меня видели во время... обеда, — это была та девица, которая про бабушку спрашивала.

На одном из официальных актов в Университете по случаю нашего выпуска перед нами выступил старый профессор Айзенберг. Как я сейчас понимаю, не такой уж он был и старый, до семидесяти, но он вжился в образ древнего старца, ходил шаркающей походкой, говорил невнятно, что называется, бубнил, куда он смотрит, было непонятно, потому что глаза его были занавешены кустистыми бровями. Кто его давно знал, говорил, что он и десять лет

назад был такой же, «косил» под дряхлого старика. Он был автором очень хорошего учебника, и я из почтения как-то пошел на его лекцию. Хотя он на нашем потоке не читал, я захотел приобщиться, так сказать. Лекцию он читал плохо, все время поправлялся и очень устал к концу. Так вот, на выпускном мероприятии профессор Айзенберг вместо обычных слов пробубнил несколько фраз, которые я запомнил дословно: «Вы все через несколько лет станете начальниками. От вас будут зависеть человеческие судьбы. Берегите людей, слушайте их и никогда не унижайте! Всех до одного, без исключения». Я старался придерживаться этого завета.

— Конечно, можно. Я вас слушаю, Вера, — сказал я.

— Я очень глупо себя вела, ничего не объяснила. Понимаете, моя мама девочкой жила здесь в Чернышеве на улице Луч. У них в доме все квартиры были коммунальные, и только одна отдельная. В ней жил прокурор города. Прокурор тоже был... еврей. У него был сын, ровесник мамы. Этот мальчик никогда не гулял во дворе. Но, наверное, смотрел, как другие дети играют, и ему хотелось к ним, но его не пускали. Так мама рассказывала. Когда мама бежала по лестнице с третьего этажа, прокурорская дверь на втором этаже иногда приоткрывалась, и выглядывал прокурорский сын. Он говорил маме: «Подойди!» И давал ей печенье «Привет», очень вкусное. Потом прятался за дверь. Эту историю мама мне рассказывала много раз, если мы оказывались на улице Луч или рядом с ней, всегда повторяла. Это — семейная сказка, наша с мамой... А тут я узнала про вас и подумала, что вы — сын того мальчика, а отец мальчика был вашим дедушкой... Я думала расска-

зять о вас маме, ее бы такое совпадение порадовало. Мама сейчас болеет... Очень глупо? Извините!

«Надо же, все объяснила, какая хорошая девушка, и мама болеет», — подумал я и мысленно извинился перед ней за «дуру». Через четыре месяца мы с Верой поженились.

«ПЕРЕЛЬМУТЕР ПОМЕР»

Перельмутер, похожий на Кощея Бессмертного, сидел над горкой золотых монет, хохотал и говорил, как будто каркал: «Кар! Кар! Полотна шлаковаты они считали! Мерили рулеткой пол, на калькуляторе делили, спрашивали, сколько слоев и на рубль пятьдесят умножали! Проверяющие! Кар! Кар! А парник? Из чего? Из уголков из дюралевых, из крылатого металла! Где взял? На работе взял! Выписал, вывез и парник соорудил! Огурцы до ноября собирал! А они мордой в пол, а парника не видят! Скрытое ищут, а оно, вот оно, воровство мое, стоит на свежем воздухе! Проверяющие!»

Сон прервал телефонный звонок.

— Спишь, что ли? — спросил меня начальник. На часах было 3 : 15 ночи.

— Бодрствую! — ответил я.

— Правильно, нельзя спать. Перельмутер помер.

— Как помер?!

— А так, в командировке, в Челдыме. Днем рубашечку отослал, потом выпил в гостинице с бывшим военпредом, потом лег спать и не проснулся.

— Какую рубашечку?

— Да рубашки он домой отсылал. Два дня поносит, новую купит, а грязную завернет, и домой от-

правит в стирку. По почте... Слушай, Ром, а евреи раков едят?

— Евреи все едят. Кроме свинины.

— Я тоже подумал, что ерунда... В общем, собирайся в Челдым.

В человеке, когда он получает генеральский чин, многое меняется, в первую очередь — походка. Мы подшучивали над нашим начальником, вопросы ехидные задавали. Он говорил: «Ну, вы свою наблюдательность на преступниках тренируйте, ишь, хихикают, распустились под моей мягкой рукой! Я вам покажу, что такое генеральский гнев!» В общем, был очень доволен, с удовольствием трепался про свое свежее генеральство, конечно, только со своими. Кроме изменения походки у генералов, наверное, открывается «третий глаз». Еще можно понять, почему его проинформировали о смерти Перельмутера раньше, чем меня, но откуда он узнал столько мелких подробностей? И обрисовал картину двумя штрихами просто и понятно. И разбудил он меня в такую рань не зря, я успел на самый удобный рейс в Челдым. Наверное, генералом мне не быть, слабоват я.

КОМАНДИРОВКА НА ВОСТОК. ПОСЛЕДНИЙ РАЗГОВОР

Я позвонил по телефону Виктору Кузьмичу Запрудному, бывшему старшему военпреду на заводе, на котором больше тридцать лет производились несколько модификаций радиоголовок самонаведения конструкции Перельмутера. До сих пор производились почти без перерыва, потому что продукцию

покупали сначала в Китае, потом в Индии. Спросил Запрудного, где ему удобнее со мной встретиться: в гостинице, у него дома или в городской администрации. Он сказал, что удобнее в гостинице, но он туда сейчас еще не в состоянии прийти, слишком свежи воспоминания. Тогда я по телефону договорился с местной властью, чтобы нам выделили кабинет.

Я попросил Запрудного очень подробно рассказать о его последнем вечере с Перельмутером.

— Я рад был, что Семен приехал, да надолго, на две недели. Он давно в Челдым не приезжал, не было причины приезжать. А когда изделие запускали, по месяцу здесь жил. Я тогда с ним подружился, помогал ему, чем мог. Он этому изделию всю жизнь отдал. Мог бы выбрать себе жизнь полегче, докторскую бы защитил, писал бы книжки, все б его знали. А тут его не знали даже летчики, которым он жизни спас. В этот раз командировка была, пожалуй, надуманная. Что называется, сбежал в командировку. Недельку он на заводе проковырялся, а в конце недели я к нему в гостиницу пришел. Обнялись и сели выпивать.

— А что же не у вас дома?

— Да... у меня дома обстановка не очень, вам потом ясно будет. Вспоминали с Семеном былые годы, когда важнее работы для нас ничего не было. Потом начали жаловаться друг другу. Он рассказал, что вокруг него идет какая-то возня, письма, шу-шу-шу. Полковника, сказал, прислали из Следственного комитета по мою душу... Видимо, он вас имел в виду. Уйду, говорил, с работы, буду огурцы выращивать.

И покойник знал, что под него копают, и на предприятии об этом знали. Я у них был всего два раза,

сидел в отдельной комнате и читал бумаги, с людьми не разговаривал. Я специально расширил список затребованных документов, чтобы нельзя было определить, кто и что меня интересует. Тем не менее, идя по коридору, я услышал, как у меня за спиной одна сотрудница сказала другой: «Говорят, на Перельмутера в суд подали». Кто-то позаботился об утечке информации, скорее всего, тот, кто написал анонимку. А уж заботиться о том, чтобы переврали и исказили суть происходящего, не нужно было, это сделала народная молва.

— Какие огурцы? — спросил я Запрудного.

— Участок у него был. Он там ничего не делал, всем жена и сын занимались. Но лет тридцать назад, когда участок дали, он сам домик построил и выращиванием огурцов увлекся. У него хорошо получалось, даже мне сюда семена привозил.

Надо же, и мне в ночь, когда умер Перельмутер, приснилось, что он огурцы выращивает. Может, у меня тоже «третий глаз» прорезывается?

— Я ему сказал, чтобы уходил с работы, не ду- мал, — продолжил Запрудный. — А то, сказал, мы с тобой и так многое прозевали. Внукам дедушки нужны сильные и смелые. Конечно, про себя ему стал рассказывать. Он весь в своих неприятностях, а я — в своих. Дочка у меня развелась с мужем и вышла замуж за нового. Он у нас в Челдыме — большой человек. Квартира огромная, в семье три человека: дочка, муж ее, новый зять Федор, и внучок мой Артемка, а у Федора уже три дочки есть от двух предыдущих жен в разных местах, слава Богу, не в Челдыме. От него только девки рождаются. Сейчас с дочерью моей двойню родили, две девочки. Нам с женой двухкомнатную квартиру купили в том же

доме. Так, все хорошо. Но сердце у меня за внука болит, растет без отца и без мужского воспитания. Дядя Федя с работы придет, подкинет его к потолку. Все, конец, роль отчима на этом заканчивается. Артемка мой новому папе на хрен не нужен. Я с внуком старался больше времени проводить, так ведь не давали! Жена моя при важном зяте такая гранд-дама стала, в простоте слова не скажет, губы бантиком: «Артем, ты должен понимать, что вредно, что полезно! Кушай морковь, это хорошо для зрения». Сроду у нас в семье «морковь» не говорили. Грызут, трут и в суп кладут морковку, а морковь ученые ботаники изучают, еще морковь в магазин привозят. Нет, теперь бабушка — ни слова в простоте. Сделалась похожей на жену городничего из «Ревизора». Мальчик-то эту фальшь чувствует, страдает. Я его от этой фальши пытался оторвать. С большим трудом вытащил внука в тайгу. Мы с ним грибы собирали, рыбу ловили, на дерево залезали, в зимовье ночевали. А у него на следующий день температура 38,4. Что тут началось! Дочка беременная плачет, Артемка испуганный в постели сидит с завязанным горлом, жена носится по двум квартирам, патлы седые распустила для эффекта и орет: «Погубил ребенка, убийца!» Устроили семейный совет, постановили меня к Артемке не подпускать. Всем жена заправляла, унижала меня при зяте. Дочка, пузо на нос лезет, некрасивая, сидит, страдает. Зять мне подмигнул потихоньку, но на защиту не встал. Жена начала меня есть после этого основательно, шагу не дает ступить без замечания, без насмешки. Грызет, даже не пилит. Только увидит, сразу впиивается. Я тогда взял у ребят в гараже кислоту для аккумуляторов, поставил дома на обеденный стол

таз, в него установил ее новые туфли и полил их кислотой. Она как увидела, осела на стул. Сидит в оцепенении. Ну, думаю, сейчас одумается, помирится, ведь она неплохая баба была. Куда там, чуть до уголовного дела не дошло. Заставила зятя меня осудить: «Виктор Кузьмич, вы не правы», а у самого глаза смеются. Ну, я так в разговоре с Семеном подвел, что в свое время недостаточно семьей занимался, многое упустил, что работа не главное, в нашем возрасте главное — семья. Чтобы, значит, уходил с работы, не боялся. Опять же, и в себе разобраться надо, подвести итоги.

— А Перельмутер слушал ваш рассказ? — спросил я.

— Да, внимательно слушал. У него, похоже, были страхи, чем он без работы заниматься станет. «Да я, сказал, если с работы уйду, мне пенсию в три раза увеличат, я же лауреат». То есть, он уже думал об этом. Ну, и пропускали мы с ним все время по рюмочке. После моей истории мы вдруг мгновенно оба окосели. С чего бы?! В авиации была формула $N + 1$, сколько мужиков, столько бутылок, и еще одна. А тут — одну бутылку вдвоем не одолели. Я ему говорю: «Давай, выпьем!» — а он: «Не буду!» — наверное, он уже чувствовал себя неважно. Говорю: «Я тебе приказываю как подполковник авиации! Приказываю выпить и закусить раком!» Я раков принес, дома сварил с укропом и тепленьких доставил. Он с удовольствием штук пять съел... Ну, у нас не только раки, закуска была хорошая... Отвечает: «Мне на твои приказы плевать, а раков есть мне религия не позволяет!» Оба опьянели и несли чушь. Но тут показались мне его слова такими оскорбительными и фальшивыми. Я обиделся ужасно. Встал

из-за стола и ушел. Теперь мне до конца жизни этого не забыть. Как я мог на него обидеться?! Вскочил, ушел и его одного оставил! Сейчас вспоминаю, как было: сидит он сгорбленный, нижняя губа синяя, отвисла, и к ней сбоку кусочек рачьего панциря прилип. Ужас... Все рассказал, больше ничего не было.

— Хорошо, хоть вы ботинки его не растворили, — не удержался я. Но он шутки не принял, страдал, считал себя виноватым, что ушел из гостиницы. Хороший мужик Запрудный, честный и с чувством собственного достоинства, не стал следователю подхихикивать. Только бешеный слегка.

— А утром приехала полиция, — продолжил рассказ Виктор Кузьмич. — Меня все старые сотрудники гостиницы знают, я там раньше часто бывал у командированных, искать меня не надо. Рассказал дознавателю в участке, что и вам, и поехал домой. Не задержали.

Что ж такое случилось? Что Перельмутер — не ворюга, мне стало ясно после ознакомления с документами на предприятии. Да и поведение человека, ныне покойного, и рассказ Запрудного, и результаты вскрытия определенно свидетельствовали, что жизнь Перельмутера была не криминальная и смерть — не криминальная. Откуда тогда донос, почему волнение. Сердце чует — что-то есть...

Я уехал из Челдыма в полной уверенности, что существует неизвестный преступник, совершивший неизвестное мне преступление. Первый раз в моей двадцатидвухлетней практике! Как чеховский Анисим: «Стой, рубаха краденая!.. Я не знаю, какая там рубаха, а только почему-то так меня и тянет к ней: краденая и всё тут». И этот преступник, то ли испугавшись чего-то, то ли из преступного озорства, а

«Я тебе приказываю как подполковник авиации! Приказываю выпить и закусить раком!» (К стр. 29.)

может быть, из личной ненависти, погубил с моей помощью талантливого, хорошего и беззаветного старика Семена Перельмута.

Когда я подписывал у начальника документы, тонкую папочку с неначавшимся делом Перельмута я достал в конце.

— Можно, я это еще у себя подержу? Подумаю?

— Держи. Знаешь, что? У тебя в загранпаспорте шенгенская виза есть? Хорошо. А английская? Оформил через турагенство какое-нибудь, — сказал начальник. Он «третьим глазом» видел многое.

Глава 2.

СВОБОДНЫЙ ПОИСК

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Ну и работу я на себя повесил! Найти преступление, найти преступника, его совершившего, собрать доказательства. Первый раз в моей практике такая неопределенность. Правда, никто с меня не спросит, никто не попрекнет нераскрытым преступлением, и в любой момент я могу папку с «Делом Перельмута» сдать в архив. Впрочем, некоторые ожидания начальства я почувствовал после разговора с генералом. Ему явно было интересно, что у меня выйдет. При чем здесь визы?

Итак, есть фигура Семена Перельмута, абсолютно не криминальная, и умер человек не криминальной смертью. Нет, ну как «абсолютно не криминальная»? Определенные финансовые нарушения в его деятельности я увидел по документам, например, по оплате контрагентов липовых, когда работу делали его же сотрудники в рабочее время, а деньги дополнительные получали со стороны. Но это делали все. У нас так устроено, что без нарушения закона ничего сделать нельзя, всегда есть за что посадить. Но сажают только тех, на кого указывают, кто не-

угоден, а остальные продолжают работать и всегда «ходят под статьей». Если закон не нарушают, все равно можно осудить. Один наш крупный деятель громко возмущался олигархами: «Как можно было за несколько лет заработать миллиарды долларов?!» Ему возразили: «Но ведь эти люди действовали по закону». Деятель ответил: «Это были плохие законы, порядочный человек не стал бы по таким законам зарабатывать!» Как говорится, дальше ехать некуда, классическая демагогия.

Ладно, не отвлекаюсь, «не расползаюсь мыслию по древу». Воровства, считай, не было. А что было? Из-за чего совершаются преступления, кроме денег? Обратимся к гигантам прошлого, замахнемся, как говорил герой Евгения Евстигнеева, на Вильяма нашего Шекспира. Жажда власти? В смысле, спихнуть Перельмутера и кабинет его занять? Тоже мотив не для нашего случая. Еще раньше, когда было у него в подчинении чуть не полтыщи человек, цех, отделы. А сейчас? В его комплексе работали 80 человек, в некоторых лабораториях осталось по три человека. Дом престарелых на 80 коек!

Какие еще мотивы бывают, что нам говорят классики? Ревность, месть? Перельмутер, под 70 лет, с синими губами на героя-любовника не походил. А мстить за что? На даче полтора метра соседской земли «закошил»? Если такое было, то это не могло привести к доносам много лет спустя. Подрались из-за этого могли, «телегу» накатать могли «в сердцах». Нет, не похоже на конфликт в садовом товариществе... На работе кого-то обидел, а тот злобу затаил, а спустя много лет, когда обидчик ослаб, решил сквитаться?.. Тоже не верится почему-то... Уж скорее, ревность из прошлых времен. А что, не всегда

же он был стариком. Есть люди, сохраняющие мужское обаяние и привлекательность всю жизнь. Вот, например, недавно умерший кинорежиссер Петр Тодоровский. Хорош был мужчина и в старости — тоже. Но большинство стариков совсем не походят на самих себя тридцать или сорок лет назад. Может, Перельмутер был красавчиком, чью-то жену соблазнил. Теперь «рогатый» муж отомстил.

Все это — домыслы. Хотя, почему домыслы? Я же не собирался додуматься в кабинете до фамилий и адресов! А общее направление определил — нужно поговорить с вдовой. Направление поиска — ископаемая ревность и месть за поросшие мхом оскорбления. Если, конечно, вдова согласится со мной разговаривать... Но это уж от тебя зависит, товарищ следователь. В резерве — разговор с сыном, если вдова ничего определенного не сообщит. Опять переться в Чернышев...

ПРЕКРАСНАЯ ВДОВА

Вдовой Перельмутера была Майя Михайловна Мордвинова. Почему Мордвинова? Мне, например, совершенно понятно, что русская женщина не захотела жить с фамилией Перельмутер. Такая фамилия не всякой еврейке понравится. Сына Перельмутеры тоже записали Мордвиновым.

Позвонил Майе Михайловне, долго объяснял, кто я такой, потом попросил о встрече. Она слабо воспротивилась: «Зачем, ведь он умер?.. не без вашего участия...» «Помогите мне, и я найду человека, который свел в могилу Семена Владилевича, — твердо сказал я в ответ, хотя большой

уверенности в успехе своего поиска пока не чувствовал. Но тут надо было играть ва-банк. «В доме повешенного не говорят о веревке» — пословицы не всегда точны. Часто только «про веревку» близким покойника и интересно разговаривать. Мой случай: вдову манила перспектива поговорить о муже, повспоминать.

В дверях квартиры меня встретила женщина с прекрасным одухотворенным лицом, стройная, скромно и красиво одетая. Бывают такие завораживающие лица у женщин. Я один раз шел по коридору в прокуратуре. Проходил мимо лифта и через открывшиеся двери увидел женщину с таким лицом. Я вошел в лифт, хоть мне и не нужно было. Ехал вверх и смотрел на нее, пока она не вышла, смущенная. Я очнулся, вернулся на свой этаж и пошел, куда шел. Можно понять Перельмутера. Сейчас узнаю, что она в нем нашла.

— Перед началом нашей беседы, я снова хочу заверить вас, что не ищу компрометирующих сведений о вашем покойном муже. Я, хоть не был с ним знаком, но знаю о нем многое, и уверен, что никаких преступлений он не совершал. Также я уверен, что есть преступник, который преследовал Семена Владиленовича, нервировал его, что ускорило его кончину. Мы должны преступника найти. Того же мнения придерживается мое руководство. Прошу вас говорить со мной спокойно и откровенно, вреда ни для вас, ни для памяти вашего мужа не будет. У меня очень мало данных, вашего мужа нет в живых. Помогите мне, расскажите все подробно, все конфликты, все непонятные события. Я вам помогу вопросами. Давайте, начнем. Расскажите о себе.

Вдова Перельмутера стала рассказывать. (К стр. 37.)

Я устал от своей проникновенной речи и откинулся на спинку стула. Но старался я не зря. Вдова Перельмутера стала рассказывать.

— Ну, что вам сказать. Я — горожанка в первом поколении. Мои родители из деревни на юго-востоке Рязанской области. Знаете актрису Рязанову, которая в фильме «Москва слезам не верит» скромную положительную подругу играла? Вот она тоже родом из нашей деревни. Оттуда лет за десять до войны многие переехали в Подмоскowie, тут рабочие поселки были, Чернышев уже при них городом стал. Наших тут много. Один командированный спросил Семена: «Слушай, почему все бабы в Чернышеве на твою жену похожи?»

«Ну, это он польстил чернышевским женщинам!» — подумал я.

— Получила высшее образование, работала в НИИ, все здесь, в Чернышеве. Сейчас на пенсию вышла. Стараюсь записки мужа в порядок привести. Я в курсе дела, он меня во все посвящал, даже советовался со мной, как с коллегой. Без меня все это выбросят, сочтут за мусор... Ну, и с внуками время провожу... когда попросят... Путешествую. Последний раз ездила в Италию вдвоем с внуком!

— Скажите, у вас квартира какая-то не инженерская. Объясню. Вы были в Венеции? На меня первое сильное впечатление произвели не каналы, не гондолы, не пожарная команда на катере, а картина богатства, не разворованного в течение сотен лет богатства. Так и ваша квартира: богато и с большим вкусом. Квартира моих родителей в Москве совсем другая.

— Спасибо, что похвалили квартиру, это — моя гордость. То, что со вкусом, — наша совместная за-

слуга, а что богато, это — Семен. Я нужды с ним не знала, он много зарабатывал.

— Инженер, и много зарабатывал?

— Ну, во-первых, он получал полный кандидатский оклад, 400 рублей. Еще ему платили надбавку, как главному конструктору, 100 рублей. То объединяли с основной зарплатой, тогда это называлось «персональный оклад 500 рублей», то снова было 400 + 100, разница небольшая. Были еще премии, квартальные и за этапы работы. Получалось рублей 700 в месяц, это была большая зарплата в советские времена.

— Еще Государственная премия, — дополнил я.

— Нет, Госпремия денег не принесла, — сказала Майя Михайловна. — Обмыли в ресторане, банкет был человек на сто, что осталось, разделили между двенадцатью лауреатами, каждый лауреат по 100 рублей в Фонд мира перевел, купили Семену костюм за 120, и все. Премияльные деньги кончились. К нашим доходам нужно добавить вознаграждение за изобретения. Вот это были деньги.

— 50 рублей авторское вознаграждение? Я от родителей знаю, — проявил я осведомленность.

— Ну, нет, — возразила моя собеседница. — Семен к авторским свидетельствам относился серьезно. Создал у себя группу из двух человек, они оформляли заявки на изобретения. В каждую пятую заявку оформителя включали как соавтора, и они старались. Если удавалось с завода получить деньги за использование изобретения, то это могло быть и 500 рублей, и тысяча, два раза было по полторы тысячи, два раза — по две. А авторских свидетельств получали много. Вот вам, кстати, и про конфликт вспомнила. Обмывали деньги за изобретение у нас

дома: три соавтора и инженер с завода из Челдыма, который помог деньги получить.

— Запрудный? — спросил я.

Она подняла на меня глаза, насторожилась. Больше не буду перебивать.

— Вы и Запрудного знаете?.. Нет, другой, начальник сборочного цеха. А соавтором был молодой парень, после армии пришел. Его Семен очень ценил, считал талантом. Еще один соавтор — наш, родители его тоже родом из нашей деревни. Я Семена попросила взять его на работу. Семен его попробовал и там, и сям, потом направил на патентные курсы и посадил в группу оформителей заявок на изобретения, третьим в группе. Тогда много работы у них было. Семену и парню — по 40% вознаграждения, а оформителю — 20%. Нужны вам эти подробности?

— Да, да, конечно. Очень вас прошу...

— Три мужика вышли, а мой протеже остался и понес: «Ты думаешь, что твой Семен — бесребреник? Он тоже копеечку считает. Велел мне из вознаграждения вычесть «налог за бездетность», который молодой платит, а уж потом делить 40–40–20! Чтобы, значит, молодому побольше досталось». Я ему отвечаю: «Так ведь самому Семену тоже меньше денег осталось, какая ж тут корысть?» А он со злобой: «Плевать, у вас и так денег — хоть жопой ешь! А мне с какой стати на 25 рублей меньше получать?» Я ему попросту ответила: «Ты тут вообще сбоку припека, радуйся, что столько денег тебе дали!» А он: «Ладно, забыли. Дай-ка обниму тебя, пока еврейчик не видит!» Я встала, и он встал, а я ему коленкой между ног.

— Ух, ты! — не выдержал я. — А дальше?

— А дальше Семен его сплавил в патентный отдел.

— А мстить он не стал? — с опасением, спросил я: вдруг мои поиски преступника закончатся со столь незначительным результатом, окажется, что донос написал мелкий пакостник. Но Майя Михайловна засмеялась.

— Да что вы! Вот если бы он остался и продолжал деньги получать за чужие изобретения, то мог бы еще гадостей наделать. А так, получил между ног, потом хорошей работы лишился и затих. Сейчас, я думаю, он уже на пенсии. Это было чуть не тридцать лет тому назад.

Положительно, беседа с Майей Михайловной доставляла удовольствие!

— Вы так хорошо все помните, с цифрами, с должностями. Вы вместе с мужем работали?

— Я окончила наш Чернышевский филиал МАИ, распределили меня в институт, где работал Семен, в техотдел. Этот отдел занимался вспомогательной работой. Мне там было скучно, работали в нем одни женщины, которых из основных отделов выгнали. А подружка моя по институтской группе попала к Перельмутеру и все уши мне прожужжала, какой у них потрясающий начальник и какие интересные люди в их комплексе. Я попросила ее устроить мне встречу с Семеном, она сначала расстроилась, но устроила. Секретарша Семена меня вызвала, и я понеслась к нему в кабинет. Семен спросил, в чем дело? Хочу у вас работать. А что вы умеете делать? Все, говорю, умею. Он с удивлением посмотрел на меня, сказал: «Ладно, идите пока», а через месяц меня перевели к нему в комплекс. Потом поженились.

— И хорошо жили?

— Очень хорошо, счастливо... Верьте, или не верьте, не помню ни одного серьезного конфликта в семье... Длительное недовольство домашним укладом было одно время, лет пятнадцать назад, когда сын женился и к нам жену молодую привел жить. Он, когда объявил нам о намерении жениться, мы это без восторга восприняли, не считали, что он готов для самостоятельной жизни. Он у нас и умный получился, и здоровый, и умелый, но какой-то... вечный ребенок. Отец ему сказал: «А как же аспирантура, наука? Семья, особенно в начале, требует много времени...» А он отвечает: «Подумаешь, какой-нибудь час в сутки...» И девчонку привел такую же, чашки за собой не помоеет. Но добрая, все смеялась. А для Семена новый человек в доме доставлял большие неудобства. Понимаете, Семен привык ходить дома в трусах и в майке, домашние штаны натягивал, только если ждали кого-то. А тут сноха, в трусах не походишь. Квартира у нас хоть и хорошая, но советская, туалет, извините, один. Семен заберется туда с книжкой и не выходит сорок минут, да еще дверь забудет запереть... Мы с сыном приспособились к его «туалетному расписанию», а тут в доме появилась молодая женщина, нет-нет да и забудет, толкнет дверь, а там свекор сидит, то ли тужится, то ли до конца главы еще не дочитал. Или придет с работы серый от усталости, тут ему надо быстренько поесть и поспать пятнадцать минут в большой комнате на диване, а как? Уходил в спальню, ему это непривычно, заснуть не мог... Такая вот «бытовуха». Продолжалось год с небольшим. Потом мы сына с невесткой все-таки отселили, поднапряглись с ее родителями.

— После этого второй туалет сделали... — добавил я.

— Ну, да, — Майя Михайловна стрельнула в меня глазами: не много ли семейных подробностей она мне сообщила?

— Извините, но я про доходы не закончил, отвлек вас своими вопросами. При советской власти Перельмутер хорошо зарабатывал, а потом, когда все кончилось, когда зарплата была совсем маленькая? Помню, родители мои перестали масло есть, чтобы меня не объесть.

— У нас на книжке было двадцать тысяч. Как только система начала рушиться, Семен все наши деньги снял, купил правдами, неправдами американские доллары и спрятал их дома на антресолях в лыжных ботинках. Все люди свои последние закладки в МММ несли, а он в тяжелую минуту лез на антресоли.

— Мои родители в «Чару» отнесли, там деньги и остались. А я был студент-юрист и со знанием дела ваучеры всей семьи отнес в «Гермес-Союз» с тем же итогом, — поучаствовал я в рассказе о 90-х годах.

— Ну, да, про «Чару» я помню, считалось, что туда московская интеллигенция деньги сдавала, — ответила Майя Михайловна. Она помолчала, перелистнула страницу своей жизни. — А потом появились иностранные заказы и загранкомандировки. Семен сначала, как все, вез мне и невестке шубы из козьего меха, дешевый жемчуг и сувениры для украшения квартиры. А потом стал валютные командировочные домой привозить. В общем, мы не бедствовали, как другие инженеры. И сейчас у меня деньги есть, не страдаю от того, что внукам не могу ничего подарить, и у сына денег не беру.

Эту линию я подробно проработал. Ничего нет, да мне и не хотелось, чтобы тут что-нибудь было — я ловил крупную рыбу, которая на мелководье не заходит. Уж больно компактно все ложилось, все в пределах одного предприятия: и Перельмутер, и его жена, и мелкий злодей. Кстати, на этом же предприятии моя жена когда-то работала, и я на нем лекцию читал, и знакомец мой Коля Трясенков там. Все, выходим за рамки «охраняемого периметра». Начнем исследовать следующий аспект дела.

— Скажите, Майя Михайловна, вы, когда просились на работу к Перельмутеру, думали о нем, как о муже в перспективе?

— Совсем не думала, искала работу по душе, больше ничего... Когда увидела Семена, удивилась, что он такой молодой и симпатичный, и все. Думала, что и с работой-то не получится. К тому же, у меня был жених. Вернее, все считали, что этот парень — мой жених, он со школы за мной ходил. А мне он не нравился, не воспринимала его как мужчину. Не думайте, никакой близости между нами не было. Он был школьным товарищем, привыкла к нему, но замуж я за него не собиралась. Вышла бы за него, наверное, если бы не влюбилась в Семена. Так многие замуж выходят. Плохо, если к этим женщинам любовь приходит потом. Но мне повезло.

— А кто он, ваш несостоявшийся жених, что за человек?

— Фамилия его была Гусаров, он был наполовину еврей. Меня почему-то евреи любили. Сергей Маркович Гусаров. Его теперь рукой не достанешь большим человеком стал! Мальчиком он был красивым, высоким, спортивным. Но, как бы это поточнее сформулировать, внутренне сует-

ливым. Стержня морального не было, искал где лучше, не стеснялся ничего, и был уверен, что все такие же, как он, только маскируются и стесняются. А он не стеснялся. Бросил легкоатлетическую секцию перед соревнованиями, перешел в велосипедную. Его просили подождать, говорили, что он подводит команду, стыдили. «Вы что? Там же мне гоночный велосипед дадут, если я сейчас перейду!» В конце 9-го класса стал бегать в райком комсомола, мелкие поручения выполнял, в школу записки на бланке райкома приносил с просьбой освободить активиста от той или иной учебной нагрузки. Один раз притащил удостоверение из Министерства культуры, дающее право прохода на все зрелищные мероприятия города Москвы. Мы с ним поехали в Москву, пошли в Театр на Таганке на «10 дней, которые потрясли мир» с Высоцким. По дороге учил меня: «Ты билетерше ничего не объясняй. Сунула в нос красную книжечку, и иди себе. С таким удостоверением ты настолько выше их, что вообще...»

— А где сидели?

— Стояли наверху, на балконе. Но зал в театре маленький был, все было видно и слышно. В 10-м классе Гусаров исчез на два месяца, потом в школу справку принес из военкомата. Со мной вел себя загадочно, как будто где-то большую рыбу поймал, но ничего не рассказывал, хоть и очень ему хотелось.

«Вот и Майя Михайловна про большую рыбу! — подумал я. — Кажется, «тепло», посмотрим, что будет дальше».

— Весной на улице подошли ко мне два парня, известные у нас в школе бандиты Чипок и Боряша. Подошли грозно, но спросили ласково: «Майка, ты

Серегу Гусарова любишь?» — «Вы, что, говорю, это ж мой одноклассник, да он меня младше на полгода!» К такому ответу они не были готовы, смутились, сказали: «Да?..» — и ушли...

Да, похоже, Майю Михайловну мне удалось разговорить. Я стал ждать, пока она продолжит, не поторапливал.

— Гусарова от выпускных экзаменов освободили, потом мы узнали, что он поступил в МГИМО. В студенческие годы приезжал ко мне домой примерно раз в месяц. Бывало, к родителям своим не заходил, напрямую с электрички — ко мне, а меня дома нет! Сидел, с мамой моей беседовал за чаем. Удивительно, но ему, похоже, этого хватало. На третьем... или на четвертом курсе заявил маме: «Мне такая жена, как ваша Майя, очень подходит!» Мама почувствовала в этих словах такое непонятное и чужое, что вечером сказала мне: «Может, тебе и вправду не идти за него, анчутка какой-то!» То есть, черт. Гусаров говорил: кончим институты и поженимся, а пока рано. Уверен был во мне, непонятно, на каком основании. После института исчез. Прислал письмо: уезжаю в командировку на год, жди. Появился через полтора года, а я за Семена выхожу замуж. Вот тут он активизировался. По ночам орал под окнами нашей квартиры, беспокоил соседей.

— Что орал-то? — спросил я.

— Обычное: люблю, жить без тебя не могу, лучше меня нет, я тебя озолочу, променяла меня на инженеришку, дура. Потом грозить начал, что себя убьет, что меня убьет, что Перельмутера убьет. Мама очень пугалась, когда эти концерты начинались. А я первый раз увидела в Сергее человеческое, раньше думала, что он — робот, а тут страдал, как

живой. Недели две орал примерно через день, до самой моей свадьбы.

— А продолжение было? — спросил я.

— Через полгода позвонил по телефону, попросил, чтобы я все его письма, и все, что с ним связано, уничтожила. «Ты, сказал, обязана выполнить мою просьбу в память о нашей любви». И он сделает то же самое с моими письмами. Я ему ответила: «Хорошо, если что-нибудь найду, порву и выброшу, и у родителей дома поищу». От этого ответа что-то у него в душе опять зашевелилось: «Ты жестоко пожалеешь о своей измене!» Я трубку повесила.

— Ну и как, пожалели?

— Ни одной минуты! Я прожила с Семеном счастливую жизнь, была за ним как за каменной стеной. А теперь я счастлива воспоминаниями о нем...

— И Гусарова больше не видели?

— По телевизору видела. Приехал он в какую-то деревню после стихийного бедствия как депутат Государственной Думы. Там люди нуждались в обещанной властями помощи, которая до них не доходила. А он прогуливался между ними, некомпетентный, жалкий и говорил: «Я разберусь, я узнаю, вот вам мой номер телефона, звоните по нему, звонок бесплатный. Моего телефона в справочниках нет, это я только вам даю!» А бабки смотрели на него и думали, как моя мама: «Анчутка!» Еще один раз видела его на трибуне. Он выступал с каким-то дурацким предложением, то ли всем бросить пить и курить, то ли время по-другому отсчитывать. Клоун... Устала я, дорогой мой...

— Одну минуточку, Майя Михайловна, сейчас вернусь! — я выскочил из ее квартиры и побежал в ближайший супермаркет с шикарным старым на-

званием «Гастроном № 17». Купил самую дорогую бутылку в винном отделе — коньяк Hennessy и букет роз. Вернувшись, застал Майю Михайловну сидевшей на стуле в той же позе. Действительно, устала, даже дверь закрыть за мной не поднялась. Вручил цветы и коньяк и покинул квартиру Перельмутера навсегда.

ИТОГ СВОБОДНОГО ПОИСКА

Первым делом я позвонил Трясенкову.

— Коля, ты Гусарова помнишь?

— Какого Гусарова? Сержа? Сергея Марковича?

Как же, помню. Он тут мне звонил недавно, наверное, месяц-полтора тому назад.

— А я почему его не помню?

— В твою бытность его уже не было в городе. Уехал, и с концами. Если и приезжал, я об этом не знаю.

— А по какому поводу он тебе позвонил? Расскажи подробно.

— Сказал, что без повода, освежить знакомство, врал, как всегда. Спрашивал, как жена, дети, как работа? А ваше предприятие гремит, сказал. Я ему: «Ну, да, выдаем продукцию конкурентноспособного уровня». А он: «Я не про то. Перельмутер-то ваш — крупный ворюга, СКР им занимается, ты подумай, как соломки подстелить, а то с тебя тоже спросят. Только никому не говори, что я тебе звонил. Я случайно узнал и решил тебя по старой дружбе предупредить».

— А ты сообщил кому-нибудь на предприятии?

— О его звонке? Никому. Только тебе проговорился, больно ты меня нахрапом взял... Да ты и сам — СКР. А на предприятии только узнал в пер-

вом отделе, какие документы Перельмутер брал в последнее время.

— Сам ходил узнавать?

— Нет, секретарша ходила.

— Спасибо, Коля, помог. Так вот, покойный Перельмутер ворюгой не был, и вообще преступником не был. Это я тебе официально заявляю. И также официально тебя прошу о моем интересе к Гусарову никому ни слова, ни секретарше, никому. Хочешь, возьму у тебя подписку о неразглашении?

— Да что ты, что ты, Ром! Договорились!

Все, что я «нарыл», было представлено моему начальнику в виде записки на трех листах. На следующий день он меня вызвал.

«Прошлись» вместе с ним по моей записке. Мне показалось, что он больше меня знает. Мало того, мне показалось, что на Гусарова начальник «вышел» сам, без меня. Я сказал.

— Товарищ начальник, ваше превосходительство! Не оставьте прозябать в неведении! Откуда вы все это узнали, в чем состоит генеральская тайна?!

— Что ты, Ром? Никакой тайны нет. Ты тогда решил этим заняться, проявил инициативу, и совершенно правильно поступил. Ты поехал разбираться, а я запросил справку, кто из заметных деятелей родом происходит из Чернышева: министры и их заместители, депутаты, руководители некоторых ведомств. Город маленький, таких нашлось немного. Выбрал из них самую большую сволочь. Им оказался Гусаров. У него дом в Ницце и квартира в Лондоне. Недвижимость была записана на сына, сын умер. Теперь дом записан на жену, а квартира — на любовницу. Глупая комбинация, видать, торопился, не продумал.

— Отчего сын-то умер? — какая мне разница, но я, как услышу, что у кого-нибудь ребенок умер, всегда спрашиваю, как будто меня за язык тянут.

— От передозировки. Он в Сорбонне учился, вернулся в Россию с дипломом Сорбонны, но без профессии, даже по-французски толком не умел говорить. Как им удастся так учиться, ума не приложу. Зато колоться научился. Законченный наркоман. Пристроил его Гусаров коммерческим директором в одну частную фирму. Ну, какой он коммерческий директор? Спросит у бухгалтера, как надо делать, выйдет за дверь, вернется и строгим голосом бухгалтеру то же самое приказывает.

— А у самого Гусарова, у Сержа, откуда деньги? Лондон, Ницца, Сорбонна...

— Это ты меня не спрашивай. Это — политика. Считаю, что они за продвижение законопроектов берут. Потом сынок его на джипе въехал в автобусную остановку, убил беременную женщину и старика. А Гусаров сына отмазал. Мужа беременной женщины избили до полусмерти, когда не удалось деньгами ему рот заткнуть. Теперь у этого мужика открытые мозги металлическая пластина прикрывает. И — ничего. Никаких последствий для преступника, заказчика тяжкого преступления. После истории с сыном Гусаров совсем с ума сошел, решил, что ему все можно. Денег у него столько, что больше не нужно. Стал искать интерес в жизни, чем бы заняться. Картины покупать или самому рисовать — интереса нет. В космос полететь он тоже не стремился. Ничего ему не интересно, пустая душа. Но гадости он еще не все на свете переделал, тут — бездонная бочка. Решил он мстить тем, кто его в течение жизни чем-то обидел, начиная со школы, со

двора, с института. Граф Монте-Кристо гребаный! Это ему понравилось, кой-кому подпортил жизнь. Я знаю про хулигана, который его в детстве во дворе бил. Этот тип сидел и УДО ждал, но не дождался. Занялся Перельмутером. Полный успех, свел человека в могилу... с нашей помощью. Есть, наверное, еще подвиги, но я про них не знаю. Сын его умер, но он особенно не горевал. Всем говорит до сих пор, что сын умер от химического отравления.

— Здорово! Просто и понятно, — искренне похвалил я своего начальника и уточнил на всякий случай детали: — А про то, как сын его работал коммерческим директором, это вы придумали, художественный вымысел?

— Нет, это я случайно узнал, оказалось, есть один общий знакомый.

— Все равно, я в восторге!

— Не восторгайся. Ведь надо его ущучить на чем-то. От него большой вред державе. Не только конкретные жертвы, но и дискредитация власти. Я серьезно тебе говорю, и под это буду помощь руководства испрашивать! Но здесь, в России, мы с тобой можем не справиться, больно Гусаров силен. Не охота мне с дыркой в голове свой век доживать. Может, придется его в Лондоне к батарее приковать. Это уже я шутейно. Приказываю вам, товарищ полковник, действовать только по закону!

— Есть, — ответил я. — А какой у лондонских труб диаметр, наши наручники подойдут?

— Не шути с начальством. Я тебе серьезно приказал! По закону!

Похоже, этап размышлений закончился. До многого удалось додуматься. Главное, есть подозреваемый, есть мотив. Не особенно четкий, похожий

на мотив маньяка. Но косвенно подтвержденный обстоятельствами жизни Гусарова и показаниями свидетелей. Рассказ вдовы Перельмутера правдивый? Думаю, правдивый на сто процентов. Могла эта женщина — царица так сильно любить своего мужа со смешной еврейской фамилией, старше ее на 10 лет, разгуливающего по квартире в трусах? Могла. Когда-то он был красивым, молодым талантливым инженером, потом стал заботливым стариком, совершенно своим для нее. Есть аналогии? Есть. Я в юности увлекался театром, читал про театр, про актеров. Особенно любил мхатовскую школу: МХТ, Вахтанговский театр, Театр имени Моссовета. Повел я несколько лет назад всю свою семью на «Без вины виноватые» А.Н. Островского в Вахтанговский. Все актеры старше своих персонажей на 40 лет: двадцатилетнего Гришку Незнамова играл шестидесятилетний ректор Вахтанговского училища Евгений Князев, сорокалетнюю Кручинину — восьмидесятилетняя Юлия Борисова, Людмила Максакова и т. д. Михаил Ульянов еще был в программке, но уже не играл и умер вскоре. Для моих детей странно было, что все такие старые, даже за сюжетом не могли следить, сбивались. Я им объяснял по ходу действия... Отвлекся немного... я вот к чему, Юлия Борисова, королева вахтанговской сцены, была замужем за Исайей Спектором, администратором театра, умершим лет сорок назад. Она похоронила мужа на Новодевичьем кладбище, на памятнике написала «Люблю» и больше замуж не выходила. Похоже на моих героев.

Все, больше нестыковок я не вижу. Задача поставлена, цель определена, за работу, товарищи.

Глава 3.

«ЗА ЧТО УХВАТИТЬ СЕРЖА?»

ВЫБОР НАПРАВЛЕНИЯ

З а что его ухватить? Преступника, то есть. Глубокая правовая грамотность не позволяла мне сначала называть, даже в мыслях, подозреваемого в преступлении, по имени. Но я знал, что преступник — Серж Гусаров. И «копаю» я под Гусарова. И сердце у меня кипит против этого Гусарова. Случай не типичный, иду не от преступления, а от ощущения. Так что нечего, не буду разыгрывать сам перед собой большого «юриста». Без конкретного образа врага я этого гада не достану.

Так за что Сержа ухватить? Можно вернуться к бедному мужику, мужу убитой сыном Гусарова женщины. По второму разу раскручивать организацию нанесения «тяжких телесных повреждений», подтянуть «покушение на убийство потерпевшего» и «давление на следствие»? Во-первых, скучно, во-вторых, занимались же этим делом порядочные сотрудники, и ничего у них не вышло, всех задавил Серж Гусаров, и в этот раз мощи моего генерала может не хватить, чтобы с ним справиться. В-третьих, времени много прошло, наркоман умер, дело при-

обрело неактуальный, архивный вид. В-четвертых, даже в случае успеха следствия серьезных санкций не последует, в-пятых, у меня тут роль исполнителя, историю про сына на джипе рассказал мне генерал, идея, так сказать, не моя. Поэтому не хочется мне этим заниматься, поэтому во-первых, и во-вторых, и в-пятых, и в-десятых.

Нет, тут нужно найти такое преступление, которое бы произвело впечатление на нашего Пострела, чтобы он сразу побежал советоваться в Администрацию. Какой ни есть большой человек Гусаров, а до права бесконтрольно воровать он еще не дослужился. Власть имущие должны увидеть, что Гусаров — опасный тип, тащит не по чину, лично у них тащит, да еще позорит державу. Еще один аспект. Гусаров ничего не производит, пользы от него никакой. Найти другого такого же, который бы руку по команде поднимал, ничего не стоит. Настоящие буржуи, нарушая закон, выдают нефть, газ, металл, уголь, стройматериалы, еду, обслуживание людей, строят дома и дороги. С ними можно договариваться, если какого-нибудь из них убрать, то какой-нибудь продукции станет меньше или продукция станет хуже или дороже. А в Серже ценности для державы никакой нет. Так что, если все это наглядно показать, может быть, разрешат Гусарова посадить.

Перейдем от качества к количеству. Начальник мой сказал, что основной доход Гусарову приносит политическая деятельность. Может вознаграждение за голосование по команде и за выступления с любыми инициативами принести столько денег, чтобы хватило на дом на Лазурном берегу, квартиру в Лондоне, содержание сына-наркомана в тече-

ние нескольких лет, наем исполнителей его преступных замыслов? Думаю, не может. Есть у него бизнес. Не производительный, конечно. Гусаров, насколько я его узнал за это время, не в состоянии даже мешка картошки вырастить, даже курятник построить, не говоря уже о высокотехнологичных отраслях.

И тут меня осенило: схемы отмывки денег, которые он приложил к доносу на Перельмутера — ведь это его схемы! У каждого человека есть свой почерк, свои наработки. Говорят «человек — это стиль». Но человек еще — это конечный арсенал средств. Что он эти схемы, по три десятка прямоугольников, соединенных стрелками, специально для доноса придумал? Не может быть! Свои взял.

Я скопировал схемы из доноса и пошел к экспертам.

— Ребята, — страстно сказал я, — посидите, подумайте. Что это за схемы такие? Конкретные вопросы, которые меня интересуют, записаны на листочке: если можно, определите отрасль производства, в которых такие схемы применяют; определите, насколько трудно вскрыть нарушения, прикрываемые этими схемами; определите, как может защищаться нарушитель закона, если его поймают на работе по этим схемам.

В доказательство глубины своего интереса к предмету исследования, я поставил на стол бутылку Hennessy.

Через два дня эксперты подготовили ответ.

— Понимаешь, Рома, — кисло начал говорить полковник в белом халате. — Порадовать тебя нечем. Эти схемы не преступные. Они, действительно, очень сложные, разобраться в них трудно...

— Тем более всего за одну бутылку, — вставил реплику капитан-компьютерщик.

— Способная у нас молодежь! Тем более за одну бутылку... Но тебе повезло, ты попал к опытным специалистам, поэтому одной бутылки хватит, — полковник строго посмотрел на капитана. — Мы с похожими схемами встречались. Их придумали в фирмах, которые занимаются консультациями иностранных инвесторов по работе в России. Такие фирмы существуют давно, со времен Ленина и Арманда Хаммера. Они организуют взаимодействие между крупными западными бизнесменами и нашими властями. Работают в фирмах офицеры спецслужб, очень грамотные ребята. Схемы им нужны на случай несанкционированных проверок: вот разрабатываем схемы, по которым нашим западным друзьям удобно работать в России. Никто и никогда по таким схемам не работал. Где ты эти схемы надыбал?

— Не пойму, — обескуражено ответил я. — Эти схемы были приложены к доносу, подосланному нам с целью погубить человека. Схемы якобы разъясняют, как этот человек воровал деньги у государства. Доносу еще и хода не дали, но человек узнал о нем, разнервничался и умер. А человек был очень достойный: ученый, лауреат, главный конструктор... любящий и любимый муж.

— Вот тебе наше заключение: схемы не криминальные, — полковник подписал лежащий перед ним документ. — По ним деньги украсть нельзя. Действительно, деньги тут совершают длинный путь по счетам разных фирм, но, в конце концов, попадают по назначению, в частности, налоги перечисляются в бюджет. Далее неофициально тебе выскажу свои соображения, за ту же бутылку.

— Товарищ полковник, разрешите обратиться! — сказал капитан.

— Не разрешаю, подожди, с мысли собьешь. Видимо, твой доносчик не понимал, что это за схемы. Ты не думаешь, что он мог их слямзить? Если он к Конторе имел отношение лет пятнадцать тому назад, в конце 90-х, то мог взять у кого-то со стола на всякий случай, а теперь в дело пустил — думал, раз схема, значит, воровство. Главный неофициальный вывод, что схемы старые. Сейчас такие схемы даже для вида не рисуют.

— Ну, спасибо! Не совсем то, что я ожидал, но, может быть, это даже лучше! — сказал я. — Жалко, что вам одной бутылки хватило, а то я бы вторую принес за такую экспертизу...

— Товарищи полковники, вы совсем не думаете о кадрах, — расстроенно сказал капитан.

Значит, схемы не Гусарова, как я предполагал. И, чем занимается Гусаров, мне узнать не удалось. Но вывод экспертов порадовал. Если бы Серж действовал как агент высших сил, надо было сдаваться: ни я, ни генерал не справились бы, да и Пострел не допустил бы такого донкихотства. А тут Серж проявил себя как жулик, каковым он и является. Да и кто бы взял его на серьезную работу, тем более связанную с государственными интересами?! Коля Трясенков, и тот отзывался о нем пренебрежительно.

А раз «Щит и меч» Гусарова не защищает, то и мне легче действовать. По закону, как приказал генерал.

Но я-то хорош! Хотя я и следовательно по особо важным делам, но голова у меня не особо важная. Возмнил, что узнаю по схемам предприятие, где Серж нефть добывает, или ботинки тачает, или гов-

но качает, и с того живет. Нет, с моим интеллектом, сидя в кабинете, Сержа не поймать. Мне нужны улики. Как Чехов выразился, дайте мне что-нибудь материальное, а не умственное. Ищем улики.

НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ. КОМАНДИРОВКА НА ЗАПАД

— Ох, подведешь ты меня! Втянул неизвестно во что, а я поддался! Против государственного деятеля затеял войну, диссидент в погонах! Отправят меня на пенсию, ох, отправят. А я не хочу из-за твоей милости на даче огурцы выращивать, я хочу не дожить до этого, хочу, как Перельмутер твой, на работе помереть, пусть меня государство хоронит с салютом. Что смотришь на меня? Не чувствуешь вины перед русским генералом?

— Товарищ генерал, — я вскочил и вытянул руки по швам. — Виноват! Сейчас написать рапорт об отставке?

У меня, конечно, хороший начальник, но окорот ему нужно дать. Пусть над молодыми прикалывается. А надо мной нечего издеваться! Возьму сейчас и напишу рапорт. У меня не ладится ничего с этим говнюком, а он шутки шутит!

— Ишь, какие мы нервные... Сядь, тебе сказал. Ну, ты сам подумай, Ром. Дело не возбуждено, на каком основании мы с тобой действуем? Результата нет, только вдовьи слезы и ворованные схемы по которым и воровать-то нельзя. Смешно, ей-богу, схемы украл, а что в них, не узнал. Так два работяги когда-то красивые радиоактивные контейнеры на работе сперли и в кармане два дня таскали. Все

яйца себе сожгли, их даже судить не стали. Ну, Гусаров тоже свою задницу спалил на этом доносе со схемами.

«Объясняет, — подумал я. — Что-то у начальника есть хорошее, поэтому он и решил пошутить со мной вначале. Не стоит на него обижаться!»

— Так вот, — продолжил начальник. — Я тут переговорил кое с кем в Прокуратуре России. Возбуждают два дела. Одно — в порядке надзора по избитому мужу по статье «Покушение на убийство» из-за неверной квалификации, были «Телесные повреждения». Второе — ложный донос. Так, ерундовая статья вообще-то, но с отягощением. Донос привел к смерти крупного инженера, лауреата. Это сейчас не важно. Мы в рамках расследования такое нароем, что про донос можно будет и забыть.

— Ну, спасибо за помощь, — сказал я.

— Сухое спасибо глотку дерет. Рапорт будешь писать? Ты с этим не шути. Нечего «корочками» СКР бросаться. Мы с тобой много пользы для страны можем принести, пока сидим на этом месте. А обиды свои советую затолкать себе в задницу. Обижаться на начальника все равно, что ссать против ветра. Усек? Не ладится? Сейчас заладится!

Я замер в ожидании того, что сейчас скажет генерал.

— Гусаров с женой сейчас в Европе, в Ницце. В Лондоне в квартире живет его любовница, формально, совершенно чужой ему человек. Стало мне казаться, что не такой Гусаров дурак, чтобы квартиру в центре Лондона стоимостью не менее двух миллионов фунтов записывать на постороннего человека. Скорее, ошибкой было, что он записал ее на родного сына. После смерти сына они ошибку исправили.

Глава 4.

УЛИКИ

— Кто «они»? — спросил я.

— Вот, мы с тобой и должны узнать, кто. Итак, Рома, отправляйся в Лондон. Срочно, пока Серж на Французской Ривьере прохлаждается. Он, как узнал, что Перельмутер умер, сразу умотал. Очко слабое, играет, возраст-то предпенсионный... Твоя дорогостоящая командировка, конечно, плохо сочетается с небольшими масштабами возбужденных дел. Но, я думаю, сейчас посмотрим на это сквозь пальцы, а потом оправдание будет. В отеле не селись, найди квартиру на неделю. Говорят, можно снять по 100 фунтов за ночь, если без особых претензий. Так что в сумме получится фунтов 700–800. Квартира и для дела удобней... — генерал улыбнулся, наверное, вспомнил про батарею и наручники. — Кошмар, пол-России живет на 100–200 фунтов в месяц, а тут столько берут за ночь в какой-нибудь берлоге со старой сантехникой! Когда сможешь вылететь?

— Сегодня — завтра, думаю, квартиру буду искать. Как отыщу квартиру, сразу — на самолет.

— Еще одно. Если почувствуешь, что нашел серьезные улики, не таись, представляйся по всей форме. Так, чтобы он испугался и срочно вернулся в Москву. Лучше Гусарову в Мордовских лагерях посидеть, чем по башке получить и быть неопознанным французской полицией трупом. Да и мне охота на его допросе посидеть, послушать. А если он нас больше, чем «их» испугается, то это — его выбор.

— Кого «их», — спросил я.

— Вот, ты мне через десять дней и расскажешь. Свободен.

КВАРТИРА СЕРЖА В ЛОНДОНЕ

Хозяйкой квартиры в Лондоне числилась Сара Виндмил. Я ей позвонил по телефону, сказал, что я — друг Сержа, зовут меня Роман, у меня есть поручение к ней от Сержа, и попросил разрешения прийти. Она мне ответила, что Серж ей ничего не говорил о своем друге Роме и о поручении, что она ему позвонит в Ниццу и спросит обо мне. Я ответил, что Серж, наверное, забыл ее предупредить, ведь он очень занятой человек. Да, очень занятой, согласилась Сара. Я спросил, когда ей можно позвонить, когда она сможет получить подтверждение от Сержа. Завтра, в это же время, сказала она. А нельзя ли сегодня, спросил я. Нет, сказала Сара, Серж решает звонить ему только в определенное время, и сегодня это время уже прошло. Жаль, я улетаю завтра рано утром, к сожалению, я не смогу выполнить поручение Сержа, боюсь, что это его расстроит. Сара замялась, потом сказала: «Ладно, ваш голос внушает доверие, надеюсь, вы меня не подведете. Приезжайте сейчас».

Дверь мне открыла черная девушка лет тридцати, хорошенькая, как божий день... лучше, как июльская ночь! Все, что нужно, торчало у нее из-под домашнего платья чрезвычайно соблазнительно, а лицо было такое веселое и доброе, что загляденье! Вот Серж, старый таракан, какую девушку закадрил! Лет двадцать пять разница в возрасте, не меньше! А ей-то зачем с ним якшаться? Ну, да, квартира в Лондоне, это — не баран начихал!

Одна у меня знакомая Сара, да и та — не еврейка. За Сарой маячила фигура огромного черного парня. Я вручил девушке цветы, а парню — бутылку Hennessy.

— Это мой друг из Эритреи Асахва! Асахва, это Роман, друг Сержа, тоже русский.

Из Эритреи? Может, и еврейка. У них там, в Эфиопии и в Эритрее, есть мусульмане, есть православные христиане, а есть иудеи. Библейская царица Савская завезла иудаизм в те края за тысячу лет до Рождества Христова. Царь Соломон и негритянская царица не только сложные загадки разгадывали в назидание потомкам, но и кое-чем другим занимались. Если царица Савская была такая же хорошенькая, как ее прадочка Сара, то я мудрого Соломона понимаю. Потом царица привезла в Африку по Красному морю полную лодку маленьких черненьких Соломоновичей. Последний император Эфиопии Хайле Силассие I считал себя прямым потомком царя Соломона. Один борзый посол России в Африке даже специальную экспедицию снарядил в негритянскую деревню, чтобы доказать, что предки Пушкина, хоть и негры, не ни в коем случае не иудеи, а происходят то ли из

За Сарой маячила фигура огромного черного парня. Я вручил девушке цветы, а парню — бутылку Hennessy. (К стр. 62.)

христианской, то ли из мусульманской половины деревни.

— Рад вас видеть, — сказал Асахва. — Русские — очень хорошие люди. Серж подарил Саре квартиру.

Сара говорила по-английски лучше меня, а Асахва — хуже. Квартира была небольшая, но уютная. Мы сели на диване в гостиной.

— Хотите что-нибудь выпить? — спросил Асахва. — Русские любят водку. Но в это время дня водку пить еще рано. Хотите бренди с водой? Или виски с содовой?

— Как поживает Серж? — спросила Сара. — Я давно его не видела, наверное, два месяца... Он сейчас в Ницце с женой. Там, недалеко от Ниццы, есть пансионат для проблемных детей, в котором живет внук Сержа. Мальчик — сирота, отец его умер от химического отравления, а мать сбежала от больного ребенка.

— Не знаю, как ответить на ваш вопрос, — я действительно не знал, как живет Серж. — У Сержа нет человеческой жизни, он все время занят. Про проблемы с внуком я слышал, но не хотел бы о них говорить. У меня еще нет внуков, но я представляю, какое горе для бабушки, если внук тяжело болеет.

— Ну, вам еще рано иметь внуков! — улыбаясь в 32 зуба, сказал Асахва. — А у меня уже есть внук, хоть я моложе вас. Россия отстает от Африки, но Англия отстает от России и еще больше от Африки — англичане женятся в 35 лет, а внуки у них появляются в 70!

— Вы правы, я тоже думаю, что Серж очень страдает, — в глазах у Сары появились слезы сочувствия. Мы замолчали.

— Я не могу долго жить в Лондоне, здесь плохо для моей кожи, — Асахва двумя пальцами оттянул кожу на тыльной стороне ладони. — И жена сердится, когда я уезжаю к Саре. Скоро я вернусь домой и уже до следующего года не приеду. А Саре нравится жить в Лондоне, она не болеет. Сара стала настоящей британской леди, только черная немножко. И детей у Сары нет в 29 лет.

— За два месяца накопились письма на имя Сержа, — Сара обращалась ко мне, высказывая Асахвы она игнорировала. — Рекламную продукцию я отобрала, но оставшиеся десять писем могут иметь значение для него.

— В этом и состоит поручения Сержа. Он просил забрать у вас письма и привезти ему, — сказал я.

— В Ниццу?

— Нет, он в ближайшие дни прилетит в Москву, у него есть дела в Москве.

— Я бы с удовольствием передала письма через вас, но... — замялась Сара.

— Я напишу вам расписку, что взял письма с перечислением, какие именно. Мы так и договорились с Сержем, он не хотел, чтобы вы нервничали.

— Как это любезно с его стороны... и с вашей, — с облегчением сказала Сара. Теперь она была уверена, что поступает правильно.

— Мой прадедушка воевал с итальянцами в 1936 году. Слышали про конфликт в Абиссинии? Мой дед участвовал в гражданской войне, помогал свергнуть короля Хайле Селассие Первого. Мой отец служил в армии Израиля и тоже воевал. Раньше люди верили лозунгам. Я лозунгам не верю. Я считаю, что воевать вообще не надо. Я — пацифист! — продолжил свой монолог Асахва.

Сара принесла бумагу, и я по-русски написал на одном листе:

«Расписка

02 марта 2014 года, город Лондон.

Изъял у Сары Виндмил 10 (десять) нераспечатанных конвертов с корреспонденцией на имя С.М. Гусарова. Перечень прилагаю.

СКР, спсвд, п-к юстиции Роман Шваркевич».

А на другом: «Перечень» — и перечислил отправителей писем с № 1 по № 6 и 4 письма с № 7 по № 10 без указания отправителя.

Что ж, по закону, так по закону, товарищ генерал. Хотя и не совсем...

— Я совсем не умею читать по-русски. — Сара была смущена, она не ожидала, что я напишу расписку по-русски. — Что означают эти буквы?

— Первые три большие буквы — название организации, в которой я работаю. Мы собираемся привлечь Сержа.

— Как, новая работа? Мне казалось, что вы искренне обеспокоены излишней занятостью Сержа.

— У нас такое важное учреждение, что все другие свои дела Серж, вероятно, захочет оставить. Думаю, что, придя к нам, он даже сможет отдохнуть.

— О! Поздравляю вас с такой хорошей работой и рада за Сержа. Ему нужен отдых. А маленькие буквы что означают?

— Это моя должность в организации. Вы, когда будете завтра звонить Сержу, прочитайте ему последнюю строку, я вам запишу ее латинскими буквами. Он сразу все поймет.

Хватит резвиться. Девочка умная, может настояться и передумает отдавать письма.

К счастью, Сара не заподозрила подвоха и решила, что вопрос о расписке закрыт.

— Хотите, я покажу вам комнату Сержа? В квартире есть только гостиная с кухней, — Сара показала на обычный кухонный ряд вдоль одной из стен гостиной. — Тут же у нас и столовая. Еще есть спальня и комната Сержа. Я туда обычно не захожу, только впускаю уборщицу и кладу корреспонденцию на письменный стол. Эти письма тоже там лежали в ожидании Сержа. Еще два туалета. Кладовой нет, это очень неудобно. Но я в комнату Сержа ничего постороннего не кладу, даже временно. Посмотрите?

Я согласился, мне хотелось осмотреть квартиру. Асахва с нами по квартире не пошел. Все, что знал, он уже мне рассказал, и я стал ему неинтересен.

Пора откланиваться. Все прошло отлично.

ФИЦРОВИЯ. СРОЧНОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

В каком же хорошем районе Лондона Серж купил квартиру! Сплошной ряд кабаков, и в каждом полно народу. В некоторые даже очереди выстроились. Чем-то в этих заведениях лучше, чем в других. Приезжему человеку трудно разобраться. Мне очень нравятся пабы. Пришел, нашел свободный столик, заказал пиво и закуску, заплатил карточкой, взял пиво, сел за свой столик, а «Fish and chips» тебе принесут, когда будет готово. Никогда я не любил темное пиво, а в Лондоне пью только темное. А эль мне, наоборот, не понравился. Хотя в Лондоне следовало

бы пить эль, настоящий английский напиток, а любившийся мне Guinness — ирландский. Поэтому в некоторых пабах нет Guinness.

Я взял две пинты пива — одну выпью, пока принесут рыбу, а вторую — с рыбой и картошкой. У англичан обжаренная картошка называется «chips» — кусочки, ломтики. В Москве чипсы — это хрустящая картошка, а хрустящая картошка в пакетиках у англичан называется «crisps» — хрустящие.

Такие глубокие мысли посещали меня в ожидании горячей рыбы с картошкой. Я добыл улики. Я счастлив.

Но счастье мое было непродолжительным и окончилось, когда я доел рыбу и задумался, куда мне идти — спать, или спать еще рано, и можно прошвырнуться по Лондону.

«Что же это я сижу, — пришла мне в голову мысль. — Хорошо, что сегодня воскресенье. За квартирой Сары наверняка установлено видеонаблюдение, сомнений тут нет, и телефон ее должны прослушивать. Но точка неактивная, следят, видимо, рассеянно. За те 40 или 50 минут, которые прошли от моего звонка до расставания с Сарой, никто не встрепенулся. Думаю, воскресный вечер спас меня, на что я и рассчитывал. Сейчас для наблюдателя самое подходящее время, чтобы расслабиться. Возможно, тот, кто должен пялиться в монитор и чутко слушать тишину в наушниках, сейчас сидит за соседним столиком и культурно отдыхает. Вряд ли ночью будут смотреть и слушать записи. Утром просмотрят и прослушают, спросят у Сары, прочитают фамилию в расписке и начнут меня искать. Есть, конечно, некоторая вероятность, что меня уже засекли, но понадемся «на авось», ведь не приехали же «они», пока я

там сидел и рассказы Асахвы слушал. Завтра и Серж будет поставлен в известность. В общем, все, кто заинтересован в том, чтобы меня не выпустить с письмами, забегают. Но, надеюсь, завтра.

Отдохнул в пабе, и хорошо. Нужно срочно уезжать в Москву. Не на самолете. Кстати, билетов на самолет у меня и нет. Это хорошо тем, что не придется объясняться в бухгалтерии, почему билет пропал. Но и плохо, был бы билет, «они» могли бы ждать меня в аэропорту и не дождались бы. А теперь где меня будут ждать? Будут искать. Сейчас нужно срочно возвращаться «домой», в смысле на квартиру. Хорошо, с выездом из квартиры никаких проблем, опущу ключ в почтовый ящик, и все. Все оплачено заранее. А через два дня, когда кончится срок моей аренды, лендлорд приведет уборщицу и достанет ключ. Удираем поездом: по Евротоннелю в Париж, там — на самолет в Москву. Успею улететь, пока «они» расчихаются. Билетов заранее не берем, не сезон, места будут перед отправлением.

Но надо подумать, что делать в том случае, если меня уже ищут. Искать меня могут «по морде» и «по паспорту». Добраться до вокзала я смогу — у меня заготовлены усы, очки и шляпа. При продаже билетов будут смотреть только в документ, списывать фамилию и проверять, есть ли у меня в паспорте шенгенская виза. На меня смотреть, скорее всего, не будут. Понадеемся, что фамилию мою в кассу еще не сообщили. «И по морде, и по паспорту» будут проверять на паспортном контроле в Париже, надеюсь, что там про меня еще не знают, да и «на выезд» смотрят менее внимательно, чем «на въезд»... Да, дурацкие рассуждения. Моя фамилия при покупке билетов будет проверена централизованно за несколько секунд, в

кассу не сообщают никаких фамилий. Так что надежда одна, что меня еще не начали искать.

В квартире я все же приклеил себе усы и заметную родинку на правую щеку, надел очки с простыми стеклами и шляпу. Теперь до момента регистрации на поезд я был неуловим. Но все равно надо торопиться, а то мне этот час за пивом с жареной рыбой может дорого обойтись. Был бы я разведчик, сделавший свое дело, я бы исчез, отход мой был бы продуман и обеспечен специалистами. А тут самостоятельность какая-то, драмкружок.

Через час я уже ехал в метро на вокзал. Далее на экспресс — и в Париж.

Из Парижа я послал генералу SMS-ку: «Везу. Надеюсь, серьезно. Надо брать». Он ответил: «Как его возмешь симмунитетом. Вези скорей». Я имел в виду, чтобы начали готовиться, чтобы Сержа, когда он сам прилетит в Москву, покоцали прямо в аэропорту, после прохождения паспортного контроля, чтобы сняли к тому времени с него иммунитет, возможно, чтобы ускорили его возвращение... Ладно, наше дело предложить.

Далее — самолетом в Москву. Долетел без приключений.

В Москве было еще раннее утро, когда я заявился домой из командировки. Попросил у жены: «Вернучик, сначала чаю!» Пока она готовила завтрак, я заснул и проснулся вечером. Жена еще не пришла с работы. Сына не было дома, дочка делала уроки.

— Папа, сейчас я тебя буду кормить, мама все оставила, — сказала моя большая дочь.

— Нет, — ответил я. — Мне нужно на работу.

— Не нужно, — ответила дочь — звонил твой начальник, узнал, что ты спишь, сказал, чтобы не будили, велел завтра с утра — к нему.

— Тогда, корми, — сказал я.

Да, тяжело живется разведчикам, подпольщикам и другим нелегалам. Я одну ночь побыл в их шкуре, потом проспал целый день. Боюсь, что проспал все на свете. Так и получилось.

ПИСЬМА

Писем было десять. Письма вскрыли в соответствии с установленной процедурой. Шесть пришли по почте. Все шесть из банка с извещениями о проведенных платежах за свет, газ и прочее. Одно о поступлении денег на счет. Эти шесть писем передали на экспертизу. Я эти письма только просмотрел, читать внимательно не стал, да и не было возможности читать. Эти письма — для экспертов. Я только взглянул на сумму поступления — 60 000 фунтов. Четыре конверта были без всяких почтовых штампов и без указания отправителя. Письма принес курьер или посыльный и опустил в почтовый ящик в подъезде.

Письмо № 9 оказалось без текста. В конверте лежал пустой лист бумаги. Я его посмотрел на свет и ничего не увидел. Это письмо — тоже для экспертов.

Я взял себе копии трех оставшихся писем (без отправителя, но с текстом). Вот их текст в моем переводе.

Письмо № 7, поздравительное.

«Дорогой Серж!

Поздравляем Вас с русским Рождеством и с русским Новым годом! Будьте счастливы в новом году. Пусть Ваша благородная деятельность способствует расцвету Свободы и Демократии во всем мире, в том числе, и в Вашей родной России. Просим принять наш подарок — кольцо для Вашей жены.

С наилучшими пожеланиями, Ваши друзья».

Колечко-то мне Сара не передала. Ладно, это меня не касается.

Письмо № 8, с выговором.

«Дорогой Серж!

Мы очень довольны нашим сотрудничеством, но вынуждены высказать мнение нашего руководителя, с которым мы солидарны.

Вы достигли высокого общественного положения, Вы имеете возможность влиять на судьбы многих людей. Конечно, на Вашем пути к нынешнему Вашему завидному положению встречались недоброжелатели, которые мешали Вам в достижении Вашей благородной цели.

Просим Вас по-христиански простить их, не вспоминать прошлые обиды, не искать этих людей на бескрайних просторах России, сдерживать свой праведный гнев.

Напоминаем Вам, что наше сотрудничество возможно только до тех пор, пока у Вас совершенно незапятнанная репутация, как сейчас. Любая дискредитирующая Вас информация, которая дойдет до нас, сделает наше сотрудничество невозможным.

С наилучшими пожеланиями, Ваши друзья».

Смотри-ка! И «они» знают, что Гусаров гадит своим обидчикам! Жалко, даты нет. До доноса на Перельмутера это написано или после. Впрочем, какая разница, Серж письмо еще не прочитал. Может не знать, что «они» ему запретили гадить людям. Почаще бы ездил в Лондон, паразит, может и жив был бы Семен Перельмутер! Но Гусаров сачковал: что службу свою государственную прогуливал, что шпионскими обязанностями манкировал.

Письмо № 10, с заданием.

«Дорогой Серж!

В связи с последними событиями, нам было бы желательно, чтобы Вы в разговоре с коллегами высказывали мнение, что России следует разорвать дипломатические отношения с США и Великобританией. Среди Ваших коллег должно создаться впечатление, что в таком разрыве дипломатических отношений нет ничего невероятного и что такой разрыв был бы с радостью воспринят многими гражданами России.

Будет ли внесено такое предложение официально? Это маловероятно, и сейчас не важно для нас.

В разговоре с коллегами просим Вас часто употреблять слово «русофобия», используемое реакционными деятелями для объяснений действий западных стран, а также слово «беспредел», пришедшее из уголовного мира. Если эти слова попадут в текст официальных документов: посланий Президента России, заявлений МИД России, обращений Федерального Собрания, Ваш гонорар будет увеличен на 30 %

С наилучшими пожеланиями, Ваши друзья».

Ну и ну! Хоть стой, хоть падай! Или, как говорил у нас один подполковник юстиции: «То в штаны, то мимо!» Чувствовали мы с генералом, что большую сволочь ловим, но что такую огромную, по-моему, даже генерал не предполагал. Началось с пустяка, с того, что Пострел анонимный донос в архив не направил, а кончилось тем, что нашли агента иностранных спецслужб. Дело, конечно, у нас заберут, но надо будет с контрразведчиков ящик коньяку стребовать на покрытие, так сказать, наших производственных расходов.

Глава 5.

РАСПЛАТА

БЕСЕДЫ С ГЕНЕРАЛОМ. ЖИВЫМ НЕ ВЗЯЛИ

А зря я себя ругал. Как же можно было определить, чем занимается Гусаров, когда он сам этого не знал! Придет ему указание, и на следующий день Гусаров с высокой трибуны начнет требовать, например, чтобы все женщины на государственной службе носили юбки, а не брюки. Будет приводить аргументы: это по-нашему, по-православному: сарафан и платочек, это полезно для женского здоровья, это полезно для мужской потенции. Во всем мире его покажут по телевидению, и весь мир будет смеяться над российским государственным деятелем. Как пел Владимир Высоцкий: «А потом про этот случай растрелят по Би-Би-Си». И западные обыватели легко примут любые санкции против России, в которой орут такие Гусаровы. А восточные владыки будут думать: «Какие глупые вопросы обсуждают в России! Наверное, этих людей несложно обмануть». Как же точно сформулировал генерал: работа Гусарова — дискредитация власти. И взрывать ничего не надо, и яд никому подсыпать не надо, и вообще — ничего конкретного. А то, что он конкретные гадости людям делал, так это он машинально, так Шура Балаганов сумочку в трамвае украл в «Золотом теленке». Машинально! И его работодатели предупредили его письменно, чтобы он гадостей больше не делал, чтобы не произошла «дискредитация дискредитатора». О, новый термин, я обогатил криминалистику! А ведь это не криминалистика, попался-то Серж на связи, как шпион! Хотя, нет, это было уже потом, а сначала Серж на конкретном деле прокололся, на ложном доносе, как Шура Балаганов, на мелкой краже.

На следующий день с утра меня вызвал генерал.
— Помер! — сразу сказал он, как только я вошел.

— Как помер?! — задал я умный вопрос уже во второй раз.

— Поехал кататься на лыжах в Альпы и разбился насмерть на «черной трассе», самой сложной в том месте, — ответил начальник. — Ты кем ни займешься, все помирают.

— Он что, на горных лыжах катался? — спросил я, чтобы хоть что-нибудь сказать.

— Поехали наш судмедэксперт и следователь. И из консульства представитель, чуть ли не сам консул. Как же, государственный деятель разбился! Французы до всего допускают, как будто дело чистое, несчастный случай. И тело отдают.

— А мы что, в смысле, СКР, мы с вами?

— Мы, слава Богу, тут ни при чем. Формально.

На следующий день разговор имел продолжение.

— Моя недоработка, — редкое признание из уст моего начальника. — Надо было одновременно! Пока ты в усах по Европе бегал, надо было в Ниццу послать гонца, Сержа — в мешок, и домой. С законом бы потом разобрались. Куда деваться, если мы

в такую сферу попали. Он бы в мешке повизжал, как поросенок, но был бы жив. Ладно, это для мемуаров. Я тебе этого не говорил. Скажи только кому-нибудь, на меня же и повесят.

— Понятное дело, — пообещал я.

— Все время я на сутки, на двое опаздываю. После твоей SMS-ки руки чесались позвонить. Я бы договорился с контрразведчиками, они такие вещи понимают. Объяснил бы им суть дела. Но, думаю, как? Конверты, полученные незаконным путем, что в конвертах неизвестно, а может, там нет ничего. Привезли бы Сержа в Россию, а предъявить ему нечего. От этого гнилого фрукта вони было бы много. Не стал я звонить. Потом потерял время — пожалел тебя будить, умаялся, думаю, сердечный. Вот так, тут сутки, там полсуток, а человек погиб.

Видно, размышления на эту тему всерьез захватили генерала. На следующий день он опять меня вызвал.

— Думаешь, мы с тобой погубили Сержа? Не думай. Не переживай. Деятельность его нужно было прекратить, это очевидно. Агент иностранной спецслужбы в верхних эшелонах власти — никакое государство не станет терпеть такое безобразие! Письма мы изъяли правильно, хоть и не совсем законно. А если бы ты не подписался под распиской полным титулом, они бы подумали, что наша контрразведка на Сержа вышла. Его бы все равно прикончили, но еще бы пытали перед смертью. Тогда бы нам тело не отдали. А так, пожалуйста, и представителей допустили, и судмедэксперта нашего. Понятно «им» стало, что мы его по уголовному следу нашли, о такой возможности «они» его предупреждали письменно.

— Вы что же, так уверены в насильственной смерти? Ведь никаких следов наши специалисты не

обнаружили. Может быть, несчастный случай, как с Шумахером, — для виду усомнился я. Я сам в несчастный случай не верил.

— У «них» тоже специалисты есть. Отвели на «черную трассу» и умело разбили голову, как будто он сам налетел на дерево. Он больше двадцати лет катался в Альпах, ни разу по «черной трассе» не съезжал. По-моему, он вообще горные лыжи не любил, только ради «тусовки» себя мучил. А тут в одиночку полез на «черную трассу»! Тоже мне, дед-экстремал.

Аргументы генерала, как всегда, были просты и убедительны.

— Ладно, — сказал я. — Как говорил бравый солдат Швейк, ни капельки не жалко.

— Про кого это он так говорил?

— Про Фердинанда.

— Ну, это ты брось. Сразу видно, что ты — не христианин.

— Швейк был добрый католик, христианин.

— Швейк был вне религии, как идиот, внимательней читай классику! — улыбнулся генерал.

ПОХОРОНЫ

— Решили в центре города панихиду не проводить, и правильно решили, ты съезди на кладбище, послушай, что будут говорить, только не влезь опять куда-нибудь. На допросе Сержа мне не удалось посидеть, так хоть ты на его похоронах постоишь, поглядишь и мне потом расскажешь, — сказал мой начальник.

Народу на Троекуровском кладбище было довольно много, панихиду устроили на воздухе, погодные условия позволяли. Выступления были блеклые. Латинское правило велит: «О покойниках — или хоро-

шо, или ничего». Вот ораторы ничего и не говорили. Есть другое латинское правило: «О покойнике — или ничего, или правду». Но это правило менее известно, выступавшие, наверное, его не знали, а если знали, то тоже выбрали из него «ничего».

Вдова сидела напротив гроба на специально принесенном стуле. Лицо у нее было злое, брезгливое и неприступное, как у проворовавшейся чиновницы из Министерства сельского хозяйства.

Пятым или шестым вышел говорить парень лет тридцать пяти с короткой стрижкой. Я его видел несколько раз по телевизору, он часто участвовал в разных скандалах, фамилии его я не помнил. Он встал между гробом и вдовой и начал говорить.

— Сергей Маркович! Стоя над вашей разверстой могилой, я хочу сказать, что в вашем лице мы потеряли замечательного человека, русского патриота, чистую душу, государственного деятеля! Вся наша фракция скорбит... Мы не знаем, какие враждебные силы свели вас в могилу... вернее, не можем узнать. Нам не дают! Это какой-то беспредел! Но не радуйтесь, русофобы! На место Сергея Марковича станут сотни борцов!

«Интересно, через какую Сару ему передали конспект надгробной речи? Вот кого можно спросить, что означает пустой листок в конверте, а то экспертиза молчит до сих пор», — подумал я.

— Выражаем соболезнование Валерии Ростилатовне... — продолжил оратор, обращаясь к вдове. Но вдова вдруг заорала истошным голосом.

— Что он говорит! Ведь Серж из-за этого погиб, из-за них, это гады, мерзавцы, подлецы, предатели... — похоже, вдова кое-что знала. — Прогоните его, скажите, чтобы он замолчал!

На следующий день с утра
меня вызвал генерал. (К стр. 75.)

— Спите спокойно, Сергей Маркович, память о вас навсегда сохранится в наших сердцах, — все же закончил оратор заготовленную речь, и исчез в толпе.

Да, физиономист я плохой. Думал, жена у Сержа — бездушная женщина, а она вон как завопила из глубины души!

Я пошел с кладбища, мне стало скучно. Стриженый парень прав, Сержа есть кем заменить.

Всю жизнь я — сыщик, смею думать, неплохой, поэтому и дело это раскрутил, занимался работой, которую знал и понимал. Кто ж мог подумать, что из дела о ложном доносе получится дело о государственной измене. А тут уже вступают силы, на которые приказ моего генерала действовать по закону не распространяется. Даже мы нарушали закон, а куда деваться, как бы иначе я получил письма, если бы не обманул Сару! На будущее — никаких шпионов, никакой политики. И уголовные дела — не более одного миллиарда рублей. Если преступник украл больше, его в обиду не дадут, не посадят, уж это точно. Если совсем очевидное воровство, то амнистируют по нереабилитирующим обстоятельствам.

Впрочем, что ж это я опять казнюсь?! Я ж не сам влез в дело, так получилось, «step by step», как говорят мои «друзья по переписке» из МИ-6. Обстоятельства сильнее нас.

Надо больше дома бывать, надо больше семьей заниматься, прав Виктор Кузьмич Запрудный! Куплю четыре билета в театр на хороший спектакль и приглашу генерала с женой. Он пойдет. Должны же мы отметить, что выскочили из этого дела живые и без потерь, нас даже со службы не прогнали. А, если генерал не пойдет, я кого-нибудь еще позову.

2014 г.

ОБНАЛИЧКА И ДРУГИЕ ОПЕРАЦИИ

Роман

ПРЕДИСЛОВИЕ

Большинство хороших современных книг посвящено героям давно минувших лет, или людям, живущим в дальних странах, или в будущем, или людям, живущим в России в наше время, но непохожим на наших живых соотечественников, а Россия в этих книгах мало походит на ту страну, которую мы видим и знаем.

В этом состоит особенность литературных произведений нашего времени — по ним нельзя составить верное впечатление о нашей жизни. Постороннему исследователю легче понять советскую жизнь, описанную в книгах, подвергшихся советской цензуре, чем, читая бесцензурные книги современных писателей, разобраться в том, что происходит в России в конце XX, начале XXI века.

Главная причина оторванности литературы от жизни состоит в том, что читателей стало значительно меньше, чем раньше, двадцать-тридцать лет назад. Выросло уже второе нечитающее поколение. Косвенным доказательством малой начитанности граждан бывшей «самой читающей страны» явился провал проекта «Имя России», в котором народ назвал Сталина, как самого популярного и лю-

бимого деятеля русской истории всех времен. Нечитающее население полагает, что при Сталине все честно работали, а в лагерях сидели враги народа. Руководителям проекта пришлось, чтобы не опозориться, «вручную» исправлять Сталина на Александра Невского.

Лишенные массового читательского контроля писатели ведут себя небрежно, пишут, не зная предмета, раздают необоснованные оценки, «списывают» друг у друга, презирают современников и морочат голову им, а, возможно, и потомкам.

А наше время имеет такие черты, которые хорошо бы зафиксировать, отметить, описать. Эти черты исчезнут, тогда потомки не смогут понять истории своей страны и будут повторять наши ошибки.

Одна такая черта состоит в том, что значительная часть хозяйственной жизни России идет тайно, или «как будто тайно», не облагается налогами, не в полной мере контролируется официальной властью. Неофициальная деятельность финансируется неучтенными средствами. Неучтенные деньги имеют название «черный нал». Из этих денег дают взятки, на эти деньги чиновники строят себе дворцы в Подмоскovie и за границей, эти деньги дают «в конвертах» в качестве части зарплаты на предприятиях.

Но на эти деньги построены многие прекрасные общественные здания, выполнены многие необходимые для страны работы, произведены многие научные исследования, воспитаны многие специалисты, потому что сделать что-нибудь официальным путем в России очень трудно, легче договориться, потом достать из кармана деньги и заплатить.

Таким образом, «черный нал» проявляет себя и как «мертвая вода» нашей жизни (питает коррупцию), и как «живая вода», потому что порой создать что-нибудь хорошее можно, только расплатившись «черным налом», тем самым обойдя бюрократические рогатки и высокие налоги.

Для создания «черного нала» работает индустрия перевода денежных средств, существующих в виде чисел на счетах и строчек в различных бюджетах, в пачки денег, лежащие в портфелях или в карманах. Называется эта индустрия «обналичка», и в ней работают реальные люди. О них роман, предлагаемый вашему вниманию.

Помимо обналички есть много других особенностей нашей жизни, которые при всей своей дикости и противозаконности, широко распространены, ежедневны и поэтому кажутся привычными. Нарушения закона, то есть преступления, настолько многочисленны, что большинство нарушающих закон — это обычные люди, потому что, где же столько преступников найдешь! Эти люди так зарабатывают на жизнь.

Когда пишешь о музыкантах, в текст можно вставить ноты. В романе о людях, которые занимаются деньгами, приходится некоторые строки посвящать и самим деньгам. Эти строки похожи на строчки из финансового отчета. Однако автор надеется, что некоторым читателям эти строчки покажутся интересными.

Часть 1.

ОБНАЛИЧКА

СОВЕЩАНИЕ

10 декабря 1992 года, в четверг, в приемной директора научно-исследовательского института, расположенного в центре Москвы, собрались семь человек, вызванных на совещание к директору, в основном начальники. Четверо из этой семерки сидели вдоль стеночки и вполголоса разговаривали между собой, с опаской оглядываясь на Эмму при каждом слове. Если кто-то говорил слишком громко, Эмма, не глядя на нарушителя, чуть поводила круглыми плечами, и крикун сразу понижал голос. Поэтому начальница юридического бюро Евгения Сергеевна, полная красивая женщина, чтобы не шуметь, шептала что-то на ухо своей соседке — главному бухгалтеру института.

Три заместителя директора, тоже вызванные на совещание, не садились, а стояли у окна и неспешно переговаривались, не глядя на остальных. Сразу чувствовалось, что эти трое старше чином, чем сидящие на стульях сотрудники. Но Эмму они тоже боялись, поэтому разговаривали тихо.

Эмма, секретарша Юрия Иннокентьевича, «корпусная» дама лет сорока пяти, восседала за своим

двухтумбовым столом и подшивала документы в папки с таким видом, как будто это она была самой главной в приемной, главнее заместителей. О величии Эммы свидетельствовало и ее рабочее место. Это был не «секретарский закуток», а большая часть приемной с большим письменным столом. Справа от стола Эммы была дверь в кабинет директора, слева — дверь в кабинет главного инженера. Эмма сидела в большом вращающемся кожаном кресле. За спиной Эммы стоял стеллаж с папками, а по обе стороны от стеллажа — два окна приемной. Кроме стеллажа никакой мебели вокруг секретарского стола не было. Прямо напротив стола Эммы находилась дверь в коридор, через которую входили и выходили посетители. По обе стороны от этой двери стояли стулья. Каждый посетитель, чтобы подойти к столу с любой стороны (от входной двери, или от дверей кабинетов, а особенно, от противоположной стены, вставши со стула и еще не до конца распрямив ноги) должен был пройти пару метров по свободному пространству. Преодолевая этот путь к Эмме, посетитель имел возможность проникнуться сознанием ничтожности своего дельца и усомниться, стоит ли беспокоить Эмму из-за пустяка.

По истечении некоторого времени Эмма, не получив никакого явного указания, без звонка или другого сигнала от директора, подняла голову и сказала: «Проходите, можно», — и сотрудники, ожидавшие в приемной, стали заходить в двойную дверь директорского кабинета. Через несколько секунд после последнего, вошедшего к директору приемную пересек главный инженер Борис Сергеевич — из своего кабинета прошел в директорский.

Все расселись, директор поднял голову от бумаг, оглядел присутствующих и сказал в черный аппарат: «Эмма, у меня совещание». После этого поднялся из-за стола, подошел к двери и запер ее на задвижку.

— Итак, начнем, — сказал Юрий Иннокентьевич, снова усевшись в свое кресло. — Здесь собрались представители разных специальностей, сотрудники разного уровня и с разным опытом работы. Присутствуют Борис Сергеевич, мои заместители по режиму, по кадрам, по экономическим вопросам. Руководитель юридической службы, отдела труда и заработной платы и главный бухгалтер. Наряду с опытными работниками я пригласил Артура Артуровича Калмыкова, молодого управленца, пришедшего к нам из университета. При этом на совещании нет технических руководителей, даже главных конструкторов разработок я не вызывал. Нет здесь также представителей общественных организаций... Впрочем, председатель профсоюзного комитета нам, возможно, понадобится, но не на этом этапе.

Директор сделал паузу и обвел всех взглядом. Опытные сотрудники поняли, что директор вполне осознанно не позвал секретаря парткома. Артур же про партком не думал и ожидал, когда кончится вступление, и директор перейдет к сути дела.

Директор продолжил:

— В связи с наставшими переменами в стране наш институт оказался в очень тяжелом положении. Финансирование большинства заказов прекращено или проводится нерегулярно и не в договорных масштабах. Нам скоро нечем будет платить заработную плату, не говоря уже про оплату договоров со смежными организациями. Наши разработки по-прежнему необходимы государству, мало того,

в ближайшем будущем нам разрешат работать с инозаказчиком. Но, чтобы получить деньги от заказчиков, как наших, так и иностранных, нужно время. Мы должны принять программу, которая бы позволила институту продержаться год-два. На мои просьбы в министерстве отвечают предложением сокращать численность работников. Наряду с этим обычным предложением прозвучало и нечто новое. Во-первых, нам разрешат сдавать часть помещений в аренду посторонним организациям. Арендой займутся соответствующие службы, такую задачу я им уже поставил, — директор кивнул на замов по экономике и по режиму. — Во-вторых, нам предложено «оптимизировать налоги». До сих пор мы, не задумываясь, перечисляли положенные платежи в государственный бюджет. Ведь мы сами — бюджетная организация, сами живем за счет налогов. Теперь же налоговые платежи в прежних масштабах стали непосильным бременем для предприятия. Никаких разъяснений термина «оптимизация налогов» мне не дали. Наши экономисты и юристы беспомощно разводят руками, тоже ничего не могут объяснить, — тут директор устремил укоряющий взор на одного, потом перевел глаза на другого участника совещания, на третьего, пока не пронзил взглядом каждого. — Привыкли работать по старинке, не хотите думать! Привыкли жить за счет инженеров и рабочих, да еще смотрите на инженеров свысока. Теперь инженеры нуждаются в вашей помощи и не могут ее получить. Уйдут люди, где мы потом найдем специалистов?!

Директор разгневался, поднялся из-за стола и, опершись руками о столешницу, стал в упор смотреть на заместителя по экономике и на главного

бухгалтера. Выдержав паузу, директор сел, еще помолчал, и произнес:

— Заместителю директора по экономическим вопросам и главному бухгалтеру в течение трех дней подготовить предложение по численности работников своих служб. Вот так!

Названные лица записали по несколько слов на листочках и подняли глаза на директора.

— Мы должны в короткий срок освоить то, что в министерстве назвали «оптимизацией налогов». Это — важнейшая задача, это — предмет совещания, на которое вы приглашены, — продолжил директор. — Далее хочу подчеркнуть, что я со всей ответственностью составил список сотрудников, участвующих в нашем совещании. Прошу вас работать над поставленной задачей только с теми, кого вы здесь видите. Привлечение любого другого человека возможно только по моему разрешению. Учитывая высокий приоритет этой задачи, прошу вас также облегчить взаимодействие, даже в ущерб обычной субординации.

Тут директор посмотрел на Артура Калмыкова, давая понять, что этого молодого специалиста присутствующие здесь начальники должны принимать вне очереди.

— И последнее. Я понимаю, что на какое-то время мы изменим методы оплаты труда и распределения работ. В отличие от прежних простых и понятных методов, новые методы станут, скажем, более сложными и менее привычными. Мы вынуждены так поступать, чтобы спасти предприятие, чтобы сохранить костяк коллектива. Тяжелые времена кончатся, и мы вновь будем делать свое дело — разрабатывать для страны новую технику. Теперь же

мы вынуждены... юлить. Так вот, если кто-нибудь из присутствующих на совещании использует эти временные трудности для личного обогащения, если мне станет известно, что, прокладывая новое русло, кто-то прокопал канал для себя... я этого сотрудника немедленно уволю, невзирая на прошлые заслуги. Или даже инициирую его уголовное преследование...

Произнося эти слова, директор смотрел в стол перед собой. Конечно, угроза прозвучала бы лучше, если бы он гневно оглядывал участников совещания. Но директор пригнул голову, потому что истинный смысл сказанного состоял в следующем. До сего момента Юрий Иннокентьевич самолично распоряжался деньгами предприятия, никого не подпуская к этому важному делу. Он считал, что только он может правильно распределить средства, а остальные непременно не удержатся и стащат. Заместители директора имели разрешение распоряжаться только незначительными суммами, просто курам на смех. И вот теперь директор был вынужден слегка развязать пустую кошелек. Он страдал и боялся воровства. Сейчас воровать было нечего, но он боялся, что украдут те деньги, которые появятся потом.

Слова свои директор относил ко всем присутствующим без исключения. Почти все тоже опустили головы, смутились из солидарности с ощущаемым директорским смущением. Только главный инженер осматривал всех гордым петушиным взором, подчеркивая, что уж его-то никто не уволит, и предупреждение о недопустимости воровства к нему никаким боком не относится. Это они с директором уволят любого, кто проворуется. Заместитель по режиму тоже не опустил голову, как бы говоря

директору: «Не ты меня назначил, не тебе меня и снимать!»

Сделав паузу, директор продолжил свою речь в мажорном ключе.

— В случае успеха нашей работы, если мы сумеем облегчить жизнь предприятия, изыщем средства для сносного существования, все активные участники этого проекта, конечно, будут поощрены. Для этого можно создать специальный фонд.

Думаю, что сейчас высказываться еще рано, задача только поставлена. Но через неделю прошу подготовить ваши соображения. Но строго по профилю руководимых вами служб, не мучайтесь над задачами соседнего подразделения, нечего тут... — директор замялся и опустил глаза, скрывая раздражение от ожидаемого им стремления начальников свалить работу на соседа. — Все, совещание окончено. Вы свободны, товарищи. Артур Артурович, оставайтесь.

Все потихонечку вышли из кабинета.

Артур пересел поближе к директору. Юрий Иннокентьевич дождался, когда они с Артуром остались вдвоем, и повторил для молодого сотрудника все ранее сказанное, чтобы парень выучил постановку задачи наизусть.

— Ситуация сложилась следующая. Наши изделия нужны стране. Сомнений в этом нет, и вы будьте в этом уверены. Причем идет постоянное конкурентное совершенствование наших разработок, без модернизации арсенал быстро устареет, отстанет от зарубежных аналогов. Поэтому нас всегда поддерживало министерство, заказчик, высшее руководство. Однако последние годы поддержка ослабла. Учитывая важность нашей работы, я уверен, что это ослабление — временное явление, финансирование будет

восстановлено. Но это время нам нужно продержаться самим, сохранить костяк института. Нужны деньги, в первую очередь — на зарплату основным сотрудникам и другие жизненно важные расходы. А мы значительную часть денег, которые сейчас с трудом получаем, отправляем назад в казну. Нужно сделать, чтобы у нас оставалось побольше, собственно, предприятие получило на это «добро» в министерстве. Задача серьезная, я опасаясь, что старыми силами мы ее не решим. Я пригласил вас, создал вам режим работы, которого нет ни у одного молодого специалиста. С сегодняшнего дня начинается активная фаза вашей работы. Я надеюсь, что за три месяца вы достаточно ознакомились с юридическими и экономическими основами деятельности предприятия, в частности с налогами и обязательными платежами, которые мы платим. Через неделю, в следующий четверг, я жду от вас сообщения по структуре этих платежей с предложением по возможности уменьшения нагрузки. По каждому платежу мы должны представлять, как сэкономить. На каком уровне требуется согласование. Если, по вашему мнению, согласование вообще не требуется, это тоже можно обсудить. Сейчас такие времена, что работать в белых перчатках не получится. Я вас больше не задерживаю, можете идти. Проникнитесь важностью этой работы. Предупреждаю, что халатного отношения к работе я не потерплю.

ОТВЕТСТВЕННОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Артур вышел из директорского кабинета подавленный, не столько сложностью поставленной задачи, сколько неясностью, непониманием, чего

от него хотят. Предприятие платит в казну то, что платило всегда. Некоторые налоги считают, исходя из фонда зарплаты, некоторые считаются по-другому. На каждый налог есть документ: закон, постановление, решение или инструкция, иногда, очень старые, даже со ссылкой на Совет Народных Комиссаров СССР. От него-то что требуется? Найти какую-нибудь юридическую зававыку, чтобы не платить? Вряд ли это удастся...

Артур окончил университет, неплохо окончил. За год до окончания присмотрел себе первое место работы — страховую компанию, начал туда ходить, сначала — иногда, когда время было, потом — регулярно, раз в неделю, зарплату небольшую получал. Артур собирался после окончания университета там осесть. Отец Артура не возражал против страховой компании, но и восторга не высказывал, слушал рассказы сына о работе и молчал, не вмешивался. В общем, Артур вполне готов был к роли веселого подмастерья в страховой компании. Незадолго до госэкзаменов Артура вдруг вызвал декан Рязанцев и предложил работу на государственном предприятии. Артур воспротивился: «Что, сидеть в каком-нибудь отделе, быть младшим исполнителем, получать задания от старшего исполнителя и управлять только шариковой ручкой? Вы что, Петр Серафимович?!» «Не совсем так, хотя приписаны вы будете к юридическому отделу, который у них называется «юрбюро», — ответил декан. — Вот вам телефон директора, созвонитесь и договоритесь о встрече».

Директор уговорил Артура, пообещав широкие перспективы и собственный исключительный статус молодого человека на предприятии. И, главное,

отец одобрил: «Служба лучше и перспективней!» Придя на предприятие, Артур три месяца читал документы и уходил домой, когда надоедало. А теперь, оказывается, директор хочет сделать из него спасителя своего института!

Все нутро Артура бунтовало против непостижимости этой задачи, мешало радоваться жизни. Ведь все так здорово: он, такой молодой, сидел на таком важном совещании, с такими солидными людьми. Его выделяет директор, сам дает поручения. Отец сказал, что основа успешной работы — иметь дело с первым руководителем. У Артура ореол тайны — никто толком не понимает, зачем его взяли. Взять-то взяли, но теперь директор, похоже, решил за него взяться! Грузит и будто бы грозит.

Размышляя таким образом, Артур прошел по широкому коридору, на лестничной площадке остановился в глубокой задумчивости, замерев перед первой ступенькой лестницы, даже вслух произнес: «Ух, ты, ё!» Только потом ступил на ступеньку, спустился по лестнице с пятого директорского этажа на третий и уселся за стол в своей комнате с табличкой «Юридическое бюро» на двери. Посидев, встал, вскипятил себе чаю и, сидя уже с чаем, молча смотрел перед собой в оцепенении. Таких приступов задумчивости Артур раньше за собой не замечал.

— Что, Артурчик, загрустили? — спросила Евгения Сергеевна, выйдя из своего начальнического закутка в юрбюро. — Убоялись бездны практической стороны управленческой науки?

— Да не пойму, чего он хочет... — вяло ответил Артур.

— Стоп, — сказала Евгения Сергеевна. — Во-первых, не называйте Юрия Иннокентьевича «он»,

а во-вторых, идите к главбуху, посмотрите, как теория сочетается с практикой.

Главный бухгалтер предприятия Галина Валентиновна, крупная тетка в очках, сидела за столом в своем кабинете и беседовала со своей замшей о том, стоит ли ранней весной поливать кипятком смородиновые кусты от «огневки». Когда вошел Артур, хозяйка кабинета пригласила его: «Садитесь, Артур Артурович!» Потом закончила разговор: «Нет, я в этом году, как весна настанет, поеду, полью. Да и соскучилась я по саду. Ну, Ольгуша, иди. У нас тут секретный разговор». Заместительница вышла, Галина Валентиновна с улыбкой посмотрела на Артура и сказала:

— Слушаю вас внимательно...

— Скажите, Галина Валентиновна, как вы определяете налоги и другие обязательные платежи, которые платит наше предприятие? — произнес заученную фразу Артур.

— У нас есть специалисты, которые занимаются каждый своим налогом. На некоторых налогах сидят по несколько человек, — главбух отвечала вежливо и сдержанно — солидная и властная тетя решила подождать и посмотреть, как пойдет разговор, все-таки, мальчишка не простой, директор велел с ним разговаривать.

— А как они определяют размеры платежей, какими документами пользуются?

— Как какими? У нас есть министерские инструкции, циркулярные письма, да много всего, все шкафы заполнены... Если, конечно, несекретные. Секретные — в первом отделе.

— Это ведомственные документы. А законы? Как ваши сотрудники работают с законодательной базой?

— Что-что?

— Ну, как вы отслеживаете новые законы? — не очень уверенно сказал Артур.

— Послушайте, молодой человек. Я — тридцать лет в бухгалтерии, из них пятнадцать лет — главный бухгалтер. За эти годы я ни разу ничего не платила по закону, который в газете прочитала! У меня есть инструкции из главка, по ним мы и работаем. Законы пишутся для министерства. В министерстве целые подразделения разрабатывают инструкции, как эти законы трактовать и применять. В инструкциях, кстати, указывается, на основе какого закона они составлены. А также указано, из какого столбца и из какой строки брать цифру, на что умножать, на что делить, чтобы получился правильный налог.

— Но ведь сейчас так много нового в законодательстве! Инструкции не успевают, наверное!

— Это нас не касается... Бывает, конечно, не успеваем что-то проплатить, или даже вовсе не хотим. Я тогда еду в министерство и договариваюсь. Письмо составляю, Юрию Иннокентьевичу дам подписать, ну, и договариваюсь, как правило.

— Но ведь есть законы, документы прямого применения! А так работать, ну, несовременно, что ли!

— Ах, вот как! А если мы не так поймем эти законы? Что я скажу? Что у нас есть молодой специалист Артур Артурович, который разъяснил, что можно этот налог не платить? Нет уж, у меня больших нарушений ни разу не было, за все отчитывалась, слава Богу! А по вашей прихоти я в тюрьму не сяду и Юрия Иннокентьевича не дам посадить!.. Хотя, конечно, если нет присвоения — не посадят. А я ничего не присваиваю, и вам при-

сваивать не разрешу, — насмешливо сказала главбухша.

Артур никак не ожидал такого противодействия. Он полагал, что состоит в некоем тайном обществе, высочайше призванном, чтобы спасти предприятие от краха. И главный бухгалтер тоже состоит в этом обществе. А между членами общества не может быть никакой борьбы, только взаимопомощь для достижения высокой цели.

Галина Валентиновна полюбовалась смущением Артура и сказала.

— Вообще, скажу вам, Артур, что наше предприятие не приспособлено для рыночной экономики. Мы не сосиски выпускаем и не культиваторы «Крот». Если государству нужна наша продукция, то нас вытащат, и налоги простят, и деньги на зарплату найдут. А уж если не нужна, то, как бы мы с вами ни бегали от налогов, никуда не убежим — закроют лавочку. Конечно, вам директор поручил, занимайтесь, я вам, чем могу, помогу. Но, знаете, ни на какие авантюры я не пойду.

Расстались на том, что бухгалтерша пообещала за два дня подготовить для Артура краткую справку по структуре налогов и по срокам уплаты их в казну, с указанием документа, по которому исчисляется налог.

Таблица с пояснениями, которую дала Артуру на следующий день Галина Валентиновна, не содержала ничего интересного. Никаких путей для выполнения директорского задания эта бумага не открывала. А Артур, хоть и немного, но надеялся на помощь... Что же делать, как же быть?

— Ну, что, Артурчик, как у вас дела? — поинтересовалась Евгения Сергеевна.

— Никак. Вот, Галина Валентиновна бумагу дала. Из нее следует, что все платим правильно, меньше нельзя.

— Нет, с такой бумагой к Юрию Иннокентьевичу идти нельзя... — задумчиво сказала Евгения Сергеевна, внимательно прочитав справку бухгалтерии. — Вы, вот что, оформите эти данные наглядно и красиво, чтобы не стыдно было директору показать. Заодно, пока будете рисовать, сами лучше разберетесь.

Артур удивленно посмотрел на начальницу. «Да, хитрая тетка», — подумал он.

— Что смотрите? С рисованием-черчением у вас как? Ну, я вас пристрою в КБ, там девчонки симпатичные, помогут.

Евгения Сергеевна посмотрела в телефонном справочнике и набрала номер по местному телефону.

— Владимир Васильевич? Здравствуйте. Это — Евгения Сергеевна из юрбюро вас беспокоит. Как вы поживаете? Хочу тебя, Володя, поблагодарить еще раз за сына. Ну да, да. Так вот продолжение есть: твой чертеж у него в институте на стенд повесили, как пример образцового выполнения курсового проекта! И девчонкам твоим, конечно, спасибо! Я опять к тебе с просьбой, Володя. Выдели, пожалуйста, кульман на два-три дня. К тебе подойдет наш новый сотрудник Артур. Нет, нет, не на коне придет и без рыцарей «Круглого стола», ха-ха-ха! Потому что он — не король Артур из Камелота, а Артур Калмыков из Москвы. Ему нужно для доклада Юрию Иннокентьевичу плакат нарисовать, а может, два. Красивые, яркие, наглядные. Хорошо, фломастеры он свои принесет. А ватмана дашь листочек? Ну,

раз вы такие добренькие, то попроси кого-нибудь из твоих конструкторов немножечко ему помочь. Ну, в смысле графики, композиции, подбора цветов. Только за него рисовать не надо — он должен в процессе создания плакатов кое-что осмыслить. Пусть кульман не на самом проходе будет, дело деликатное, поручение директора.

— Все, Артур, я договорилась. — Евгения Сергеевна повернулась к Артуру. — Купите хорошие фломастеры, и завтра с утра идите в корпус «В», на третий этаж. Там спросите бригаду Кучерова.

АРТУР В ГОСТЯХ У КОНСТРУКТОРОВ

— Светлана Всеволодовна, помогите нашему гостю, пожалуйста. Научите с кульманом обращаться, дайте ватмана лист, карандашик, ластик. В общем, курируйте его, — сказал Володя, обращаясь к девушке, стоящей в белом халате за кульманом.

— У меня этой работы нет в плане, — не отрываясь от своего чертежа, сказала Светлана.

— А вы сверх плана.

— Сверх плана не могу, у меня план напряженный.

— Тогда в порядке техучебы, — чувствовалось, что добиться любого пустяка от Светланы непросто. Владимир Васильевич это знал.

— Чему же я тут научусь? — спокойно продолжала возражать Светлана, не отрываясь от работы.

— Вы изучите, какие молодые люди есть в других отделах, — серьезно сказал Володя.

— Всегда вы, Владимир Васильевич, случайно возникшую неприятную работу поручаете мне.

— Уверяю вас, Светлана Всеволодовна, что это только сначала неприятно, а потом очень приятно, даже увлекает.

— Ну что ж, — сказала Светлана, отложила карандаш и вышла из-за кульмана. — Попробуем увлечься.

Артур окинул взглядом появившуюся перед ним девушку в белом халате и отнес ее по двоичной шкале «годится — не годится» к категории «не годится». Конечно, Светлана не годилась для этого балованного мальчика из хорошей семьи.

Светлана была, что называется, плохо скроена, да крепко сшита. Невысокая, с широкими плечами, короткой шеей, с низкой талией и кривоватыми ногами, что плохо скрывал белый халат «миди». Лицо прямоугольное, прямой рот с опущенными углами, прямые брови, прищуренные глаза, белая кожа, русые волосы, забранные сзади в пучок.

Но весь облик Светланы излучал такую верность и надежность, такую силу и преданность, что счастлив был бы тот мужчина, который бы захотел прожить жизнь с этой недоверчивой девушкой. Этот умный мужчина получил бы преданную жену и верного друга и помощника, каких поискать. С одним лишь условием. Нужно было бы согласиться на любое свое предложение получать первоначально: «А ты не врешь?» Если удастся объяснить, что не врешь, то можно делать, что хошь, потому что Света не подведет.

Некрасивые девушки из бедных семей, занимающие незаметные должности, — травинки на поляне московского рынка труда, как тяжело вам пробиться в жизни! По вам ударил вихрь перестройки, он ис-

сушил вас, но не стронул с места. Вы остались там, где были, приросшие к своему месту, как корнями, привычкой, робостью, дипломом инженера, больной мамой. Перестройка перевела вас из привычной бедности в непривычную нищету, когда есть было нечего и больную маму не на что было лечить. Теперь, ко второму десятилетию XXI века, вы вернулись к бедности от нищеты, сидя за тем же кульманом и выполняя ту же работу. Потому что уметь работать и уметь искать другую работу — это совсем разные умения. Но теперь вам уже сорок, или пятьдесят, или больше, и вас время от времени пытаются сократить или выгнать на пенсию, а потом на предприятии появляется заказ, новая работа, и вас оставляют, потому что выполнять заказ, работать за кульманом, кому-то надо. Но сокровища вашей души, ваше мастерство, ваша экономность и самоотверженность никому оказались не нужны. Потому что начальник — молодой дурак и случайный человек в профессии или старый бездушный карьерист, муж, если он есть, пьяница или жадина, дети, если они есть, испорчены бабушкой, а самой их растить было некогда, нужно было семью кормить.

Светлана быстро поняла, что нужно Артуру для работы. Дала карандаши, ластик, показала, как пользоваться кульманом, и вернулась к своей работе. Время от времени она спрашивала Артура: «Ну как? Получается?» — и подходила посмотреть, как получается. Велела сделать рамку на плакате, тогда лучше будет смотреться, подсказала, как расположить диаграммы, потом посоветовала, какими цветами рисовать.

Около 12 часов Светлана сказала:

— Через 15 минут — обед. Пойдешь к белорусам?

— К кому? — не понял Артур.

— Тут у Белорусского вокзала стоят минчане, продукты продают, а мы покупаем, — объяснила Светлана.

— Пойду, — Артуру показалось неудобным отказываться. Ведь придется еще обращаться к Свете.

— А тебя выпустят? У тебя когда обеденный перерыв?

— Выпустят, — сказал Артур. — У меня «свободный проход».

— Ух, ты! У нас даже у Володи нет «свободного прохода»!

В самом начале первого все конструкторы оделись и направились к проходной, чтобы минут за пять до начала перерыва, когда «уже выпускают», выйти на улицу.

Улица, идущая от Белорусского вокзала к Пресне, называется Грузинский вал. На этой улице, вблизи станции метро «Белорусская-кольцевая» много лет работал цветочный рынок. В любое время дня и ночи там можно было купить цветы. Конечно, дорого, как тогда говорили, «у спекулянтов». Но ведь можно было купить! А в магазинах «Цветы» нельзя было. Там часто не было вообще никаких цветов, о чем извещала табличка «Срезанных цветов нет». А цветы были иногда очень нужны. Вот нуждающиеся в цветах и ехали со всей Москвы к Белорусскому вокзалу. Об этом рынке знали все. Помню, как одна важная дама, пришедшая на юбилей без цветов, говорила другим гостям томным голосом: «Ах! Где вы достали цветы?!» — и гостям было неудобно слушать такое фальшивое оправдание, потому что все знали, где можно «достать» цветы.

В определенный период цветочный рынок сильно потеснился и дал место пассажирам поезда «Минск—Москва». Минчане вечером покупали в магазинах столицы нового независимого государства Беларусь мясо, колбасу, сметану, творог, а утром следующего дня перепродавали все это москвичам. Ни о каких санитарных нормах и правилах речи не было. Покупатели смотрели, нюхали и покупали.

Светлана шла вдоль правого ряда, ближнего к мостовой, за ней Артур, за ним следующий покупатель. Такая же непрерывная цепочка покупателей двигалась навстречу, от Белорусского вокзала, мимо левой шеренги продавцов. Из-за этого рассмотреть, чем торгуют дальние продавцы в левом по ходу ряду, было трудно. Но все-таки некоторым это удавалось. Тогда, заметив что-нибудь полезное, покупатель кидался из своей цепочки в противоположную, оставляя прореху в своей цепи. Покупатели — обычные москвичи, работники окрестных предприятий. Продавцы — совсем не были похожи на колхозников или профессиональных торговцев с рынков. Тоже обычные городские служащие, которые оформили отгул, купили после работы продукты в магазине в Минске, сели в московский поезд. Сейчас они продадут свои продукты москвичам, обменяют вырученные рубли на доллары, а вечером тем же поездом вернутся в Минск, и сразу на работу. Продавалось самое обычное: куски мяса, молоко, творог, сыр, сметана, колбаса.

Направляясь на рынок вместе со Светой, Артур думал, почему она его позвала. Что ж, девушка им заинтересовалась. Но представляет ли она для него интерес, короче, стоит ли ею заняться? Вроде, сна-

чала она показалась Артуру не очень... Теперь же, раз пригласила, раз сама навстречу идет, может, и ничего?..

Увиденное на рынке увлекло Артура. Две бредущие навстречу одна другой ленты бедных покупателей и две шеренги бедных продавцов, обычное продовольствие, к которому здесь относились так внимательно. Света стала проводником, экскурсоводом, помогающим Артуру посмотреть этот необычный спектакль.

Светлана купила, что хотела, сказала Артуру: «Все, пойдем!» — и они повернули к предприятию.

Пройдя проходную, Артур и Светлана разошлись — девушка поспешила к себе, чтобы положить купленные продукты в холодильник до вечера. А Артур направился к себе в юрбюро, посидеть и подумать, что бы еще нарисовать на больших листах ватмана.

АРТУР КАЛМЫКОВ

Раньше Артур плохо представлял себе, откуда у него дома берутся харчи. Периодически он видел, как мать писала или диктовала горничной список продуктов. Однажды новая горничная сказала: «Маргарита Николаевна, можно я полкило красной рыбки для себя впишу?» Мать ответила: «А что у тебя?» — «Да вот, сестра с мужем приезжают...» — «Ладно, — разрешила мать. — Но ты понимаешь, паек всего 150 рублей...» «Я деньги отдам!» — воскликнула горничная. «Ты не поняла», — сказала мать и продолжала диктовать. Артур тогда тоже ничего не понял, понял только, что мама хорошо по-

ступила, помогла горничной, хоть та и работала у них на даче недавно. Потом уже, в университете, во второй половине 80-х, когда стали много говорить, один студент-демократ обличал номенклатурных работников, которые семидесятирублевым кремлевским пайком кормили большие семьи экологически чистыми продуктами по ценам 28-го года. Тогда всплыл в памяти тот разговор матери с горничной, и дошел его смысл. Мать не только давала возможность горничной купить деликатесную рыбку, которую в магазине не купишь, да еще по низкой цене, но и за счет своей семьи, которая сверх положенных 150 рублей не могла заказывать.

На первом курсе университета собрались у одной девчонки, почти вся группа. Кинулись готовить стол: кто столы двигает, кто режет, кто картошку чистит. Артур бродил, не зная, чем заняться. Вдруг хозяйка квартиры вскрикнула: «Ой, девочки, хлеба нет! Артур, сходи за хлебом! Деньги есть? Булочная — налево, за углом» Деньги у Артура были, и возможность поучаствовать в общей работе обрадовала. Он вышел на улицу и растерялся. О возможности купить нечто съедобное в магазине он знал только теоретически. В свои 17 лет Артур ни разу ничего съестного не покупал в магазине. Вообще-то в семье иногда говорили о «снабжении населения продуктами питания», о дефиците, о нехватках, о закупке продовольствия за рубежом. Но при этом угадывалось, что разговор идет о посторонних людях и о малопригодной пище, потому что он и его родители — не «население», а их еда — не «продукты питания».

В тот раз Артур справился с задачей, купил хлеба, всего один раз узнав дорогу у прохожего. Потом

уже привык, не боялся магазинов, даже знал, что можно купить, а чего — нельзя. Научился отличать то, что покупают, от того, что достают. Про кремлевский паек помалкивал. С детства стал понимать, что не все следует говорить.

У него дома за столом гости рассказывали про успехи на разных участках советской жизни. Кто-то вернулся из командировки в Тынду и говорил, с каким удовольствием вручал правительственные награды и талоны на дубленки строителям БАМа. Другой рассказывал о сложной и ответственной службе в посольстве СССР в далекой стране. Артур слушал, затаив дыхание, и наполнялся гордостью за свою великую державу. Никогда не говорили о бытовых трудностях, о продуктах, не обсуждали, что дешево, что дорого.

ПЕРВЫЙ ДОКЛАД

За три дня Артур нарисовал два отличных плаката. На ватмане были круги с разноцветными секторами, лестницы гистограмм, черные и красные стрелки и таблица с выводами и рекомендациями.

В назначенный день он пришел к директору, был довольно быстро принят и приступил к докладу. Отбарабанив за пять минут подготовленный текст, Артур сказал: «У меня все!» — и замолчал.

Директор прослушал Артурову речь, опустил голову и посидел, размышляя.

— Какой же вывод из вашего доклада, какие пути вы наметили? Вывод один: все, что мы платим в качестве налогов, мы платим правильно, и сделать ничего нельзя?

— Ну не совсем так... Вот здесь показано, что вот это можно не платить, и это тоже. Во всяком случае, есть основания попросить о льготе. Пока будут разбираться, время пройдет, положение предприятия, возможно, поправится...

Директор молчал, рассматривал плакаты. Потом сказал:

— Шаг сомнительный, к тому же, малоэффективный. Если мы сделаем этот шаг, то сколько мы сможем сэкономить?

— Ну, вот здесь 10 %, но с учетом... Ну в общем, процентов 8 % от фонда заработной платы...

— Такая экономия нас не устроит... Ладно, давайте подойдем по-другому. Скажите, сколько денег должно получить предприятие, чтобы мы могли заплатить работнику один рубль?

— Как это, не понял?.. — промямлил в ответ Артур.

— Что вы не поняли? Ведь это самое главное! Мы получаем деньги из казны, а большую часть отсылаем назад в казну. Поступать таким образом мы сейчас уже не можем — денег нет. Ваша задача в этом разобраться. А вы не смогли ответить на простой вопрос. Это основополагающий вопрос! Идите. Первый доклад вы провалили. Плакаты свои вечером заберете у Эммы.

Артур вышел от директора в том же настроении, что и в прошлый раз. Полное недоумение. Что же ему нужно?! Вроде подготовил, да не то! Чего же директор хочет?! Плакаты он оставил у себя, значит, не такие уж пустые плакаты!

Вернувшись к себе в глубокой задумчивости, Артур заварил чаю и уселся за свой стол, глядя в одну точку. И снова, как в тот раз, из своего закутка выглянула Евгения Сергеевна. Ничего не сказав Ар-

туру, она поманила его к себе. Когда Артур подсел к столу начальницы, Евгения Сергеевна закрыла дверь в свой кабинетик и с сочувствием спросила: «Ну, как?»

Прослушав рассказ Артура, Евгения Сергеевна задумалась, потом сказала.

— Ну, с цифрами вы разберетесь. То, что Юрий Иннокентьевич оставил плакаты у себя, это — хорошо. Будет смотреть. Подготовьтесь к вопросам по плакатам. Но это все не главное. Главное, что вы от него довольно быстро выскочили. Похоже, есть у директора какое-то решение, но говорить, поручать вам что-либо определенное он не хочет. Ждет, пока вы ему сами предложите. Есть у него такое обыкновение, я с этим сталкивалась уже. «Разгром» Фадеева читали? Нет? Ну, ладно. Так там тоже командир партизанского отряда Левинсон проводил свой план, как план партизана Метелицы, как будто не командир план предложил, а Метелица. Никого из них не знаете? Они тут, недалеко от нас, на Миусской площади стоят: и Фадеев, и Левинсон, и Метелица — памятник такой... Так вот, не переживайте, но и не расслабляйтесь, ищите ответы на поставленные вопросы, работайте.

Совсем не представляя, что делать дальше, Артур пошел бродить по коридорам. Знакомых у него на предприятии не было, да и не велено было ни с кем обсуждать... И Артур пошел к Светлане.

— Вот, отчитался по нашим плакатам, — сказал Артур Свете, после того как поздоровался со всеми и прошел за бывший свой кулман.

— Поздравляю! — сказала девушка.

— Особенно не с чем поздравлять — директор сказал, что я доклад провалил.

— Ух ты! Небось врешь, преувеличиваешь?

— Нет, правда, так и сказал. Но плакаты у себя до вечера оставил. Так что плакаты наши ничего получились. И при таких плакатах — такие результаты!

— Ах ты, бедненький, — искренне пожалела Артура Света. — Чем же тебя утешить?

— Можешь утешить! — осенило Артура. — Решить задачу по алгебре!

— У тебя что, брат — двоечник?

— Нет, я серьезно. Вот, смотри, работник получает рубль. Но с этого рубля нужно уплатить подоходный налог, профсоюзный взнос, в пенсионный фонд, медицину, налог на добавленную стоимость, транспортный налог и другое всякое, накладные расходы и прочее. Я понимаю, что решить можно, только не представляю, как взяться!

— Ах ты, гуманитарий малограмотный! Ведь это просто, нужно только ставки налогов знать. У тебя эскиз первого плаката остался? Давай мне эскиз с цифрами, я тебе сделаю.

Через час Артур получил от Светланы аккуратную оформленную задачу. Решение было расписано по действиям, и к каждому действию имелось примечание. Оказалось, что, если не платить за помещение, за электричество, за охрану, не покупать никаких деталей, то за каждый рубль в кармане работника предприятие должно было уплатить еще рубль всяких налогов. А ведь без электричества нельзя, и без помещения, и без отопления! Директорская забота об экономии стала более понятна. Действительно, сколько ни выбивай деньги, а большую часть придется — фу — отдать. «Да, толковая девушка — Света», — подумал Артур.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

— Слушай, Артур! Приходи завтра к нам.

— Приду...

— Нет, ты не понял. Я тебя приглашаю к нам официально, у нас будет маленький междусобойчик... В общем, у меня день рождения, и я тебя приглашаю.

— Спасибо, приду, — Артур обрадовался, он уже думал, как бы отблагодарить эту девушку за помощь, а тут такая возможность. Вопрос, что подарить знакомой девушке, был решен надолго вперед: мать Артура привезла из-за границы два десятка ниточек речного жемчуга специально для раздачи знакомым. Попросить у мамы ниточку — и готово дело. В Москве конца 1992 года ниточка из маленьких кривых жемчужин, напоминающих молочные зубы, была шикарным подарком.

— Приходи к началу «обеда», мы быстренько все приготовим, и сядем, — уточнила Света. «Обед», то есть обеденный перерыв начинался у всех подразделений по-разному, но ведь Артур провел у них несколько дней, знал, когда у них «обед», поэтому Света не сказала время.

На следующий день Артур пришел с букетиком хризантем, купленных по дороге на работу. В бригаде шла предпраздничная суета. Девушки накрывали три сдвинутых вместе письменных стола бумагой от печатающего устройства АЦПУ-128. Эту бумагу в качестве скатерти использовала вся страна. Парни играли в нарды, Владимир Васильевич работал за своим компьютером. На двух электрических плитках булькали кастрюли с картошкой.

Светлана в уголке чистила на газете селедку. Подняла глаза на подошедшего Артура, посмотрела на хризантемы, сказала: «Какая прелесть, спасибо! Девчонки, поставьте цветы в вазу!» — и снова занялась селедкой. Подскочила девушка-конструктор и забрала букет. Слегка обиженный недостаточным вниманием к своей персоне, Артур решил жемчуг сейчас не вручать, подождать более подходящего момента. Подумав, куда себя деть: подойти к ребятам с нардами или помочь девушкам, Артур подсел к Свете и стал смотреть, как она чистит селедку. Большая фаянсовая селедочница была заполнена наполовину. Светлана взяла вторую селедку, острым ножом отрезала голову, надсекла рыбку вдоль спинки, подцепила и сняла кожу сначала с одной стороны, потом с другой, сделала разрез вдоль спинки глубже и расплостовала селедку. Такой разделки Артур раньше не видел.

— Здорово у тебя получается, ловко! — сказал Артур.

Света улыбнулась Артуру и продолжила занятие. Выбрала внутренности, аккуратно отделила икру, соскребла черную пленку, отделила хребет с хвостом, сполоснула тушку в миске с водой, отрезала две полоски — балык, потом обработала третью полоску, живот селедки — тешу, оторвала от нее плавники, поскребла снаружи, чтобы не осталось чешуек, плавничков и прочего несъедобного.

Все отходы Светлана завернула в газету и выбросила в урну с картофельными очистками. Потянув к себе чистый газетный листок, положила его на кухонную досочку и быстро-быстро нарезала приготовленную селедку на кусочки. Поддев линейку селедочных кусочков ножом, Света перенесла ее в

селедочницу и аккуратно скинула одним движением ножа.

— Смотри, в газете тоже налогами занимаются! — сказала Света.

— Где, покажи, — откликнулся Артур и потянулся к газете в селедочных пятнах.

— Не бери эту, запачканную! Такие объявления в каждой «Экстра-М», — Света назвала газету, которую бесплатно засовывали во все почтовые ящики Москвы. В основном листы газеты использовались москвичами на хозяйственные нужды — что-нибудь завернуть, подложить куда-то, а потом выкинуть. Светлана указала на стопку газет, которую принесли специально для этого. Артур взял одну и отложил. «Какая толковая девка!» — очередной раз подумал Артур.

К концу обеденного перерыва справились с подготовкой и уселись за стол. На столе стояла дымящаяся картошка, селедка, домашние соленья, вареная колбаса, купленная у белорусов. Отдельно на небольшой тарелочке разместили главный деликатес — тонко порезанную «Брауншвейгскую» колбасу. Этот сорт копченой колбасы без очереди продавался на Тишинском рынке в маленьком магазинчике, но стоил безумно дорого.

Такую вкусную картошку Артур ел только раз в жизни, прошлым летом — мать привезла с Кипра бумажный пакет и вынула из него три крупных продолговатых клубня. Картошку тогда сварили «в мундире» и лакомились ею, как неведомым заморским фруктом. А эта вкуснейшая картошка была выращена лично самой именинницей на собственном участке по Дмитровскому направлению! Ура! За здоровье Светланы, картофелевода-мичуринца!

Пили водку, потом Володя достал из сейфа казенный спирт, и мужчины добавляли спиртом, причем двое не разбавляли. Но никто сильно не напился, некоторые даже говорили, что сегодня хотят еще поработать. Только ходить в другие подразделения Володя запретил.

Светлане прочитали поздравительную оду легкомысленного содержания. Как и во всех трудовых коллективах, в конструкторской бригаде поздравительное стихотворение, обращение к незамужней девушке, было несколько фривольное, призывающее девушку к замужеству:

*Наша Света — как конфета.
Нам сегодня двадцать пять.
Вместе означает это:
Скоро свадьбу нам играть!*

Такое вмешательство в личную жизнь, всеобщая осведомленность обо всех, даже крошечных событиях в чужой семье, свободный треп о сокровенном удивили Артура еще тогда, когда он сидел у конструкторов несколько дней подряд. Теперь сотрудники подвыпили, — и понеслось! Лезли во все. На застольях дома Артур такого не замечал. Знакомые родителей не были столь откровенны, соблюдали границы между семейным, дружеским и официальным. Да и опасались друг друга, что ли... Студенты в группе тоже особенно не трепались: расскажешь лишнее, а потом собеседник, который тебя так доброжелательно слушал, тебе же твоими же рассказами — и по глазам! Отец объяснил Артуру, что излишняя откровенность — отнюдь не аристократическая черта.

Жемчужная ниточка, преподнесенная Артуром, вызвала восторг. Все девушки примеряли нитку перед зеркалом, парни смотрели на примерку и молчали.

Потихоньку, полегоньку, а время было — третий час, гуляли уже в рабочее время, нарушали трудовую дисциплину. Девушки стали разбирать посуду, парни — раздвигать столы. Посуду расставили по стопкам: одна — своя, вторая — из соседней бригады, надо помыть и отдать, третью, довольно большую, имениннице предстояло отнести домой.

— Неохота тащить... — жалобно сказала Светлана, подняла глаза на Артура и сразу опустила.

— А ты сегодня понесешь? — спросил Артур.

— Нет, сегодня надо скорей домой. Дома родители ждут, волнуются, как прошло. Им все казалось, что чего-нибудь не хватит: или водки, или закуски. Ну, и с родителями сегодня слегка отметим. Сегодня только подарки возьму. А в понедельник посуду понесу, — с улыбкой сказала Света. Жемчужная ниточка светилась у нее на шее.

— А можно тебе помочь? В понедельник я могу, а сегодня — есть дела вечером, — предложил свои услуги Артур. Светлана радостно согласилась.

Артур забрал газету «Экстра-М», попрощался и ушел к себе в юрбюро.

Сидя у себя, Артур разложил на столе толстую газету. Четыре первых полосы газеты занимали маленькие, размером со спичечный коробок объявления, объединенные рубрикой «Финансовые услуги». Текст объявлений был как будто кодированный, непонятный простому читателю, который взял газету, чтобы найти себе одежду, обувь или другой товар получше, подешевле и поближе к дому. В объявлениях значилось: «Оптимизация налогов. Консульта-

ции и практическая помощь», «Договоры подряда», «Доверительные финансовые операции. Любые договора. 6 %», «Обналичка 108 %». Ничего не поняв, Артур сунул газету во внутренний карман пальто, висящего на вешалке, и решил разбираться завтра дома, на трезвую голову.

В субботу на даче Артур снова читал эти объявления и старался понять, что же в них написано. Звонил по указанным в объявлениях телефонам, в первую очередь туда, где обещали консультации. По некоторым телефонам отвечали, несмотря на выходной день, но разговор кончался просьбой перезвонить в понедельник. Голос в телефоне пугался вопросов Артура и его неосведомленности в предмете. Голос готов был отвечать только на определенный набор вопросов. Артур плюнул, и отложил дело до понедельника.

КАТУАР

Понедельник прошел в телефонных звонках. Звонить было непросто, приходилось выбирать момент, когда все сотрудники уходили из комнаты. Разговаривать о таком неясном деле, оглядываясь на соседа, у Артура не получалось, к тому же конфиденциальность требовалось соблюдать. А на том конце провода «напрягались» от эканья и мэканья. Артур это чувствовал. Несколько раз звонил из закутка Евгении Сергеевны, но оттуда было хорошо слышно по всей комнате. Эх, надо было не ездить на работу, а обзванивать эти конторы из дома! В общем, первая половина дня прошла довольно нервно, главное — впустую.

После обеда позвонила Светлана.

— Ну, как? Поможешь дотащить, не передумал?

— Конечно, конечно, — ответил Артур. — Когда зайти?

Встретились, прошли с сумками через проходную, и пошли к Белорусскому вокзалу. Мимо кольцевого метро, мимо вокзала, за радиальным метро повернули налево и по узкому проходу вышли на платформу, около которой останавливалась сквозная электричка, идущая сначала по Москве к Савеловскому вокзалу, а дальше — по Савеловскому направлению. Вдоль Бутырского вала электричка ехала очень медленно, медленнее троллейбуса 18-го маршрута — два или три троллейбуса обогнали поезд. Потом, еще медленнее, электричка стучала колесами по паутине рельсов, выводящих к Савеловскому вокзалу. Доползли до крайней платформы Савеловского вокзала, опять долго стояли с открытыми дверями.

— Ты каждый день так едешь? — в наиболее тоскливую минуту ожидания спросил Артур.

— Конечно. На городском транспорте получается дольше и дороже. Только суета, пересадки, перебежки, поэтому не так скучно, — ответила Светлана. — Но я читаю, если сесть удастся и если какая-нибудь бабка с сумками надо мной не повиснет, чтобы место уступила. А ты как едешь на работу?

Упоминание о том, что при выборе транспорта от дома до работы может учитываться стоимость проезда, удивило Артура. Ведь билеты такие дешевые, пятак.

— Мы сейчас тоже за городом, на даче живем. Отец меня до метро подбрасывает на машине, а там — на метро. Если в город вернемся, то пешком буду ходить — мы на Большой Бронной живем, не-

далеко от Пушкинской площади. За полчаса до работы дохожу без напряжения.

— Здорово, центр Москвы!

— Иду по Малой Бронной, потом пересекаю Садовое кольцо, потом по улице Красина — и на Тишинку.

— Я знаю, я так в «Театр на Малой Бронной» ходила с работы.

Молодые люди вели легкую беседу, поезд бежал вдоль Дмитровского шоссе, потом углубился в промзону, потом опять появились жилые кварталы с «промзоновским» названием «Керамический проезд», проехали Лианозово, деревню в Москве, пересекли Дмитровское шоссе, на минуту остановились у платформы Марк. И Лианозов, и Марк, и Катуар — крупные буржуи, но платформы не переименовывались, так и назывались всегда. Выехали из Москвы, проехали Новодачную и Догнопрудный, где из поезда вышли студенты Московского физтеха. Дотряслись до Лобни, а вот и Катуар, пора выходить! Да, долго...

Зато от станции было недалеко. Вдоль переуллка стояли в ряд несколько двухэтажных восьмиквартирных домов с палисадниками. С одной стороны — два подъезда и с другой — два, по две квартиры в подъезде. Поднялись на второй этаж, Светлана открыла ключом дверь, и они вошли в квартиру.

ДОМ СВЕТЛАНЫ

За тридцать лет до этого дня, в начале 60-х годов, некоторые ведомства построили дома для своих работников силами самих работников. Сначала

профком принимал решение о предоставлении работнику квартиры в будущем доме, как остро нуждающемуся в улучшении жилищных условий. На основании этого решения, подписанного директором, секретарем парткома и председателем профкома, человек переставал ходить на службу на предприятие, а ходил на стройку своего будущего дома. Железнодорожники, авиаторы, химики, машиностроители на несколько месяцев становились строителями. Конечно, проекты были простенькие и дешевые, квартирки маленькие, тесные. Полы были дощатые, совмещенные санузлы красили масляной краской, и помещались в них только ванна и унитаз (на раковину места не было, руки мыли, пуская воду в ванну), кухни имели площадь метра четыре. Но все это были мелочи по сравнению с шикарной перспективой получить отдельную квартиру!

В такую квартиру, построенную отцом, привела Светлана Артура. Когда-то здесь жили родители Светы, ее брат, ее бабушка. Всего въехало в двухкомнатную квартирку четверо. Потом родилась Светлана, и стало пятеро. Теперь остались трое — Света с родителями. У Светы была своя маленькая комната, дальняя, она ее называла «светелкой». А родители спали в проходной «большой» комнате, площадью метров 15. Историю своей квартиры Светлана рассказала Артуру по дороге. Немного волновалась — кто знает, как воспримет московский пижон ее убогое жилище. К ней-то самой Артур, похоже, привык, к тому же «зауважал». Но не помешает ли плохое впечатление от квартиры ее задумке? Вот Светлана и рассказала историю квартиры, объяснила, что этой жалкой квартирой можно гордиться.

Войдя в дверь, Артур почувствовал запах старого жилья и спертый воздух закупоренной квартиры.

— Кто дома? — спросил Артур. Вдвоем с девушкой в пустой квартире — парень насторожился, так охотничья собака замирает и поднимает переднюю лапу, почуяв дичь.

— Никого. Родители уехали на дачу, вернутся завтра, а то и послезавтра.

В теснейшей прихожей даже стоять вдвоем было тесно, тем более — с сумками. Света одной ногой шагнула в кухню и поставила на пол сумки, по одной передавая их из руки в руку. Освободившись от сумок, и освободив Артура, шагнула назад. На полу кухни остался след от сапога.

— Потом подотру, — сказала Света. — Уф! Приехали. Раздевайся!

Светлана, стоя спиной к Артуру, расстегнула шубку.

— Разрешите за вами поухаживать, — Артур взялся двумя руками за шубу, на мгновение замешкался, а потом раскрыл ладони, схватил девушку за плечи через шубу, привлек к себе и стал ждать, что будет.

Светлана замерла на секунду и подалась назад, навстречу Артуру, прижалась к нему спиной. Артур притянул девушку сильнее к себе. Светлана неожиданно для Артура скинула его руки, крутанулась, повернулась к нему лицом и в распахнутой шубе кинулась к нему в объятия.

Артур скинул с себя пальто, шуба сама как-то сползла с девушки и легла кучей под ноги, на его пальто. Парочка вместе перешагнула через эту кучу.

Артур скинул с себя пальто, шуба сама как-то сползла с девушки и легла кучей под ноги, на его пальто. (К стр. 120.)

Они целовались и обнимались, потихоньку перемещаясь из прихожей через проходную комнату в «светелку». В маленькой комнате оба уселись на Светину кровать, с утра застеленную белоснежным крахмальным бельем.

Артур раздевал Светлану, а она послушно вставала, садилась, поднимала руки. Оставшись совсем голой, вдруг всполошилась, босая побежала в ванную: «Ой! Ты не сумеешь!», и зажгла там газовую колонку. Он посидел немного на кровати, потом разделся догола и пришлепал к ней в ванную, а потом они улеглись вместе на Светину девичью постель.

Артур почувствовал сопротивление. Света вскрикнула слегка, а дальше все было обычно, привычно для Артура.

— Теперь я такая же, как все... — сказала Света.

— Ты что, девственница? — спросил Артур.

— Уже нет... — ответила Света.

— А почему не предупредила?

— Не бойся, тебе за это ничего не будет...

— Да я и не боюсь, ты что говоришь?! — Артур старался выглядеть настоящим мужчиной, хотя разрушенное им девство Светланы его сначала беспокоило, а обещание, что «ему за это ничего не будет», и вправду, успокоило.

Артур полежал немного и решил, что нужно сказать что-нибудь, приличествующее моменту.

— Ты — молодец. Я очень рад, что ты меня дождалась...

— Давно пора было от этого сокровища избавиться. У нас все девчонки еще в школе попробовали, последние — в институте. Я — самая отстающая... Девушка в двадцать пять лет, ха-ха-ха...

«А она — ничего, с характером, и не приставучая. Можно и... покуривать ее некоторое время», — размышлял Артур, лежа рядом со Светланой.

— Тебе, что, совсем не понравилось? — спросил Артур.

— А чему тут нравиться? — с недоумением спросила Света.

— Я тебе обещаю объяснить, что тут хорошего, только не репись... — Артур еще ближе придвинулся к Светлане.

— «Не репись»? Что это такое? — спросила Света и не отстранилась.

— Не будь колючей, как репейник, не репись. Песенка такая была старая. В ней самые известные слова — «До чего ж ты хороша, сероглазая, как чиста твоя душа, понял сразу я...», и есть строчка «Не репись, придусь лучше всех!» — говорил Артур, глядя Светлану по животику.

— Что-то я не помню этих слов... песню слышала, но там не так... — Светлана лежала, вытянувшись, положив ладони на грудь и глядя в потолок.

— Сначала было так, как я сказал, а потом, когда песня стала популярной, строчку заменили, чтобы местными словечками «репись» и «придусь» слушателей не смущать. Стали петь: «В мире ты, клянусь, лучше всех».

— А ты, смотрю, знаток советской песни...

— А еще чего я знаток? — игриво спросил Артур и стал своей рукой отжимать Светин локоть, прикрывающий путь к груди.

— Не знаю, чего, — сказала Светлана, сопротивляясь. — Не лезь!

— Как это не лезь? Полезу, и даже очень, — продолжал Артур. — Раз я — ваш первый мужчина, из-

вольте быть со мной поласковой! Я жажду любовных утех!

— Любовных утех без любви не получится... Я Володю люблю... — грустно и решительно сказала Света.

Артур прекратил борьбу с ее рукой и лег на спину рядом со Светланой: «Да, тяжелая девка, все усложняет, на пустом месте разводит такие туры на колесах! Зачем она это говорит? Обидно все-таки. Сама, не Бог весть что, а меня унижает. Нашла себе наемного дефлоратора! И хорошо, не жалко будет бросить!»

— Ну и завалилась бы со своим Володей! — искренно сказал Артур.

— Ты что! Он женатый, и у него двое детей! Как ты грубо сказал: завалилась...

— Обидно, все-таки...

— Не обижайся, я тебе так сказала, чтобы ты не лез. У меня такое важное событие в жизни, мне нужно все обдумать, решить. Ты — хороший парень, мне нравишься. И девчонки наши говорят, что ты — хороший парень. Но Володя — талант, блестящая голова, золотые руки и очень добрый, всем помогает. Он такие сложные устройства придумывает! В них все движется, качается, перемещается, а он эти перемещения в голове моделирует. Ходит по коридору и обдумывает. Редко, редко подойдет к своему столу — и какой-то узел из пластилина слепит, посмотрит, потом снова ходит, думает. Я его один раз спросила, как это у него получается. А он мне ответил: «Я еще что! Я миллиметры чувствую. А у нас был Сыромятников, он сейчас ушел в другое место, так вот он десятые доли миллиметра чувствовал. Вот это да!» Видишь, скромный какой! Это на рабо-

те. А дома миллиметры не нужны, так он там творит всюду — на потолке его самодельные люстры, на стенах — написанные им картины, дети ему в рот смотрят. Разве я могу на все это покуситься?!

— Ну, раз он занят, придется со мной... Конечно, мы им не чета, но тоже кое-что можем... — начал новую атаку Артур.

Светлана, рассказав про Володю, почувствовала, что долг свой она выполнила, все назвала своими именами, и перестала противодействовать домогательствам Артура.

РАЗЪЕЗДНОЙ ВТОРНИК

Во вторник Артур не пошел в институт, а стал объезжать конторы, которые выбрал по газете. Задачу он себе поставил четко: выяснить, как не платить налоги.

По первому адресу не нашел никого. «Была такая организация, три дня назад съехала, куда — не сказали, мы с ними никаких дел не имели. Их все время спрашивают, даже нам вопросы задают, надоели уже. Вы им что, тоже деньги перевели?» — сказали Артуру за соседней дверью. «Да... — подумал Артур. — Тут можно сильно влипнуть».

В следующем офисе все были на месте, сидели за столами с компьютерами и жали на клавиши. На окнах — жалюзи, на стенах — большие фотографии: лес, поле, речка. Посетителей принимала девушка, отделенная барьером. Перед Артуром стояли двое. Первый сказал: «Вы мне дайте рублевые реквизиты». Девушка протянула ему листочек из стопки. «Технопромсервис», — вслух прочел посетитель,

потом сказал. — Ну что ж, это подходит. А как можно получить?» «Как придут деньги, на следующий день после часа здесь, в офисе», — ответила девушка. «А по копии платежки нельзя? — спросил посетитель. — А то долго ждать». «Нет, — ответила девушка. — Мы так не работаем». «Я вам копию с отметкой банка принесу! — стал спорить посетитель. «Это я понимаю. Но, извините, мы так не работаем!» — вежливо, но твердо сказала девушка. Это был разговор профессионалов. Артур ловил каждое слово.

Следующий посетитель был не так уверен в себе.

— Я вот тут подготовил договора, акты и все остальное, — он положил на барьер стопочку бумаг, разделенную скрепками.

Девушка протянула руку, но посетитель ей документы не отдал.

— Скажите, вот у нас есть льгота по НДС, я в договоре указал, что без НДС, и документ приложил. Вас такой договор устроит?

— Устроит.

— Но у нас эту льготу могут не пропустить. Я тут другой вариант подготовил, с НДС. Можно, я у вас оба варианта подпишу?

— Можно.

— А мы потом разберемся и сделаем, как сочтем правильным.

— Хорошо. Ну, давайте же бумаги! — взяв пачку документов, девушка удалилась за перегородку, послышался стук печати и шуршание бумаги. Девушка вернулась, отдала документы посетителю и сказала с улыбкой.

— Вот ваши экземпляры, когда отправите деньги, позвоните.

— А как вы нам посоветуете, может быть, нам и не связываться с этой льготой? Такое ощущение возникло, что нам и не нужно без НДС...

— Вообще, мы таких консультаций не даем, — девушка испытывала сочувствие к робкому клиенту, который не знал, как поступить с собственными деньгами. — Но, мне кажется, ваши сомнения обоснованны. В данном случае налоговые льготы не следует упоминать в договоре.

— Спасибо за совет, мы, наверное, так и поступим! — обрадовался посетитель. — До свидания! Спасибо!

Подошла очередь Артура.

— Я бы хотел поговорить с вашим руководителем, — сказал Артур.

— По какому вопросу?

— У нас большая фирма и нам желательно наладить с вами длительное взаимодействие, а не по разовым договорам.

Девушка повернулась и крикнула в глубину комнаты: «Леонид Владимирович! К вам!»

Вышел Леонид Владимирович, низкорослый полный парень с бачками, по виду — ровесник Артура или чуть постарше. Окинул посетителя быстрым взглядом, плохо сочетающимся с его обликом целлулоидного пупса, и пригласил пройти за барьер. Проводил Артура в некое подобие кабинета в углу комнаты, усадил на стул напротив своего письменного стола, сам сел, немножко поерзал в креслице, как будто не доставал ногами до пола, наконец, уселся плотно и сказал: «Слушаю вас». Артур представился и повторил только что в очереди придуманную байку о долговременном сотрудничестве.

Леонид Владимирович смотрел на него и соображал: «Артур Артурович этот, скорей всего, не шпион, явной опасности от него не исходит, можно разговаривать. Во-вторых, какое-то предприятие за ним, видимо, стоит, на фуфло он не похож, но не он решает, это тоже ясно, действует по поручению. Когда деньги свои, а не казенные, так себя не ведут. В-третьих, Артур Артурович совершенно не представляет, о чем идет речь. Не станешь же ему объяснять, что жизни предприятию «Технопромсервис» осталось месяц-полтора, а потом ищи-свищи, только на всякий случай сохраняют печать в укромном месте. Хозяином фирмы числится человек, потерявший когда-то паспорт, а адрес фирмы — комната в большом доме в конце проспекта Вернадского, и в «офисе» этом «располагаются» несколько сот подобных фирм. Взамен старой липовой фирме придет новая — ТОО «Разрядэнергопроект», которая давно зарегистрирована, сдает нулевую отчетность и ждет своей очереди, чтобы тоже поработать полтора квартала и исчезнуть. Кое-что можно было бы Артуру Артуровичу объяснить и предложить сотрудничество в привычном русле, если стоит с ним связываться... Пожалуй, не стоит».

— Скажите, Артур Артурович, у вас государственное предприятие, а деньги тоже государственные, то есть из госбюджета? — спросил Леонид Владимирович после небольшой паузы. Артур подтвердил.

— Дело в том, что мы не работаем с бюджетными деньгами.

На попытки Артура поговорить еще, Леонид Владимирович отреагировал жестко.

— Это принципиальное решение нашего руководства, — после чего встал и стал ждать, когда Артур уйдет.

«Вот зараза! — мысленно ругался Артур, выходя из конторы. — Поросенок какой! Ничего не рассказывал! Чтоб тебя сожрали с хреном!»

Однако и в других местах Артур мало, что выяснил. Там, где ему соглашались объяснить природу неслыханных налоговых льгот, говорили, что у них на предприятии работает много подростков, или инвалидов, или пенсионеров, или, что они — благотворительный фонд, освобожденный от всех налогов, и льготу эту фонд таким образом потихоньку продает другим предприятиям. Артур, юридически подкованный, быстро понимал, что ему «пудрят мозги».

Объехав за день восемь контор, Артур так и не понял механизма превращения безналичных денег в наличные, но узнал, что нужно делать для того, чтобы за переведенные безналичные деньги через пару дней получить ту же сумму наличными без нескольких процентов. Проценты и были платой за то, что конторы умели это делать.

ВТОРОЙ ДОКЛАД

В среду по дороге на работу Артур купил три большие розы. Света должна была позвонить, ведь у Артура был на столе персональный телефон с выходом в город через «0», а у Светы такой телефон был один на две конструкторские бригады и еще «местный» телефон на столе у начальника, один на бригаду, на двенадцать конструкторов.

Когда позвонила Светлана, Артур взял букет и пошел на свидание в укромный уголок на седьмом этаже, на площадке лестницы, ведущей на крышу. Лестницу перегораживала решетчатая калитка. На площадке раньше была курилка. Потом директор распорядился оборудовать рядом настоящую курилку с окном, с диваном, с пепельницами и регулярной уборкой. На лестничной площадке курить перестали и использовали закуток на лестнице, чтобы посекретничать.

Встретив Светлану, Артур поцеловал ее в щеку, вручил букет и сказал: «Здрасьте!» Потом Артур сказал, что вчера был занят — мотался по городу, и сегодня занят, завтра у него доклад директору, нужно готовиться. Света молчала и смотрела на него. «А в четверг, давай, встретимся. В кино сходим после работы». Света отказалась — возвращаться домой будет страшно. «Тогда — в пятницу, можно даже в театр, возвращаться не придется, поедем ко мне, хата будет свободна!» «Ладно, до пятницы решим», — сказала Света, повернулась и пошла с букетом восвояси. Артур посмотрел ей вслед, а потом побежал к себе. Мысли его заняты были только докладом, только подготовкой ответов на вопросы, которые непременно будет задавать директор.

Артур подготовил доклад в академической манере — от простого к сложному, хотя содержание доклада ни к какой научной дисциплине отнести было нельзя. Ведь науки «мошенничество» не преподают в открытых учебных заведениях. Но Юрий Иннокентьевич слушал внимательно, не перебивал, только записывал на листочке возникающие вопросы.

— Предприятие может не выполнять работы и услуги самостоятельно, а поручить другому предприятию. Существует множество контор, которые

берутся за любые работы и за любые деньги. Они договора даже не читают, подписывают любые бумаги. Для тех, кто сам не может договор написать, у них подготовлена «рыба», в которую нужно вписать название и реквизиты предприятия, предмет договора и сумму, — докладывал Артур. — Никаких работ эти конторы, конечно, не выполняют, а просто отдают предприятию деньги наличными за некоторым вычетом — заработком этой конторы. А уж предприятие само делает эту работу, оплачивая труд работников, что называется, «в конвертах», не неся дополнительных расходов, связанных с выплатой официальной зарплаты. Рубль за рубль, а через официальную зарплату получается примерно два рубля с предприятия — рубль работнику, т. е. два рубля за рубль в кармане.

Тут Артур дошел до листочка, на который была переписана решенная Светланой задача. Артур поднял глаза на директора, но тот сидел, слушал, опустив глаза. Артур продолжил.

— Если предприятию нужно купить что-нибудь, или заказать некую работу смежнику, то это тоже дешевле сделать за наличный расчет. Здесь, конечно, необходимы доверительные отношения между предприятиями.

— Но ведь расчет наличными между предприятиями запрещен, — задал первый вопрос Юрий Иннокентьевич.

— Запрещен, действительно, но санкций никаких за нарушение этого запрета не ввели. Кроме того, реальное предприятие по документам не будет видно — поставщиком работ, материалов и комплектующих будет числиться та же контора. Там поставят печать на любые акты и накладные. Этой

конторе платят безналичные деньги, как положено. А про наличный расчет никто не знает, и в договорах о наличных деньгах нет ни слова.

— Да-а-а... — замотал головой директор. — И куда ж это мы лезем... А что делать?! Ладно, пошли дальше. Какие риски?

— С момента отправки денег до момента получения наличных денег — полная неопределенность. Я видел контору, которая исчезла.

— И куда ж нам деньги переводить?! — поднял глаза директор.

— Я выбрал контору, которая выглядит приличнее других: офис в Центре, на Спиридоновке, начала работать недавно, привлекает клиентов. Меня сразу пригласили к руководителю. Предложили несколько названий фирм: техническое, сервисное и рекламное. Сказали, что они работают с крепким банком. Общее впечатление благоприятное, работы на жуликов не похожи...

— Ага, — оживился директор. — Таким двусмысленным ремеслом занимаются ангелочки! Впрочем, мы и сами...

— Еще они интересно договора печатают. Первый экземпляр изготавливают на принтере, а второй — ксерокопируют. Деньги экономят, порядок какой-то все-таки...

— Какой процент они себе берут? — спросил директор.

— Обычный, шесть процентов, — ответил Артур. — То есть, посылаем им 100 рублей, а забираем 94 рубля.

— А что это за предложения: 110%, 106%? — спросил директор.

«Все старый, собака, знает, а еще и прикидывается», — подумал Артур в точности как гоголевский Остап, сын Тараса Бульбы, и ответил:

— Это рекламный ход, применяется для заманивания клиентов. Сумма договора 100 рублей, переводят, с учетом НДС, 120 рублей, назад получают, например, 110 рублей. То же самое, но звучит заманчиво. Пока НДС был 28%, они могли и больше, например, 118% написать.

— Понятно, — сказал директор, посмотрел внимательно на Артура и объявил свое решение. — Переводить деньги этим «фантикам» не будем. Пропадут деньги, а потом бегай, ищи фирму под названием... «Презерватив Плюс».

Артур не знал, что Юрий Иннокентьевич умеет шутить. А тут пошутил, улыбнулся и сделал паузу. Артур ждал продолжения.

— Кроме того, если придется кому-то объяснять, зачем перевели деньги явно липовой фирме, оправданий не будет. Тут необходим посредник, тогда, если возникнут неприятности, будем требовать с посредника, то есть с вас. Нужно делать свою фирму. Предлагайте название.

— Фирму можно назвать «Импульс», — сказал подготовившийся Артур.

— «Импульс»... Ну, что ж... Скажем, «СКТБ «Импульс» большими буквами, а товарищество с ограниченной ответственностью — маленькими.

— Можно и СКТБ, — сказал Артур. — А с деньгами-то что делать, которые «Импульсу» придут?

— Посылать деньги в ту фирму, которая вам понравилась. На первое время примем эту схему. В ближайшем будущем необходимо разобраться в

технике процесса, связаться с банком и делать все самостоятельно.

«Ну, что ж, — подумал Артур. — Раз я похвалил контору, значит, моя ответственность, я отвечаю, что контора не обманет, вернет деньги. Все правильно, высказывать сомнения, «блеять», что риск остается, значит терять лицо».

— Регистрируйте предприятие, самая работа для молодого управленца, — директор посмотрел на Артура. — Готовьте документы, ищите офис, недорого, но приличный, ищите бухгалтера-кассира. Кассир будет по ведомостям людям деньги раздавать. А людям скажем, что работа оформлена через малое предприятие. Такую формулировку сейчас все принимают без объяснений. Ведомости, понятно, тоже липовые. Но помните: специалисты поработали по-настоящему, работу сделали нужную и деньги будут получать заслуженные! Они вас кормят своей работой, а не вы их, выдавая деньги!

Директор повысил голос, потом опустил глаза, переждал немножко и продолжил:

— Впрочем, это я на будущее вас предупреждаю... Деньги на расходы получите под отчет на покупку оргтехники для института. Истратите их на уставной капитал, на офис, мебель и все такое. Посчитайте, сколько нужно денег. Из первых же поступлений восполните затраты, купите оргтехнику и сдадите в институт.

— Бухгалтера брать из нашего института? — Артур подумал про Светлану.

— Ни в коем случае! Только посторонний человек! — горячо сказал директор. — Бухгалтер должен сдавать отчетность в налоговую инспекцию, готовить ведомости по нашим спискам и выдавать день-

ги. Лишнего бухгалтеру знать не следует. Делать все надо быстро, через полтора месяца я собираюсь начать. И помните, что эта схема принята, как временная. В короткое время мы должны перейти на работу с банком, без всяких... этих фирм.

Директор улыбнулся и посмотрел на Артура. Все, аудиенция окончена. За работу!

Резкий переход от общих рассуждений на не до конца понятные темы к исполнению конкретных задач действует на любого человека. Для Артура встряска была особенно сильной, потому что напряженной работы он, в общем-то, не знал. Ну, в университетские годы в колхозе на прополке, когда длинная грядка терялась за горизонтом, а ботвы сахарной свеклы в сорняках было не найти, ну, на даче отец велел как-то навозить гору песка, еще что-то. Напряженная работа была у него когда-то в сессию, да и то не в каждую, а со времени госэкзаменов Артур вообще не напрягался. А тут навалилось столько всего! Даже перспектива провести денек со Светой, воспользоваться совершенно пустой квартирой, отдохнуть, можно сказать, культурно, даже эта перспектива затуманилась. А ведь Артур наметил со Светой и театр, и кафе. Решил походить го-голем, показать сладкую жизнь девчонке, которая за 25 своих лет слаще морковки ничего не видела, растревожить ее скованную душу...

Впрочем, если разобраться, можно все успеть. Образцы документов, необходимых для регистрации предприятия, можно взять у ребят — несколько соучеников Артура занимались регистрацией фирм. За два дня на компьютере сделать можно. Офис тоже можно найти по газете. Продумать требования: недалеко от института, отдельный вход, хоро-

шее состояние — на ремонт нет времени, телефон, наличие мебели необязательно, даже лучше, если пусто, легче купить письменный стол, стулья и диван, чем бабкин буфет куда-нибудь прятать. Можно, конечно, и кровать... Нет, без кровати, мешать одно с другим не будем, не дай Бог... Бухгалтера найти — не проблема. Знакомые Артура, правда, могут не согласиться, слишком высоки у них запросы. Скорее, Светлана посоветует из своих подружек... Тоже плохо — утечка информации. Впрочем, найдем бухгалтера. Так что если все разложить по полочкам, то успеем, в пятницу-субботу занимаемся Светкой, с воскресенья — за работу, товарищи!

Обдумав все подобным образом, Артур повеселел.

И, правда, как мы увидим, все получилось складно, глаза боятся — руки делают. Через полтора месяца у Артура была собственная фирма «ТОО СКТБ “Импульс”» с бухгалтером и с офисом на 5-й Магистральной улице в одной из комнат заводоуправления некоего резко ослабевшего завода.

ПАРТХОЗАКТИВ

Первое время после прихода к власти Горбачева никто из советских людей не думал, что объявленная перестройка приведет к серьезным последствиям для страны. Считали, что перестройка — это очередная кампания, которой новый начальник ознаменовал свое воцарение, вроде кукурузы у Хрущева, или БАМа у Брежнева, или повышения трудовой дисциплины у Андропова. Ожидали, что поорут, поорут, а будет как всегда. Кое-кто хотел урвать

что-то для себя, кто-то опасался, как бы новая волна не унесла чего-то, не нанесла бы ущерба, но ни надежд, ни страхов больших не возникало. Появились анекдоты про туристов Мишу и Раю, про Горбачева и Маргарет Тэтчер, про ГПУ, что означает не главное политическое управление, предшественник ВЧК, а «гласность — перестройка — ускорение», но значительных перемен не ждал никто, ну, или почти никто.

В весенний день 1986 года, за несколько недель до Чернобыльской катастрофы, был организован выездной партхозактив Краснопресненского района. Мероприятие проводили в доме отдыха «Преображенское» недалеко от Звенигорода. Участвовали директора и секретари парткомов ведущих предприятий района, ректоры и деканы некоторых вузов, работники райкома и райисполкома. Партхозактив разместили комфортно, кормили отлично, с черной икрой, на столиках в столовой стояло красное вино, а водку и коньяк опытные активисты привезли с собой.

Лекции в клубе дома отдыха собирали полный зал и походили на заседания: на сцене располагался президиум из трех-четырех человек, трибуна и докладчик. Докладчики выступали не более получаса, рассказывали про работу своих предприятий и учреждений в новых условиях. По ходу доклада все ораторы обязательно благодарили партию и лично Михаила Сергеевича, даровавшего народу перестройку, а некоторые грозили тем, кто не перестроился.

После двух или трех выступлений участники шли гулять, играть в настольный теннис, в шахматы. Многие знакомились, решали важные вопросы, договаривались о взаимодействии. Как на всех сове-

щаниях и конференциях, самое главное происходило в кулуарах...

На лекции сидели рядышком два солидных господина, не старые, до пятидесяти, слушали рассказ о том, как на Трехгорной мануфактуре рабочие относятся к перестройке. Представитель парткома «Трехгорки» рассказывал довольно интересно, не слишком завирался и приводил живые примеры. Но два господина скучали. Один из них, джентльмен с седыми висками и в сером костюме, наклонился к соседу и тихонько спросил:

— Вы не знаете, кто тот молодой человек не первой молодости, который переговаривается в президиуме с секретарем райкома?

— Знаю, — ответил сосед. — Это секретарь райкома комсомола. В смысле, первый секретарь.

— А знаете вы, на какой машине он ездит?

— Знаю, — опять сказал сосед. — На красной «Волге».

— Изумительная эрудиция. А я хотел вас развлечь этими сведениями, — джентльмен в сером, несколько разочарованный, уселся в своем кресле прямо.

— Вы, наверное, преподаватель? — теперь уже собеседник наклонился к господину в сером.

— Разрешите представиться, Петр Серафимович Рязанцев, профессор, декан факультета управления университета, — ответил тот.

— Так я вам сознаюсь, Петр Серафимович, что отвечал на ваши вопросы, зная ответ, считайте, по шпаргалке. Я — Закурдаев Юрий Иннокентьевич, директор института, а этот парень работал у меня сначала инженером, потом комсомольским вожаком, а потом ушел в райком. Но жизнь в комсо-

моле беспокойная, тем более, видите, перестройка, вот он и приезжает иногда ко мне на красной «Волге» освежить знакомство — вдруг придется возвращаться.

— Ну, это никак нельзя считать шпаргалкой. Вы просто очень хорошо подготовлены по этому вопросу! — оживился Петр Серафимович.

— Но другого человека в президиуме я не знаю. Рядом с шефом — инструктор райкома, который собрание ведет. А рядом с ним кто, справа?

— А... Это Калмыков Артур Иванович. Кто он, трудно сказать. Окончил юридический факультет и Академию внешней торговли. Работал в ЦК, в МИДе, в МВД. Сейчас, должно быть, в Краснопресненском районе занимает важный пост. А, кажется, сейчас он в Гидрометцентре заместителем. Мы с ним знакомы. Я даже как-то приглашал его к нам на встречу со студентами и представлял как генерал-майора внутренней службы, есть у него такое звание. У него и дипломатический ранг есть. В общем, направляют его на трудные участки, генерал по особым поручениям. Мужик сдержанный, очень быстро соображает и, по моему впечатлению, порядочный.

— Спасибо, вы мне целую лекцию прочитали. Мне теперь кажется, что я Калмыкова как-то видел...

Утренние доклады кончились, и новые знакомые пошли прогуляться по территории. Перед обедом они выпили по рюмке водки в номере Рязанцева, а на вечернее заседание не пошли, потому что после обеда завалились спать.

Так завязалось знакомство, оказавшее большое влияние на судьбу Артура Артуровича Калмыкова.

После партхозактива Рязанцев и Закурдаев перезванивались, поздравляли друг друга с праздниками,

четыре раза за шесть лет вместе ходили в театр, при этом познакомились с женами. Это приятное и необременительное для обеих семей знакомство продолжалось и даже окрепло настолько, что мужчины стали посещать вместе Сандуновские бани (первый разряд, внизу, там пар лучше, чем в высшем разряде), где перешли «на ты».

Факт посещения общественных бань людьми, которые имеют собственные бани на собственных дачах и возможность посещать ведомственные бани, закрытые для простых смертных, может породить некоторые рассуждения и размышления. В действительности такое посещение понятно любому мужчине и никаких объяснений не требует.

В 1992 году оба друга переживали нелегкие времена и долго не созванивались. В мае Юрий Иннокентьевич позвонил Петру Серафимовичу с просьбой.

— Мне нужен молодой специалист, — сказал он. — Не троечник, мне троечник не подходит, но и не отличник, потому что задачу я ему поставлю практическую, отличник может растеряться.

— Какая специализация? — стал уточнять задачу Петр Серафимович.

— Специалист по управлению предприятием, менеджер, ваш факультет ведь таких готовит!

— А где работать? У вас в институте? Тут нужно уговаривать, они в банки и страховые компании мечтают устроиться, — без энтузиазма ответил декан.

— Дело в том, что мне нужен не обычный сотрудник, а помощник, даже советник по работе в условиях этой перестройки. Перспектива у нашего института шикарная, инвалюту будем зарабаты-

вать. Но год или два нужно правдами и неправдами продержаться.

— А через два года что? — спросил Петр Серафимович.

— Через два-три года дадим ему хорошую должность в институте, если он у нас приживется, а если не приживется, найдем ему место... Тут еще одно пожелание, даже два. Ты его не бросай, надеюсь на твою помощь, на твое сопровождение. Кроме того, хорошо бы у парня был отец со связями. Это на тот случай, если наших с тобой сил будет недостаточно, чтобы защититься от нынешних напастей и парня прикрыть.

— Но ты понимаешь, что такого кадра и без тебя много желающих заполучить. И соображает, и папаша со связями, и на «ржавый гвоздик» согласен пойматься...

— Ну, не такой уж «ржавый гвоздик»...

Петр Серафимович обещал подумать и через неделю предложил Артура Калмыкова.

— Но ведь его отец пристроит! — удивился такому предложению директор института.

— Да, ты понимаешь, у Артура Ивановича какой-то свой взгляд на воспитание сына. Я узнал, что у нас учится сын Калмыкова, когда парень был уже на втором курсе. Сейчас, перед окончанием университета, тоже нет никаких звонков. При этом я знаю, что он внимательно следит за жизнью сына, но не вмешивается. Может быть, закаляет, сам-то он из простых...

— И что сын Калмыкова собой представляет? — спросил Юрий Иннокентьевич.

— Ну, что... парень, роста выше среднего, наверное, метр восемьдесят, волосы русые, глаза карие.

Довольно подтянутый, разговаривает хорошо: и говорит правильно, не на жаргоне, и собеседника слушает... — описал своего студента декан.

— А голова?

— Бывает, студент понимает и знает, это — «пять». Бывает, понимает, но не знает, это — «четыре». Бывает, что не понимает, но знает, это — «три». Калмыков ближе ко второй категории. Пока не поймет суть вопроса, изучает, стремится постигнуть. Как поймет, в чем дело, теряет интерес, до мелочей не снисходит, а черт-то как раз в деталях сидит... Но ты же отличника не просил!

— Ладно, от добра добра не ищут, — принял решение директор. — Предлагай Калмыкову-младшему!

СКТБ «ИМПУЛЬС»

Офис, бухгалтер, банк, регистрация. Определив для себя такую последовательность, Артур начал действовать. Обзвонив и объездив множество сдающихся под офисы помещений, Артур понял, что в Центре снимать комнату очень дорого. Следующая ступень — около метро, чтобы от института ехать без пересадки — тоже ничего подходящего не дала. Пришлось в своих притязаниях спуститься еще на ступеньку — метро без пересадки, далее пешком не более 15 минут. Тут нашелся вариант — корпус заводоуправления, отремонтированный для сдачи под офисы, на 5-й Магистральной улице, недалеко от станции метро «Полежаевская». Все заводские службы съехали из привычных кабинетов в отдельном корпусе и расположились в тесноте, в цеховых

и складских комнатенках. В одной такой комнатенке Артур переговорил с помощником директора завода, который занимался сдачей офисов. Помощник предложил посмотреть помещение и сказал: «Оксаночка, покажите товарищу двенадцатый офис и захватите ключи от пятнадцатого и шестнадцатого». «Но двенадцатый — самый лучший», — добавил он, обращаясь уже к Артуру.

По команде помощника из-за своего стола легко встала светловолосая красивая женщина лет тридцати с небольшим. Высокая, полная, с веселыми глазами, не толстая, а, как говорится, сдобная, она напоминала круглый белый хлеб «Паляница». «При таких габаритах — какая резвая!» — подумал Артур. Женщина быстро накинула шубку, они покинули комнату и пошли сначала по коридору, потом по заводской территории к офисному корпусу.

— А вас как зовут? — спросила Оксана.

— Артур.

— Шо так? — поразились Оксана.

Непосредственность этой взрослой женщины удивила Артура, но что-то в ней было такое свежее, здоровое и искреннее, что Артур решил, что не нужно ее ставить на место, и ответил.

— Как отца, я — Артур Артурович.

— А, так это хорошо! Моего малого тоже Вася зовут, Василий Васильевич!

— Вы — не москвичка? — спросил Артур.

— Та не, москвичка. Мужа шесть лет назад перевели в Москву с Донбасса в Министерство угольной промышленности. Квартиру дали, прописку. А я не работала, с малым сидела. А теперь видите шо? Где то министерство? В перестройку многое по-другому

пошло, но Василий мой старается — со своими шахтерами делает он угольную корпорацию, чи шо. Я в нем уверена, будет толк. Но с деньгами стало трошки похуже, вот я сюда и устроилась. Малой в школу пошел, а тут отсиживать до вечера не заставляют, могу полдня после обеда дома быть.

— Вы тут близко живете? — поддержал разговор Артур.

— Близо, у метро в кирпичных домах... Артур, а вам бухгалтер не нужен?

— Бухгалтер? — опешил Артур.

— Ну да, бухгалтер. Я окончила экономический факультет Донецкого университета, потом тут, в Москве, курсы по бухучету. В Донецке работала в отделе снабжения шахтоуправления три года, а в Москве кооперативы вела, какие муж велел, все-все делала: и отчетность, и договора, и зарплата, хоть черная, хоть белая.

— А тут вам не нравится? — спросил Артур.

— Да шо тут?! — воскликнула Оксана. — Взяли меня на договора аренды. А фактически держат секретарем. Начальник с арендаторами секретничает. Какие секреты от бухгалтера? Бухгалтерия и есть главный секрет. А тут еще начал на меня поглядывать и облизываться: «Оксаночка, Оксаночка». Оно мне надо?!

— Так если тут сидеть, все равно бывший начальник останется рядом.

— Ой, да что вы! — засмеялась Оксана. — Этот герой-любовник до другого корпуса не пойдет. Этот орел любит чуть придушенную жертву!

Оксана сделала паузу и добавила.

— Так что с этой стороны неприятностей у вас не будет.

Как легко и просто было разговаривать с этой веселой женщиной! Чувствовалось, что она не врет, говорит все, как есть. Женщина с образованием и с опытом работы, семья приличная. Но Артур сказал.

— Спасибо за ваше предложение, мне нужно подумать.

— Конечно, подумайте. Нужно ж и с начальством посоветоваться.

— Не нужно, — гордо сказал Артур, поднял палец и изрек, как Фрунзик Мкртчян в фильме «Мимино»: «В этот гостиница я — директор!»

— А тогда что же думать! — улыбнулась Оксана. Артур засмеялся.

— Так у меня и нотариус есть знакомый, подпиши заверим без очереди. Можно, я вам телефончик свой напишу? Я домашний дам, мужа моего зовут Василий Трофимович, а меня подзывать — просто Оксану. А сюда звонить не нужно, при нем не поговоришь.

Офис подошел и Оксана подошла. Теперь — банк.

Из всех банков, которые во множестве появились вокруг института, нужно было выбрать один. Артур ходил по окрестностям и выбирал банк для того, чтобы открыть расчетный счет «Импульса». Артур прикидывал, далеко ли идти от проходной и как выглядит банк, как встречают посетителя. Никакие другие обстоятельства им в расчет не принимались. Потом, когда в 95-м, а потом в 98-м годах посыпались банки, никому бы не пришло в голову выбирать банк столь легкомысленно. Но в 1992 году до банковских кризисов было еще далеко, и пока что Артур, как и всякий советский человек, полагал, что банк — это безусловно надежное учреждение.

Артуру приглянулся банк недалеко от Тишинского рынка. Небольшой операционный зал был похож на коридор. С одной стороны за длинным деревянным барьером-прилавком сидели три девушки-операционистки и один парень-операционист. Парень стучал печатью, перекладывая листы бумаги из одной пачки в другую, при этом дергался, как игрушка с моторчиком. К нему-то и подошел Артур, сел на стул и стал ждать, когда парень оторвется от бумаг. Дойдя до конца пачки, операционист повернулся к Артуру и вытянул вперед губы, что должно было означать «Слушаю». Но Артур на такой уровень разговора не пошел, сказал: «Здравствуйте», — и замолчал. Парню пришлось говорить.

— Здравствуйте, слушаю вас.

— Хочу открыть в вашем банке расчетный счет малого предприятия.

Парень, ни слова не говоря, крутанулся на стуле, взял со стола и протянул Артуру листочек с заголовком «Перечень документов для открытия расчетного счета».

— Все? — спросил Артур, прочитав текст и оторвав глаза от листочка.

— А что же еще? — искренне удивился парень.

Артур встал со стула и медленно пошел по залу, останавливаясь, чтобы прочитать объявления, вывешенные на красивых досках на стенах. Объявления к нему никакого отношения не имели и сообщали, неизвестно о чем.

«Какой странный операционист, наверное, юноши на эту женскую работу только такие и идут!» — подумал Артур. Особенности поведения банковского работника насторожили Артура. Он вспомнил, что помимо близости к институту и наличия сим-

патичного операционного зала от банка требуется еще многое. «Ой, что ж это я лезу в воду, не зная броду? — испугался Артур. — Открою счет, переведу деньги, а потом ищи этого губошлепа вместе с банком этим...» У Артура даже спина вспотела от страха.

В тот же вечер Артур обзвонил своих соучеников, работающих в банках, с просьбой узнать про банк «Тишинский». Один из них отзвонил на следующий день и сообщил, что тревожащих сведений нет. Маловато этого, недостаточно... Артур попросил отца узнать, что за банк. Отец никуда звонить не стал, а сходу ответил.

— «Тишинский»? Недалеко от Белорусского вокзала? Можешь работать, я этих ребят знаю.

Слова отца мгновенно успокоили Артура, и он перестал опасаться, что выбрал никому не известный ненадежный банк, страхи, так недавно владевшие им, сразу показались глупыми и необоснованными. Далее следовала регистрация предприятия.

Сотрудница, принимавшая у Артура документы на регистрацию «ТОО СКТБ “Импульс”», листала документы. Вчитываться внимательно ей было лень, а придаться к чему-нибудь хотелось. Поэтому она несколько раз гневно восклицала: «Почему нет такой-то справки?!» Каждый раз Артур показывал сотруднице, где в пачке бумаг лежит искомая справка. И та опять закапывалась в документы. После третьего раза сотрудница спросила: «Кто готовил документы?» Она искала компромисс: ей было бы легче, если бы не этот парень победил ее, с первого раза всучив документы, а некая посторонняя организация. Артур это мгновенно понял и ответил: «Документы готовила юридическая фир-

ма», — хотя все документы он подготовил сам. Сотрудница решила принять документы, проштамповала стандартную расписку в получении и сказала Артуру, когда можно прийти за временным свидетельством.

Все готово, можно начинать. Артур доложил об этом директору. Юрий Иннокентьевич задал несколько вопросов и, удовлетворенный ответами Артура, протянул ему лист бумаги, на котором был написан предмет договора, срок и сумма.

— Готовьте договор, — сказал директор. — Кто будет подписывать документы от «Импульса»?

— Как кто? Я, конечно, — удивился Артур.

— То есть институт будет заключать договор со своим сотрудником Артуром Калмыковым? Вам не кажется это нелепым?

— Да, действительно, я не учел... — промямлил Артур.

«Как же так? — подумал он. — За этой беготней прозевал очевидный ляп».

— Ищите кого-нибудь для подписания документов. Вы — генеральный директор? — усмехнулся Юрий Иннокентьевич. — А этот будет называться просто «директор», как я. Пусть подписывает договора на основании доверенности. Можно даже зарплату ему платить... небольшую. Нужен посторонний человек, но не опасный, не пьяница, не жулик. Смотрите, сколько честных людей требуется... для любых подобных операций!

— Хорошо, Юрий Иннокентьевич, сделаю.

— Следующий вопрос, как вы собираетесь везти деньги? — спросил директор.

— Я думал... на вашей «Волге»... — неуверенно сказал Артур.

— Вы понимаете, что это невозможно? — с неудовольствием отмел предложение директор. — А что фирмы ваши, не могут они выполнить заказ «с доставкой»?

— Услуга инкассации стоит у них 2 % от суммы, — это Артур узнавал.

— Возмутительно дорого! — сказал директор. — Подумайте, как справиться своими силами.

— Подумаю...

«Опять озадачил директор! — подумал с раздражением Артур. — Казалось, все готово. Ан, нет! Да, голова у него, конечно, работает, но бегать уже надоело. Каждый раз — пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что».

Артур оформлял свой липовый «Импульс», носился по Москве вдоль и поперек, а Москва на глазах богача и беднела одновременно. По улицам ездили такие дорогие автомобили, какие и за границей-то не часто можно увидеть, в киосках с устарелой вывеской «Союзпечать» круглосуточно продавались невиданные сладости и напитки. В это время закладывались крупные, мирового уровня состояния, скупались по дешевке некогда славные предприятия, набирали силу будущие миллиардеры.

Но служивый люд — большая часть московских жителей, не подходили к круглосуточным киоскам ввиду крайней бедности. Купить шоколадку «Сникерс» или куклу Барби ребенку было роскошью, которую большинство московских родителей не могли себе позволить. Чтобы избежать унижения, родители обходили нарядные магазины и киоски стороной, таща за руку ребенка, или подходили «посмотреть», заручившись обещанием «не просить ничего купить». «У каждого человека должна

быть мечта. Пусть эта кукла будет твоей мечтой! Хорошо?» — бодро убеждали нищие родители своих крошек.

Зато в Москве появились такие торговые площадки, каких не было со времен военного коммунизма или с периода послевоенной разрухи. Вот уж где московская нищета была выставлена напоказ! Продавали ржавые гнутые гвозди, вытащенные клещами из старых досок, непарные ботинки, пластмассовые бутылки из-под «Фанты» и подобных напитков, какими теперь завалены все помойки. И ведь покупали! Пластмассовая бутылка легче и больше стеклянной и имела пробку. В такой бутылке удобно возить морс в больницу родственнику или квас на дачу.

Один такой блошинный рынок расположился на Тишинской площади вокруг памятника русско-грузинской дружбе, закрепленной Георгиевским трактатом. Этот нелепый памятник-столб, с установки которого началось наступление скульптора Зураба Церетели на Москву, был якобы известен в народе под именем «шашлыка». На самом деле столб напоминает кое-что другое, и самое распространенное противозачаточное средство в скатанном состоянии было расположено на месте, как раз над торчащим... обелиском.

Первые годы после установки обелиска в сквере у подножия столба, входящего в ансамбль памятника, посетителей было мало. Изредка останавливались небольшие группы краеведов, пытавшихся разглядеть призывы к братству, миру и дружбе в нагромождении металлоконструкций. Для облегчения чтения в сквере поместили подсказки. Но и с подсказками мало кому удавалось разгадать этот ребус поэта и соавтора памятника Андрея Вознесенского.

Один такой блошинный рынок расположился на Тишинской площади вокруг памятника русско-грузинской дружбе. (К стр. 150.)

Когда площадь стала рынком, торговцев в сам сквер не пускали, оставив его свободным, доступным для почитателей Георгиевского договора. Зато вплотную к ограде сквера, опираясь об нее спинами, сидели и стояли продавцы разнокалиберных шурупов и древних некомплектных мясорубок.

Артур часто проходил через рынок по дороге от института до банка и обратно. Сначала, не глядя по сторонам, потом стал останавливаться и смотреть на особо примечательные экспонаты. Но для чего покупают пустые пластиковые бутылки, не мог сообразить. Практическую ценность этого вторсырья ему разъяснила Светлана.

РАБОТНИК ОХРАНЫ КОНОВАЛОВ АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ

Коновалов пришел к новым арендаторам, чтобы осмотреть помещение и провести инструктаж. Осматривать особенно было нечего, три письменных стола, сейф, шкаф для хранения документов, шкаф для одежды, маленький столик с электрическим чайником, стулья. Обычная контора, где бумажки перекладывают и из воздуха деньги делают. Чем-то, должно быть, торгуют, чего сами в глаза не видели.

Коновалов осмотрел комнату глазами охранника: есть ли надежные запоры на окнах и дверях, потом глазами пожарного: есть ли огнеопасное что-то, не загромождены ли проходы, потом глазами работника санэпидемстанции: нет ли источников заразы.

Закончив осмотр, Коновалов сел за стол, чтобы поговорить с парнем — директором и молодой жен-

щиной — главным бухгалтером. Женщину Коновалов знал, ее звали Оксана, и она раньше работала в заводууправлении. А парень представился как Артур Калмыков.

Коновалов расспросил, кто будет сюда приходить, объяснил порядок прохода одиночных посетителей и групп посетителей, сказал, куда сдавать ключи, объяснил, как ставить помещение на сигнализацию.

Арендаторы слушали хорошо, уважительно. Парень кое-что записал. Ну, и Коновалов рассказывал кратко и обстоятельно, по существу, не изображал полновластного хозяина здешних мест. Под конец попросил, чтобы повесили на дверь табличку с названием фирмы, не нужно посетителям стучать во все двери. Собственно, это была единственная просьба к новым арендаторам.

Коновалов собрался уходить, но Артур его остановил.

— Александр Павлович, выпьете с нами чаю?

«Надо же, имя-отчество запомнил», — подумал Коновалов и согласился.

— А как вы попали на эту работу? — спросил Артур. Неожиданно для самого себя Коновалов стал рассказывать.

— Служил на Тихоокеанском флоте, на подводной лодке, был в шести походах. Потом перевели в штаб. Капитан второго ранга. Ждал перевода в Европу, уже все сроки службы на Дальнем Востоке вышли, а тут началась перестройка. Ушел в запас, вернулся в Москву. Квартира уже была во Владивостоке. Квартиру сдал, все продал, только машину пожалел продавать, была у меня «девятка», всего год ездил. А тут ребята гнали «Ил» семь-

десять шестой в Волгоград. Мне все равно, куда, лишь бы в Европу. Договорился, сколько-то заплатил в кассу и ребятам — ящик коньяку. Загрузили мою машинку в брюхо и перевезли. А мы ее потом вдвоем с зятем пригнали из Волгограда в Москву. Ну, а здесь квартира материна, откуда в училище уехал, в ней: мы четверо, сестра с семьей и мать. Но поставили в очередь, обещают дать когда-нибудь квартиру. А работа только в охране нашлась. На заводе считался замначальника охраны, а теперь поручили обеспечивать охрану этого корпуса, вроде как самостоятельная работа, и четыре бойца в штате.

— А «девятка» ваша на ходу? — спросил Артур.

— Конечно, на ходу. Гараж, уход, что с ней будет?

«Да этот мужик — просто находка для нас!» — подумал Артур и предложил Коновалову работать в «Импульсе» директором и инкассатором на своей машине.

— Каким директором? Как Фунт? Сто двадцать рублей на воле, двести сорок — в тюрьме? — усмехнулся Коновалов.

Доскональное знание «Золотого тельца» только добавляло очков Коновалову. Артур серьезно ответил.

— Тюрьмы бояться не надо. Вы будете подписывать только документы «на прием» денег. Только в плюс. Деньги возить будем редко, вдвоем, и не такие большие это деньги.

— Я должен согласовать вопрос с начальником охраны, — сказал Коновалов.

При первой возможности он спросил начальника: «Мне новый арендатор предложил у них порабо-

тать, без отрыва, так сказать. Ты не возражаешь?» И получил ответ: «В наше время от работы не отказываются. Если на основной работе не скажется, я не возражаю».

ВАЛЮТА

— Артур, я вам что хочу сказать... — Оксана волновалась. — У меня тут есть одно дело. Но если не подойдет, вы скажите, и как будто разговора не было. Добре?

— Хорошо, — поощрил Оксану Артур.

— Есть такое предложение. Василию Трофимовичу моему треба оборудование закупить, а денег на счету нема. У них наличная валюта была подготовлена, потому что оборудование английское, а валюта, оказалось, не годится, нужен безналичный рубль. Вот я и подумала, сейчас пришли деньги, так давайте их зараз переведем Василию Трофимовичу, а он вернет доллары по курсу. Ему выгодно, не надо наличные доллары в безналичные рубли переводить, проценты терять. И вам выгодно, проценты за обналичку платить не надо, только на конвертации немного потеряете.

Василий Трофимович оказался приятным мужиком, лет на десять старше Оксаны. Не задавая лишних вопросов, он вытащил из стола и отдал Артуру пакет, в котором лежали пачки стодолларовых купюр, по десять тысяч долларов в каждой. Неполную пачку в конверте отдал отдельно.

Коновалов привез Артура в офис. Вечером, оставшись в одиночестве, Артур распределил деньги на кучки: это — за аренду офиса, это — зарплата

сотрудникам «Импульса», это — дополнительный доход, который дала новая схема. Для всех этих статей расходов подходили доллары: и завод возьмет наличные доллары, и Оксана, и Александр Павлович. Из дополнительного дохода Артур выделил премию Оксане и Коновалову. Без Оксаны вообще никакого дополнительного дохода не было бы! Оставалось пять тысяч долларов. Огромная сумма, автомобиль!

Но большую часть долларов нужно было продать, чтобы выплатить зарплату работникам института. Артуру как-то один раз пришлось продавать валюту. Давно еще, в прошлом году он попросил у матери денег, а у нее рублей не было, были только доллары, вот она и дала ему сто долларов, и Артур их продал в обменнике у метро. Продавая, все время оглядывался, боялся, что нападут разбойники! Как же, валюта!

Но как продать такую огромную сумму? Артур не спал ночь. На следующий день Артур сначала ходил по окрестным обменным пунктам договариваться. Все обменники оказались слабоваты для такой операции. Удалось продать по частям. В каждом обменном пункте Артур, охраняемый Коноваловым, трясся, как осиновый лист.

Оставшиеся пять тысяч долларов Артур положил в конверт, конверт спрятал в сейф и стал ждать визита к директору. При очередном вызове, решив все текущие вопросы, Артур достал конверт, двинул его по столу к директору и сказал.

— Появилась разовая возможность сэкономить. Сумма экономии — пять тысяч долларов. Вот они.

Директор вскинулся, как ужаленный. Он однозначно понял, что Калмыков принес его долю за

участие в операциях с «Импульсом». Неужели этот парень не понимает, как он смеет!

— Никогда, слышите, никогда не подходите ко мне с этими деньгами!

Но Артур был уже достаточно опытен. На случай такой реакции директора он подготовил маневр, как Иван Кузьмич Шпекин, почтмейстер из «Ревизора» Гоголя: вот, мол, «пришли по почте деньги, неизвестно кому принадлежащие».

— Раз от вас нет указаний, я куплю на эти деньги автомобиль, без машины я зашиваюсь.

Директор ничего не сказал. Он не успокоился после своей вспышки, боялся снова не сдержаться, да и вообще не хотел обсуждать эту тему. «Какие у меня основания возмущаться?! Моя затея, а Калмыков ее реализует, работает довольно успешно. Так что нечего мне изображать из себя рыцаря в белых одеждах!» — гасил в себе раздражение директор.

Артур купил «Москвич-2141», в народе — просто «41-й», большую красивую машину, известную низкой надежностью. Поэтому имеющейся у Артура суммы хватило.

Сначала для очистки совести Артур ходил по кабинетам на втором этаже автомобильного магазина на Варшавском шоссе, интересовался, как организация может купить автомобиль за безналичный расчет. Оказалось, что этот процесс связан с такими хлопотами и лишними расходами, что легче достать из кармана деньги и купить, при этом не ты будешь бегать за продавцом, а продавец побежит за тобой, как оно и должно быть.

Приобретение молодым сотрудником нового автомобиля в столь трудные времена не вызвало в институте большого шума. Все знали, что автомобиль

Калмыкову подарил отец, большой человек. Юрий Иннокентьевич попросил секретаршу Эмму по секрету сообщить этот факт нескольким сотрудникам.

Артур наслаждался автомобилем, не только новые возможности, которые дает владение собственным, не родительским автомобилем, но и сам процесс вождения своего, заработанного автомобиля вызывал ликование в душе.

В воскресенье Артур повез родителей по окрестностям. Отец с удовольствием утвердился на переднем командирском сиденье, а мама с некоторой осторожностью разместилась на заднем: от автомобиля «для населения» исходила некоторая опасность, доверия этот аппарат не вызывал.

Зато у Светланы новенький «москвич» вызывал тихий восторг. Сначала она в онемении каталась на этом предмете роскоши. Потом решила, что из этого чуда можно извлечь и практическую пользу — что-то перевезти, чего в руках не унесешь.

Сотрудничество с мужем Оксаны оказалось выгодным и удобным. Можно было продолжить взаимодействие. Василий Трофимович и Артур провели совещание. В результате переговоров график оплаты горного оборудования английскому поставщику был приведен в соответствие с графиком выдачи «черной» зарплаты в институте. Сотрудничество и валютные операции продолжались, пока у Василия Трофимовича была нужда в безналичных рублях. Когда оборудование в Англии было полностью куплено, сотрудничество прекратилось, и Артур с сожалением перешел на прежнюю схему. Жалко было терять и надежный канал, и повышенный до-

ход. Приходилось снова отсылать деньги в подставные фирмы без всяких гарантий. Зато в этот «валютный период» Артур научился продавать крупные суммы «зеленых» без сердечного трепета.

ПОДВАЛ

Артур пропустил джип, едущий навстречу по Грузинскому валу, и повернул налево на Малую Грузинскую улицу. Следующий левый поворот в Средне-Тишинский переулок. Места для парковки не было, пришлось проехать метров тридцать. Припарковав «москвич», Артур огляделся. Народу в переулке было мало. Справа бывший овощной магазин, закрытый на ремонт, похоже, навсегда. У входа в бывший магазин трутся два типа. Впереди на левой стороне новое здание какого-то предприятия без вывески, дальше на горке по правой стороне переулка виден ДК имени Серафимовича, дальше ничего не видно. Чуть сзади у входа в подвал курит милиционер. Поэтому, наверное, те два типа и отошли к магазину: предлагать клиентам поменять валюту по более выгодному курсу у входа в обменный пункт при милиционере-охраннике они не решились. Милиционер уйдет, и они вернутся ко входу в подвал. Хорошо, надо пройти, пока их нет, а то будут приставать.

Артур потянул к себе портфель, вылез из машины, огляделся, нажал на кнопку сигнализации, положил ключи в правый наружный карман куртки, запомнил это и не торопясь пошел ко входу, провожаемый взглядом двух мужиков у закрытого овощного.

Прошел мимо милиционера с сигаретой, три ступеньки вверх, в дверь с надписью «Обменный пункт. Банк “Антрну”», затем вниз по лестнице два пролета. Тупик — металлическая решетка с калиткой. За калиткой — сейфовая дверь в обменник, рядом письменный стол с двумя стульями, на одном сидит милиционер с автоматом Калашникова. Перед калиткой очередь из двух человек. На столе маленький несгораемый ящик. Все это привычно, Артур здесь бывал несколько раз.

— У меня заказ, — сказал Артур.

— Номер? — отозвался охранник.

— Девяносто.

Милиционер снял трубку телефона: «Заказ девяносто!»

Выслушав ответ, охранник открыл ключом калитку: «Проходите! Вторая касса».

Милиционер пропустил Артура в обход очереди и запер калитку на ключ.

— Оружие есть?

Артур вынул из кармана газовый пистолет и отдал охраннику. Тот запер пистолет в несгораемый ящик, затем нажал кнопку. Сейфовая дверь щелкнула, Артур вошел в шлюз и закрыл за собой дверь. Дождался щелчка и распахнул вторую дверь. По короткому коридору прошел в крошечную комнатку с надписью «Касса № 2».

Усевшись на стул, Артур сказал в стеклянное окошечко: «Заказ девяносто». Оттуда ответили: «Двести сорок тысяч долларов по тысяче девяносто?». Артур подтвердил, после чего из-под окошечка выполз к нему ящик для денег. Артур открыл портфель и стал выкладывать пачки баксов, по 10 тысяч в каждой, 24 пачки, «котлеты».

Девушка за стеклом принялась пересчитывать каждую пачку, через стекло слышен был шум машинки. Артур ждал.

1090 рублей за доллар — это его курс, на плакатике перед входом в обменник написано «1087». Когда Артур позвонил в обменник и получил номер заказа, чтобы не стоять в очереди с такой суммой, заодно сторговался на 1090, все-таки операция крупная. А для Артура это лишние 650 долларов, поди плохо!

Девушка закончила пересчет, и стала доставать пачки рублевых купюр для Артура.

— Мне покрупней, пожалуйста! — сказал Артур.

— Крупных нет.

— Так что, все тысячами?! — воскликнул Артур.

— Нет, — сказала девушка. — Часть пятисотками.

«Кассирша, наверное, издевается», — подумал Артур.

— Я же не дотащу, у меня и сумок столько нет! Девушка, поищите, пожалуйста, покрупнее! — взмолился Артур.

Тут девушка подняла на него глаза. Нет, она не издевалась, у нее, действительно, не было крупных купюр, она выдавала, что есть.

Девушка за стеклом вывернулась из своего закутка, это было непросто, очень уж тесно было в кассе № 2, и вышла из каморки.

«Сейчас смоется, и плакали мои денежки!» — подумал Артур. Девушки не было больше пяти минут. Наконец, она пришла, неся в руках несколько денежных пачек и еще что-то сложенное, пластмассовое.

— Нашла для вас немного крупных, и пакеты принесла, — сказала девушка.

Сложенные пакеты она впихнула в ящик для денег и выдвинула ящик к Артуру. Там были две пластмассовые сумки. В таких хорошо глазированные сырки носить. На инкассаторские сумки эти пакеты никак не походили. Но, делать нечего.

— Спасибо, — сказал Артур.

— Пожалуйста, — ответила девушка. — Считать будем?

— Не будем, — отказался Артур. Пересчитывать такую кучу мелких купюр, это, наверное, минут сорок. А за все время, что Артур имел дело с большими деньгами, один раз в пачке российских денег оказалась не та купюра. Убыток был небольшой, меньше полкило яблок. Другой раз в пачке американских долларов была фальшивая стодолларовая банкнота, очень небрежно нарисованная. Василий Трофимович без звука обменял ее на другую, а фальшивую тут же порвал. Правда, пришлось специально съездить с фальшивкой. Но, как правило, все было в ажуре. Поэтому Артур часто отказывался от пересчета денег в банковских упаковках.

Девушка стала порциями класть пачки денег в ящик, Артур вытаскивал пачки из выдвинутого ящика и складывал их сначала в портфель, потом в один пакет, потом в другой. Получилось под завязку. Артур взял в одну руку портфель и пакет поменьше, в другую пакет побольше и ключи от «москвича» и встал. Девушка с сочувствием посмотрела на него.

С трудом нажав на кнопку дверей у выхода и миновав шлюз, Артур оказался около охранников.

«Вот, зараза, еще пистолет, а на улице эти два охламона трутся! Надо было ехать с Коновало-

вым», — подумал Артур. На счастье, оба охранника были на месте.

— Помоги, пожалуйста, проводи до машины! — попросил Артур того, кто помоложе. Тот кивнул, тогда Артур добавил. — И пистолет мой возьми, а то руки заняты, дойдем — я заберу!

Милиционер чуть помялся, показывая, что объемом услуги при этом возрастает, а затем кивнул. Неся мимо дельцов у входа в обменник полные сумки денег, Артур в сопровождении милиционера дошел до «москвича», поставил портфель и сумки на асфальт, открыл багажник, затем положил туда свою ношу. Уф! Полез в карман, достал 10 000 рублей, больше, чем милиционер рассчитывал, отдал деньги ему, забрал пистолет и попросил, глядя на двух пляющихся на них мужиков.

— Не уходи, пожалуйста, подожди пока отъеду.

Завел «москвич», и вперед по переулку к Тишинской площади. Посматривая в зеркало заднего вида, Артур заметил, что с Малой Грузинской в переулок повернул черный внедорожник «Лексус». Артур немного поиграл в погоню: не включая указателя поворота, повернул налево в Электрический переулок. Внедорожник промчался мимо, видно, даже и не знал, что от него убегают. Артур продолжал «запутывать следы» — показал, что поворачивает направо в Малый Тишинский переулок. По-настоящему убежать по этому переулку ни от кого было нельзя — он тупиковый. Артур и не стал туда поворачивать, а проехал Электрический переулок насквозь, повернул налево, на Вал, потом направо, на Ходынку. Погони не было. Теперь по путепроводу на ту сторону железной дороги, под мост, на Хорошевское шоссе и к себе, на 5-ю Магистральную улицу.

НЕРВЫ

Артур с удивлением понял, что за короткий период взаимодействия с мужем Оксаны Василием Трофимовичем привык к относительной безопасности и отвык от тревоги за то, что деньги не дойдут, пропадут.

Осталась опасность, связанная с перевозкой денег от места получения до офиса на 5-й Магистральной. Артур по-прежнему один или с Коноваловым возил деньги по Москве. Это было рискованно, но неизбежно, так было всегда, каждая финансовая операция была связана с перевозкой денег. Все-таки это был настоящий мужской риск, хоть что-то можно сделать в случае погони и нападения. Выбирать маршруты, наблюдать за соседними автомобилями, оценивать, не сел ли кто-нибудь «на хвост», следить, чтобы на светофоре грабитель не проткнул колесо. Мысли брели по голливудскому сценарию, сердце учащенно билось. Резко подать влево и столкнуть машину с нападающими в кювет. Открыть на ходу дверцу и ударом сшибить мотоциклиста с пассажиром, наставившим на тебя автомат, потом затеряться в потоке машин и резко припарковаться на стоянке около метро, погасить фары и сползти с сиденья, как будто машина давно уже стоит на этом месте. Боевик. Слава богу, ни разу до этого не дошло. Грабители на Артура не нападали, видно, не ожидали, что в «москвиче» везут четверть миллиона долларов.

Взаимодействие с Василием Трофимовичем показало — можно было работать, оставив только этот «инкассаторский» риск. Можно было не бояться того, что фирма-однодневка сбежит с деньгами,

то есть можно было исключить эту опасность. А тут опять пришлось посылать большие деньги неизвестно куда, рассчитывая только на честный взгляд девушки, поставившей печати в договорах. Эта опасность вернулась и воспринималась теперь, после Василия Трофимовича, не как нечто неизбежное, а как недоработка, как неоправданный риск, как собственная вина. Артур плохо спал две или три ночи, которые разделяли отсылку денег и получение. Ему снились кошмары, все происходящее вокруг связывалось только с одним: «Отдадут — не отдадут». Светлана спрашивала каждый раз: «Что с тобой, у тебя неприятности?» И не верила, когда Артур говорил, что у него все в порядке, но девушка других вопросов не задавала.

ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ

Артур был чрезвычайно занят. Постоянно требовалось большое количество документов. Договора между институтом и «Импульсом», акты, протоколы согласования цены, расшифровки статей расходов, письма о переносе сроков, отчеты и т. д. и т. п. Кроме того, почти то же самое он делал для «Импульса» и «фантика». Причем, тут никакая задержка не допускалась — сразу не подписал бумаги, и нету этого названия, теперь другое, и печать другая, и адрес другой. Надо было еще деньги получать и возить, и в банк ездить, и списки на зарплату проверять. Вдруг ошибется Оксана, переписывая фамилии незнакомых ей людей! Добавлял забот сложный график присутствия — отсутствия. Директор требовал, чтобы в день «черной» получ-

ки Артур на 5-й Магистральной улице не показывался. Инженеры не должны были знать, что малое предприятие — это Артур, они должны были видеть только Оксану, которая выдавала деньги по ведомости. И документы для «Импульса» директор не разрешил готовить в институте. В общем, днем Артур или сидел в институте, или носился по городу, а после обеда отправлялся в офис «Импульса» и просиживал там допоздна. Работа оставалась и на выходные.

Утром, если Артур был в институте, звонила Светлана, и они договаривались: через полчаса, или через час, на седьмом. Светлана и Артур встречались в укромном уголке на седьмом этаже или шли погулять вместе в обеденный перерыв, порознь пройдя проходную. Хотя можно было и не прятаться. Артура и Светлану не очень-то и знали в институте. «Это какой Калмыков? Парень из юрбюро, все время бегают к директору с бумажками. — А Маслакова, это — кто? — Конструктор, у Кучерова работает. — Они что, женатые? — Нет, холостые. — Ну, и что? Ничего такого, дело молодое...» Кроме коротких свиданий на работе, парочка, считай, и не виделась. Светлана вела себя сдержанно. Говорила при встрече: «Привет!» — а когда чувствовала, что Артур топорится, говорила: «Ну, пока!» Артур скучал по ней, часто мысленно пересказывал Свете то, что с ним происходит, во всех подробностях, чего живой, реальной Светлане не мог рассказать. И думал Артур о Светлане часто и с нежностью. Хотелось ему что-нибудь сделать для Светланы, что-то купить, порадовать ее. Дать деньги Артур не решался, кто ее знает, как она отреагирует. Но продвигать отношения, показывать подругу друзьям, представлять как «свою

девушку», знакомить с родителями Артур не стремился, а Светлана вела себя чрезвычайно скромно.

Потом настало лето, и хоть с квартирами стало посвободней. Родители Артура переехали на дачу и в Москве почти не появлялись. Родители Светланы тоже частенько ночевали «на огороде». В будние дни Артур ездил по жаркой Москве или корпел над бумагами, в выходные родители требовали его на дачу. На даче Артур в основном спал. Светлана в выходные была занята — родители без нее не справлялись со своим садом-огородом. Никакой личной жизни! Изредка удавалось вместе провести время, встретиться по-настоящему. Несколько раз купались в Канале. Один раз съездили в Суздаль. Просто так, без подготовки, сели в «москвич» и поехали. Артур был свободен, а Света плюнула на свой огород.

Лето пролетало, отдохнуть толком не удалось.

В августе уже Светлана попросила Артура.

— Артур, а можешь на своей машине кое-что перевезти с огорода в Катуар, у нас обычная оказия не сработала.

«Знакомство с родителями? — Артур как обычно сначала испугался, а потом взбодрился. — Ну что, и познакомимся!»

Светлана, как всегда, угадала, о чем думает парень и сказала.

— Я родителям сообщила, что у нас одному сотруднику отец машину подарил. Он хочет научиться водить и всех охотно возит. Годится такое объяснение? Тебе не обидно?

Светлана, как обычно, защитила Артура, заранее сообщила ему, что он будет представлен родителям не как мил-друг.

Сговорились на субботу в середине дня. Артур приехал, скромно поздоровался и представился. Его посадили обедать. Обошлись без спиртного: раз гостю нельзя, то и хозяева не стали. Хотя, как показало Артуру, папаша был не дурак выпить.

Потом забили «москвич» банками и мешками до крыши, пожалели, что нет багажника. «Был бы внешний багажник, «москвич» бы лег на брюхо!» — подумал Артур.

Поехали к Светке домой, а родители ее остались в саду. Света и Артур ночевали в Катюаре.

— Тебе понравилось? — как обычно спросил Артур лежащую рядом, раскинувшись, Светлану.

Света недовольно шевельнулась.

— Конечно, понравилось. Только не в том смысле, не так, как ты спрашиваешь... Ты мне вообще нравишься... Мне все с тобой нравится, и это, и то. Я бы с тобой с удовольствием везде ходила под ручку, я бы тебе готовила, я бы дом наш убирала. Я люблю тебя!

«Ну, дает! — подумал Артур. — Что-то Светка сегодня разговорила? Раньше больше помалкивала или спорила, а тут запричитала. Пора валить, а то захомутаёт. Посадит на картошку!»

— Ты не бойся, я на тебя не претендую. А то стоит мне к тебе руку протянуть, ты весь поджимаешься и хочешь удрать... «Руку протянуть» — это я в переносном смысле сказала. Нет, я не про то... Я раньше думала, что я Володю Кучерова люблю. Уж мы с тобой... встречались, а я думала, что его люблю по-настоящему, а ты — это уступка жизненным обстоятельствам. Он такой талантливый, он такой добрый,

такой красивый. Но он — женатый, двое детей... И не важно, что я про его жену думаю. Я никогда бы не смогла к нему даже на шагочок подойти. А сейчас я поняла, что любовь эта была ненастоящая, что Володя для меня был как фотография киноартиста.

Артур лежал рядышком, иногда гладил девушку по животу. На душе было спокойно. Светлана его всегда сначала успокаивала, перед любым разговором обещала, что ничего от него не требуется, никаких обещаний она от него не ждет. Сейчас слушать ее чушь было не особенно приятно. Ну, да Бог с ней, пусть изливается...

— Понимаешь, ты не такой светлый человек, как Володя. Только не обижайся, я ведь правду говорю. Но я чувствую такую связь с тобой, как будто ты — часть меня. Как будто мы из одного полешка выструганы, два Буратишки... Нет, ты — Пиноккио, с иностранным шиком, а я — простая деревянная кукла из того же бревна. Если ты некрасиво поступаешь, или говоришь что-нибудь не то, мне бывает стыдно за себя, как будто это я не так сделала. Не знаю, как объяснить... Ты у меня первый, ты у меня и последний, я даже не представляю, что рядом со мной может быть кто-нибудь другой. Ты мне даже ближе, чем родители, они все-таки родители, я с ними всегда жила, привыкла к ним. А ты появился неизвестно откуда, и я без тебя не могу...

— Ах, ты, моя бедненькая, — сказал Артур, чтобы что-нибудь сказать. Слушать Светины излияния ему не очень нравилось, некоторое беспокойство они все-таки вызывали. Главное, чем больше излияний, тем труднее будет потом со Светой расставаться.

— Да нет, не бедненькая, ты опять не так понял. Ты мне открыл новую область, новые переживания,

незнакомую сферу жизни. Я с тобой, может быть, только и стала взрослым человеком. Я стала лучше понимать людей, я вижу глубже... А ведь это не последняя страница. Ведь будет еще материнство — вообще новая планета.

«Это еще что за новости! — подумал Артур. — Мы на эту планету не полетим!»

Светлана была идеальной подругой для Артура. Светлана ничего не требовала, никогда не говорила про свадьбу-женитьбу, почти никуда они не ходили вместе, потому что Светлана была повязана дальней дорогой, многими домашними обязанностями, работой на режимном предприятии и низким уровнем притязаний. Только первое, «судьбоносное» свидание Светлана организовала сама. Все последующие свидания устраивал Артур, заботясь о том, когда и где. Расходы для Артура были минимальные — все его попытки купить подруге что-то или помочь деньгами в тяжелую минуту Света пресекала, ударив в болезную точку: «А как я объясню?»

К ее некрасивости сам Артур привык и не огорчался, а больше Свету он никому почти не показывал. Несколько раз с друзьями выбирались «на прирону», вот, пожалуй, и все.

Единственное, что пугало Артура — это Светины монологи. То не любит его, а любит другого, хорошего, да еще с объяснениями почему, и с доказательствами того, что любить Артура не стоит. Теперь, оказывается, любит и чувствует душевное единство. Опять с доказательствами и свидетельскими показаниями. Оказалось, любить его, Артура, стоит. Да еще мечтает подруга о материнстве! Поздравляем будущего папашу! Чур меня...

Свидетельства внутренней работы, глубоких размышлений, душевных мук изливались на Артура в виде редких Светкиных декламаций. Слушая Светлану, Артур заглядывал в такие неведомые ему самому душевные глубины и чувствовал такой скрытый темперамент, что пугался и ощущал собственную неполноценность. Артур чувствовал, что Светлана, повязанная по рукам и ногам массой условностей, нехваток, страхов — внутренне такой свободный и порядочный человек, какого он никогда в жизни не встречал. Если Светлана решит, что это плохо и непорядочно, то ни за какие коврижки не заставишь ее это сделать. Если, наоборот, решит совершить нечто хорошее, даже во вред себе, то не удержишь ее никакими силами.

И Артуру хотелось что-нибудь сделать для Светланы, принести жертву этому kloкочущему внутреннему божеству.

А почему обязательно жертву? Можно ведь что-нибудь предпринять, так сказать, «обоюдоприятное»! Съездить вместе куда-нибудь далеко, к морю...

— Светик, — спросил Артур. — А давай съездим к морю?

Светлана опешила, замерла.

— Что молчишь? — продолжил Артур. — Смoтpи, август кончится, в начале сентября билетов в любой конец будет сколько угодно. Ехать меньше суток. Комнату снять на Южном берегу Крыма в сентябре — не проблема. Отгулов наберешь? Или пол-отпуска возьмешь... У меня тоже окно будет, директор... ну, это — не важно. Поехали?! Ты в Крыму-то была?

— Была один раз, родители путевку достали в пионерлагерь. Между Евпаторией и Севастополем.

— Ну, это совсем другой Крым! Песочек, степь. А на Южном берегу — субтропики, магнолии, горы, скалы. Ты рапанов ловила? Это раковины такие красивые.

— Я знаю, — сказала Света.

— А мидий ела?

— Каких мидий?

— На месте разберемся! Ты только кивни. Я все сделаю! — продолжил натиск Артур.

Светлана, улыбаясь во весь рот от уха до уха, трижды кивнула, задирая голову назад и опуская так, что подбородок касался груди. Она была счастлива.

При первом удобном случае Артур зашел в транс-агентство на улице 1905 года. Как ни странно, билеты до Симферополя были только плацкартные, боковые места. Ведь на сентябрь, на осень... Прокатить Светку в купейном вагоне не удастся. Ну и ладно, дотрясемся на боковых!

«ЛЕВЫЕ» РАБОТЫ

Артуру звонили знакомые и спрашивали: «Сможешь мне дать какие-нибудь рублевые реквизиты?» Это означало, что нужны координаты фирмы, выдающей наличные рубли. Или спрашивали долларовые реквизиты. Подобные услуги нужны были всем. Если в стране положили кирпич на кирпич, или написали компьютерную программу, или продали партию обуви, или вырастили урожай, значит, есть финансовые нарушения, самое распространенное из которых — обналичка.

Узнать искомые реквизиты было несложно, стоило только позвонить по телефону, указанному в рекламе. Но люди боялись рисковать, хотели посылать деньги туда, куда укажет Артур, так спокойней, и есть с кого спросить, в случае чего... И иметь дело хотели с Артуром, а не с неизвестными опасными людьми. Суммы были небольшие, потому что посылали деньги маленькие частные фирмы, в которых работали или которыми владели его однокашники — обналичивали оборотные средства и расплачивались со своими партнерами «черным налом». И доход Артура от этих операций тоже был невелик. Крупные предприятия к Артуру не обращались, у них были свои каналы, свои специалисты и собственная «черная» бухгалтерия.

Артур соглашался помочь, считай, по доброте душевной. Пожалуй, главная польза от этих операций состояла в том, что маленькие деньги знакомых ребят можно было использовать для проверки надежности очередной подставной фирмы. Эти фирмы приходилось довольно часто менять. Они закрывались и предупреждали, чтобы больше им деньги не посылали. В этих случаях Артуру нужно было искать новый «фантик».

Один раз, переведя такие «пробные» деньги, Артур не получил ничего, фирма исчезла. Артур отдал знакомому свои деньги, документы со сбежавшим контрагентом Артур оформил заранее, и никто ничего не узнал.

А тут позвонил совсем незнакомый парень, представился Андреем, сослался на общего знакомого и попросил обналичить небольшую сумму. Артур только что перевел крупные институтские деньги в контору, с которой уже имел дело, где его уже знали. Он

договорился со знакомым менеджером, что небольшую сумму от Андрея он объединит с большой, не дожидаясь поступления денег, под честное слово Артура. Поэтому эти небольшие деньги удалось выдать новому партнеру очень быстро, буквально на следующий день после отправки им денег на «Импульс».

Андрей, получив деньги, долго тряс Артуру руку и говорил, что с Артуром приятно иметь дело.

Через две недели Андрей снова позвонил с той же просьбой, но сумма была более значительная. До отъезда в Крым со Светланой оставалась неделя, куда переводить деньги, Артур не знал — предыдущая «знакомая» контора сообщила, что закрывается и попросила им денег больше не переводить. Артур ответил Андрею, что выполнить его просьбу не может, потому что уходит в отпуск.

Андрей стал умолять, объяснять, что они взялись за серьезный заказ, а без наличных денег выполнить первый этап не смогут, и работа уйдет от них.

Артур смалодушничал и согласился, решил, что за неделю успеет обернуться.

Выбрал обналичивающую фирму на Малой Грузинской улице, чтобы поближе к работе, мотаться по городу перед отпуском было некогда. Зашел в офис этой фирмы, поговорил с менеджером, взял реквизиты. Вроде все, как у всех. Ладно, рискнем.

И Артур перевел деньги Андрея по реквизитам, которые получил в новой конторе. Через два дня позвонил: «Пришли деньги?» И получил ответ: «Да, деньги пришли, но выдать сейчас не можем — у нас ремонт. Приезжайте через два дня». Здравствуйте! Какой ремонт! Кажется, вляпался.

Артур побежал на Малую Грузинскую. Около конторы уже собралось человек десять клиентов,

и все время подходили новые. Кто-то уже сбежал в банк, расположенный неподалеку, где был счет сбежавшего «фантика» и куда все пострадавшие переводили деньги. В банке не стали разговаривать, а потом вывели силой. Похоже, денежки ку-ку!

Обманутые клиенты собрались в кружок и стали обсуждать, что делать. Разноголосица была ужасная. Одни предлагали идти в милицию, другие — в арбитражный суд. На что жаловаться? Что договор не выполнен? Предмет договора — незаконное обналичивание денежных средств? Не смешите меня! Ах, у вас в договоре юридические услуги? А у вас выполнение строительных работ? Да все это шито белыми нитками! Нет, нужно нанять бандитов! Давай, давай, потом они с тебя не слезут! Вот что! Нужно обратиться в службу безопасности своего банка, может, они вытрясут деньги из их жульнического банка по своим банковским каналам? Не бесплатно, конечно...

Артур отстал от спорщиков, отошел чуть в сторону. Что бы ни предлагали, все пути требовали времени, а для Артура главным было уехать в Крым. Подвести Светку он никак не мог! Кроме того, деньги были не очень большие, можно напрячься, и отдать Андрею, скажем, половину суммы... С другой стороны, тогда на Крым ничего не останется. Да и с какой стати он, Артур, должен принимать на себя ответственность за пропавшие деньги, даже наполовину?! Ситуация-то другая, Артур же отказывался от этих денег, а Андрей настаивал!

Эти размышления прервал слегка поддатый парень. Он подошел к стоящему в стороне от кружка спорящих Артуру и сказал.

— Могу помочь вернуть деньги, есть такая возможность. Тариф — пять процентов от суммы. Полтора процента — предоплата, нужно сразу на расходы. Три с половиной процента — после получения денег.

— Спасибо, не нужно, — не принял предложение Артур, уж больно сильно от парня пахло спиртным, наверное, уже получил с кого-то полтора процента.

— Воля ваша, ходи голодный, — зло сказал парень и отошел искать другого простофилю.

«Так вот, — продолжил размышления Артур. — Надо срочно вызвать сюда Андрея. Пусть посмотрит, поварится, проникнется масштабом бедствия. Может быть, и предпримет что-нибудь. Пусть сам свои деньги достает. Оставлю ему доверенность от «Импульса». Ну, совсем бросать его все-таки совестно... Отдам ему четыре тысячи долларов своих, это — треть суммы».

Андрей быстро приехал, понял, в чем дело, и чуть не заплакал от расстройства.

— Что же делать! — в отчаянье восклицал Андрей. — Я пропал!

— Ну, уж ладно, — успокаивал его Артур. — Будем доставать. Для начала обратиться в свой банк, может, у них есть связи с этим банчишкой...

— Что? Куда! Как ты меня подвел! — продолжал стенать Андрей. — Мне послезавтра нужно заплатить четыре тысячи долларов за оборудование, иначе работа рухнет.

«Надо же, какое совпадение», — подумал Артур, но предлагать сразу ничего не стал — пусть Андрей со своей бедой ночь переспит.

На следующий день, когда Андрей приехал в «Импульс», Артур выложил четыре тысячи долларов: «Вот, достал, раз у тебя такое положение».

— А остальные? — с робкой надеждой спросил Андрей.

Артур дал ему папку с документами.

— Вот, копии договоров и прочих документов. Тут же и доверенность. Там написано, что ты можешь этим заниматься, — жестко сказал Артур. — Так что, остальные деньги сам доставай!

— А ты?!

— А я — в отпуске!

— В каком отпуске?! — повысил голос Андрей. — Такая катастрофа — все отпуска побоку!

— Какая катастрофа? Деньги потерял? Это не катастрофа, тем более что на первый расход я тебе дал, — успокаивал Андрея Артур. — Занимайся, может, еще что-нибудь вытацишь. Я через две недели вернусь, тоже подключусь.

— Так ты сбегаешь?! Думаешь, на тебя управы нет?!

— В таком тоне я с тобой разговаривать не буду, — сказал Артур. — Станешь угрожать, я у тебя деньги и бумаги отберу, а тебя охрана выкинет отсюда.

— Да я тебя... — кипятился Андрей.

— Что ты меня? — встал с места Артур. — Я тебе говорил, что я в отпуск ухожу. Ты не слушал и кланчил. Теперь орешь! Подумаешь, какая катастрофа: деньги хотел обналичить, а они пропали. К кому ты с этой бедой пойдешь? К бандитам? Думаешь, они тебя пожалеют и бесплатно меня зарежут?

— Ты меня зарезал! — взвизгнул Андрей.

— Ладно, без истерик! Я тебе говорю, объединяйся с другими, пишите заявления, что фирма взяла деньги за работу, ничего не сделала и сбежала. Просим арестовать счета, наложить арест на иму-

щество, найти негодяев. Может быть, что-то получится. Я думаю, что вряд ли. Наверняка они счета обнулили, имущества у них не было, а сами они далеко-далеко. Ну, я тут останусь, не поеду в отпуск, и что? Буду бурную деятельность изображать и сопли тебе подтирать? Нет! Иди, работай. Через две недели звони.

Андрей ушел раздавленный. А Артура долго мучила совесть. Первый раз в жизни он так жестоко поступил с человеком.

МИДИИ

От Симферополя до Алушты поехали на троллейбусе. Светлану все приводило в восторг: междугородный троллейбус, степь, но особенно — горы. Она прильнула к окну и замерла. Иногда Артур говорил, чтобы она посмотрела в другую сторону. Светка отрывалась от окна, ойкала, потом снова прижималась к стеклу.

Артур чувствовал себя волшебником, вводящим девушку в волшебную страну. Он хотел еще чудес, старался еще сильнее удивить подружку. Артур раньше времени стал тормошить Свету, приговаривая: «Смотри, что сейчас будет за поворотом!» Света смотрела вперед, но ничего особенно нового за поворотом не открывалось. На пятый, наверное, раз за поворотом стало видно море. Сразу большое, до полнеба. «Ой!» — вздохнула Света. Артур был счастлив.

В Алуште вылезли из троллейбуса, немного погуляли, перекусили в кафе, отдохнули и сели на катер. Билеты взяли до Ялты. Поплыли вдоль берега.

Светка немного устала, но, не отрываясь, смотрела на берег. Подплыли к Аюдагу. Артур с гордостью рассказал, что был в Артеке после шестого класса. Обогнули гору, открылся Гурзуф. Над набережной и санаториями ползла в гору татарская деревушка, такая красивая, такая живописная.

— Артур! — воскликнула Светлана. — Боже мой, какая красота! Это же чудо! Давай, здесь останемся!

Подхватили манатки и сошли с катера в Гурзуфе. Тут же на пристани договорились о жилье, точнее, их взяла к себе подыскивавшая квартирантов женщина, назвавшаяся Зинаидой Григорьевной, и повела по улице в гору, «на квартиру».

Зинаида Григорьевна сообщила, что ей пятьдесят семь лет, спросила, сколько лет ее новым жильцам, женаты ли они и откуда приехали. После этого сказала, чтобы кликали ее «баба Зина, меня все так кличут». Тогда еще слово «кликнуть» не было так тесно связано с компьютером и «мышкой», во всяком случае, для бабы Зины.

По дороге баба Зина не замолкала ни на минуту.

— У нас хозяйки разные. Есть очень принципиальные. Летом народу много приезжает, так они выбирают. Одна с России не берет, мы, говорит, в Украине живем, от москалей натерпелись, так хоть теперь отдохнем от них. Другая, она через дом от меня живет, только, говорит, селю законных супругов. Я, говорит, греху не могу потакать. Он тут с молодухой кувыркается, а дома у него, может, семеро по лавкам. А мне все равно, лишь бы порядок был. Чтобы ночью не шумели, чтобы чистота была, чтобы водой сами себя обеспечивали, чтобы баллоны с газом сходили поменять, если машина не придет. А я для своих отдыхающих все делаю. У меня и холо-

дильник есть для жильцов. Только яйца в холодильник я класть не разрешаю. Яйца и так не протухнут, а место в холодильнике занимают. А колбасу, молоко, пожалуйста. Ну, это, конечно летом, когда полно жильцов. Сейчас мало живут, можно и яйца класть. Баба Зина отдыхающих жалеет, это каждый скажет. Летом пришел один мужчина с мальчиком лет пяти. Я его спросила: «Что, сын писается по ночам?» «Писается», — говорит. А я все равно взяла. Куда ж им, на улицу, что ли? Ну и что, что писается? Может, из него, когда вырастет, ученый получится, или артист, или писатель. Тут у нас Чехов жил, слышали? Поселила папашу с сыном в беседке, она как дом, вся закрытая, только отопления нет. А зачем летом отопление? А так, две кровати, простыни, столик даже есть.

Светлана и Артур слушали эту курортную демагогию, а когда баба Зина останавливалась отдыхать, ребята уходили вперед и смеялись.

Дошли, увидели дом, бывшую саклю. Рядом с домом бабы Зины был построен длинный сарай для отдыхающих. Сарай делился на узкие комнаты, по семь квадратных метров каждая. В комнате умещались две кровати и тумбочка, которую, если поставить посередине и сидеть на кроватях, можно было использовать, как стол. Для чемоданов оставались две «щели» между спинками в ногах кроватей и стеной. Над «щелями» для чемоданов — две вешалки для одежды. В противоположной от двери стене было маленькое окошко.

Во дворе перед сараем стоял большой дощатый стол со стульями и скамейками, на которых могли одновременно рассестись 16 человек. Рядом под навесом — газовая плита с пятилитровыми балло-

нами. Поодаль был умывальник — длинный бак с кранами. За умывальником — уборная с четырьмя кабинами и душ той же конструкции, что и умывальник.

— Воду в баки отдыхающие сами наливают, по четыре ведра в день на комнату, — сказала баба Зина. — Баки всегда должны быть полные. Так участковый велел.

Отдыхающих было пять человек. У Бабы Зины жила молодая семья с дочкой-дошкольницей из Донецкой области. При знакомстве, узнав, что новые соседи из Москвы, молодой отец сообщил, что они с женой два года назад, оставив дочку теще, съездили на неделю в Москву, а Артур спросил у жителей Донбасса, не знают ли они Василия Трофимовича и Оксану из Донецка. Еще были родственники бабы Зины из Череповца, тоже молодой мужчина и его жена. Родственники платили, как и все. Льгота у них была только одна — когда хозяйка слишком долго говорила, родственник мог остановить ее: «Баба Зина, брось трепаться!» И хозяйка замолкала. Взамен этой льготы у него были родственные обязанности — баба Зина постоянно просила его помочь мужу, Федору Софроновичу, по хозяйству. Он иногда соглашался со словами: «Ну, баба Зина, ты даешь!» — иногда отказывался: «Не сейчас, баба Зина». Родственник был умелый и веселый человек, а Софроныч — пожилой, бестолковый и пьющий. Поэтому все делал родственник, а дед только ждал, когда будут обмывать успех. Теперь к отдыхающим прибавились Артур и Светлана, и стало семеро.

Артур был несколько смущен этой неизменной советской атмосферой «отдыха дикарем», когда нет

ни водопровода, ни канализации. И хозяйка всеми помыкает. Так хорошо отдыхать студентам, а он все-таки не студент, и деньги есть. Да, деньги есть, а привычки заранее заботиться о собственном комфорте нет. «Привык, что о семейном отдыхе родители думают, — корил себя Артур. — Надо это учесть на будущее. Ну, конечно, в гостиницу без штампа в паспорте соваться неудобно, да и «светиться» не хочется. Но, тем не менее, в следующий раз нужно подготовить площадку получше...»

А Светлана воспринимала эту обстановку как обычную и радовалась тому, что так легко все решилось с жильем, что у них хорошие, молодые и симпатичные соседи. Светлана с первого дня стала играть с соседской девочкой и даже оставалась с ней, если это не нарушало их с Артуром планов.

Погода стояла теплая, ясная, и первые два дня Света с Артуром провели на пляже.

На третий день поехали в Мисхор и поднялись на Ай-Петри по канатной дороге. Виды из окна кабины завораживали. Наверху Светлана была поражена, что за этой отвесной скалой лежит зеленая равнина. Светлана ожидала увидеть там скалы, каменные иглы, такие же, как Ай-Петри, ведь снизу казалось, что Ай-Петри — это игла, а не обрыв. Артур знал, что там равнина, плоскогорье, «яйла». Он уже был на Ай-Петри, только канатной дороги тогда не было. Ездил на машине с родителями. Но панорама Южного берега восхитила и его, побывавшего уже тут и все это видевшего.

Высокая, выше уровня глаз линия горизонта. Такая далекая, что подернута была дымкой. Ниже — море, еще ниже — полоска берега. Артур смотрел вдаль, очарованный красотой. Потом сел на камни

на краю обрыва и стал разбираться, где Мисхор, где Ялта... А там что, вдали, Симеиз? Невозможно было насмотреться на эту красоту, невозможно было надышаться этим простором. Уже все увидел, уже все обдумал, но покидать край обрыва не хотелось, уходить от такого очарования было жалко.

Такие места всегда привлекали людей. Обязательно нужна высота, широкий обзор. Желательно, чтобы была вода: океан, море, озеро, река. Хорошо, когда красивое место связано с важным историческим событием. Но в Португалии на мысе Сан-Висенти, юго-западной оконечности Европы, нет никаких памятников и туристических объектов, только крутой берег, вертикально обрывающийся к океану, океан до самой Америки или до самой Антарктиды, небо и ветер. Люди едут сюда постоять и посмотреть. А чтобы легкомысленные туристы в шортах не застыли на ветру, португальские рукодельницы продают шерстяные кофты грубой вязки на любые фигуры.

Не только сытая Европа ценит бескрайние дали. У нас полно таких мест, которые добрые люди обустроили для того, чтобы полюбоваться родными просторами. В Новгородской области недалеко от села Устрека Мошенского района, села, до которого только и идет асфальт, а дальше уже нет асфальта, на повороте дороги на холме устроена площадка. При строительстве дороги насыпали и утрамбовали два-три самосвала щебня, чтобы проезжий мог остановить машину и постоять, глядя на лес, на озеро, угадать, что за лесом есть еще одно озеро. А вокруг — деревеньки с гоголевскими названиями, такими, к которым не всегда проедешь на легковой

машине, как, к примеру, Закарасенье. Женщины из этой деревни носят белье полоскать к озеру, чтобы белье пахло свежестью. Идти метров за 300 вниз с холма, а обратно в гору с тяжелой корзиной... Постоишь, помечтаешь на холме, сядешь в автомобиль и поедешь дальше. А туристов там никаких не было никогда. Спасибо дорожному строителю, который устроил смотровую площадку, наверняка не предусмотренную сметой.

Погруженный в подобные мысли, Артур сидел на краю обрыва, свесив ноги в пропасть, смотрел вдаль, дышал полной грудью и не мог насмотреться и надышаться. Светлане надоело его ждать, да и сидел он над скалой очень опасно. Сейчас размечтается и свалится вниз. «Сильно-то не задумывайся!» — сказала Светлана и оттащила Артура от края.

Погуляли по зеленой равнине, несколько раз возвращаясь к краю, чтобы еще разок посмотреть. Выпили по стаканчику вина в палатке, закусили крымским персиком и по канатной дороге спустились вниз, стоя в кабине обнявшись и глядя в четыре глаза на приближающуюся землю.

Следующий день лежали на пляже, а через день Артур купил маски с трубками, ласты, выпросил у бабы Зины котелок, и они на катере поплыли в поселок Рыбачье, за Алушту, за мидиями. Не потому, что там особенные ракушечные места. Просто, Артур единственный раз в жизни собирал мидий в Рыбачьем и помнил, что к чему. Светлане он этого не объяснял, вел себя солидно, как бывалый подводный охотник.

Нашли место, довольно далеко от пристани. Артур полазил по кустам и нашел общественный противень.

— У нас же есть котелок, — сказала Света.

— Жареные мидии вкуснее, — объяснил Артур. — А котелок я взял на всякий случай, если бы противень не нашли... Вообще, какая будет добыча, а то сможем попробовать и вареных, и жареных!

Ныряли с маской, задерживали дыхание и выдували воду через трубку. Света быстро освоила технику такого плавания. Мидий на камнях было сколько угодно. Собирали их в основном Артур. Светлана плавала и смотрела, что там делается под водой.

Развели костер, насовали в противень с бортиками вертикально ракушки, положили противень на камушки над огнем и стали ждать, пока будет готово это варварское кушанье.

Артур располавливал раскрывшиеся раковины, поливал лимонным соком, солил, перчил и ел с хлебом, запивая вином и похваливая. Светлана осторожно попробовала уже разделанного моллюска. Сначала из рук Артура, потом сама разломила ракушку и выела содержимое, затаив дух и подавив отвращение. Поедание раковин казалось ей диким и неэстетичным. Но Артур был в таком восторге, что Светлана съела несколько штук, попросив Артура разделить для нее мидий и положить на хлеб. Потом сказала, что наелась и больше не хочет. «Лучше немного поголодать, чем такую гадость есть», — подумала она.

Оставшиеся жареные и сырые ракушки взяли с собой, решили устроить пир для всех постояльцев бабы Зины. Артур полагал, что соседи будут в восторге, Светлана сомневалась, но вслух своих сомнений не высказывала.

Дома, когда в кипящую воду побросали мидий и пошел запах, прибежала баба Зина с криком «Пога-

ное мясо!» и с требованием варку прекратить. Но за соседей вступился родственник: «Баба Зина, не мешай людям отдыхать!» А так как родственник в это время чинил хозяйский телевизор и работу еще не закончил, то баба Зина отстала от отдыхающих, приказав, чтобы потом оттерли котелок.

Вечером ребенка уложили спать и устроили праздничный ужин всемером — шесть отдыхающих и Софроныч. Баба Зина прислала на стол «шматок» сала, каждый принес, что мог, о выпивке позаботились заранее. Закусывать мидиями было совсем не обязательно. Светлана не съела ни одной.

Софроныч сразу окинул взглядом стол, поделил количество бутылок на количество мужчин и решил не рисковать. Подставил граненый стакан, сказав, что его руки, загрубевшие от тяжелой работы, «рюмку не чувят». Но от стакана Софроныч быстро ословел, сообщил, что он «переутомился, не в смысле водки», положил голову на руки и задремал во главе стола.

Молодежь за столом беседовала потихонечку, полегонечку. Рассказывали, каждый про свое. Родственник бабы Зины описал черное небо Череповца. Молодой отец сказал, что приехали в отпуск, наверное, в последний раз. Заводы в их городке стоят, зарплату не платят. Артур с восторгом рассказал, как они со Светой поднимались на Ай-Петри, как там красиво, как он сидел над обрывом, а Светлана его оттащила.

Вдруг встрепенулся Софроныч, поднял голову, оглядел всех мутным взором, остановил взгляд на Артуре и хрястнул кулаком по столу.

— Ты шо, идиот?! Ты бы с оттуда свалился и так орал, если бы еще мог орать! Надо уже спрашивать умных людей, когда своего ума нет!

Софроныч кричал с таким одесским акцентом, которого раньше у него не замечали. Агрессивный вопль Софроныча совсем не вписывался в общий тон. Все замерли. Чуть ли не собрались расходиться.

Обстановку разрядил молодой отец.

— Софронович, вы, мабуть, с Одессы?

— Ша, я с Молдаванки... — прокричал Софроныч и опять ударил кулаком по столу, но не так сильно, как первый раз.

— Так у меня мама с Одессы, ну, там близко, с Ильичевска, она всю жизнь так говорит, как вы.

— Тогда выпьем за Одессу-маму, — сказал родственник бабы Зины.

Софроныч опять подставил стакан, но налили ему меньше половины, не заслужил.

В следующие дни Светлана и Артур съездили еще в Ялту и в Ливадию. Намечали поездку в Севастополь и в Никитский ботанический сад, но ни сил, ни времени не хватило. Решили отложить визит в Севастополь до следующей поездки в Крым.

Пришел день отъезда. С соседями обменялись телефонами, но потом никто друг другу не позвонил. Летние знакомства редко поддерживаются. Купили в Симферополе на рынке по ведру персиков и погрузились в поезд. Отпуск удался! Дел в Москве полно...

БАНКИРЫ

Парень-операционист был неузнаваем, дерганные движения пропали, его как будто маслом смазали. Он принял у Артура платежки, отдал копии и другие документы, подписанные банком, и сказал почтительно.

— С вами желает поговорить Раиса Хамзеевна!

— А кто это? — спросил Артур. Он знал, что операционист назвал даму — председателя правления банка, но хотелось подразнить вихлявого парня.

Парень вылупил глаза и уставился неподвижным взглядом на Артура. Видимо, он соображал, кто перед ним: полный идиот, который даже не знает, кто такая Раиса Хамзеевна, или настолько крутой мэн, что может позволить себе не знать такого большого человека. Решив на всякий случай ничего не объяснять, парень продолжил.

— Она просила вас подойти к 12 часам. Сейчас, наверное, приедет, — добавил операционист, поглядев на часы.

Артур забрал документы, спрятал их в портфель и потихоньку направился к вестибюлю, из которого он входил в операционный зал. Другая дверь из вестибюля вела в служебные помещения банка, куда клиентов не пускал охранник. По дороге Артур привычно читал объявления на стенах. Теперь он в них уже кое-что понимал.

Когда Артур подошел к вестибюлю, обе створки высоких дверей на улицу распахнулись, охранники вытянулись, и в банк вошла живописная группа. Основное ядро ее составляли пять красивых высоких мужчин в дорогих костюмах, которые, не смешивая рядов, прошли в двери, не глядя по сторонам. Выражения лиц, которые были у этих мужчин, не появляются сами собой, а создаются специально, перед зеркалом. Лица их выражали значительность, неприступность, богатство и уважение к своей личности. Пожалуй, даже перед зеркалом за короткий срок такого выражения лица не добьешься! Тут и питание требуется хорошее, и парикмахер нужен, и

кремы всякие, и психологическая поддержка, чтобы говорил кто-нибудь постоянно: «Какой ты красивый, успешный и замечательный!»

Перед группой этих роскошных мужчин шла, прихрамывая, маленькая брюнетка в черном платье. Она была как дядька Черномор при богатырях. Она радикально отличалась от идущих за ней мужчин живостью и непосредственностью. Она смотрела по сторонам, все замечала и во всем, что происходило вокруг, участвовала. Чуть задержавшись в дверях, она сказала охраннику: «Андрюша, я твой вопрос решила!» Указав на постер, висевший на стене вестибюля, повелела: «Убрать, устарел». Один из свиты достал блокнотик и чиркнул в нем. А вся свита согласовала темп шествия, плавного и размеренного, с неравномерным движением и неожиданными остановками хромой женщины.

Это и была Раиса Хамзеевна. Артур увязался за группой, чтобы попасть в приемную, но его отсек охранник у входа в служебную часть банка. Прошедшая уже внутрь Раиса Хамзеевна обернулась, при этом «богатыри» качнулись влево и вправо, чтобы не загораживать руководительнице обзор.

— Пропусти его, — на ходу сказала Раиса Хамзеевна охраннику. Группа сомкнула ряды и пошла дальше, а охранник сказал Артуру: «Пожалуйста, проходите».

Артур прошел в приемную, у входа в которую сидел еще один охранник. «Ну и ну! У каждой двери охранник, — подумал Артур. — Как в кино про Штирлица!»

После пяти минут ожидания секретарша пригласила Артура в кабинет. Артур вошел и осмотрелся. Стены кабинета были обшиты панелями

светлого дуба, в центре стоял стол для заседаний с инкрустированной столешницей, около которого расположились мягкие стулья с круглыми спинками, в стороне стоял черный кожаный угловой диван с журнальным столиком. В «красном углу» на простой полочке находились православные иконы — Господь Вседержитель, Казанская Богородица и Николай Угодник.

Хозяйка кабинета сидела за письменным столом и вела напряженный разговор по телефону. Видимо, ей позвонили, пока Артур входил в кабинет. Она прервала разговор и сказала Артуру.

— Вот, — Раиса Хамзеевна указала на стены. — Посмотрите, что мы за банк! А я сейчас закончу — это важно.

По стенам кабинета в скромных рамках были развешаны благодарственные письма банку и лично Раисе Хамзеевне от епископа Орловской епархии, от директора детского дома во Владимирской области, от главного врача больницы в городе Кыштыме, а также свидетельства о высоких достижениях банка, и о победе Раисы Хамзеевны в конкурсе на звание «Деловая женщина России».

Закончив телефонный разговор, хозяйка кабинета дала возможность Артуру дочитать письма и свидетельства на стенах и пригласила к своему письменному столу.

— Вы — наш клиент уже более полугода. Я решила с вами поговорить. Ваше предприятие «Импульс», как я понимаю, дочерняя фирма института Закурдаева. С Юрием Иннокентьевичем я лично не знакома, но работать с предприятием, возглавляемым таким известным ученым, лестно для любого банка. Если институт захочет открыть у нас счет, мы

с радостью примем такого клиента. Вопросы кредитов на зарплату или на другие нужды будут решаться у нас быстро и взаимовыгодно, расчетно-кассовое обслуживание у нас образцовое, вы знаете. С нами работать значительно удобней, чем, например, со «Сбербанком». При случае передайте Юрию Иннокентьевичу привет от банка «Тишинский» и от меня лично. Секретарь вам даст сувениры для вас и для Юрия Иннокентьевича. Эти сувениры имеют познавательный и рекламный характер — по ним можно составить впечатление о нашем банке.

— Спасибо, — сказал Артур. — Обязательно передам.

Раиса Хамзеевна стрельнула на него глазами, и Артур пожалел, что влез. Банкирша продолжила.

— Сейчас тяжелое время, и многие предприятия переживают трудности. Хорошо, что ваш институт не растерялся, применяет современные методы хозяйственной деятельности, бережет научный потенциал. Трудные времена закончатся. Но к тому времени Россия должна сохранить статус великой державы. Успешные коммерческие предприятия, особенно банки, должны заботиться также и об этом. Конечно, нам необходимо деньги зарабатывать, иначе нас сожрут. У нас нет возможности прямо финансировать научные работы, это нам сейчас не по силам. Но, по мере возможности, участвовать в сохранении культуры и науки в России мы обязаны, и кое-что делаем, — Раиса Хамзеевна обвела широким жестом благодарственные письма на стенах. — В этом плане я решила создать для вашей фирмы наиболее комфортный режим работы. Конкретные вопросы обсудите с Алексеем Федоровичем, моим заместителем. По всем вопросам обра-

щайтесь к нему. Сейчас пройдите познакомиться. Желаю успеха.

Раиса Хамзеевна улыбнулась, Артур встал, поблагодарил и покинул кабинет. В приемной к нему подошла секретарша с двумя красивыми пакетами. Но Артур после разговора с Раисой Хамзеевной настолько переполнился чувством собственной значимости, что подарков не взял, а сказал.

— Отдайте их мне после разговора с Алексеем Федоровичем. А сейчас проводите меня к нему.

Секретарша послушно вернула пакеты в шкаф, прикрытый раздвижными дверцами, повернулась к Артуру и пригласила следовать за ней.

У Алексея Федоровича тоже был большой кабинет, но меньше, чем у начальницы, и без икон. Стол для заседаний был поменьше, а дивана вообще не было. На боковой стене висел старинный мужской портрет в резной раме, наверное, очень дорогой, а над головой хозяина кабинета — портрет Ельцина. В углу стояли вместе флаг России и флаг Москвы.

Алексей Федорович привстал, опираясь левой рукой о подлокотник кресла, поздоровался с Артуром за руку и снова плюхнулся в кресло. Это был один из тех великолепных мужчин, которые сопровождали Раису Хамзеевну в шествии по коридорам банка. Но говорить с Артуром Алексей Федорович начал просто, без фокусов.

— Наш банк участвует в нескольких крупных проектах по всей стране. Но мы стараемся крепко стать на ноги в Москве, в особенности в нашем Краснопресненском районе. За это направление работы в банке отвечаю я. Это не только финансовые операции. Мы собираемся осуществить благотворительную программу в районе. Супруг Раисы

Хамзеевны баллотируется в Мосгордуму от нашего округа. Я вам дам два предвыборных плаката и попрошу повесить эти плакаты в вашем институте на доску объявлений и еще куда-нибудь. Шансы пройти у него невелики, вместе с ним баллотируются несколько сильных конкурентов, например, главный редактор «Московского молодежного листка» Павел Каплунов и другие узнаваемые деятели. Но мы решили участвовать в избирательной кампании. Мы налаживаем тесные отношения с крупными предприятиями района, помогаем реализовать зарплатные схемы, которых сейчас множество. И с вашим институтом мы хотели бы сотрудничать.

Алексей Федорович прервал свою речь, вызвал секретаршу и попросил принести кофе для себя и для гостя. Отхлебнув кофе и подождав, пока выйдет секретарша, Алексей Федорович продолжил.

— В настоящее время ваша деятельность, с точки зрения банковского работника, кажется не совсем оптимальной. Такая обналичка...

Услышав это слово, Артур вскинулся и уставился на заместителя расширенными глазами.

— Ну, что вы, Артур Артурович?! Не пугайтесь, не нервничайте, ведь мы же банкиры и кое-что понимаем. Ну, ладно, не нравится это слово, так скажем по-другому. Такие «финансовые операции доверительного характера», которые вы проводите, связаны с риском и излишними расходами. Зачем вам посылать куда-то деньги, иметь дело с фирмами, которые могут исчезнуть с вашими деньгами? Наш банк выдаст вам, что требуется. И ни возить деньги издалека, ни носить деньги по улице не придется. Вот пропуск, по нему вас будут пускать на парковку на территории банка, за шлагбаумом...

Только не раздавите своим «москвичом» какой-нибудь «мерседес»!

Тут Алексей Федорович захохотал: ему и шутка собственная понравилась, и позабавило смущение клиента от того, что слово «обналичка» произнес вслух посторонний, и то, что все так просто и здорово!

Даже оторопевшего Артура удивило, что такой надутый господин так заливисто смеется. «Наверное, он свою маску надевает, когда выходит из кабинета... или на переговорах с более солидными клиентами», — подумал Артур.

— А каковы условия «доверительных операций» в банке? — спросил Артур.

— Если бы вы могли подписать договор на закупку за наличные деньги сельскохозяйственной продукции у населения, то получали бы деньги прямо в кассе банка под 1%, — снова стал серьезным Алексей Федорович. — Но такой договор, я думаю, для вас нежелателен. Поэтому нужна «прокладка», процент будет больше, но вас он устроит. При этом «прокладка» будет наша, банковская. И банк гарантирует, что «прокладка» не сбежит, не смоеется. Хочу вам объяснить, Артур Артурович, что банк живет не с этих процентов, наличные деньги у нас вы будете получать, практически, по себестоимости. Банк живет от объема средств, находящихся в его распоряжении. Вот если бы вы не сразу забирали у нас деньги, а давали бы нам пару дней, лучше, неделю, то мы были бы вам благодарны.

Артур вышел из кабинета заместителя в сильном возбуждении — задание директора работать непосредственно с банком выполнено! Причем без особых усилий, как будто случайно. Не нужно искать

липовые конторы, все сделает банк. Идут навстречу, относятся по-человечески, сами предложили «дружбу»! Но и озадачили слегка. В руках у него были пакеты с сувенирами и скатанные в трубочку предвыборные плакаты.

«Везет, да и только! — думал Артур. — И тайна липовых фирм теперь раскрыта. Эти конторы получают в банках деньги на закупку березового сока или сосновой смолы — «живицы», а потом исчезают бесследно. Ни денег, ни «живицы»... Хорошо, есть, что директору доложить. А то Юрий Иннокентьевич, после того как я попытался ему всучить пять «штук», стал на меня немного сбоку смотреть, не прямо. Пожалуй, про то, чтобы институт открыл счет в «Тишинском» банке, директору сразу говорить не стоит. Лучше попытаюсь организовать визит директора в банк. Ведь ему любопытно узнать, с каким банком «Импульс» работает! Может, он думает, что это — какая-нибудь «шарашкина контора». Приедем, а здесь такое! По моему пропуску нас на стояночку поставят, здание шикарное, охранники на каждом шагу, Раиса Хамзеевна — умная женщина, значительная, а заместители — как члены императорской фамилии, их профили можно на монетах чеканить. Пусть они и уговаривают директора открыть счет в «Тишинском»... А Юрий Иннокентьевич — величина! Не будь его, не предложили бы сотрудничества. Раиса Хамзеевна говорила про него, как про Туполева или про Королева. Конечно, директор сообразит, что операции непосредственно через банк станут дешевле. Пожалуй, я и не стану ждать, пока директор спросит об этом, а сам назову новые ставки. Ну и что?! Хватит денег и институту, и мне, и Оксане, и Александру Павловичу! Ура! Не

будет больше жуткого страха, что пропадут чужие деньги, посланные неизвестно куда! Не будет больше такой занозы в душе, какую оставил бедняга Андрей. Ей-богу, с первых больших заработков верну Андрею деньги. А что, найду его и верну!»

ПУЛЯ

— Скоро, скоро — на седьмой! — сказала в трубку Светлана.

Артур вышел из-за стола, заглянул в кабинетик Евгении Сергеевны, сказал: «Я отойду ненадолго», и вышел из комнаты.

На 7-м этаже, на площадке около лифта, стояли ребята и девушки из Светкиной конструкторской бригады.

Как только появился Артур, Светлана сказала: «Пошли!» — и повела всех к лестнице. По дороге Светлана сказала Артуру: «Идем посмотреть, как танки по Белому дому стреляют. Сейчас по телевизору, по CNN показывали обстрел. Я ключи от крыши достала». Глаза у Светы горели, скулы покрылись темно-красным румянцем. Она гордо и вдохновенно вела свою группу. Все послушно шли за ней.

На лестничной площадке остановились, ждали, пока Светлана искала нужный ключ на связке. Лестница вела вверх, лестничный пролет загораживала ажурная калитка, запертая на замок. На калитке висела табличка с надписью «Посторонним вход запрещен. Ключи у тов. ... Тел. ...». За калиткой лестница имела уже не жилой, а технический вид: узкая, с серыми ступенями и металлическими перилами. Ясно было, что туда просто так ходить не следует.

Никто из ребят там не был никогда. Возникла тревога, беспокойство, дисциплинированным конструкторам захотелось уйти... Тут еще Светка возится с ключами...

— Слушайте, а не ищем ли мы приключений на свою задницу? Ведь, точно, стукнут, доложат, что мы на крышу лазили, — сказал один из парней. Остальные выжидательно смотрели на Свету, ждали ее решения — идти дальше или возвращаться. Артур с любопытством наблюдал, как его Светка командовала людьми.

Светлана нашла наконец ключ, открыла калитку, ступила одной ногой через порог и, стоя так — одна нога в запрещенном пространстве, другая — в разрешенном, сказала товарищам:

— Ребята! Я читала, как одна знаменитая московская семья в семнадцатом году запаслась мукой и постным маслом. Когда на улицах начали стрелять, они заперлись в своей квартире, не выходили несколько дней и жарили оладьи. Вот автор книги всю жизнь потом жалел, стыдился, что кроме оладий, про революцию ничего не помнит. Такое дело мимо прошло! А ведь он был тогда ребенком! А мы с вами — взрослые уже. Давайте, хоть одним глазком глянем на историческое событие!

— Ладно, пойдем, посмотрим... — ребята поддались на агитацию.

Группа прошла в калитку, которую придерживала Светлана. Светлана закрыла калитку на ключ, так велел комендант. О том, что произошло дальше, рассказал директору предприятия его заместитель по режиму Игорь Петрович Аверин.

Заместитель директора по режиму пришел с докладом о гибели Светы к Юрию Иннокентьевичу.

Перед этим он позвонил директору и попросил его принять и выслушать.

— Я намерен вам нарисовать объективную картину того, что произошло. Суть дела, так сказать.

— Что вы называете «делом»? Гибель девушки? — с раздражением ответил директор. — Я и так все знаю.

— Сомневаюсь, что вам известны все обстоятельства... дела. Выслушайте меня, Юрий Иннокентьевич. От того, как мы с вами поговорим, зависят наши дальнейшие действия. Если мы поймем друг друга, это будет полезно для всех... кроме погибшей девушки, разумеется.

— Ладно, извините. Приходите сейчас.

Вот, что Игорь Петрович поведал директору.

— Было так. 4 октября около 10 часов утра группа молодых людей, шесть человек, три девушки и трое юношей, пять конструкторов и Калмыков, взяли у дежурного ключ от чердачного помещения. Забрались на чердак, вылезли на крышу, чтобы посмотреть непосредственно на происходящее на Калининском мосту. Маслакова была инициатором экскурсии. Как только ребята вылезли из будки, через которую выходят на крышу, тут же попали под огонь: они увидели, что в кирпичную стенку будки ударила пуля. И сообразили, что это действительно была пуля. Крыша находилась под наблюдением снайперов, имевших приказ не допустить обстрела танков на Калининском мосту с крыш окрестных зданий. Ребята испугались и спрятались. Решили вернуться и не рисковать. Маслакова сказала, что должна хоть разочек взглянуть. Как только она выглянула, получила пулю в голову. Мгновенная смерть. Остальные оттащили мертвую девушку на

Маслакова сказала, что должна хоть разочек взглянуть. Как только она выглянула, получила пулю в голову. Мгновенная смерть. (К стр. 198.)

чердак. Не поняли сразу, что Маслакова убита, думали, что в реальной жизни так не бывает. Перепугались ужасно — что всем за это будет. Два парня сказали, что у них много работы, и им нужно идти. Калмыков вытащил из кармана ветровки мертвой девушки ключи от калитки и вывел этих двух трусов с крыши. Парни ушли к себе и спрятались за кульманы. Сам Калмыков побежал в медпункт за помощью, а девушки остались около тела. Медсестра из медпункта позвонила мне. Наши приехали и забрали труп.

— Как Калмыков затесался в эту компанию? — спросил директор.

— Он, когда материалы для доклада готовил, сидел у них в КБ, плакаты рисовал, и познакомился с конструкторами. С погибшей у него был роман. У Маслаковой обнаружили беременность — три недели, возможно, сама еще не знала. Калмыков рассказал мне, как и для чего полезли на крышу, от своего участия в экскурсии не отказывался, от любви своей тоже не отказывался. Девушку погибшую не бросил, при беседе не ерзал, не юлил, в отличие от двух других парней. Про беременность мы ему не стали говорить. Не нужно еще больше драматизировать ситуацию. Поступило указание: дело спустить на тормозах, не афишировать подробности, ведь, фактически, это было убийство по неосторожности. Снайперу тоже не сказали, что он убил человека: сгнал посторонних с крыши, и молодец.

— Как распознается ваше «дело»? Калмыков, снайпер...

— Неясно, что их объединило, Калмыкова и Маслакову. Он — мажор, сын большого человека, сюда попал случайно, — заместитель поднял гла-

за на директора и поправился. — Почти случайно. Она — из семьи железнодорожных рабочих. Ее родители до сих пор в полосе отчуждения картошку сажают, с того и живут. Она была заботливая дочка. Родителей почитала, но путь себе наметила вопреки их пожеланиям, не слушала советов отсталых родителей. Окончила дневной институт, в бригаде своей работала хорошо, считалась перспективным конструктором. Не особо красивая, но добрая и надежная. Упорная, и для себя все сама решала.

— Одна она у родителей? — спросил директор.

— Старший брат еще есть, женатый, в Долгопрудном работает на заводе слесарем-сборщиком.

— Да, жалко девочку... — сказал директор, увлекшийся рассказом. — Я, действительно, не так все себе представлял...

— Уголовного дела решили не заводить, все проведем, как несчастный случай. Прошу у вас разрешения в этом ключе провести служебное расследование. Бездельника, который ключ ребятам передал, предлагаю уволить. Приказ, выговоры и прочее — я подготовлю предложения. Прошу еще изыскать средства, родителям передать и похоронить за счет предприятия. Жалко девчонку, из-за озорства погибла.

— Да, да... Готовьте ваши предложения.

Артур сидел вечером один в офисе «Импульса» и выл, как старый вдовец... даже, как старая баба, роняя слезы и произнося некоторые слова вслух.

— Светик мой бедненький! Как же так случилось?! Мне в голову не пришло, что там опасно,

а то я бы... я бы не пустил, я бы загородил... Светочка, солнышко, любимая моя, на кого ж ты меня покинула?! Я без тебя не могу, я привык к тебе. Умница моя, ничего я не успел для тебя сделать, все боялся чего-то, а надо было все бросить и к тебе прилепиться... и чужих не подпускать. Тогда, в июле, поехали «на шашлыки», два школьных товарища с подружками и мы со Светкой. Девчонки отошли, а мне один говорит: «Светлана твоя какая-то малоэффективная», а другой: «Артурчик, ты чего такую некрасивую привел?» Много они видят! Я им: «Вам, козлам, не понять!» Ну, они сообразили, что я серьезно говорю, и не стали эту тему развивать. Тогда хоть защитил Светочку... Какой же человек хороший ни за что пропал! Какая же сволочь велела по людям стрелять! Негодяи, негодяи!.. Убийцы! Светик, родненькая, никогда больше мне такое сокровище не найти...

Поплачем и мы, повоем вместе с Артуром над нашей Светочкой! Растоптали, вырвали, выбросили бедную травиночку. Схоронили бедняжку. Родне объяснили, что несчастный случай, что-то там выстрелило на испытаниях, а что выстрелило — нельзя говорить, государственная тайна. А Светлана вышла из укрытия. Дали родителям «материальную помощь» и похоронили за счет института. Отец был польщен, что на похороны приехал заместитель директора института на черной «Волге», и что для родни выделили институтский автобус. Мать слегла, когда узнала о гибели дочери, но к похоронам поднялась, пошла. Брат Светочкин с женой от матери не отходили,

а сынишку своего пятилетнего не взяли на похороны, оставили у друзей.

Ведь до 26 лет не дожила девочка! Всю жизнь свою она трудилась, старалась, каждая съеденная ею крошка хлеба, каждое надетое платьице были ею заработаны. Каждая мысль в ее бедной головке была выношена, каждый ее поступок диктовался честными и благородными побуждениями. Все только по заслугам, и ничего сверху.

А тут мелькнула удача. Полюбила парня. И парень к ней привязался, хорошо было Артуру со Светочкой. Как будто лихой кавалерист, смелый, легкомысленный и богатый, стал на постой в теплом, уютном и гостеприимном доме. И «постой» затянулся бы надолго, женился бы Артур на Светлане. Где бы он нашел такую девушку среди генеральских дочек?!

Какая поездка у них с Артуром получилась хорошая! Молодая любовь, великолепие Крыма! И ребеночек ведь мог быть, зачатый в любви в каморке бабы Зины. И ничего не получилось! Погибла Светлана!

Из-за чего и кто ее убил? Кто стрелял из танковых орудий по белому зданию на набережной Москвы-реки, кто поджигал снарядами внутренние помещения, кто пожарами коптил фасад? Разве в Белом доме укрылись захватчики или террористы? Нет, там сидели их же бывшие товарищи, друзья и заместители, с которыми недавно поссорились.

Кто, в соответствии с положениями тактики уличных боев, рассадил снайперов по крышам зданий? Для чего? Чтобы они убивали вражеских солдат с противотанковыми гранатометами? Так, может быть, и положено при уличных боях, когда

идуций по улице танк особенно уязвим. Но убивали-то они не истребителей танков, а любопытных людей, желавших посмотреть, и случайных горожан, подошедших к окнам!

Это наши руководители боролись за власть. Они волею случая заняли командные вершины, оттолкнув конкурентов. Они не имели понятия, как управлять огромной страной, но старались не пустить наверх других. Не политика, а игра в «царя горы». Дрались не за свои идеи, не за свои программы, которых не было. Они защищались и нападали, изображали государственных деятелей, воровали и совершали действительно государственные преступления. Стремилась не выпустить власть из рук до самой смерти. А если слабели и упускали власть, то проталкивали на свое место преемника, который пообещал бы не отнимать у предшественника наворованное, не сажать его в тюрьму и не отстранять детей от должностей.

Разве они думали о людях? Разве они боялись, что убьют кого-то? Разве их пугало, что от выстрела снайпера может погибнуть девушка? Они рвались к власти, к деньгам, к возможности бесконтрольно воровать. Кто бы ни победил, те или эти, для Светланы ничего не изменилось бы: она так же работала бы за кульманом и получала бы ту же маленькую зарплату. Это потом они придумали, что не будь стрельбы в центре Москвы, была бы гражданская война и погибло бы много народу. Что они могут знать?! Что они могут предвидеть и объяснить? Врут они все, не верьте им, люди. Это не государственные деятели, а обычная шпана, дорвавшаяся до власти. Прощай, Светик! Не надо бы тебе лазить на крышу!..

СТРАХ

Зазвонил телефон. В ответ на Артурово «Але!» в трубке зазвучал незнакомый молодой голос.

— Артур Артурович! Вас беспокоит Бородин Денис Витальевич. Мне бы хотелось встретиться с вами и поговорить, чтобы нам никто не мешал.

— А кто вы, о чем мы будем говорить?

— Я... — хозяин молодого голоса замялся, а может специально сделал паузу. — Скажем, из контролирующих органов. При встрече я вам представлюсь по всей форме. Когда и куда можно прийти?

Договорились встретиться на углу, недалеко от предприятия. К Артуру подошел молодой человек, лет тридцати, одетый в куртку, вязаную шапочку, джинсы и кроссовки. Поздоровались за руку. Молодой человек назвал себя Денисом Витальевичем Бородиным, полез в куртку, достал и показал Артуру удостоверение, в котором было написано, что он — капитан. Денис Витальевич предложил прогуляться, и они двинулись по улице по направлению к скверу на Большой Грузинской улице, рядом с зелененьким особняком, бывшим посольством ФРГ, собираясь там посидеть на скамеечке и поговорить.

Но в сквере не только скамейки, каждый клочок земли был занят людьми. Целые деревенские семьи сидели на чемоданах и узлах, брошенных на землю. Женщины в платках и в темно-красных плюшевых жакетах, мужчины в шляпах и двубортных пиджаках, дети. Рослые и маленькие люди с европейскими и азиатскими лицами.

— Ух, ты! — воскликнул Артур.

— Это — немцы, — объяснил Денис Витальевич, а так как Артур не сразу понял, объяснил. — Потом-

ки немцев, переселенных в Казахстан. Поэтому — много азиатских лиц. Они захотели в фатерлянд вернуться, на родину предков по немецкой линии. Да, тут не поговоришь... Пошли в зоопарк!

Молодые люди двинулись по Большой Грузинской вдоль забора зоопарка. На углу с Пресней Артур стал, было, заворачивать к кассам, но Денис Витальевич прошел мимо кассы и, взяв Артура под руку, показал свое удостоверение контролеру, и их пропустили в зоопарк без билетов.

Прошли мимо пруда, мимо грустного пони, с которым фотографировались дети, вышли на площадь зоопарка. Народу в этот осенний день было немного, но и скамеечек не было. Наконец нашли, где пристроиться.

— В связи с тем, что предприятия, подобные вашему, стали работать с инозаказчиком, возникла опасность утечки закрытых данных по каналам, которых раньше не было, — начал заученную речь Денис Витальевич. — То, что передается иностранцам по контрактам, нами контролируется.

Артур напряженно слушал вступление, ждал, когда капитан перейдет к сути. О том, что первый контракт с Китаем подписан и на очереди еще два, Артур слышал, как и все другие работники института. Как скажется это событие на «Импульсе» и на нем самом, Артур пока не представлял.

— Но есть еще один канал возможной утечки информации, который вызывает беспокойство у органов госбезопасности, — Денис Витальевич стал говорить медленнее, не так заученно, последние слова произнес солидно, как будто он и есть этот самый орган, поэтому беспокоится. — Предприятия стали заключать договора с коммерческими структурами.

Например, ваш институт работает с предприятием СКТБ «Импульс». Вы в курсе дела?

— В курсе... — вяло ответил Артур.

— Это предприятие включено в перечень фирм, с которыми вашему институту разрешено работать. Но не ясно, на каком основании. Никаких лицензий у «Импульса» нет, Первого отдела там тоже нет. Как они работают с секретной документацией?

— А они не работают.

— А, значит в договоре все написано открытым текстом? Даже если там нет ничего секретного, характер договора, названия деталей, узлов, блоков, сроки исполнения — все это типичная утечка.

— Но это предприятие выполняет только вспомогательные работы, по этим работам нельзя ничего понять...

— Кому нужно, тот поймет, — твердо сказал Денис Витальевич. — Вы видите, что повод для беспокойства есть. Вместе с тем мы не хотим вмешиваться в распределение работ, в исполнение заказов. Работайте, выполняйте контракты наших восточных друзей. Но контролировать процесс мы должны.

— Конечно, должны, — поддакнул Артур.

— Вот и хорошо, что вы понимаете, — забил колышек Денис Витальевич. — А контролировать мы можем, только имея информацию. Мы, конечно, могли бы в институте запросить сведения. Но это надо делать официально. Ненужный шум, беспокойство для вашего руководства. А что если вы нам будете сообщать необходимые сведения по договорам между институтом и «Импульсом»?

— Как сообщать?

— Например, передавать копии договоров. Ведь на малом предприятии это несложно сделать?

— Как... Нужно подумать, как это оформить. Наверное, нужен запрос? — мямлил Артур.

— Я же вам говорю, — Денис Витальевич выразил голосом некоторое нетерпение, даже раздражение. — Запросы и прочее — это официальный путь, с привлечением нашего руководства. Подпишут запрос, потом будут спрашивать, как дела. А мы никакого «дела» не хотим заводить.

— Да ведь мне тоже не хотелось бы становиться «крысой» на предприятии. Ну, что это? Потихоньку договора передавать... — первый страх у Артура прошел, и он начал выяснять обстановку.

— Но вы же понимаете, нам необходимо изучить этот канал возможной утечки информации, — настаивал Денис Витальевич.

— Есть способ... — предложил Артур. — Давайте, я согласую с кем нужно, и мы вас примем в «Импульс» на работу делопроизводителем. Будете знакомиться с бумагами... Еще и зарплату будете получать.

— Это не подойдет, — тут же ответил Денис Витальевич. Он явно не желал «светиться». И его явно не интересовали деньги в масштабе зарплаты делопроизводителя.

— Тогда, давайте так. Мы оба подумаем, а в следующий раз примем решение, — воспользовался отступлением капитана Артур. Он понял, что главное для него сейчас смотаться, выиграть время и подтянуть «главные калибры». К тому же было холодно, и оба парня замерзли.

— Ну, что ж, — согласился Денис Витальевич. — Я вам позвоню.

— До свидания! — протянул руку Артур. — Я зайду на Новую территорию, давно не был на Новой территории...

Артур отступал задом, потом повернулся и быстро пошел к лестнице на мостик через улицу, по которой они полчаса назад прошли с Денисом Витальевичем. Бегом взбежал на лестницу, перешел, спустился с другой стороны и тут же вышел из зоопарка вон и побежал к предприятию. Взглянул налево, и ему показалось, что сквозь забор зоопарка на него смотрит Денис Витальевич, нехорошо смотрит, подозрительно.

«Ах, ты! Зачем я здесь вышел! Он же видел. Надо было пройти Новую территорию насквозь и выйти за обезьянником. Если там сейчас выхода нет, хоть через забор перелезть...»

Страх, ужасный страх овладел Артуром. Спина, как обычно, мгновенно вспотела, мысли лихорадочно заметались. Решив тут же рассказать директору о встрече с капитаном, Артур уже не думал, что делать, а просто бежал к предприятию. Потом, сообразив вдруг, что бежать неприлично, это — подозрительно, быстро пошел, обгоняя попутных прохожих и увертываясь от встречных. Но бег, панический хаос мыслей в голове продолжались. Что же теперь будет?! Раскроют все эти схемы с «Импульсом», обвинят в уходе от налогов, в раскрытии государственной тайны, в шпионаже? Китайский шпион — смешно звучит! Ничего, для приговора ОСО это не будет смешно — высшая мера социальной защиты, расстрел. И отец не спасет, наоборот, и отца коснется. Отца отовсюду уволят, да еще, наверное, посадят за такого сына. И никакие заслуги, никакие знакомства не спасут. Заслуги аннулируют одним приказом, напишут «лишить правительственных наград» — и все. А друзья разбегутся, не посмеют даже поздороваться или позвонить.

Господи, как страшно! Посмотрит на тебя опричник — и все. Или укажет пальцем «язык» и молвит злое «Слово и дело». Или придет ночью лейтенант госбезопасности со шпалами в петлицах вместо армейских лейтенантских кубарей и предъявит ордер на арест и обыск. Что Артур! Герои гражданской войны немели, рыдали, разоружались перед партией. А, впрочем... Герой гражданской войны ждал ночного визита, в прихожей был уже приготовлен чемоданчик с парой белья (чистыми кальсонами и нижней рубашкой), шерстяными носками и куском мыла. Герой ожидал, что за ним придут, потому что друга его уже взяли и заместителя взяли. А у Артура-то откуда такой страх перед капитаном? Генетический, говорят. Не смешите, лысенковщина какая-то. Не врожденный, а воспитанный с младых ногтей семьей, детским садом, школой, университетом, улицей страх перед властью, бессовестной и беспощадной. Любого можно посадить за что угодно, даже если он и не был там никогда. А уж, если есть что-нибудь, если страхи не совсем пустые, спасенья нет! Ах, ты, «Импульс», СКТБ гребаное...

Артур прибежал в приемную и, ни слова не говоря, плюхнулся на стул. Эмма ничего не сказала, значит, директор на месте. Артур уже имел определенные права в приемной.

Директор внимательно выслушал рассказ Артура про беседу с капитаном и никак не отреагировал. Артур пошел домой, думая только о новой опасности. Решил отцу пока ничего не рассказывать. Спал плохо, несколько раз просыпался в страхе, но к утру несколько успокоился.

На следующий день Артура вызвал заместитель по режиму. Он тоже прослушал рассказ и спросил, что Артур про это думает.

Так как Артур за ночь уже кое-что придумал, то ответил сходу.

— Наверное, они хотят «Импульс» под себя взять, «крышевать», как говорят.

— Что? — переспросил режимник.

— Ну, обеспечивать нашу охрану, отгонять бандитов, а за это деньги с нас брать, — объяснил Артур.

— Это ты телевизора насмотрелся, — улыбнулся режимник. — Не такой случай, глупости. Ты парень хороший, я тебе объясню. Это кто-то добирается до Юрия Иннокентьевича. Понимаешь, наша территория — лакомый кусочек, так и хочется кое-кому соорудить на этом месте торгово-развлекательный комплекс. А наше предприятие мешает. Вот они и рыщут, ищут способы нас отсюда выселить. Один из таких способов скомпрометировать Юрия Иннокентьевича, устроить скандал. Ну, это мы выясним, как они офицера сумели привлечь к столь недостойному занятию. Разберемся. Все, молодец, что нам рассказал.

— А дальше, что?

— В каком смысле — «дальше»?

— Мне что отвечать, когда капитан позвонит?

— Отвечай, что по этому вопросу следует звонить Игорю Петровичу Аверину, то есть мне.

— А телефон давать служебный?

— Никакого телефона давать не надо... Не будет он спрашивать номер телефона. Все, свободен.

Артур вышел от режимника в некотором недоумении. Денис Витальевич больше не звонил.

БЕСЕДА ТРЕХ МУЖЧИН В ГЕНЕРАЛЬСКИХ ЧИНАХ

После того как к Артуру Калмыкову наведалься капитан Бородин, Юрию Иннокентьевичу стало неудобно, что он подвергает своего молодого помощника таким испытаниям. Однако явно сочувствовать Артуру, по мнению директора, не стоило. Премировать его? Смешно, после всех финансовых операций платить ему дополнительные деньги, с него и так хватит! Достаточно того, что директор не пытается контролировать его личные доходы! Похвалить его, благодарность объявить за что-нибудь? Хвалить подчиненных директор считал вредным, ведь известно, что хваля человека в глаза, ты предаешь его дьяволу! Несколько раз пробежала, как по кругу, у Юрия Иннокентьевича в голове эта последовательность мыслей, но в конце каждого круга опять получалось, что Артура никак не надо поощрять за понесенные труды и опасности. Поэтому мысли возникали снова, пока наконец не созрело странное решение — познакомиться с отцом Артура. Юрий Иннокентьевич позвонил Петру Серафимовичу Рязанцеву и попросил его пригласить Калмыкова-старшего в какое-нибудь приятное место, где бы они могли познакомиться, поговорить и отдохнуть.

Петр Серафимович долго вырабатывал в себе привычку думать о том, как поступать в самых простых случаях, учитывая все существенные обстоятельства. Задумался он и в этот раз.

Раньше, когда нужно было с кем-то встретиться, Петр Серафимович приглашал человека домой. Если видел знакомого, не задумываясь, шел

ему навстречу, протягивая руку. Если мог помочь без больших усилий, тут же предлагал помощь. Не только друзья, но и сослуживцы все перебивали у него дома, и аспиранты многие, и даже некоторые студенты.

Уже к пятидесяти годам Петр Серафимович понял, что совсем не так должен вести себя солидный человек. Солидные люди даже с друзьями встречаются в офисах или в ресторанах, домой никто никого не водит, а к человеку с меньшим, чем у тебя чином, навстречу с распростертыми объятьями не спешат.

В ресторан идти не хотелось. Осталось только одно место, нечто среднее — и не ад казенного помещения, и не домашний рай, а вроде бы католическое чистилище, а именно, баня.

Эти мысли потекли в голове Петра Серафимовича после звонка Юрия Иннокентьевича Закурдаева и перед звонком Артуру Ивановичу Калмыкову. Доверяя Юрию Иннокентьевичу, Петр Серафимович не стал задумываться над тем, зачем Закурдаеву был нужен Калмыков, а просто позвонил ему.

Начался телефонный разговор, как всегда, с ангельского голоса секретарши: «Петр Серафимович? Сейчас соединю с Артуром Ивановичем! Соединяю...»

Мужчина, идущий в баню, тем более в Сандуновскую, всегда немного нервничает. Открыта ли баня, или опять затеяли ремонт? Удастся ли попасть или полно народу и не пускают? Конечно, для больших начальников все эти вопросы заранее решают секретари и адъютанты. В нашем случае

подготовку провел Петр Серафимович. Он сказал по телефону знакомому банщику: «Ты, Серега, все больше штатских генералов парил, а сегодня я тебе военного приведу, генерал-лейтенант, во как! Ты уж постарайся! Трое нас будет» Серега, гордившийся солидной клиентурой, пообещал все сделать, как надо.

Но остались у каждого из троих поводы поволноваться.

Петр Серафимович сомневался, не напрасно ли он придумал эту баню, а может быть, и не стоило сводить таких людей в бане? «Опять ты, старичок-профессор, поступаешь, как мальчишка!» — корил он сам себя.

Юрий Иннокентьевич думал о том, как он объяснит свое желание познакомиться с Калмыковым, и сам уже не мог вспомнить, в связи с чем это пришло ему в голову.

Артур Иванович радовался предстоящей бане и волновался только об одном: а вдруг не получится. Ведь он не был в общественной бане сто лет! И вообще не был в общественных местах по желанию давным-давно. Только обязательные посещения: рестораны, премьеры в театрах, открытие выставок с обязательным выступлением. Артур Иванович все время надеялся, что вот-вот будет свободней, работы станет меньше, и он сможет ходить в баню, и в кино, и в театр по желанию. Но последние события показали, что никаких вольных развлечений в ближайшее время не предвидится. И это неожиданное и странное посещение Сандуновских бань, наверное, последний легкомысленный его поступок перед новым длительным периодом еще большей занятости, еще большего закабаления на работе.

АРТУР ИВАНОВИЧ КАЛМЫКОВ

Два дня назад Артура Ивановича Калмыкова вызвали в Правительство России, и очень большой начальник беседовал с ним сорок минут, приказав помощникам его не отвлекать. После этой беседы при первой же возможности Артур Иванович записал то, что говорил этот человек, исключив только некоторые слова или заменив их на другие, приличные. От такой замены запись стала бледнее, чем речь начальника, но общий смысл и колорит речи сохранился. Так решил Артур Иванович, прочтя запись несколько раз, каждый раз слегка подправляя текст. Вот эта запись.

«Бюджет страны не пополняется, потому что никто не платит налогов. Говорят: «Не за что платить, потому что вы эти деньги просрете». Мы, то есть. На местах дошло до того, что частные предприятия командуют, что делать местной власти. В добывающем городишке одним снегом все занесло, а в местной казне нет ни гроша, бульдозеры заправить не на что. Так буржуи заплатили частично местные налоги и дали указание, чтобы на эти деньги снег убрали. А федерального налога все равно не стали платить. Так продолжаться не может! Наши умники придумали, что можно процентов 50–60 федерального налога собрать, если засчитать их как 100%. Знаешь, как бабу спрашивают: «Тебе это надо?» Она: «Не надо!» — «А со скидкой возьмешь?» — «Со скидкой возьму». И схему придумали, называется «взаимозачеты»: угольная шахта заключает договор с ракетным заводом на поставку шоколадных конфет, потом договор разрывают, по «липовым» фактическим затратам

пишут акт сверки, оплачивают затраты, и все довольны. У ракетного завода появляются деньги на зарплату, у шахты пропадает задолженность по налогу. Особенно посредники довольны, которые называются «уполномоченные банки». Все это против закона, а главное — против здравого смысла, против жизни! Но умники жизни не знают, только переглядываются: я не понимаю, а они понимают. Главное, что они по-малу воровать не умеют! Им надо много хапнуть и сбежать. Но налоги собирать нужно, и мы на это идем. Вот я тебя и прошу заняться взаимозачетами и смежными вопросами. Чтобы умники не только свой карман пополняли, но и бюджет страны. Это я так говорю, что я тебя прошу. А ты так понимай мои слова, что Родина тебе это приказывает. Неохота? Понятно, что неохота! Охота, неохота. Мне бывает так охота, а что сделаешь?! Да еще и опасно, правильно. Но ты же генерал, не должен бояться! Вон, князь Андрей не был генералом, а пошел вперед со знаменем. Чуть-чуть его не убили. Но тут чуть-чуть не будет, убьют наверняка, контрольный выстрел в голову, и все! Потому что тут такие деньги, которых Толстой не видел никогда. Тем более Пушкин. Про контрольный выстрел я пошутил, конечно. Дадим тебе охрану и все прочее. Да и как иначе? Без тебя я не обойдусь, ты и сам поймешь, «зачет» это или «незачет», и мне расскажешь, чтобы я понял. Важно, что у правительства голова не будет болеть, откуда бюджетникам деньги брать. Раз госзавод участвует в зачете, то ему уже не казна должна, а частное предприятие. Пусть красный директор с буржуя получает. Если сможет. Госзаводу теперь не бюджет должен, а конкретное частное предпри-

ятие. Вот, частник и заплатит, если захочет... Тут я опять пошутил. Таких, кто платит не собирается, к зачетам нельзя подпускать. Хоть мы и решили зачеты разрешить, но без хулиганства, мы — государство все-таки. Раз буржуй обещал, должен платить, сколько договорились, 60 %, или сколько... Ну, может, не сразу. Ему за это 100 % налога прощают. Лучше заранее узнать, кто не собирается платить, и посылать их вместо зачета куда подальше. Это тоже твоя задача — навести порядок, если будут уклоняться. Ты можешь отказаться от этого дела... в этот раз. А в следующий раз соглашайся, потому что больше двух раз я тебя уговаривать не могу, мне тоже работать надо! Дадим тебе уполномоченный банк, дадим тебе широкие полномочия, вплоть до приостановки взаимозачетов по всей стране, чтобы без твоей отмашки зачеты снова не начинались, пока не выполнено то, что ты от них требуешь. Все, иди, рассчитываю на тебя!»

Сразу после этого разговора Артур Иванович стал готовиться к грядущему неизбежному повороту в карьере, далеко не первому в его жизни. Повороты были, но такого крутого не было ни разу. И подготовиться к новой работе следовало серьезно. Любой аспект на подготовительном этапе имеет жизненно важное значение. Где сидеть? В администрации президента на Старой площади, в Доме правительства на Краснопресненской набережной, в Министерстве финансов на Ильинке, в Министерстве обороны на Фрунзенской набережной? Каждый вариант имел достоинства и недостатки.

Может, все-таки отказаться от нового назначения? Придумать вескую причину? Однако

если причину не сочтут уважительной, заставят взяться за новую работу. Скажут «Что, все «за», один Калмыков «против»? Где тут приказ, чтобы расписаться? Пусть работает, нечего капризам потакать!» У Артура Ивановича уже был такой случай. Не соглашался на новое назначение. На бланке с текстом приказа и всеми визами написал: «Возражаю. Калмыков». Министр выслушал его, сказал «Ничего, начинайте работать. Мы вам поможем». Потом улыбнулся, приписал «Не» к его надписи, так что получилось «Не Возражаю. Калмыков», и подписал приказ.

Другой вариант, если «упереться», могут и в отставку отправить. Академик Капица от работы над бомбой отказался и поехал в «избу физических проблем». Но это был великий ученый. Администратору так нельзя, без должности администратор ничего не стоит. Нет, в отставку, пожалуй, еще рано.

Самая верная линия такая: не тратить силы на отказ от новой должности, но приложить усилия, чтобы «вытрясти» под это назначение «по максимуму». Нужно заявить, что для выполнения работы мне нужно то-то и то-то, без этого задачу не решить. Пока приказа о назначении нет, это сделать легче. Потом уже с меня будут требовать, а я буду только просить!

Да, задача масштабная... Такое назначение — явное повышение. Но ведь ненадолго? Сколько эти взаимозачеты продлятся? Нужно сразу договориться, что они предложат после окончания взаимозачетов.

Главное для работы, конечно, кадры. Кого привлекать к работе? Свой аппарат полностью забрать

со старой работы не удастся, не дадут, да и не все подходят. Нужны специалисты. Нужны связи в банковских кругах. Тут есть знакомые. В оборонной промышленности связей мало, а ведь там — основные потребители взаимозачетов.

Смотри-ка, и Артур тут будет полезен! Пора возвращать его в лоно семьи. Да и не в том плане, что сына пристроить. А совсем по-другому — пригласить ценного специалиста, во как! Похоже, отцовский эксперимент закончился успешно. Парень сам выучился, начал работать, добился успеха. Вполне самостоятельный работник.

Да, по правде говоря, пора забирать его. Артур Иванович не считал обналичку недостойным занятием. Управление жизнью страны с помощью тайных денег существовало всегда. Неизвестно, как при царе, но раскачали «Дом Романовых» с помощью «черного нала». А уж после революции многое финансировалось этой универсальной валютой, начиная от помощи братским компартиям и кончая оплатой «маленьких радостей» руководителей партии и страны. Существовала обналичка, но таких масштабов не достигала никогда. Даже бороться с ней начали, вернее, делать вид, что борются. В прошлом 1995 году, в мае, ввели санкции за расчеты наличными между предприятиями. Но разве предприятие, которое живет пару-тройку месяцев, боится санкций?! Статьи разоблачающие появились, прямо в название статьи вынесено «Обналичка». Ну, думаешь, порядок стали наводить, сейчас прихлопнут «черный нал», взятки, воровство чиновников. Начинаешь читать статью, а там про то, что в общественных туалетах деньги берут, а билетиков не дают! Опять фикция! Опять не о том. То ли

заказ был на такую статью, то ли журналиста подобрали такого, чтобы ничего не понимал в предмете. Заметная часть легальных и большая часть нелегальных расходов оплачивается «черным налом», а они негодуют по поводу мелочей! Артур «пропускает через себя», наверное, порядка десяти миллионов долларов в год, а это незначительные деньги по сравнению с «черными» деньгами добывающих компаний, там грузовиками деньги возят. Ну, а политики переносят «черный нал» в коробках из-под ксерокса, как в выборную кампанию 1996 года.

Вывод Артур Иванович сделал однозначный: надо Артура перенаправить на другой род деятельности, оставлять сына в этом полукриминальном бизнесе не стоит. Заработать на обналичке можно неплохо, познакомиться с реальной экономикой и финансами тоже можно. Все это Артур уже и сделал. Но надо расти, расширять связи, осваивать другие области управленческой науки. Хотя взаимозачеты — просто другой вид финансового мошенничества, так что науки в них немного. Так, другая схема махинации. Но хоть официально дозволенная...

Чтобы управлять взаимозачетами, нужно хорошо представлять себе положение в различных отраслях промышленности. Макроэкономические показатели можно затребовать. Хорошо бы иметь возможность проверять, контролировать эти данные по реальной ситуации на предприятиях, а то знаем мы эту статистику.

В течение этих мыслей врезался звонок Петра Серафимовича с предложением встретиться с ним и с Закурдаевым в бане. На ловца и зверь бежит! Вот и ценный знакомый в «оборонке»!

Трое солидных мужчин сидели, завернутые в простыни, на лавках и говорили о женщинах. Начал разговор Петр Серафимович.

— Должен вам сказать, что последнее время меня стали посещать мысли о семейной жизни, можно сказать, видения, как будто бы я заглядываю в параллельную реальность, в которой вижу то, что могло бы быть, если бы...

— Обычное дело, такое, говорят, всегда бывает при клинической смерти, — сказал Артур Иванович.

— Не шути. Это совсем не то. При клинической смерти человек видит себя, свое тело со стороны, реальность видит с того света. А здесь другое... Не перебивайте больше, дайте пофилософствовать. Так вот, по какому бы поводу ни возникали эти мысли, сходятся они всегда к одному. Если бы я для моей первой жены был таким мужем, каким я стал сейчас, то развода бы не было, жил бы я с ней до сих пор, и было бы у меня не двадцать пять лет супружества, а тридцать.

— Так ты своей женой не доволен? — сказал все-таки Артур Иванович.

— Очень доволен, счастлив с ней. Опять вы не про то. Скажу проще, чтобы вы поняли наконец. И с той, оставленной женой мог быть также счастлив, если бы не был в молодости таким дураком.

— Тут я не берусь участвовать в обсуждении. У меня была прекрасная жена, любимая и любящая. Но погибла трагически и нас с дочкой оставила. Женился второй раз, и опять удачно. Молодая, симпатичная, с дочкой сошлась, и еще двух дочек мне родила, — сказал Юрий Иннокентьевич.

— А я, пожалуй, поспорю с уважаемым профессором. Только глотну пивка, — вступил в разговор Артур Иванович.

Все выпили по глоточку пива и съели по кусочку ярко-оранжевой икры из пластмассового судочка с разделанной воблой, который стоял на столике между кружками. Артур Иванович продолжил.

— Благостный взгляд на идентичность жен в природе, который изложил нам Серафимыч, свидетельствует только о том, что наука в лице уважаемого профессора в большом долгу перед народом, потому что видит жизнь крайне однобоко. Докажу свою точку зрения. Поскольку мы в бане, начну с себя. Я, мальчик с периферии, поступил в Московский университет, хорошо учился, занимался общественной работой и сначала полагал, что меня ждут не дождутся в каком-нибудь приличном учреждении. Однако курсу к третьему я осознал, что при всех моих талантах и при всей моей активности никому я не буду нужен после университета, на все хорошие места берут только своих. Стал искать, как бы пролезть в «свои». Выбрал простой способ. Присмотрел девчонку на курсе. Из хорошей семьи, москвичка, да еще и приятная на вид. Она меня тоже оценила, показала своим родителям. Те решили, что, если дать такому парню московскую прописку и небольшой толчок в нужном направлении, он поперет. Мы поженились очень спокойно и осознанно. Тесть покойный мне помог слегка, просунул куда надо. А мне много и не нужно было, дальше я сам пошел. Прошло много лет, и ближе и родней человека, чем жена, у меня теперь нет. И любовь пришла, и дети у нас, и все я жене рассказываю, и по любым вопросам спрашиваю совета, и

получаю толковый ответ. Все совпадает с тем, что говорил Серафимыч. И я бы не стал ввязываться в это обсуждение, потому что мой личный опыт вполне согласуется с лекцией профессора Рязанцева о семейной жизни. Но эти положения подходят только для людей, которые хотят построить семью, сойтись крепко со своим супругом и со своими детьми. А есть у меня закадычный друг, история которого не позволяет промолчать и согласиться. Суть моего возражения, коротко, такова: можно воспитать себе жену, при этом самому поменаться, приспособиться, и будет хорошая семья, кроме случая, когда ты напоролся на злодейку, дрянь, у которой свои цели, не связанные ни с мужем, ни с семьей. Помните, как пушкинская Наина — ни герой, ни поэт ей был не нужен: «Герой, я не люблю тебя!» Наину победило приворотное зелье, и она, уже старая и безобразная, полюбила бывшего претендента. Сейчас приворотного зелья не достанешь. Поэтому живая Наина никогда не полюбит мужа, а будет мучить его, позорить, а когда решит, что взяла от него все, бросит его и уйдет к другому. Мы сейчас еще разок сходим, погреемся, а потом я расскажу вам эту историю.

Но после парной разговор зашел о другом. Юрий Иннокентьевич стал говорить то, зачем пришел. Он сказал, что доволен Артуром, благодарит Артура Ивановича за такого сына, а Петра Серафимовича за то, что рекомендовал его. С помощью Артура институт сумел пережить трудный период. Теперь дела института в порядке, но, пусть отец не волнуется, если нынешняя деятельность Артура станет не нужна, для Артура в институте найдут интересную работу с достойной оплатой и перспективой.

В ответ Артур Иванович поблагодарил Юрия Иннокентьевича за то, что доверил его сыну важный участок работы. Ему, отцу, особенно видно, как парень вырос, возмужал, денег заработал. Этого бы не произошло, если бы Артур был под отцовским крылышком, шел как генеральский сынок.

Потом Артур Иванович сказал, что будут проводиться взаимозачеты, которые ему предстоит курировать по поручению правительства, и предложил Юрию Иннокентьевичу встретиться, чтобы провести взаимные консультации. В связи с новым масштабным заданием Артуру Ивановичу понадобятся надежные кадры, и он рассчитывает на Артура. Конечно, пусть Артур сам решает, где работать, у отца, или в институте. Но предложение такое он сыну делает.

В начавшихся деловых разговорах Петр Серафимович почти не участвовал, и был этим очень доволен. Он откинулся на спинку дивана и размышлял о своем.

Уже собрались уходить, когда Петр Серафимович сказал: «А как же история с женой-злодейкой, с Наиной?» Артур Иванович засмеялся: «Извините, забыл. Давайте, в следующий раз... Ведь у нас будет следующий раз? Кстати, эту женщину, действительно, звали похоже: Афина, Афина Жирнова, вот такое нелепое сочетание. Вы только напомним».

Расстались очень довольные друг другом. Упали на мягкие кожаные сиденья автомобилей. Один водитель повез Артура Ивановича на дачу, а другой — развез Юрия Иннокентьевича и Петра Серафимовича по домам.

НЕПРИЯТНОСТИ

Главный бухгалтер института Галина Валентиновна заканчивала доклад Юрию Иннокентьевичу. Доклад был напряженный, потому что, кроме обычных вопросов, обсуждали то новое, что вносили в бухучет командировки групп сотрудников за границу. Подписав у директора подготовленные финансовые документы, Галина Валентиновна стала не торопясь укладывать их в папку и как-то немного тянула время, что насторожило опытного директора. Он обеспокоился, подобно тому, как обеспокоилась Арина Петровна Головлева у Салтыкова-Щедрина, нет ли за бурмистром еще какого-нибудь слова и дела.

— У вас есть еще какой-то вопрос? Слушаю вас.

Галина Валентиновна вздохнула, оторвалась от документов и сказала.

— Есть вопрос! Ко мне обратились сотрудники с просьбой выдать справку о зарплате, полученной в «Импульсе». Справки им нужны для увеличения пенсии.

— Обратились пенсионеры? — спросил директор.

— Нет. Но затеяли все пенсионеры. Они объяснили молодым, что деньги никакой цены не имеют, главное — справка, которая позволит им в будущем получать повышенную пенсию.

— Им деньги не нужны?! Но ведь это не так! — воскликнул директор. — Мы пошли на нарушения, мы рискуем для того, чтобы облегчить им жизнь!

— Все это уже говорил Борис Годунов четыреста лет назад, но народ его не слушал! — сравнила ди-

ректора с царем Галина Валентиновна. — Или вы Пушкину не верите?

Галина Валентиновна перестала нервничать, потому что начала разговор, к которому готовилась давно. Сказав про Бориса Годунова, она улыбнулась. Директор понял, что надо дать главному бухгалтеру высказаться, и пока не следует ее перебивать. Директор тоже улыбнулся в ответ, и Галина Валентиновна продолжила.

— Никакими благими намерениями нашему человеку объяснить ничего нельзя. Он в благие намерения начальства не верит и наперед знает, что начальство хочет его обмануть. Сотрудники ведь не сразу ко мне пришли, они до меня просили такие справки у бухгалтера «Импульса». Та им сказала, что они приняты в «Импульс» не в штат, а на конкретную работу, поэтому им справки не положены. Видите, она сама пыталась выйти из положения, не сразу на нас «стрелки перевела». Жалобщики нашли документы, в которых прочитали, что справки и в этом случае положены. Тут бухгалтер «Импульса» сдалась, сказала, чтобы обращались в бухгалтерию института, то есть ко мне.

— Ну, а вы что сказали? — спросил директор.

— Кому — что. Молодым сказала, что малое предприятие справок не даст. Если такое положение кого-то не устраивает, пусть скажет, тогда этого человека больше в ведомости «Импульса» включать не будут, пусть он получает маленькую зарплату вместе со всеми справками или пусть уходит туда, где платят большую «белую» зарплату. Прямо говорила: «Мы вам приплачиваем «левые» деньги, потому что считаем вас ценным работником, но скандалы нам тоже не нужны, можете увольняться!»

Галина Валентиновна раскраснелась, вновь переживая перипетии разговоров с недовольными сотрудниками.

— А что, бывает полезно называть вещи своими именами, — продолжила рассказ Галина Валентиновна. — У них сразу мозги на место становятся: «А, так это — «черная» зарплата! Тогда все понятно, спасибо!» Они думают, что «черная» зарплата обязательно должна быть в конверте. Может быть, и не стоило ведомости в «Импульсе» составлять, а просто совать сотрудникам конверты в карман...

— Нет, ведомости будут, — прервал ее директор. — А старым сотрудникам вы что говорили?

— Радуйтесь, говорила, вас ценят, деньги приплачивают за работу! Про пенсию не думайте, я вам обещаю, что пенсия у вас будет максимальная, а больше максимальной все равно не дадут!

— Действует?

— На многих действует. Но есть двое, которых мне ни в чем не удалось убедить. Они твердят, что им деньги не нужны и на справки им наплевать, а хотят они только, чтобы все было по справедливости, и не желают, чтобы за их счет кто-то там наживался!

— Ну, двоих-то мы сумеем успокоить. А так, благодарю вас, погасили эту неприятность, — сказал директор.

— Нет, Юрий Иннокентьевич, — возразила бухгалтерша. — Не погасила, а пригасила. В любой момент может снова вспыхнуть. Следующий этап — начнут писать, жаловаться на нас с вами: обманули, облапошили, деньги нам дают незаконно — наживаются! Зачем нам это нужно?! «Импульс» ведь свою задачу выполнил? Мы с его помощью почти

четыре года продержались. Теперь иностранные деньги пошли, опять же, неслыханные суточные в валюте люди получают в загранкомандировках. Вы вспомните-ка про наши суточные: два шестьдесят, день отъезда, день приезда — рубль тридцать копеек! А студенткой я первый раз в командировку ездила — пятьдесят копеек в сутки! Так вот, надо закругляться с «черной» зарплатой. От нужды терпели, шли на это, а с жиру беситься не следует. Вот теперь все, что я хотела вам сказать!

Директор проводил главного бухгалтера и задумался: «Галина Валентиновна права, очень вовремя поставила этот вопрос. А ведь недовольство пенсионеров — не единственная опасность. За недовольством следует кое-что другое, пострашнее будет, уголовным делом пахнет! Начнем, пожалуй, свертывать эту деятельность... Калмыкова с его «Импульсом» следует сохранить, парень хороший и толковый. Свое дело сделал, структуру работоспособную создал, с банком установил контакт, даже меня с банкиршей познакомил. Нет, отдавать его отцу жалко. Да для него и дело есть! По контрактам предусмотрена частичная оплата не деньгами, а китайскими товарами, бартер. И следующие контракты, наверное, такие же будут. Вот пусть «Импульс» этим бартером и займется: поможет отобрать ходовой товар, привезти, продать... Ну, может, не сам, а найдет торговые фирмы. Таможенные вопросы появятся, самая работа для Артура! В Китай парень съездит, в командировку. Думаю, он сумеет перестроиться, только надо с ним поостроже».

При следующей встрече с Калмыковым Юрий Иннокентьевич подписал не все документы.

— Вот еще договор, — напомнил Артур.

— Документы по старым договорам я подписал, а нового договора пока заключать не будем, — директор сделал паузу, затем продолжил. — Понимаете, для выполнения контрактов с Китаем нам нужно кое-что поменять, подобрать другой набор комплектующих, включить в состав изделия некоторые узлы, которые мы раньше не разрабатывали. На это нужны деньги, поэтому заключить новый договор с «Импульсом» нет возможности.

Артур был поражен: какие «комплектующие», какие «узлы»? У него ведь все распланировано, и в банке ждут. Все «на мази», какой еще «состав изделия»? И он стал возражать директору, «защищать свой участок работы», даже не подозревая, что директор «участок» этот собирается прикрывать.

— Юрий Иннокентьевич, но ведь у нас тоже образовался целый механизм, тоже есть взаимосвязанные узлы. Если не подавать масло, сиречь деньги, то взаимосвязь узлов нарушится! — щегольнул технической аналогией Артур.

Директор улыбнулся, ему понравился такой пример. «Парень, похоже, становится своим», — подумал директор. Он не был озабочен предметом разговора, ведь решение принято: «обналичку» прикрываем, перед «Импульсом» ставим другую задачу. Теперь это решение нужно воплотить в жизнь.

— Артур Артурович, я могу только повторить: мы выполняем контракт с иностранным заказчиком, поэтому на новый договор с «Импульсом» денег нет, нам нужны деньги на разработку новых узлов и на изменение элементной базы.

— Но ведь это — ваши игрушки! — воскликнул Артур. Он был возмущен; директор его подводит, из-за этого и ему, Артуру, придется подвести людей,

которые ждут денег. В банке ждут больших денег, Оксана и Коновалов — небольших. Для этих людей Артур — источник, кормилец, они на него рассчитывают! Артур даже не подумал в первую минуту, что в его собственный карман тоже меньше попадет.

— Что вы сказали! — повысил голос Юрий Иннокентьевич. Директор даже привстал в кресле от возмущения. Но взял себя в руки, снова сел, опустил глаза и повернул голову. «Этот сопляк думает, что разработка новой техники — игрушки, а настоящей работой занимается именно он! Парень совершенно не уважает наше дело, от которого кормится! Стоило мне только подумать, что он свой — он, как услышал мои мысли, и заорал: «Нет, я не ваш!» Ну, нет, так нет. Уступлю его Артуру Ивановичу, пусть в те «игрушки» поиграет!» В этот момент судьба Артура была решена.

В следующий раз, придя в приемную и усевшись на стул, он прождал полчаса, а потом не выдержал и спросил: «Юрий Иннокентьевич у себя?»

Эмма, не отрываясь от своих бумаг, сказала, прямо не отвечая на вопрос Артура.

— Юрий Иннокентьевич вас принять не сможет. Документы на подпись оставьте мне.

— Что же вы раньше не сказали, я сижу уже полчаса?!

— А вы не спрашивали, — глядя в упор на Артура, сказала Эмма.

Артур оставил свои документы и вышел из приемной.

«Да, ветер переменился. Эмма, ржавый флюгер, это сразу показала. Враз не стало ни денег Иннокентьича, ни любви Эммы!» — думал познавший уже порядки в приемной Артур.

Начав работать в благоприятном, комфортном режиме, Артур не мог привыкнуть к тому, что им недоволен директор, к нему недоброжелательна секретарша, даже непосредственная его начальница Евгения Сергеевна стала сдержанной и перестала спрашивать: «Артурчик, как дела?»

ОБИДА

Придя на работу в институт, Артур попал в окружение людей, совсем не похожих на его школьных и университетских приятелей и на друзей его родителей. При знакомстве многие сослуживцы чуть ли не сразу спрашивали: «Ты сколько получаешь? Начальник плохой?» Затем рассказывали, как они мало получают, как их мало ценят и какой плохой человек их начальник. Говорили самозабвенно и собеседника не слушали.

А уж за проходной с таким человеком кружки пива нельзя было выпить, чтобы он не начал жаловаться: «Начальник дает мне работу, говорит, сделай. А я ему отвечаю, что сделать я могу, но эта работа не по моей должности, эта работа ведущего, а я шестой год — старший. Он говорит, так вот, делай, и повысим. А я ему говорю, что я так не могу...»

Первый год службы эти тоскливые люди удивляли Артура. Он даже матери рассказал про это свое недоумение. Мама отреагировала очень живо.

— Понимаешь, — сказала она. — Таких людей много, и среди них есть способные. Но они редко добиваются чего-то в жизни, потому что перестают идти к цели, ведь они, как ни странно, быстро достигают своего непреодолимого предела.

Давно известно: человек стремится к славе, к богатству или к власти. Это древняя мудрость, но в наше время всех людей по этим трем категориям не распределишь, больше нужно градаций, более разветвленная классификация. У тех, про которых ты говоришь, цель одна — обидеться. Вернее, это не цель, а, как я уже сказала, непреодолимый предел. В своей обиде они живут комфортно, ничего не делают, только всем рассказывают, как несправедливо с ними обошлись. Если им улыбается судьба, они и в этом случае не рады. Даже найдя семь белых грибов около одной березы, или лежа на пляже у теплого моря, или получив большую премию, или оказавшись в командировке в Париже, эти люди не бывают счастливы и быстро придумывают, на что бы обидеться и в этом случае.

Краткий и точный рассказ матери удивил Артура. Видимо, мама когда-то размышляла над этим, и у нее остались «выжимки», квинтэссенция, суть. Такая компактная форма удобна для хранения информации, но не подходит для объяснения. «Как же так, — размышлял Артур. — Не нужно ни славы, ни денег, ни власти, не радуется семья, не нужно взаимности любимого человека, не нужно решения трудной задачи? Да мало ли привлекательного, мало ли такого, что кажется счастьем?! Я был бы счастлив, если бы мог воскресить Светку и нарожать с ней детей! А мама говорит, что некоторые люди стремятся обидеться, а, обидевшись, достигают своей цели и становятся счастливыми. Ерунда какая-то!»

— Мам, ты изложи попроще, с примерами, лучше всего назови такого человека, которого я знаю. А так я ничего не понял.

— Среди наших с папой друзей таких людей нет и быть не может! — гордо сказала Маргарита Николаевна. — Ну, а пример... Был у меня случайный знакомый, парень тридцати одного года от роду. В ранней юности он был одаренным спортсменом-ребцом, входил в юношескую сборную страны. Кандидат в мастера спорта, или даже Мастер спорта. Потом поругался с тренером, и из сборной его выгнали. Учился он тогда в девятом классе школы. С тех пор в течение 15 лет с ним ничего не происходило. Он не получил профессии, не освоил никакого ремесла. Работал то курьером, то подсобным рабочим. Благо, отец у него был в силе, пристраивал и подкармливал. Каждому новому человеку он рассказывал, какая сволочь был его тренер и как тренер его обидел. Рассказав эту историю несколько раз, он терял интерес к человеку и искал следующего. С годами эта история устарела, потеряла свежесть и остроту. Собеседники стали его спрашивать, что было дальше, а он объяснял, что дальше не было ничего, звучало это странно, поэтому он добавлял: «Я понимаю, во мне еще много безответственности...»

— Ну, это идиот какой-то... — сказал Артур.

— Этот парень, может, и идиот, — ответила мать. — Но людей, ждущих, на что бы обидеться, очень много. Никогда не ищи утешения в обиде, не живи обидой, как бы досадно тебе ни было.

Вооруженный напутствием матери (которое вполне соответствовало его собственному ощущению), Артур перестал сочувствовать обойденным. А когда приходилось по службе беседовать с этими людьми и неизбежно выслушивать их жалобы, повторял про себя: «Ты сам виноват».

МАРГАРИТА НИКОЛАЕВНА
КАЛМЫКОВА, МАТЬ АРТУРА, ЖЕНА
АРТУРА ИВАНОВИЧА

После разговора с сыном об обидах и об обиженных Маргарита Николаевна предалась воспоминаниям.

Давно, в конце 1960 года, на третьем курсе университета, двадцатилетняя Рита ехала в отцовской «Чайке» из университета на дачу. Рита взяла с собой Пашку. Отец вообще-то не разрешал никого брать в машину, но к Пашке это запрещение не относилось, потому что в их поселке Воскресенское Пашкина семья и семья Риты уже несколько лет занимали соседние коттеджи. Иногда машина Пашиного отца возила обоих, Риту и Пашу.

Рита с Пашкой давно были знакомы, с трех лет. Отца Риты тогда отозвали с фронта, направили на работу в Куйбышев и разрешили вызвать туда семью. В соседней квартире в правительственном доме в Куйбышеве жила семья Пашки. Потом Рита и Пашка учились в одной школе в Москве.

Один раз Пашка с матерью куда-то собирались, торопились ужасно, «зашивались», что называется. Пашку одели, мать выглянула в окно и сказала домработнице: «Отправляй его во двор, чтоб под ногами не вертелся, там Рита с няней гуляют, а сама возвращайся помогать! Паша, иди, погуляй с Ритой, только не извозись!» Рита предложила Пашке прыгать с качелей, кто дальше. Пашка прыгнул и свалился. Сразу вспомнил, что он одет «на выход» и закричал Рите: «Это из-за тебя!» — и побежал к ней, чтобы дать ей хорошенько. Рита — от него, а за ними — няня. Пашка опять шлепнулся и порвал брюки на коленке. Поднялся, увидел дырку и запла-

кал: «Я все про тебя маме скажу!» Няня подскочила, стала отряхивать Пашку и причитать: «Ну, Павлик, ведь Рита не нарочно...» А Рита спросила: «А ты чьей маме скажешь, твоей или моей?» Пашка задумался, перестал плакать, потом ответил: «Моей!» Рита решила, что это неопасно, и не испугалась. Историю про качели, Пашкины штаны и «чью маму» родители умиленно рассказывали другу другу при каждом общем застолье.

В 1957 году Рита и Паша поступили в МГУ, Рита на юридический факультет, а Паша в Институт восточных языков.

Обычно Пашка, как залезал в автомобиль, сразу разваливался на заднем сиденье и полулежал всю дорогу, даже по сторонам не смотрел. С шофером не здоровался. Рита всегда говорила: «Здравствуйте, дядя Гриша!», и Пашка однажды посоветовал ей не заигрывать с персоналом. Рита как-то сказала шоферу: «Вы его извините, он — дурак». «Он — барчук, — ответил шофер. — Давно было, водитель за ними на дежурной «Победе» приехал, их ЗиМ был в ремонте, так он ехать не хотел, упал на пол и визжал, что на этой машине не поедет». В общем, Рита Пашку старалась не подвозить и сама не просилась в его машину.

А в этот раз Пашка буквально увязался с ней. И в машине не развалился, как обычно, а сидел собранный. Когда тронулись, Пашка завел разговор.

— Что это ты с Артемоном сильно задружилась?

— Кто это — Артемон? — спросила Рита.

— Калмыков, — ответил Пашка

— Почему это ты его собачьей кличкой зовешь? — Рите не хотелось разговаривать с Пашкой, тем более про Артура.

— Потому что он умный и красивый, а человеком никогда не будет, как Артемон из сказки про Бура-тино, — высокомерно вымолвил Пашка заготовленную фразу.

— Это почему? — опять спросила Рита, хотя сразу поняла, что Пашка имеет в виду: они с Пашкой — номенклатурные дети, а Артур из простых, и пути ему нет.

— Потому, — сказал Пашка и скривил рот.

— А из тебя человек выйдет?

— Выйдет, — уверенно сказал Пашка.

— Сомневаюсь... — презрительно ответила Рита.

— Не сомневайся. Я уже в списках.

— В каких это ты «в списках»? — опять спросила Рита, хотя представляла, в каких.

— В таких. Меня уже оформляют!.. — похвастался Пашка, покосился на водителя и дальше хвастаться не стал.

— А ты его в глаза пробовал Артемоном называть?

Пашка уже сказал все, что ему поручили сказать ребята, отбарабанил выученный урок — предупредил Риту, чтобы она не связывалась с парнем «из чужих». Поэтому Пашка развалился на сиденье и стал непринужденно болтать.

— Не, сам я не пробовал. А вчера на военной подготовке Енот решил его на место поставить, чтоб не умничал. Подозвал Калмыкова, спросил его что-то по учебе, потом говорит: «Все, Артемон, иди на место!» Калмыков глаза вылупил, а Енот ему: «Место, я сказал!» А Калмыков ему по харе!

— А Енакиев что? — заинтересовалась Рита.

— Побежал к полковнику жаловаться. Полковник их помириться заставил, — с сожалением сказал Пашка. — Да Енот мог бы Калмыкова твоего размазать. Сказал бы своему отцу, и Калмыкова сразу бы отчислили из университета, и в армию бы отправили, в такое место, куда Макар телят не гонял. Но Енот испугался, что будет шум, а ему сейчас нельзя высовываться, его тоже оформляют...

— А ты откуда знаешь про Енакиева и Калмыкова?

— Мне ребята из вашей группы рассказали, — Паша не стал уточнять, что за рассказом об инциденте последовало поручение поговорить с Ритой.

— Паша, милый, — сказала Рита так сладко, что Пашка приподнялся на сиденье и стал смотреть на Ритины губы. — Я так за тебя волнуюсь. Будь осторожней с Калмыковым. А то он тебе набьет морду, и тебя из списков вычеркнут. С фингалом под глазом проверку ты не пройдешь!

— Дура! — сказал Пашка и снова развалился на сиденье.

На Новый 1961 год Рита позвала в свою компанию Калмыкова, хоть там и был Енакиев с битой мордой. Но они ничего, нормально разговаривали. Рита с Артуром приготовили кукольный театр, чтоб что-то было интеллектуальное. А то напьются, наедятся, девчонок будут лапать и пластинки заграничные слушать. Потом заснут. Рита с Артуром придумали пьесу в стихах про Деда Мороза, который выбирал себе внучку Снегурочку из многих кандидаток. Вставили даже критику Никиты Сергеевича.

*Вот нет никакой за труды нам награды,
И жизни мы часто бываем не рады,
И вся кукуруза — сплошная фигня,
Ах, девочки, только любите меня!*

Спорили, стоит ли вставлять такие острые слова, боялись, что донесут. Тот же Енот, к примеру. Но решили оставить.

А зрители подвыпившие развалились перед ширмой, кто на ковре, кто на диване, кто в кресле, и ни на какие слова кукольных персонажей не реагировали. Так Пашка разваливался на заднем сиденье «Чайки». И никто из них не проронил ни слова ни во время спектакля, ни после. Потом опять стали есть, пить и обниматься под музыку. Рита не выдержала и спросила Пашку: «Ну, как тебе кукольный театр?» Пашка посмотрел на девушку посоловевшими глазами и вальяжно промолвил: «Ты считаешь, что зрителю надлежит оценивать произведение искусства? Я в этом не уверен...» После чего Паша демонстративно повернулся к столу, налил себе рюмку водки, выпил и закусил ложкой черной икры.

И Рите стало ясно, что Пашку кукольный спектакль не заинтересовал, на кукол он не смотрел, текст не слушал, а если бы смотрел и слушал, то ничего бы не понял. И учился он так же: или зубрил, или списывал и никогда ничего не понимал. Послушаешь Артура, так за каждой строкой учебного текста увидишь судьбы людей, исторические события и практические дела, а у Пашки любой текст — только скучное сочетание слов, которое он успел выучить или не успел выучить. И Енакиев — такой же. С ними всегда будет скучно. А с Артуром всегда будет интересно.

Потом Рита привела Артура знакомить с родителями. Отец домашними делами не занимался, Рита договаривалась с матерью. Главное, нужно было выбрать такой вечер, когда отец будет дома. Мать готовила встречу, открыто не перечила дочери, но все делала, чтобы этот парень появился у них дома первый и последний раз. Мужу накануне сказала: «У них идет к свадьбе. Нам этот парень не нужен, я знаю, что говорю! Дело твоей жизни — расстроить этот брак!» У мужа покраснело лицо, но кричать он сразу не стал, а ответил: «Мое дело, чтобы жила страна родная, и нет у меня других забот!» «Я ж не про работу твою говорю, а про семью, понимай разницу. Я знаю, что ты крупный руководитель, что ты за страну болеешь. Но тут-то поверь мне!». В общем, отец обещал.

За столом отец расспрашивал гостя, кто он да что, но особенно не задумывался над ответами Артура, ведь жена предупредила: он — жених неподходящий. Артур, когда решил, что прелюдия окончена, сказал: «Мы с Маргаритой любим друг друга и хотим пожениться!» У отца покраснело лицо, и он твердо сказал: «Этого не будет!» Мать сразу успокоилась: сейчас отец начнет орать и выгонит парня. Но Артур также твердо ответил отцу: «Это — будет!» И смотрит на отца в упор. И отец на него смотрит, и краска с лица сходит. Сидят и молчат. Тут Рита демонстративно поднялась, пододвинула стул поближе к Артуру и снова села. Мать встала и сказала: «Коля, поди сюда!» В другой комнате говорит мужу: «Ты что молчишь? Выгони его! Как он с тобой разговаривает?!» А отец отвечает цитатой: «Ну, матушка, не завершай

удара, кто в бедности рожден, тебе не пара!...»
Так, что ли?»

Несколько лет назад отца на партсобрании критиковали за низкий общекультурный уровень. Рекомендовали больше читать. Рассматривая список рекомендованной литературы, отец понял, что прочитать все это — задача неподъемная. Поразмышляв некоторое время, отец придумал выход. Он за три недели выучил наизусть «Горе от ума» и при каждом подходящем случае стал вставлять фразы оттуда. В пьесе Грибоедова можно было найти подходящие цитаты для любой жизненной ситуации. Через некоторое время у товарищей по партии сложилось мнение, что отец — начитанный человек, знаток русской классики.

И в этот раз Фамусов помог! Но мать не поняла и ответила: «При чем тут «бедность»? Это буржуазное слово! У нас нет ни бедных, ни богатых. У нас все равны...» У отца покраснело лицо, и он начал орать на мать. «Молчи, курица! Ишь, рассуждать взялась! Чем тебя советский студент не устраивает, сын честных специалистов?! Что он с периферии? А ты, вошь буржуазная, откуда? Из Зимнего дворца, что ли, контра, мошь белая?! Я знаю, кто тебе нужен. Пашку хочешь в зятя! Пашка — мозгляк. Я и отцу его это сказал честно, как коммунист. Упустил он парня, теперь ему тащить сына до пенсии. Самостоятельно Пашка шага ступить не в состоянии. А ты хочешь Ритулю такому приспособленцу отдать! Не допущу! Молчи, сил нет твое мещанство выносить. Дочь у меня — девка с головой, не в тебя пошла! Ритуля сама знает, кто ей нужен. Пусть пробует!.. А не подойдет парень, тогда разберемся...» Мать испугалась, села

на диван и простонала: «Пусть хоть фамилию не меняет...»

На свадьбе мать все же не выдержала и сказала тост: «Мы хотели, чтобы Маргарита вышла за мальчика из нашей среды... К сожалению, не получилось. Ну, что ж, теперь наша с отцом задача поднять Артура, ввести его в наш круг...» И заплакала. Мать Артура вскочила, подняла рюмку и ответила: «Артур, когда ты будешь жениться в следующий раз, выбирай девушку по себе!» У отца покраснело лицо, он поднял рюмку и сказал отцу Артура: «Не слушай, сват, баб. Бабы — дуры! Мне Артур твой нравится. Давай, Ваня, выпьем с тобой «на ты», зови меня Колей! Поцелуемся!»

Через три с лишним года, осенью 1964 года, дочка уже была, Артур уехал в командировку, а Рита с ребенком на неделю переехала к родителям. Вечером позвонили в дверь, Рита открыла, а там Пашкин отец, мрачнее тучи. «А, Ритуля! — говорит. — Отец дома?» Раньше, когда Пашкин отец видел Риту, всегда причитал: «Рита, какая ж ты красавица! Жалко, сын у меня балбес! Деточка моя хорошая!» Если был поддатый, то обязательно целовал Риту в лоб. Рита думала, что и сейчас полезет целовать, а он только махнул рукой, развернулся и назад пошел. Рита воскликнула: «Что случилось, дядя Жора?» Он ничего не сказал, не остановился, как будто не слышал. Но через два шага обернулся и сказал: «Старика главного скинули...»

«Как же давно все это было... — думала Маргарита Николаевна, выходя из мечтательного состояния, навеянного разговором с сыном. — А теперь даже детям рассказать трудно, нужно объяснять, что такое ЗиМ, «Чайка», «Победа», и где был уни-

верситет, и что такое ИВЯ и прочее. Дочь уже сама стала матерью, а с сыном взрослым какие непростые проблемы приходится обсуждать. А я — бабка, и по статусу, и по возрасту — за пятьдесят... Родителей уж в живых нет, и Пашкиного отца нет. Пашка, пока отец был жив, как-то держался на не-высоких должностях в МИДе. А потом попался в Румынии пьяный за рулем. Кричал полицейскому: «Это политическая провокация! Я — первый секретарь посольства СССР!» А сам еле стоит на ногах. Отца его уже не было, а больше никто его отмазывать не захотел. Отозвали Пашку, потом сократили. А он на хорошем месте сидел. Дипломатических отношений с Израилем тогда не было, а через наше посольство в Румынии связь Израиль — СССР как-то осуществлялась. Вот Пашка, «востоковед в штатском», и сидел на этом деле. Вскорости и МИД СССР не стало. Сейчас Пашка ходит по знакомым, пьет, плачет и рассказывает, как с ним обошлись демократы. Рите сказал с ненавистью: «Теперь такие, как твой муж, вылезли наверх!» Оказывается, Артур виноват, что он не у дел, тоже «политическая провокация». Так Пашка ничего и не понял...»

И вот Артур, успешный и везучий молодой человек, почувствовал себя обиженным и обойденным. Собственная обида затмила все теории и наставления. Обида наполнила его, «клокотала у горла». Артур только и думал о том, как с ним несправедливо и жестоко поступили. Ведь он четыре года «вертелся», работал, не считаясь со временем, рисковал собой ради дела! Ведь он четыре года «кормил» институт! И вот теперь, когда институтские финансы поправились благодаря Артуру, с ним так

поступают! «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить».

Со своей обидой Артур ложился и вставал, ему снились «обидные» сны, а наяву в мозгу прокручивались обидные или мстительные сюжеты.

Хотя, если разобраться спокойно, не было повода так уж сильно обижаться, забыв наставления матери. Артур много работал, но ведь не бесплатно же. В его личном сейфе скопилось столько денег, что можно было подумать о покупке квартиры, это у молодого специалиста за четыре-то года. Деятельность Артура была полезна институту, но говорить, что Артур «кормил» институт четыре года, не стоило, это было явным преувеличением. Артур действительно рисковал, но ведь его «подстраховывали», не давали в обиду, защищали и директор, и заместитель. Пришло время, и директор решил кончать с обналичкой в своем институте. Но директор придумал новое занятие для Артура. Другое дело, что у Артура не хватило ума это понять. К тому же Артур, по мнению директора, выказал неуважение к делу жизни директора, назвал это важное дело «игрушками», излишне выпятил свои вспомогательные функции. Но и в этом случае Юрий Иннокентьевич не выгнал бы Артура, если бы не знал, что для него есть хорошая работа у отца. Директор института был уверен, что человек, помогавший ему, не останется без места.

Такие мысли обиженному Артуру не приходили в голову. Поэтому, получив предложение отца перейти на работу к нему, он сразу согласился.

— У меня новое важное задание, сегодня подписали постановление правительства, — сказал сыну Артур Иванович. — Я буду заниматься взаимозачетами между предприятиями. Слышал про такое?

Я хочу, чтобы ты уволился из института и стал мне помогать.

— Я согласен, — ответил Артур.

Артур Иванович с удивлением посмотрел на сына — тот, не дослушав, согласился. Так сразу соглашаться несолидно, наверное, что-то случилось у него в институте...

— Как «согласен»? Ты не спросил, чем заниматься, какая должность? Сможешь ли ты завершить текущую работу, выполнить свои обязательства перед институтом, сколько на это нужно времени?

— Деятельность моя в институте завершается, похоже, я директору больше не нужен! — сказал дрогнувшим голосом Артур. Обида прорвалась наружу.

— Что твоя работа этого рода заканчивается, я знаю, мне говорил Юрий Иннокентьевич. Но он хорошо о тебе отзывался и собирался подобрать тебе другое занятие.

— В связи с чем это он с тобой разговаривал на эту тему? — опешил Артур.

— А я его попросил отпустить тебя, потому что ты мне нужен, — сказал отец. — Но я ему обещал, что ты сам будешь выбирать, уходить ко мне или оставаться.

«Вот это да! — подумал Артур. — Да там неизвестные мне обстоятельства, подводная часть айсберга! А я-то решил, что об меня ноги вытирают: принеси, подай, пшел вон! Мама, ты — великая женщина. Торжественно клянусь никогда больше не обижаться, не носиться со своей обидой! Какие люди обо мне заботятся! А я ходил столько времени, сопли распустив! Я — дурак. Где в этом расписаться?»

Артур пришел в хорошее настроение. Обида, мучившая его целый месяц, улетучилась. Но вслух Артур каяться не стал.

— Папа, я выбираю работу у тебя. Желаю отцу родному помогать. А какой вы нам оклад жалованья положите, нам не важно. Но уж не обидьте, товарищ начальник!

Артур Иванович не стал докапываться до причины перемены настроения сына и решил, что согласие Артура получено.

— Даю тебе месяц на завершение дел в институте. Первый мой приказ — от Юрия Иннокентьевича уходить по-хорошему, без «хвостов» и обид. Если месяца не хватит, можно обсудить продление этого срока, — подвел итог разговора Артур Иванович.

ЛИКВИДАЦИЯ

Через два дня после разговора с отцом Артура вызвал директор.

— В связи с вашим переходом на другую работу нам нужно решить, что делать с «Импульсом»: оставлять и использовать для решения других задач или закрывать.

Директор говорил об увольнении Артура, как о деле решенном. «А, может быть, директор имел в виду не увольнение, а переход к другим обязанностям в институте? — на мгновение предположил Артур. — Нет, формулировка у директора не та и тон не тот. Даже не обсуждает он со мной мое увольнение, все решил, отдал уже меня отцу... Стоп, прочь обиды! Вопрос директор задал важный».

— Юрий Иннокентьевич, единственное достоинство «Импульса» — стаж работы более четырех лет. За это время к названию «Импульс» привыкли, даже заказчики знают, что есть такой традиционный контрагент. Но оставлять его нежелательно. Предприятие «Импульс» имеет четырехлетний криминальный стаж. Подобной деятельностью занимаются предприятия, оформленные на неизвестных лиц. Принимают деньги на обналичку несколько месяцев и исчезают. Потому что дальше работать опасно! Это я оформил «Импульс» на свое имя и не исчезаю так долго... Фирму, пропустившую через себя несколько десятков миллионов долларов, нужно закрывать. Относиться к процедуре ликвидации следует очень внимательно, — все-таки в словах Артура просвечивала обида, но ведь по-другому не объяснишь, что «Импульсу» давно пора «смываться».

— Я согласен с вами. Давайте закрывать «Импульс». Вот и займитесь этим, — сказал директор.

— Необходимо подрядить юридическую фирму, которая специализируется на ликвидации малых предприятий. Необходимо пройти налоговую проверку. Хотя все документы у нас в порядке, характер деятельности «Импульса» определяется легко. Нужно договариваться с налоговой инспекцией, чтобы в итоговом документе проверяющие указали только неопасные нарушения, и «Импульс» бы только слегка оштрафовали... — Артур говорил вполне определенно, но при объяснении, что придется давать взятку налоговикам, он не произнес слово «взятка».

Директор, конечно, понял, о чем речь, и поморщился. Подумал: «Ну, ладно уж, закроем эту позорную страницу и дальше все начнем с чистого листа».

— Хорошо, решайте эти вопросы. Разрешаю также выдать премию, так сказать, выходное пособие, сотрудникам «Импульса». По расходам потом составите отчет. Напишите отчет от руки в одном экземпляре и передадите мне из рук в руки.

Далее последовало такое, чего Артур никак не ожидал.

— Артур Артурович, после ликвидации «Импульса» останутся материальные ценности: деньги на счету, мебель, оргтехника, сотовые телефоны у вас и у бухгалтера, автомобиль «москвич», кое-что еще. Не все эти ценности формально принадлежат «Импульсу» как юридическому лицу. Например, автомобиль оформлен на вас, но куплен на деньги «Импульса», мебель, компьютер и прочая оргтехника тоже фактически принадлежат «Импульсу». Я думаю, что не все деньги будут истрачены на ликвидацию «Импульса». То, что останется, необходимо будет вернуть в институт.

Не все в институте осмеливались сказать, что директор жадный. Говорили «хозяйственный», а начальница юрбюро Евгения Сергеевна придумала называть жадного директора словом «скрупулезный». Да и «кривая жадности» директора имела сложный вид, на этой «кривой» отмечались и проявления щедрости директора.

«Вот и сейчас Юрий Иннокентьевич сам предложил выплатить премии Оксане и Коновалову! И мне, подразумевается. Я ж его не просил. Конечно, суммы должны быть маленькие, а то директор возмутится. И подключить юридическую фирму для ликвидации «Импульса» согласился, не стал требовать, чтобы я сам фирму ликвидировал, как сам регистрировал, и про взятку налоговому инспектору

довольно спокойно выслушал. Но столы, стулья, телефоны, а главное — «москвич»! Тут директорская «скрупулезность» не выдержала. Да если бы не Николай Михайлович, был бы этот «Москвич» давно уже на свалке!» — лавиной пронеслось в голове Артура.

А когда лавина прокатилась, Артур сказал: «Хорошо, Юрий Иннокентьевич, все сделаю!»

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ЧИСТЯКОВ

Артур ездил на своем «москвиче» более трех лет. За это время в автомобиле сломалось все, что только могло сломаться. Эта красивая и нарядная машина оказалась очень плохо сделанной. Выходили из строя даже такие узлы, которые непосредственно не относились к автомобилю, например, из резиновых покрышек вылезала проволока корда и прокалывала камеры. Как будто шинный завод специально производил брак, потому что продукция предназначалась для АЗЛК, завода, где делали «москвичи». Помимо низкой надежности всех узлов, в конструкции «москвича» были принципиальные ошибки. Например, после пересечения лужи двигатель автомобиля мог заглохнуть и не заводился, пока не стечет вода, залившая трамблер.

Записаться на автосервис, «на станцию», было непросто, провести там нужно было целый день. Ремонтировали машины на сервисе плохо, и никто за качество ремонта не отвечал.

Среди владельцев «москвичей» ходило множество анекдотов про их автомобиль. Артур давно бы купил новый, и деньги были. Но поменять машину

Артур не мог, ведь он ездил на ней под бдительным взглядом Юрия Иннокентьевича. Что директор скажет, как расценит такое неучтенное богатство подчиненного?

Однажды Артур пришел к себе в «Импульс» с большим опозданием и с несчастным видом. Коновалов, посмотрев на его черные расцарапанные руки, спросил: «Ну, что? Замучился с ним? Надо тебя с Николаем Михайловичем познакомить...»

Николай Михайлович Чистяков был соседом по гаражу Коновалова. Чистяков много лет работал на огромном заводе, и как передовика производства с большим стажем его когда-то поставили в очередь на приобретение автомобиля. Через пять лет ожидания Николай Михайлович был уже в этой очереди первым. Однако время шло, автомобили для работников завода выделялись, но первому в очереди их не предлагали, а продавали другим, не первым. На вопросы Николая Михайловича в профкоме завода отвечали, что эти автомобили министерство выделило в целевом порядке, специально для конкретного человека. А в общей очереди Николай Михайлович стоит первым, и первый же автомобиль будет предложен ему. Простояв полгода первым, несколько раз «залезая» из-за неотложных нужд в сумму, накопленную на автомобиль, затем восстанавливая ее, Николай Михайлович стал, наконец, обладателем автомобиля, и какого! Только что выпущенная новая модель ВАЗ-2105, красавица «пятерка» с двигателем от «тройки», самым удачным и надежным из всех «жигулевских» движков! Подождав целый день на морозе на площадке в Южном порту вместе с такими же счастливицами, как он, Николай Михайлович приехал домой на «Жигулях», правда, не за рулем, а на

пассажирском месте. За рулем сидел опытный водитель, заводской товарищ, которого по такому случаю отпустили с работы в помощь «имениннику».

На автомобиле Николай Михайлович проездил 12 лет. За это время он стал знатоком автомобиля и не ленился применять свои знания к собственной машине. Однако, увы, даже при идеальном уходе автомобиль старел. В очередь на новый автомобиль второй раз Николая Михайловича на заводе никто бы не поставил, в открытую продажу автомобилей не поступали, а купить машину, проехдившую 3–4 года, было невозможно: на рынке такие машины стоили значительно дороже, чем недоступные новые.

Потом времена изменились, очереди на автомобили на заводе не стало, потому что можно было пойти и купить машину, причем новые машины стали стоить значительно дороже старых машин. Но на заводе теперь платили так мало, а за автомобиль нужно было отдать так много! У Николая Михайловича не было надежды поменять свою машину на новую.

Вдруг мелькнула перспектива. Фирма «Властилина» собирала деньги — половину стоимости автомобиля «Москвич-2141» — и через несколько месяцев отдавала целый автомобиль за внесенные заранее полцены. Здравомыслящий человек, Николай Михайлович понимал, что это — жульничество, и никогда бы не стал связываться, но ему предложили по знакомству вступить в группу работников МВД, которые договорились с «Властилиной» на некоторое количество автомобилей, и теперь добирают надежных людей «со стороны» до определенного количества участников. Николай Михайлович рискнул

и через четыре месяца стал обладателем искомого автомобиля. А еще через несколько месяцев «Властилина» лопнула. Хозяйку «Властилины» посадили, а множество людей остались без денег. Но Чистяков успел!

С двенадцатилетним опытом эксплуатации «Жигулей» Николаю Михайловичу «москвич» был не страшен. Если при Николае Михайловиче ругали «москвичи», то он сердился и громко говорил, что «москвич» — самая скоростная, удобная и надежная машина, нужно только... Далее следовали рекомендации, в соответствии с которыми требовалось разобрать автомобиль «до винтика», кое-какие детали заменить на аналоги от приличных производителей, затем снова собрать «по-человечески». Николай Михайлович не понимал, что такие советы не всем подходят. Единственная претензия к «Москвичу», с которой соглашался Чистяков, это то, что кузов у него ржавеет быстрее, чем у других автомобилей. «Да, — говорил Николай Михайлович. — Металлический лист им поставляют плохой». Но и тут следовали советы, как сохранить кузов: «пушечное сало», битумная мастика для днища, «мовиль» и другое, ныне забытое. Во всяком случае, «москвич» Николая Михайловича был в образцовом состоянии.

Николая Михайловича осаждали соседи по коллективному гаражу, жаждущие совета. Но обычному автолюбителю, «чайнику» совета мало, нужны еще «руки». И Николай Михайлович помогал соседям и «словом», и «делом». Со временем Николай Михайлович ушел с завода, договорился с соседом, сделал из его пустующего гаража «ремонтный бокс», и стал ремонтировать «москвичи».

Вот к этому человеку и привел Артура Коновалов.

Часть 2.

ДРУГИЕ ОПЕРАЦИИ

БАНК

Артур теперь работал в банке «Росинвестпроект». Должность его называлась «и. о. заместителя председателя правления». На должность настоящего заместителя Артура не утвердил Центробанк из-за отсутствия опыта работы в кредитных учреждениях. Первая его задача состояла в том, чтобы этого опыта набраться. Набираться опыта было не просто, потому что ко многому в деятельности банка Артура не подпускали, и другие замы относились к нему, как к блатному, сосватанному высокопоставленным папашей. Замы полагали, что Артур в их банке посидит-посидит и выше полезет. Но и сам Артур рассматривал себя как представителя отца. Артур Иванович контролирует проведение взаимозачетов, а его направил в один из уполномоченных банков, чтобы отец мог из первых рук получать информацию о том, что происходит на самом деле. Разговор про зачеты в «Росинвестпроекте» произошел вскоре после начала работы Артура в банке.

— Хочу тебя спросить, — обратился Артур Иванович к сыну. — Как проходят практически взаимо-

зачеты. Расскажи на примере твоего банка, какова техника этого дела.

— Я давно хотел тебе живописать, как проходят зачеты, но сомневался, стоит ли. Но раз ты сам спросил, сдерживаться больше не буду, расскажу, — начал Артур. — Представь себе холодное февральское утро, часов восемь, темно еще. У дверей банка толпа, дверь откроется в девять, но все приехали заранее, чтобы очередь занять. Толпа состоит из главных бухгалтеров, директоров предприятий и их заместителей, всяких других деятелей приличного уровня. Все газоны и тротуары вокруг входа в банк заставлены такими автомобилями, которые только на автосалоне увидишь. Двигатели включены, фары горят и освещают грязный снег, дым из глушителей машин, здание нашего банка, соседние дома, сквер, темные фигуры. Каждая из этих темных фигур принадлежит человеку, к которому без доклада не попадешь, и который управляет большими деньгами и многими людьми. А здесь он бродит по скверу с одной задачей — что-нибудь узнать, сориентироваться, в последний момент подправить бессмысленные бумаги про взаимозачет между предприятиями, которые в принципе никак связаны быть не могут. Но главная задача — узнать, идут ли зачеты, не приостановлены ли. В машинах шоферы сидят, и время от времени хозяйка или хозяин приходят к ним греться. А иногда приводят кого-нибудь с собой, чтобы поговорить. Тогда водитель вылезает из авто и прогуливается, разминая затекшие конечности, потому что он всю ночь ехал из Нижнего Новгорода, или из Питера, или из какого-то секретного городка, которого на карте нет. В девять ровно двери открываются, и

толпа устремляется внутрь. Правда, в дверях сильно не толкаются, все-таки солидные люди, очередь заранее расписали. Выясняется, сколько сотрудников принимают документы, и к каждому выстраивается по хвосту.

— Ну, тут-то можно было навести порядок! — прервал рассказ сына Артур Иванович.

— Подожди, пап. Ты же хотел услышать, как есть, вот я и рассказываю... К сотруднику подходят парами: плательщик налогов и бюджетник. Сейчас стеклянную загородку с окошечком убрали, а то, отвечая на вопросы сотрудника банка, то один, то другой представитель предприятия в окошечко просовывался, как дрессированные звери по команде укротителя. Часов в одиннадцать прием прекращается минут на десять, это работникам банка принесли обеденное меню. Клерки в костюмах и галстуках думают и даже громко обсуждают между собой, что бы такое заказать, а потом ставят «галочку», какие блюда они будут сегодня кушать. А очередь терпит, не возмущается, а то клерк придерется к чему-нибудь и не примет у тебя документы.

— Но ты ведь руководитель! Построй эту очередь, как считаешь нужным! — снова вмешался отец в рассказ сына.

— Я пытался. Добился только, чтобы сняли стеклянные загородки с окошечками. Ладно, дальше рассказываю. Больше половины людей в очереди — из других городов. Пары бывают ближние: одно предприятие — во Владимирской области, другое — в Питере. Из дальних мест, например, из Комсомольска-на-Амуре, может приехать один человек с доверенностями от двух предприятий

сразу, то есть сам с собой взаимозачет оформляет. Документы у всех подготовлены, как правило, очень тщательно, у всех принимают. Наши функции состоят всего лишь в том, чтобы собрать документы, проверить, правильно ли они оформлены, поддержать их у себя несколько дней, на случай изменений, и подать их тебе.

— Давай так, — сказал Артур Иванович. — Ты мне будешь регулярно, раз в неделю, докладывать о приеме документов в вашем банке. Требуй порядка в очереди, чтобы людей не унижали. Я помогу, поддержу твои требования. Заодно и в других уполномоченных банках наведу порядок. Про обеденное меню ты красочно рассказал, хотя это, конечно, беллетристика...

СТАРЫЕ СВЯЗИ

Леонид Владимирович, мимолетный знакомый Артура того периода, когда Артур только еще начал изучать технологию обналички, пришел в банк «Росинвестпроект» открывать счет для новой фирмы. Леонид Владимирович остался таким же пухленьким маленьким мужчиной с лакейскими бачками. Только на темени явно обозначилась лысина. Он был так же аккуратно одет: светлый костюм по сезону, голубая рубашка, галстук яркий, нестрогий, но ведь и человек молодой, носки под цвет брюк, новые туфли, очень новые и с высокими каблучками. И так же, как раньше, живые глаза плохо сочетались с такой «галантерейной» внешностью.

Со школьных лет Леонид Владимирович тяготел к покою и основательности. Сам, без репетиторов,

подготовился и поступил в МВТУ имени Баумана. Окончил вуз с «красным» дипломом и получил распределение на огромное космическое предприятие вблизи Москвы. Молодых специалистов, направленных на работу в эту знаменитую фирму, собрали в актовом зале. К ним вышел заместитель главного конструктора со звездой Героя соцтруда и медалью лауреата Ленинской премии на пиджаке. Он поздравил молодых специалистов, в основном мальчиков, с окончанием вузов. Потом перечислил основные вехи славной истории предприятия. Потом сказал, что настали трудные времена, развитие отрасли остановилось, денег на зарплату нет, поэтому расширять штат в настоящее время нет возможности. И никто из пришедших к ним по распределению молодых специалистов не будет принят на работу. В заключение оратор выразил надежду, что молодые люди с таким блестящим образованием не пропадут.

Леонида поразило, что многих ребят обрадовала свобода. Сам он такого поворота судьбы никак не ожидал, запасного места работы у него не было. Леонид стал искать места, и довольно быстро ему удалось устроиться продавцом в ночной магазин. Его точка — бывший киоск «Союзпечать» около автобусной остановки в Бескудниково. Ночью он торговал пивом, сигаретами, хлебом, спиртом, фасованными макаронами, фисташками в пакетиках, а днем спал и искал место получше. Новая работа сама нашлась — хозяин киоска предложил Леониду работать в обменном пункте валюты во дворе около выхода из метро «Кузнецкий мост», руководить сменными кассирами и охранниками. «Ленчик, — сказал ему хозяин. — Побудешь в обменнике на Ле-

нинском, там опытный парень сидит. Как наблатыкаешься, станешь на свою точку. В месяц попробуй уложиться. На этот месяц зарплата прежняя». Месяц Леонид побыл стажером, а потом восемь месяцев занимался обменом валюты сначала в одном пункте, потом в другом, потом в третьем. Свел знакомство в банке. В банке ему предложили работу в индустрии обналички.

Много говорят об «утечке мозгов». Уехали ученые из России, беда! Ищут «утекшие мозги» в Америке и в Европе. Деньги выделяют, миллиарды рублей на возвращение уехавших за рубеж, конечно, тех, кто там преуспел, кому и там хорошо. В действительности основная утечка мозгов происходит внутри страны, без пересечения госграницы. Вот и мозги Леонида Владимировича «утекли», пусть не из академической науки, а из отраслевой, космической, но очень важной для страны. Потеряли инженера с «красным» дипломом лучшего технического вуза страны, и никто не выделяет денег, чтобы вернуть его обратно. Но чиновникам, чем Ленчика и еще сотни тысяч несостоявшихся специалистов вернуть в науку и технику, выгоднее возвращать из Англии лауреата Нобелевской премии (ведь у чиновников, как у пушкинской попадьи, ум «догадлив, на всякие хитрости повадлив»).

Леонид Владимирович предложение банка принял и расстался с прежними хозяевами. К моменту расставания у Леонида с хозяевами накопилось взаимное раздражение. Хозяева раздражали Леонида своей дремучестью, апломбом и хамством, не соответствующим огромным суммам, которые они

контролировали. А Ленчика хозяева не любили за его самостоятельность, образованность и начитанность. Эти качества, по мнению хозяев, никак не соответствовали подчиненному положению Леонида Владимировича. Хозяева говорили между собой: «Какой этот Ленчик противный! Но умный, работать с ним можно».

Свой офис Леонид Владимирович организовал образцово. Несколько человек работали с клиентами, двое регистрировали новые фирмы и занимались отчетностью по действующим и «старым», готовым к «потоплению» фирмам. Сам Леонид Владимирович осуществлял все контакты с банком, добывал утерянные несобранными гражданами паспорта и решал все вопросы с контролирующими организациями. Контролеров было много, но Леонид всегда решал только одну задачу: кому и сколько дать денег.

В тот период, когда Леонид Владимирович руководил обналичивающей конторой, и приходил к нему Артур Калмыков на разведку.

Леонид Владимирович на этой работе имел дело только с теми людьми, которые не соблюдали установленные правила. Клиенты не хотели платить налоги, не желали, чтобы их траты контролировались, а желали тратить деньги своих предприятий, «не делаясь» с государством и по своему усмотрению, для чего и переводили деньги на те счета, которые указывал им Леонид Владимирович. Юристы регистрировали липовые фирмы. Нотариусы заверяли фальшивые документы. Мелкие государственные чиновники за взятки смотрели на эту деятельность сквозь пальцы. Но и находясь в этой среде, Леонид Владимирович сохранил в глуби-

не души стремление к покою и основательности. Только теперь Леонид видел себя в мечтах не крупным инженером с макетами своих изделий на письменном столе и государственными наградами на лацканах пиджака, а честным бизнесменом, работодателем и налогоплательщиком, производящим нужный для страны товар. Много времени он посвящал поиску перспективного дела, анализу потребительского рынка и сравнению того, что происходит у нас и за границей. Перебрав множество возможных направлений, Леонид решил, что самое надежное дело — производство упаковки для пищевых продуктов. В этой сфере наши сильно отставали от иностранцев. Удобная современная упаковка неизбежно потребуется в ближайшие годы.

Леонид тщательно и долго разрабатывал бизнес-план, обсуждал этот план с разными людьми, подыскивал себе партнеров. Оказалось, что по прикидкам, чтобы начать дело, Леониду нужно было не менее двухсот пятидесяти тысяч долларов.

Набрав эту сумму, Леонид Владимирович стал готовиться к переходу от жульничества к честной работе. Нужно, конечно, оговориться, что Леонид Владимирович всегда работал честно, выполнял обещания и не подводил партнеров ни слева, ни справа. Но это была честная работа в нечестной, или, скажем, незаконной отрасли. А теперь он хотел работать честно и законно. Организуя новое «белое» предприятие, Леонид Владимирович пришел открывать счет в банк «Росинвестпроект». По своему немалому уже опыту взаимодействия с банками Леонид решил, что этот банк наиболее «чистый» и надежный. И в то же время не такой

монстр, как «Сбербанк», который ограбит клиента и не заметит.

Дежурная при входе в банк, по-новому — офис-менеджер, дала Леониду список документов для открытия счета, и сказала, чтобы уважаемый клиент заполнил только заявление. Согласится ли банк на открытие счета, решает заместитель председателя правления. Сейчас его может принять Артур Артурович Калмыков.

За дверью с надписью «Заместители председателя правления» Леонида встретила секретарша и сразу указала на дверь с табличкой «и. о. заместителя председателя правления Артур Артурович Калмыков». Леонид прочитал табличку, подумал, что буквы «и. о.» для него никакого значения не имеют, и вошел в дверь. Увидев в кабинете Артура, Леонид Владимирович ничего не вспомнил.

Артур же сразу узнал посетителя, но виду не подал. Поздоровался, усадил, рассказал, какой у них надежный банк, объяснил, что правительство приглашает их банк для участия в важных государственных программах. Поэтому банк осторожно подходит к открытию счетов новых клиентов, интересуется видом бизнеса и прочими характеристиками кандидатов в клиенты.

— Расскажите, пожалуйста, чем вы будете заниматься, каков годовой оборот, нужны ли вам кредиты, — спросил Артур.

В ответ Леонид Владимирович вынул и протянул Артуру красиво оформленную брошюру с цветными иллюстрациями — бизнес-план.

Пролистывая план, Артур понял, что документ не липовый, визитер на самом деле собирается производить упаковку.

— Ваше предприятие называется «Европак». Похоже на «Быстроупак», предприятие господина Дядьева...

— Насколько я помню «Двенадцать стульев», господин Дядьев под этой вывеской занимался спекуляцией мануфактурой, а мы, в соответствии с названием, собираемся производить упаковку, — ответил Леонид Владимирович.

— Понимаете ли, — сказал Артур, пристально глядя в глаза собеседнику. — Я был в вашем офисе на Покровке в конце девяносто второго года. Названия фирм там были разные, а занимались они одним и тем же. Для нашего банка такая деятельность неприемлема!

Леонид Владимирович внутренне содрогнулся. Не то, что его испугал выпад Артура, подумаешь, что, на этом банке, что ли свет клином сошелся! Просто, Леонид начинал новый круг и болезненно воспринимал воспоминания о старой своей деятельности. Однако, решил Леонид, нужно уважать собственные выводы, если уж он выбрал этот банк, то следует за него побороться.

— Все меняется, Артур Артурович, — вполне добродушно ответил Леонид Владимирович. — Ведь если вы приезжали в офис на Покровке, значит, и ваша деятельность пять лет назад отличалась от нынешней вашей деятельности.

«Да, — подумал Артур. — Все правильно говорит. Этого поросенка без хрена не сожрешь! Да и на поросенка он стал меньше походить, возмужал». И вместо первоначального желания отказать, отомстить, отыграться за бывшее невнимание к своей персоне, родилось уважение к этому парню и даже стремление помочь.

— Это — правда, — сказал Артур. Написал на заявлении «Согласен. Калмыков» и отдал документы Леониду Владимировичу.

— У нас в банке такой порядок — тот заместитель, который визирует заявление на открытие счета, сопровождает клиента в его работе. Так что, если будут проблемы, обращайтесь.

Артур встал и пожал Леониду руку.

Встрече со следующим старым знакомым предшествовал телефонный звонок.

— Артур Артурович, звонит Алексей Федорович из банка «Тишинский». Будете разговаривать? — доложила секретарша.

«Алексей Федорович, зам из банка «Тишинский»? Это ведь из прошлой жизни», — подумал Артур и взял трубку. Договорились о встрече в кабинете Артура.

Алексей Федорович за год несколько поблек, уже не казался суперменом. После взаимных приветствий, передачи поздравлений от Раисы Хамзеевны и выражений «глубокого удовлетворения», что оба они работают теперь в одной сфере и на одинаковых должностях, Алексей Федорович перешел к сути дела.

— Артур Иванович приостановил взаимозачеты. Конечно, по чрезвычайно важным причинам, мы в этом не сомневаемся. Но от этого у наших клиентов-энергетиков создается напряженное положение, которое сказывается и на положении банка. Я далек от мысли просить вас двинуть дело, к тому же думаю, что это и не в ваших силах. Но любая информация о приостановке зачетов была бы нам чрезвычайно полезна. Даже сведения о том, кто притормозил процесс — сам Артур Иванович или

есть команда из правительства, имеют ценность. Если знать, кто конкретно задержал зачеты, по какой причине и что нужно делать для того, чтобы конкретный взаимозачет провести, то такие сведения чрезвычайно важны для заинтересованных сторон.

— Понятно, информация — самое дорогое в наше время, — Артур не спешил ввязываться в разговор по существу, ведь любой конкретный ответ налагает некоторые обязательства.

— А чтобы обмен информацией был взаимный, я вам тоже кое-что сообщу, — продолжил Алексей Федорович. — Не особенно конкретные сведения, частично мое собственное мнение, но, может быть, вам будет интересно это услышать, потому что все имеет прямое отношение к Артуру Ивановичу.

В словах Алексея Федоровича звучали жесткие нотки.

— Взаимозачеты эти придумали очень серьезные люди и сумели пробить свою схему через правительство. Противодействие в правительстве было, одним из подтверждений этому стало назначение Артура Ивановича в качестве «смотрящего». Наличие «государева человека» внесло, конечно, некоторые изменения в мероприятие. Тем более что ваш отец работает очень квалифицированно, сдержанно, проводит консультации с заинтересованными сторонами и применяет данную ему власть только в безоговорочных случаях.

«Да-а-а, — думал Артур, слушая коллегу. — Очень опасные люди прислали ко мне Алексея Федоровича. От них исходит явная угроза». Артур почувствовал, как по спине поползла капелька пота.

— Чайку? — спросил Артур.

— Кофейку, — ответил Алексей Федорович.

Перерыв был нужен обоим. Артур надеялся, что за эти десять минут он лучше поймет, чего хочет Алексей Федорович. А тот думал, что Артур за это время успеет посильнее испугаться.

— Так вот, — продолжил Алексей Федорович после чаепития. — При такой безукоризненной, по-настоящему государственной работе вашего отца вмешиваться, лезть к нему с просьбами никто не решится. Но вы поймите, Артур, люди работали, обеспечили взаимозачеты между крупными предприятиями, машина запущена. Вдруг, бац, зачет приостановлен, и срок возобновления не ясен. Рушится схема, устаревают документы, да и участники зачетной схемы могут переменить свои намерения. Поэтому очень важно знать побольше о сроках приостановки и возобновления взаимозачетов.

Артур вспомнил про капитана Бородина и с досадой подумал: «Опять из меня хотят «крысу» сделать!»

Расстались на том, что Артур пообещал поговорить с отцом и сообщить о результатах разговора Алексею Федоровичу.

Выслушав сына, Артур Иванович сказал.

— Алексей Федорович твой «надувает щеки», или, как теперь говорят, «пальцы гнет». Банк «Тишинский» никакого отношения к взаимозачетам не имеет, не получилось у Раисы Хамзеевны пробиться в уполномоченные банки. Но банк по собственной инициативе разослал агентов по стране, в основном в Сибирь и на Кавказ, ищут заинтересованные предприятия, составляют схемы, готовят документы. Положение у них зыбкое, чистые посредники. Поэтому им нужно провести зачет быстро и четко,

а то участники схемы очухаются и поймут, что могут все сделать сами. Вот, Алексею Федоровичу поручили разобраться, поэтому он и ищет источники информации. Не обращай внимания. Передай ему, что отец не стал с тобой разговаривать на эту тему.

ПОКУШЕНИЕ

Сотрудник Федеральной службы охраны старший лейтенант Вячеслав Смирнов относился к своим обязанностям вдумчиво. Для всех типовых маршрутов он детально проработал схему движения, определил возможные источники опасности, привязал схему к реальной обстановке, которую на схеме не нарисуешь, учел припаркованные автомобили, потоки людей, ремонтные работы. Свои предложения, содержащие иногда обоснованные отклонения от инструкции, Смирнов согласовывал с охраняемым лицом, Артуром Ивановичем Калмыковым, а затем отдавал в отдел для ознакомления. Старший лейтенант не был уверен, что записки его кто-то читает. Но как-то раз его вызвал командир, поздоровался за руку, усадил за стол и спросил.

— Ты зачем из машины вылезал около дома Калмыкова?

Смирнов взял лежащую перед начальником папку со своими схемами и объяснил, что находясь в машине во время маневра по запруженной улице на скорости 3–5 км/час охранник, сидящий рядом с водителем, не может выполнять свои обязанности. Нападение возможно с левого борта машины, водитель лишен возможности поворачивать и изменять скорость, а охранник выключен. Попросту говоря,

водитель не может ни дать по газам, ни затормозить, ни свернуть, а охранник, пока выскочит, пока obeжит машину, много времени пройдет.

— Ладно, — сказал командир. — Убедил. Но сильно фантазиями не увлекайся. Спрашивать с тебя будут по инструкции.

Автомобиль замедлил ход, прижимаясь к ограде скверика перед домом на Большой Бронной, почти расталкивая капотом людей. За минуту перед тем Вячеслав Смирнов покинул автомобиль и шел за ним пешком с левого борта, метров в пяти позади. Взревел мотоциклетный мотор и из Сытинского переулкa, от бульвара выскочил мотоцикл с двумя мужчинами: мотоциклистом и пассажиром у него за спиной. Мотоцикл повернул налево на Большую Бронную и остановился почти вплотную к автомобилю Калмыкова. Пассажир в круглом шлеме, скрывающем голову, упершись в сиденье, неловко соскочил назад. Мотоциклист нетерпеливо газовал, стоя на месте, а пассажир выхватил из чехла автомат, расставил ноги на ширине плеч и прошел бок автомобиля очередью. Он намеревался, согласно инструкции, затем выпустить вторую очередь. Люди вокруг отпрянули, раздались крики «Стой!», «Ты что делаешь!» Но прохожих в первые несколько секунд можно было не опасаться, обычный посторонний человек в такой ситуации не опасен, так ему объяснили. Только делать все нужно очень быстро.

Расстояние до цели было маленькое. «Как бы не отскочило, надо стрелять под углом, как он велел», — подумал киллер. Но было поздно. Одна пуля отскочила от кузова машины и ударила киллера в

бедро. Сильная боль изменила сценарий покушения. Киллер был готов к тому, чтобы стрелять, «испугать», забраться на мотоцикл и скрыться. Он не думал, что ему будет больно. Болело очень, поэтому он перестал стрелять и застыл на месте в нелепой позе, осматривая и ощупывая левой рукой свою ляжку. Сразу сообразил: «Рикошет!» И тут же получил вторую пулю в правую руку, держащую автомат. Киллер взвыл от боли. Автомат выпал из руки на мостовую. «Откуда?!» — успел подумать киллер, поднял голову и получил удар «под дых», а потом рукояткой пистолета по шлему от мужика, которого сразу не заметил. Дважды раненый и избитый, киллер упал на асфальт, шлем соскочил, открыв голову с обезумевшими от боли и недоумения глазами. После следующего удара ногой в голову киллер потерял сознание.

Увидев, что напарник ранен срикошетившей пулей, мотоциклист взял пистолет, чтобы застрелить киллера, как и планировал. Но еще один вооруженный участник событий изменил план мотоциклиста. Парень с улицы, неизвестно откуда взявшийся, выстрелил в киллера, выбил у него автомат и испугал мотоциклиста. Всем своим нутром мотоциклист мгновенно осознал, что следующий выстрел этого парня предназначен ему. Он бросил пистолет на сиденье между ног, где уже лежала правая перчатка, и погнал взревевший мотоцикл по Большой Бронной к Малой. Пистолет и перчатка скользнули по сидению вдоль бедра и упали на асфальт, и мотоциклист не успел их подхватить, да и не было возможности отвлечься — он ехал по заполненной людьми улице, от него шарахались, и он увертывался от прохожих, опасаясь любой задержки, спиной чувствуя опасность.

Вячеслав Смирнов, обездвигив киллера, стал высматривать мотоциклиста, и даже увидел его метрах в тридцати от себя. Стрелять было невозможно, догонять не полагалось, да и как? И ни к чему, опасность миновала, теперь главная забота — Калмыков. Смирнов сковал руку и ногу киллера наручниками и повернулся к машине. Сквозь дыру в разбитом пулями затемненном стекле охранник увидел сидящего у правой задней дверцы живого Артура Ивановича, носовым платком пытавшегося забинтовать правую руку. Смирнов открыл заднюю левую дверцу машины. Под ноги посыпались осколки стекла.

— Как вы, Артур Иванович?

— Рука болит, и в коленке тоже пуля... Посмотри — Федор живой, нет?

Водитель Федор, сидевший вплотную к простреленной дверце, был тяжело ранен.

При анализе событий, при определении причин разных явлений, при оценке людей Артур Иванович всегда старался найти простые причины, понятные обстоятельства и положительные свойства характера участников. Когда-то в юности он выбрал для себя такой способ мышления, затеял это как игру, упражнение для ума. Но игра сразу стала приносить ощутимую пользу. Он продвигался дальше своих товарищей в анализе истинных причин того, что происходило. Когда кто-то не приходил в условленное место, срывал намеченное мероприятие, и все дружно осуждали необязательность и хамство виновного, Артур Иванович говорил, что непришедший заболел, и оказывался прав. Это до эры сотовых

телефонов. Когда появились мобильники, в большинстве случаев долгие длинные гудки свидетельствовали только о том, что абонент забыл телефон в машине или, включив беззвучный режим, забыл его отключить. И не было тут оскорбления, пренебрежения и нежелания говорить. Дальше задачки возникали все более сложные, а правило искать простые и необходимые объяснения сложных жизненных коллизий приносило пользу, помогало докопаться до истины.

Но сейчас никакие версии произошедшего нападения не приходили в голову, ни простые, ни сложные. Артур Иванович недоумевал, какой смысл был в него стрелять, кому это могло быть нужно?

Выстрелами дело не закончилось. Сегодня в доставленной в палату почте Артур Иванович обнаружил конверт со старыми почтовыми штампами, а в нем записка: «Теперь займемся твоим щенком, пес». Конверт с запиской Артур Иванович с нарочным отправил следователю. Теперь собрался ему позвонить.

— Здравствуй, Валентин! — сказал Артур Иванович в трубку телефона «АТС-1», «вертушки» в кабине своей комфортабельной больничной палаты.

— Здравствуйте, Артур Иванович! Как вы себя чувствуете?

— Рука правая болит и не работает, подвешена. Нога тоже плохо действует, но, обещают, что все восстановится. Пока приучаюсь левой рукой обходиться. В общем, терпимо, могло быть хуже. Скажи, как там мой убийца?

— Что вам сказать на этом этапе... Это очень тупой парень. Не киллер, а робот какой-то. Знает очень мало: приехали, дали оружие и велели стрелять в

черную машину. Машина бронированная, пули отскочат. Поэтому стрелять надо под углом. Внутри сидит бандит, извините, Калмык. Калмык выстрелов испугается, перестанет наркотиками и отравленной водкой торговать и улетит в Америку. Все, больше ничего. Охотно рассказывает только о том, что в армии служил, с таджиками дрался, инвалидность получил. Оружия не знает, стреляет плохо...

— Это я понял! — с иронией сказал Артур Иванович.

— Похоже, что специально такого подобрали, потому что убивать вас, действительно, не хотели. Хотели испугать, чтобы вы какие-то действия совершили.

— Дело в том, что покушение еще не закончилось, продолжается. В сегодняшней почте я получил письмо с угрозой расправиться с сыном! Как они меня тут нашли?

— Ну, это не проблема. Мало ли посторонних людей в вашей больнице лежат на платной основе, они сообщили. Хорошо, что вы сразу прислали мне записку. Проработаем эту информацию. И подумаем, как сына вашего обезопасить.

— Что тут думать?! Ты что, смеешься! Нужно срочно его отсылать подальше! И жену мою тоже. А то, кто их знает?..

АРТУР ЗА ГРАНИЦЕЙ

В тот же день к вечеру, когда к Артуру Ивановичу приехала жена Маргарита Николаевна, состоялся серьезный разговор о необходимости уехать, спрятаться от неизвестных грозных врагов.

Маргарита Николаевна выслушала мужа, замерла в кресле, опустив голову, потом сказала.

— Вот, что я скажу тебе, Артур!

Артур Иванович с удивлением посмотрел на нее.

— Да, я давно тебя по имени не называла, — с улыбкой продолжила Маргарита Николаевна. — Привыкли, что «Артур» — это наш сын, а ты — или «папа», или «Артур Иванович», или «дедушка», это, когда дочь с ребятами приезжает. Так вот знай, как бы я тебя ни называла вслух, мысленно я всегда звала тебя только Артур. Ты — мой единственный Артур, и теперь, когда дети выросли, я тебе об этом говорю. Нам по 58 лет, и большую часть этих лет я от тебя надолго не отдалялась, и очень этим довольна. И в дальнейшем, насколько это от меня зависит, я от тебя — никуда! Мне только с тобой хочется жить, и только с тобой мне интересно жить. И мне скучно не было с тобой никогда, ни одной минутки! Знаешь, что мне дочь сказала в последний свой приезд? Я, говорит, вас с папой люблю за свежесть чувств! Никуда я от тебя не поеду... даже ради спасения собственной жизни... Вот, так...

Артур Иванович сидел, слушал и ничего не говорил. Конечно, можно было бы кинуться к любимой женщине, поцеловать ее за такие слова. Но куда тут с костылем и с рукой на перевязи кинешься? Пока соберешь все, что нужно, чтобы встать с дивана, порыв пройдет.

— Да, я никуда не поеду. Конечно, совсем отмахиваться от опасности нельзя. Нашему ребенку угрожают! Вернее, угрожают тебе таким способом. Даже не тебе лично, а государственному чиновнику... бр-р-р, не люблю это слово. Но теперь все стали говорить «чиновник» без всякого осуждения.

Для родителей моих «чиновники с кокардой» были в России до 17-го года, а потом все эти бывшие чиновники и дворяне в Париже таксистами работали. В Союзе заправляли не чиновники, а совпартработники... Так вот, я о том, что к отъезду Артура вынуждают государственные обстоятельства. Пусть следователь инициирует этот отъезд, пусть государство растрясется на свои государственные дела: и денег пусть выделяют, и место пусть за Артуром сохраняют, и прочее...

— Ну, место как сохраняют? Банк ведь частный, — возразил Артур Иванович.

— Знаем мы ваши частные банки! — усмехнулась Маргарита Николаевна. — Еще про частный Сбербанк расскажи. Я говорю о том, что Артур убегает не от того, что ему нож в подворотне показали. Государство его отправляет на время, прячет, потому что парень подвергается опасности из-за своей... ну, из-за твоей профессиональной государственной деятельности! Я хочу подчеркнуть, что отъезд Артура, бегство от опасности — дело не семейное, а государственное!

— Твоя номенклатурная семья наложила на тебя отпечаток на всю жизнь! — с улыбкой сказал Артур Иванович. — Мы как будто поменялись местами. Это чиновный папаша должен говорить, что о сыне позаботится государство, а мамаша, наоборот, должна молить защитить сына, не считаясь ни с чем! Обсуждать больше не будем. Давай, Ритуля, срочно отправлять Артура!

— Ну, что ж, отправлять, так отправлять... — согласилась с мужем Маргарита Николаевна, мысленно уже прикидывая, что ей нужно сделать для отправки Артура.

«А Ритуля-то моя, похоже, не верит, что Артуру действительно грозит опасность...» — подумал Артур Иванович.

Артур, оказавшись первый раз в Европе один, не с родителями, не с товарищами, не в группе, решил, что у него есть месяц законного отпуска и путешествовал, наслаждаясь отсутствием границ и простотой аренды транспортных средств. Ездил на красивых автомобилях, а что? Деньги есть, заработал! Потом взял скутер, а что? Ему ведь двадцать девять лет всего — молодежь!

Путешествуя по Европе и не имея никаких обязанностей, Артур мог наблюдать, размышлять и оценивать. Конечно, в первую очередь хотелось найти отличия, особенности, редкости. Хотелось понять, чем люди отличаются от наших. Почему все стремятся в Европу, как будто тут медом намазано.

Первое сильное впечатление на Артура произвел Берлин, который мы взяли в 45-м году. В этом большом городе памяти о войне осталось меньше, чем памяти о Берлинской стене. У Артура создалось такое впечатление, что не каждый берлинец знает, что происходило в Европе с середины 30-х до середины 40-х годов XX века, кто с кем воевал и за что, кто победил в войне. Зато все хорошо знали, что убили многих людей, которые хотели перелезть через Берлинскую стену, что власти ГДР расстреляли мирную демонстрацию и 53 человека погибли, что СССР виноват перед Германией, потому что навязал антинародный режим Ульбрихта и Хонеккера, всемогущую «штази», бедность и прочие беды социализма.

А Германия, если и виновата, то, по обывательскому мнению, только перед берлинскими еврейскими семьями, которым пришлось, забрав ценные вещи и рояли, переехать в Австралию или в Америку. Более 50 миллионов жертв Второй мировой войны, развязанной Германией, почти забыты. Русский солдат-освободитель в плащ-накидке и каске исчез из памяти, остался советский солдат-оккупант, портрет которого выставлен на бывшем пропускном пункте из Восточного Берлина в Западный Берлин Point Charley.

В Трептов-парке поддерживают порядок. Памятник, скульптуры, мраморные сооружения по краям аллеи, зеленые насаждения ухожены. Но посетителей нет совсем. Артур провел там больше часа и видел одну русскую семью и одну группу телевизионщиков, которые снимали приказы Сталина, выбитые на камне, и очень галдели. И это в выходной день в огромном мемориальном комплексе! Правда, дождик слегка моросил...

Второе, что поразило Артура, было огромное влияние Средневековья на современную Европу. Со школы у Артура сложилась простая историческая схема: века до V была Римская империя, потом тысячу лет был мрак Средневековья, когда не происходило ничего, потом началась Эпоха Возрождения. А тут оказалось, что именно Средневековье сформировало современную Европу.

Ехал по дороге на скутере, смотрел по сторонам, собирался уже возвращаться и искал, где бы развернуться. Вдруг у скутера заглох двигатель. Скорее всего, какая-нибудь ерунда, чему тут ломаться...

Артур слез со скутера, подкатил неисправный «самокат» к краю дороги и прислонил его к ограждению. Присел на корточки и стал смотреть, где у него что... Как учил Николай Михайлович Чистяков? Бензин, зажигание. А, вот, колпачок высоковольтный соскочил со свечи. Артур взял в руки болтающийся высоковольтный провод, осторожно освободил застрявший в соседних железках колпачок и аккуратно надел на свечу...

Рядом с ним остановилась машина, Артур повернул голову. Из автомобиля «Фольксваген Пассат» вышел невысокий мужчина лет сорока и направился к Артуру.

— Good afternoon! Can I help you something? — спросил мужчина.

«Все говорят с иностранцами по-английски! — подумал Артур. — Памятник изобретателю эсперанто в Вене пора сносить...»

— Good afternoon! I am ok! — ответил Артур, полагая, что скутер теперь заведется.

В это время из машины вышла симпатичная брюнетка тех же лет, что и мужчина, наверное, жена, и тоже направилась к Артуру. Видимо, дама сначала не хотела выходить, а потом не выдержала.

— А то я смотрю, русский парень терпит бедствие. Думаю, дай, посмотрю, в чем дело, — продолжил по-русски мужчина.

— А как вы узнали, что я русский?! — спросил удивленно Артур.

— Ой! Не смешите мои тапочки! Тоже мне загадка! Здравствуйте, меня Алла зовут, — сказала подошедшая женщина.

— А я — Борис, — представился мужчина, несколько смущенный активностью жены, и стал объ-

яснять. — Действительно, наших сразу видно. Как вы ковырялись в своем аппарате, как сидели... Только наши так делают...

— Интересно... — сказал Артур.

— Да, интересно, — сказала Алла. — Мы здесь живем 12 лет, и все-таки местные определяют, что мы из России.

Скутер завелся, Борис и Алла уехали, обменявшись с Артуром телефонами.

Новые знакомые показались весьма доброжелательными и приятными людьми. На следующий день Борис позвонил Артуру, и они встретились в Берлине. Артур думал, что придут оба, но пришел один Борис. Борис чувствовал себя обязанным показать вновь прибывшему Берлин. Первым делом пошли в пивную попробовать айсбан, свиную рульку. Но за обедом говорили не о Берлине. Артур спросил: «Как же вы оказались в Германии?» — и Борис, соскучившийся по русскому собеседнику, стал рассказывать о себе.

«Мой отец умер, когда мне было 9 лет. Он был военным инженером «без поплавка», т. е. без академии, да еще с «пятым пунктом». По службе продвигался медленно, долго в капитанах ходил. Потом вдруг получил назначение во Львов директором маленького завода по ремонту медицинской аппаратуры, по сути — начальником мастерских. И тогда майора присвоили. Отец говорил, что теперь он «штаб-офицер» и «высокоблагородие». Приятно ему было, а то он уже стеснялся своего капитанства. Однажды его шофер ехал ночью по городу и задавил человека. Генерал вызвал отца, унижал его, грозился выгнать из армии без пенсии. Орал: «Доколе у нас будут продолжаться убийства русских людей

по вине всяких Меламедов?!» Как будто это отец кого-то убил, а не солдат-водитель по неосторожности. Отец нервничал страшно, решил написать рапорт, уйти из армии. Но рапорт не дописал, умер от инфаркта... Мы с мамой остались жить во Львове, где под конец жизни служил отец. У нас была комната в коммунальной квартире, и мы с мамой были единственными евреями в доме. Били меня во дворе регулярно.

Ни я, ни мои родители не знали ни идиша, ни иврита, ни еврейской истории и никогда не ходили в синагогу. В церковь, правда, тоже не ходили, как все (или почти все) советские люди. Если бы не антисемиты, я бы сказал, что я — обычный русский мальчишка. Но я был еврей.

Еще одно обстоятельство делало меня не таким, как другие ребята во дворе, — я хорошо учился в школе. Поднимал руку, если знал ответ на вопрос учителя. У нас в классе это считалось предательством. Если ты что-то знаешь, то можешь, конечно, сказать, когда тебя спросят, чтобы не получить «пару». Но вызываться самому, сообщать учителю, что ты что-то знаешь, что-то учил, подчеркивать, что твои товарищи не знают ничего, — это считалось подлостью. Поэтому все называли меня выскочкой. Я был изгоем: Иудой и выскочкой. Мама меня жалела. А ведь я не все ей рассказывал, но того, что рассказывал, хватало, чтобы меня пожалеть.

У меня была мечта — поступить в Рижское мореходное училище, стать моряком, мотористом, ходить на больших кораблях в разные страны. И, конечно уехать из Львова, города, в котором мне так тяжело жилось. Брали в училище без экзаменов, по аттестатам за восьмилетку, если «по здоровью про-

ходил». Я послал документы, и мне пришел вызов. В училище со мной беседовал мужчина в форме моряка, он мне сказал: «Мы тебя возьмем, но ты должен понимать, что визу тебе не дадут», и посмотрел мне в глаза. Я понял, что меня возьмут, и обрадовался.

Поступив в училище, я стал вести себя не так, как в школе: я прогуливал занятия, бегал в самоволку и пил. Главное, я плохо учился. Задачу я себе поставил — ничем не походить на еврея, зубрилу и выскочку. За это, или не за это, но меня полюбил замполит училища.

После первого года обучения все курсанты пошли на кораблях в разные страны, а я был направлен на практику в портофлот. В училище было три еврея: сын нашего преподавателя, сын крупного рижского начальника и я. Всем троим не дали визы. Через год, перед следующей практикой, на построении училища, ко мне подошел замполит и сказал: «Я вижу, ты — поддатый, так что сильно не ори. После построения зайди ко мне, тебе виза пришла!»

В эту практику я пошел в загранку мотористом. Сын преподавателя и начальника опять практиковались в Рижском и Вентспилсском портах.

Четыре года прошли. Курсантов поздравили с окончанием училища и направили на работу в соответствии с рейтингом, как сейчас говорят, а попросту, по среднему баллу. Представители пароходств по очереди отбирали себе курсантов, кто получше учился или из других соображений. Первым выбирал кадровик из Рижского пароходства, а последним подходил к списку дальний северо-восток. Распределение я получил в числе последних, в Петропавловск-Камчатский, поскольку учился плохо.

Стал топливным мотористом, причем не на таком судне, какое изучал. Те суда, которые нам предназначались, еще только собирались выпускать, наш выпуск опередил время. Работа была тяжелая, грязная, какая-то беспросветная. За это — один рейс в Японию в год.

Я очень хотел уехать с Камчатки, и через два года мне это удалось».

Весь день Артур находился под впечатлением от рассказа своего нового приятеля. Совсем незнакомые Артуру обстоятельства, не имевшие никакого значения в его жизни, оказывается, были очень важны для другого человека. Артур Калмыков, русский человек, жил как русский, говорил и думал по-русски, воспитан был в русской семье и так далее. Это было естественно и привычно для Артура. Американец говорит по-английски, любит Америку и имеет американские привычки. Еврей живет с евреями, говорит по-еврейски, хотя бы иногда, верит в еврейского Бога. Ну, положим, живет не в еврейской стране, но имеет еврейское окружение, еврейское мировоззрение, ест по субботам еврейскую пищу и мечтает переселиться в Иерусалим. Но Боря Меламед совсем не такой. Действительно, обычный русский парень, немного провинциальный. Но так ведь он и жил в провинции. Еврейского языка не знает, в синагогу не ходит, еврейской культуры не знает, друзей-евреев не имеет. Отец — офицер Советской армии, мать — жена своего мужа, такая, какой была бабушка Артура, мать матери. Все привычки у Бориса русские и советские. И жить должен бы, как его русские друзья. Но не получалось, не давали, напоминали, что он не такой, как все. И это напоминание портило жизнь, отделяло этого

человека от других, заставляло чувствовать себя неполноценным, не давало повернуть, куда хочется. Из-за этого Меламед уехал из родной страны. Не в Израиль, потому что не было у него душевного порыва к возвращению на «историческую родину». Уехал в страну, которая приглашала к себе евреев. В Германию!

Как еврей может добровольно переселиться в Германию, Артур не понимал. Неужели не останавливает тот факт, что по дороге из России в Германию нужно проехать или пролететь над Освенцимом. Неужели евреи забыли то, что немцы сделали с ними всего пятьдесят лет назад?! Конечно, немцы уже не те, и жизнь не та, и мы — цивилизованные люди, но «все же, все же, все же», как писал Твардовский. Наверняка вспоминали войну и Холокост, когда решали, ехать ли в Германию. Но, видно, не смогли эти исторические страхи перебороть воспитанный собственной жизнью страх, что в любой момент в России на тебя покажут пальцем и скажут: «Тебе, еврею, сюда нельзя! Тебе надо туда!»

Артур первый раз в жизни близко столкнулся с еврейской темой. Раньше был только треп. Рассказывали ребята еврейские анекдоты, были какие-то высказывания знакомых, что называется, «pro et contra», но все это было далеко, прямо ни Артура, ни его родных или друзей не касалось, и он старался не участвовать в разговорах на национальную тему, не любил болтовни про «сионистов-евреев», про «жадных французов» и про «тупых узбеков».

Была еще семейная история, которую иногда рассказывала мама. Бабушка, мамина мама, страдала от сильной головной боли. Диагноз в Кремлевской больнице поставить не смогли. Дед Коля, отец

матери, привел домой профессора терапевта Когана из Мединститута. Коган осматривал бабушку в спальне целый час, дед сидел рядом, а мама, которой было тогда 12 лет, стояла у двери спальни и очень волновалась. Коган закончил осмотр, написал рецепты и разложил их на две стопки: эти можно купить в любой аптеке, а за этими нужно съездить в аптеку Четвертого управления, то есть в аптеку Кремлевской больницы. Дед Коля подошел и, опершись двумя руками о ночной столик, рассматривал рецепты, прикидывая, как поскорее получить лекарства, за какими можно послать домработницу или шофера, а за какими лучше самому съездить, потому что рецепты нужно переписать на бланки Четвертого управления. Коган встал со стула, но дед Коля не оторвался от рецептов, так и стоял, согнувшись. Тогда, чуть помедлив, Коган вышел за дверь и отправился мыть руки.

В то время раскрыли заговор «врачей-убийц», «отравителей в белых халатах». Многие «виновные» врачи были евреями. Бабушка сказала деду, когда врач вышел: «Мне этот Шапиро навывисывал лекарств, но я принимать не буду — отравит еще!» Тут в спальню вернулся за своим саквояжем Коган. Он взял саквояж, повернулся и молча пошел в прихожую, где его уже ждала домработница — проводить. У деда лицо сделалось малиновым, он посмотрел на бабушку убийственным взглядом и вышел вслед за врачом. Мама слышала, как дед сказал врачу: «Вы ее простите, Израиль Соломонович!»

Артур вышел из фотоателье расстроенный. На полученных им собственных фотографиях был изо-

бражен толстяк, похожий на всех толстяков, с тоненькими усиками, с маленькой бородкой под подбородком, и с испуганным выражением лица.

Каждый раз Артур огорчался, когда видел свои новые фотографии. Потом привыкал, смирялся, а потом новый удар, как сейчас. Он уже согласился с тем, что он «полноватый парень», потом — «рыхлый молодой мужчина», но к тому, что он — толстяк, требовалось притерпеться.

А как удержать форму? Полгода как сбежал из дома и теперь сидит в этом курортном городке, ничего не делает. Редкие пробежки вдоль моря, бассейн иногда, тренажерный зал — тоже иногда.

Ведь сначала все шло хорошо. Первый месяц пребывания за границей прошел очень весело, никаких мыслей о бессмысленности собственного существования в этот месяц у Артура не возникало, и жир не накапливался, и все вокруг было интересно. А теперь Европа надоела, хотелось домой.

ДЕТЕКТИВ

Артур Иванович Калмыков знакомился с результатами расследования покушения на убийство, в результате которого он сам, генерал Калмыков, был дважды ранен. Артур Иванович выздоровел и вернулся на работу. А его водитель был ранен тяжело и стал инвалидом, водителем больше работать не мог. Больше никто не пострадал. Отсутствие других пострадавших — счастливая случайность, потому что покушение было произведено в центре Москвы и стреляли из автоматического оружия. Преступление было полностью раскрыто: исполнитель,

киллер, был задержан на месте охранником Калмыкова, заказчики и посредники были определены и задержаны благодаря следственным действиям, произведенным группой подполковника Валентина Бубнова. Поэтому руководители управления оформили итоговый документ, как презентацию, хоть и закрытую, предназначенную для определенного круга лиц. В документе последовательно и популярно излагалась история раскрытия преступления. Вот этот документ, снабженный пояснениями, чтобы легче было читать.

Взаимозачеты происходили между предприятиями, никак не связанными общей работой. К тому же во многих случаях предприятия располагались за тысячи километров одно от другого. На предприятиях-налогоплательщиках никогда ранее не слышали о предприятии с бюджетным финансированием, и наоборот. За исключением тех случаев, когда государственные предприятия когда-то в Советском Союзе добивались выдающихся результатов, о которых сообщали по телевидению.

Понятно, что для проведения взаимозачета, для создания пары, нужен был посредник. Без посредника участники зачетной схемы не смогли бы найти друг друга. Кусок для посредника был лакомый, так как посредник забирал себе разницу между тем, что платило частное предприятие, и тем, на что соглашалось государственное. Деньги были огромные, многие миллионы долларов. Заплатив деньги, частное предприятие избавлялось от налоговой задолженности, от неприятностей с налоговиками, от пеней и штрафов. Получив деньги, бюджетное пред-

приятие платило зарплату и отдавало первоочередные долги. Посредники обналичивали свои комиссионные и клали деньги в карман.

Калмыков по поручению правительства контролировал проведение зачетов, добивался максимального соответствия процесса принятым правилам, то есть отвечал за то, что жульничество при проведении взаимозачетов не превысит установленный уровень жульничества. От Артура Ивановича зависели деньги.

Поэтому следователь сразу предположил, что причиной покушения была профессиональная деятельность Калмыкова. Других возможных причин выявить не удалось. Служба на предшествующих должностях, семья, окружение не давали повода искать другие версии.

Небывалая удача — поимка киллера на месте преступления, как ни странно, не дала следствию почти ничего. Тридцатипятилетний Борис Тихонович Кувезенков охотно сотрудничал со следствием, старался ответить на все вопросы, но полезного мало мог сообщить.

Борис Кувезенков окончил 8 классов в поселке городского типа, до армии работал в гараже, числился автослесарем, но в дело не вникал, ждал призыва в армию. В армии служил в стройбате. Об армейской службе рассказывал охотно. Но все рассказы были о том, как они били «чурок». При изложении подробностей оказывалось, что как раз «чурки» ему навалили. Последняя драка кончилась госпиталем. В госпитале последствия побоев за治чили, но выявили сложное комплексное заболевание внутренних органов. Для уточнения диагноза направили в Главный военный госпиталь в Москву.

Потом демобилизовали досрочно. Стал работать в поселке электриком. Но каким электриком... Ему бригадир говорит: «Поди, Боря, посмотри, там автомат выбило». Кувезенков полчаса ходит, все ждут. Вернется. «Ну, что?» «Выбило», — отвечает. «А что ж ты не включил?» «Так ты же не сказал!» Оформил инвалидность. Хотя группа инвалидности была «рабочая», но с работы уволился. Всем говорил, что никто не хочет держать инвалида, потому что здоровых безработных полно.

Два раза был женат. Первый раз женился до ухода в армию. Сыну было 16 лет. Где живут сын и бывшая жена не знал. Про вторую жену и второго сына десяти лет сказал, что живут в Москве или в Подмосковье, но адрес указать не смог.

Жил у матери на свою инвалидную пенсию, пенсию матери и ежемесячную материальную помощь старшей сестры. Большой нужды не было, денег на его потребности хватало. Того, что живет на содержании двух родных женщин, стеснялся. Постоянно искал приработок. Но, когда находил, всегда от работы отказывался, говорил, что здоровье не позволяет. Хотя внешне производил впечатление здорового человека. Практически не пил. Пьяниц презирал. Мечтал о таком деле, чтобы сразу было много денег. Он бы тогда сестру озолотил, а матери поставил бы мраморный памятник, когда помрет.

В день покушения к нему на мотоцикле приехал человек. Сказал, что приехал от сестры. Сестра рассказала про него, что он хочет заработать, но работы подходящей нет. Как раз такой человек ему нужен. Но сначала нужно его проверить. Поехали на мотоцикле к лесу, протащили мотоцикл

через кювет, вышли на опушку, потом на полянку, там мотоциклист стал объяснять, что надо делать. Спрыгнуть с мотоцикла назад у Кувезенкова получилось, из мешка автомат достать — не очень получилось, запутался. Потом мотоциклист велел две очереди дать. Сказал, что больше нельзя, а то «могут прибежать». Отметил, что Кувезенков совсем стрелять не умеет. На что Кувезенков объяснил, что он в стройбате служил, с оружием мало имел дело. Но мотоциклист сказал, что это ничего. Кувезенков предупредил, что в человека стрелять не станет. «Мотоциклист» сказал, что стрелять надо будет по машине. Машина бронированная и стекла бронированные, все пули отскочат. Стрелять надо под углом, сверху вниз, чтобы пули отскочили в асфальт. В машине сидит Калмык. Он всю Москву снабжает наркотиками и паленой водкой, чтобы все спились и передохли. А закона против Калмыка подобрать никакого не могут, у него все судьи и прокуроры куплены. Если его сегодня не остановить, он завтра начнет новую партию наркотиков продавать. Вот правительство и решило погугать этого бандита. Потом его посадят на самолет и отправят в Америку, к его хозяевам, уже билет ему купили и предупредили летчиков. Сестру твою спросили, нет ли у нее надежного парня для такой работы. Она тебя назвала как верного человека, которому деньги нужны, а работы по душе нет. «Мотоциклист» сказал, что за эту работу, если удастся Калмыка напугать, ему заплатят десять тысяч долларов или рублями по курсу. «Мотоциклист» дал Кувезенкову тысячу долларов и сказал, что это аванс в долларах, потому что рубли класть сейчас некуда, слишком толстая пачка получается, а если

Кувезенков захочет, то ему потом доллары на рубли обменяют. А эта тысяча вроде правительственной гарантии. Кувезенков сказал, что сразу ехать не может, надо матери сообщить. «Мотоциклист» не разрешил, сказал, что сестре все известно, она матери и скажет. «Да и что говорить, ведь ты вечером дома будешь». После этого мотоциклист дал Кувезенкову таблетку, чтобы руки не дрожали, и запить дал из бутылки с водой. На этикетке было написано «Только для спецотряда Правительства России. Особо чистая вода». Потом стали тренироваться, но уже без стрельбы: соскок с мотоцикла, подготовка оружия, прицеливание. Последний раз «Мотоциклист» сказал, чтобы Кувезенков после «выстрела» опять сел на заднее сиденье мотоцикла — тренировал «отход». «Хотя, я думаю, ты и без тренировки запрыгнешь, как наскипидаренный!» — пошутил «Мотоциклист». Затем «Мотоциклист» достал из рюкзака спальный мешок, еще бутылку воды и пакет, на котором тоже было написано, для кого предназначено содержимое: «Только для спецотряда...», а далее стояло «Бутырброд». Кувезенков запомнил это слово, потому что «бутерброд» не так пишется. Кувезенков поел, опять принял таблетку и лег спать в спальнике на еловом лапнике. Под вечер «Мотоциклист» разбудил Кувезенкова, дал воды, бутерброд и таблетку, потом велел самому засунуть автомат в чехол, замаскированный под рюкзачок, дал одежду «для работы», а свою велел закопать. Еще раз потренировались, уже в новом костюме. Потом вытащили мотоцикл на дорогу и поехали в Москву.

Описание подготовки киллера, похожее на анекдот, убедило следователя, что убийство не планиро-

валось. Калмыкова хотели именно «попугать», чтобы он совершил какие-то действия, или, наоборот, не совершал то, что запланировал.

На вопрос, как звали мотоциклиста, Кувезенков ответил: «Ардальон Передонов, нерусский, наверное». «Мотоциклист» показал Кувезенкову удостоверение, в котором было написано «Представитель Правительства России по борьбе с наркотиками и незаконным алкоголем Ардальон Борисович Передонов». Кувезенков, как ни странно, имя и должность запомнил.

Следователя удивило, что Кувезенков был грамотным человеком, имел хорошую память, не очень слабое здоровье, жил в 70 км от Москвы и при этом не достиг ничего. У него не было ни специальности, ни работы, ни семьи.

Участковый милиционер в поселке не считал Кувезенкова опасным человеком. Пьяницей он не был, не буянил, мать не обижал. Узнав, что Кувезенков замешан в тяжком преступлении, участковый задумался и сказал: «Вообще, может. Любил рассуждать о своих правах. А сам по дому ничего не делал, целый день телевизор смотрел. Еще раз в год проходил обследование в больнице. А, по-моему, на нем пахать можно... но медицине виднее».

Друзей в поселке у Кувезенкова не было. Бывшие одноклассники или уехали из поселка, или спились.

Искать мотоциклиста по имени долго не пришлось. Так звали героя романа Федора Сологуба «Мелкий бес».

Сестра ничего не знала про «Мотоциклиста». Наличие безработного брата от знакомых не скрывала, наоборот, рассказывала многим, надеялась, что пристроит брата на работу. Любила брата, заботи-

лась о нем всю жизнь, и до последнего периода ежемесячно помогала деньгами.

Нужно было тщательно исследовать окружение сестры Кувезенкова, но на этом направлении расследования скорого успеха нельзя было ожидать.

Предварительный анализ деятельности Калмыкова тоже не дал результатов. В конце 1997 и в начале 1998 годов механизм проведения взаимозачетов был уже отлажен, в частности благодаря усилиям Калмыкова. Вначале он активно контролировал сделки, и некоторые зачеты не разрешал проводить. Но в указанный период его вмешательства почти не требовалось. Калмыков знакомился с документами и визировал их без задержки. Обиженного участника зачетной схемы сразу найти не удалось.

Поймали киллера, такая удача. А дело раскрыть не удастся!

Узнав про записку Калмыкову с угрозой расправиться с сыном, которую прислали ему в палату, следователь сел изучать список больных, находящихся в этой закрытой больнице. Ничего интересного для себя следователь не нашел. Тогда, на всякий случай, стал просматривать списки сотрудников. Обратил внимание, что в одном из отделений работают врачи исключительно из одного региона России. Следователь предположил, что кто-то из врачей мог сообщить землякам, что в больницу поступил генерал Калмыков с огнестрельным ранением.

Следующим шагом было изучение списка предприятий этого региона с большой задолженностью перед бюджетом. Таких предприятий нашли много. В регион выехал сотрудник с письмом, оповещающим руководителей предприятий, что «предъяви-

тель сего имеет задание облегчить участие предприятий региона в проведении взаимозачетов». На словах сотрудник объяснял, что в Москве известно о больших трудностях периферийных предприятий, поэтому решено было им помочь.

На предприятии «Южный комбинат» командированного сотрудника встретили особенно радушно, даже сказали, что его сам Аллах к ним прислал. Предприятие три месяца уже, как подало документы, а зачет не прошел до сих пор, провести зачет не разрешает Калмыков. Никаких объяснений они получить не могут, а сейчас, вообще, говорят, что Калмыков болеет. Сотрудник пообещал разобраться, в чем дело. Взял письмо от предприятия с просьбой сообщить о причинах задержки зачета, узнал имя посредника и вернулся в Москву. Посредником был Алексей Федорович из банка «Тишинский».

Следователь навел справки в канцелярии Калмыкова. Документы от предприятия «Южный комбинат» не поступали ни три месяца назад, ни позже. Калмыков, видимо, не имел отношения к деятельности «Южного комбината», в частности к взаимозачетам с участием этого предприятия. В личной беседе Калмыков сообщил следователю, что и не знает о существовании такого предприятия. Похоже, ложную информацию о задержке проведения зачета по указанию Калмыкова сообщил посредник.

Алексея Федоровича не было ни в банке, ни дома, ни на даче: через три дня после покушения на Калмыкова он оформил отпуск за два года и уехал с женой и дочкой отдыхать за рубеж. Вскрыли сейф в его кабинете — пусто, никаких документов, относящихся к проведению взаимозачетов, в сейфе не было.

Внимательно просмотрели почту банка «Тишинский» за месяц, предшествующий подаче якобы документов на проведение зачета, и за следующий месяц. Нашли две одинаковые телефонограммы: «К вам выехали представители». Это весь текст, не указано ни кто выехал, ни к кому, только номер телефона, с которого звонили, остался. По номеру телефона нашли отправителя телефонограмм. Телефонограммы были отправлены из канцелярии огромного оборонного завода в Туле.

Командированный в Тулу следователь выяснил следующее. Директор завода поручил своему заместителю готовиться к проведению зачета, а сам уехал в составе большой делегации в Индию. Заместитель этот много лет проработал в обкоме партии, был знаком с директором завода, и в 1992 году директор его «подобрал», взял на завод на должность заместителя директора, надеясь на его связи. За несколько лет работы заместитель директора никак себя не проявил, и директор собирался перевести его в помощники. Поручение провести зачет: найти партнера, оформить и подать документы в уполномоченный банк, — давало заместителю надежду остаться на своей должности, если, конечно, сумеет провести зачет.

Заместитель горячо взялся за дело, нашел Алексея Федоровича, переговорил с ним по телефону, потом поехал лично, о чем банк «Тишинский» был предупрежден телефонограммой «К вам выехали представители». В ходе переговоров заместитель сходу согласился на предложенные 50 %, не обратив внимания на то, что это было всего лишь первое предложение, сделанное для начала торга. О графике платежей заместитель также не сказал,

потому что такого документа не было в перечне документов, необходимых для проведения зачета. Вопрос о платежеспособности партнера в переговорах не был затронут. Мысль о том, что такой зачет принесет 10 %, огромные деньги, лично посреднику, подарит налоговое освобождение частному предприятию, а родному заводу, возможно, вообще ничего не даст, не пришла заместителю в голову.

Обо всем договорившись с Алексеем Федоровичем, заместитель приказал заводским юристам готовить документы днем и ночью, чтобы успеть ко дню возвращения директора.

Действительно, после возвращения из Индии директор одним из первых вызвал к себе заместителя с докладом о зачете. В Индии, выпивая с директорами других заводов, директор многое узнал про зачеты. Поэтому доклад заместителя его совсем не порадовал: тот договорился с посредником о том, что завод получит 50 % от неизвестного предприятия, у которого, возможно, и денег-то нет. «Все получают 60 %, а мы, почему меньше? — спросил директор. — Но, возможно, они и эти-то деньги платить-то не собираются!» На вопросы, когда отдадут деньги и почему только 50 %, заместитель ответить не смог. Заместитель был очень доволен, что успел подготовить все в срок, и обиделся на директора за то, что его работа не была оценена, а замечания директора посчитал придирками, ведь не ошибается тот, кто ничего не делает.

Директор забраковал проведенную заместителем работу и велел срочно забрать документы. Заместитель выехал на черной «Волге» в Москву, а в банк «Тишинский» была передана вторая из обнаружен-

ных следователем телефонограмм «К вам выехали представители».

Заместитель потребовал у Алексея Федоровича прекратить зачет, вернуть одни документы и подписать другие, отказные. Алексей Федорович пытался спорить. Он стал торговаться, повышать процент. Он даже пообещал гарантию своего банка в обеспечение уплаты, хотя такой гарантии не смог бы дать, Раиса Хамзеевна не позволила бы. Дело в том, что Алексей Федорович очень испугался, ведь, сдав полный комплект документов в уполномоченный банк, он поторопился сообщить хозяевам «Южного комбината», что все в порядке, и уже получил от них половину вознаграждения за свою работу. Но заместитель не вникал в суть предложений, сделанных Алексеем Федоровичем. Он имел задание забрать документы и выполнил задание. После Алексея Федоровича заместитель поехал в уполномоченный банк отказываться от сделки. Через месяц тульский завод провел взаимозачет с частным угольным предприятием из Кемеровской области. После того как следователь все это узнал, возможные мотивы покушения на Калмыкова стали вырисовываться. Видимо, посредник побоялся сообщить на «Южный комбинат», что организованный им зачет сорвался, а сообщил, что зачет задержан Калмыковым.

Заказчиков преступления нужно было искать на «Южном комбинате». В Туле следователю больше нечего было делать, и он вернулся в Москву.

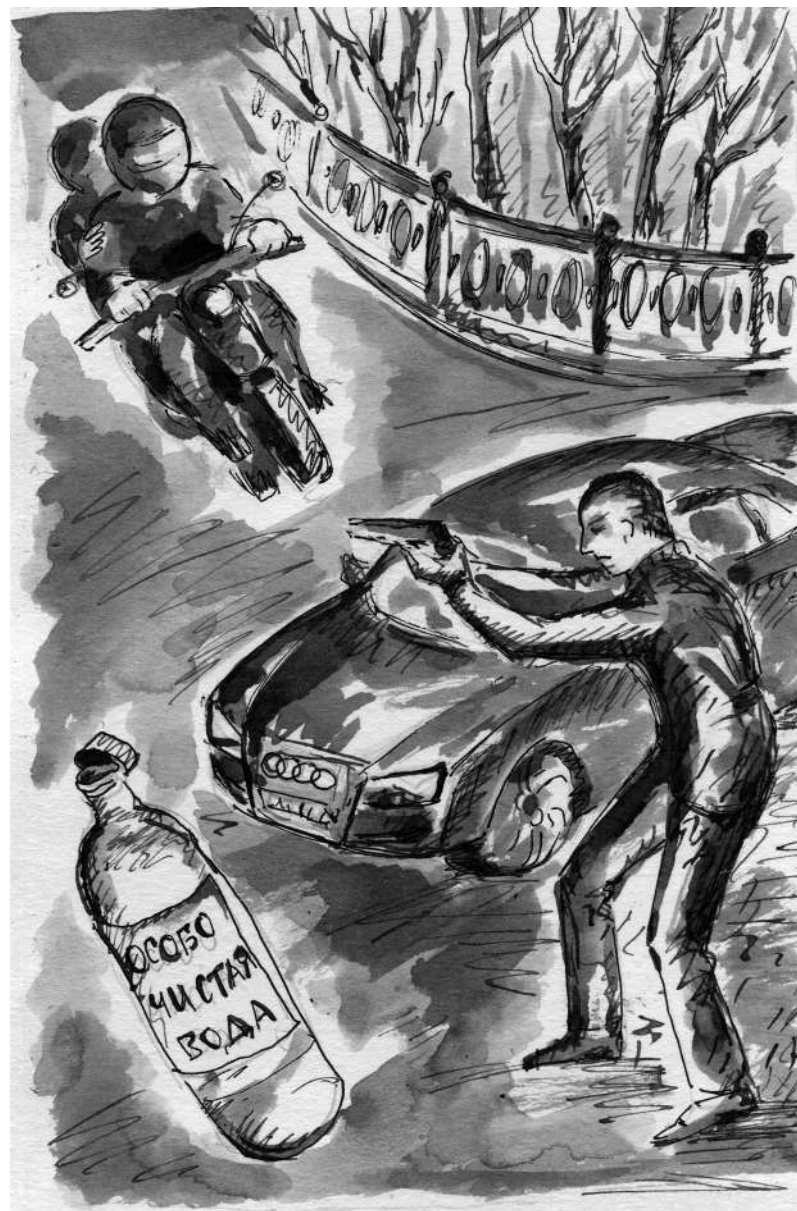
Следователь обратился в московское представительство региона, в котором располагался «Южный комбинат», и выяснил, что «Южный комбинат» арендовал квартиру в Москве, в районе Таганской площади. В одной комнате квартиры был оборудо-

ван офис, в другой жил представитель предприятия, выполняющий различные поручения по заданию хозяев комбината: вручал подарки и деньги московским чиновникам, принимал и отправлял почту, отправлял деньги, которые предприятие обналичивало в московских конторах, и прочее подобное. В третьей комнате приезжающие с завода могли переночевать.

Следователь со спецгруппой нагрянул в эту квартиру. Представитель комбината Шемаханов оказался на месте и сам открыл дверь. Узнав, что проводятся следственные действия по делу о покушении на генерала Калмыкова, представитель сильно побледнел и сказал: «Знаю, что это — очень плохой человек, взяточник. Но я его никогда не видел». После допроса представителя «Южного комбината» выяснилась последовательность событий, приведших к покушению.

Прошло два месяца со дня подачи документов, а «Южный комбинат» все ждал и надеялся, что зачет пройдет. Алексей Федорович на очередной звонок с «Южного комбината» ответил, что документы задержаны уполномоченным правительства генералом Калмыковым. Причину задержки он якобы узнать не смог, потому что информацию дают только участникам зачета, а не посредникам.

До этого времени хозяева комбината не привлекали Шемаханова к работе по взаимозачетам, а теперь он получил задание узнать, почему Калмыков задерживает зачет и «прощупать вопрос», сколько ему нужно дать, чтобы двинуть дело. Однако на прием к Калмыкову записывали только тех, чьи документы находились на рассмотрении. Шемаханов представил копию расписки о сдаче документов в

«Стрелять было невозможно.
(К стр. 266–268, 287.)

уполномоченный банк, как доказательство того, что документы давно сданы и, значит, находятся у Калмыкова. Но и с такой распиской Шемаханова к Калмыкову не допустили, потому что документов «Южного комбината» в ведомстве Калмыкова не было. Шемаханов кричал в приемной, но ничего не добился и ушел. Скандал в приемной вышел за дипломатические рамки. Шемаханов высказал предположение, что в канцелярии сидят одни проститутки, а в кабинетах — взяточники, поэтому честному налогоплательщику правды не добиться. Работники канцелярии ответили тем, что предложили Шемаханову приходить с переводчиком, раз сам он простых русских слов не понимает.

Шемаханов был оскорблен, в душе клокотала обида. Он взял бутылку коньяку, корзинку фруктов и пошел к своему партнеру и другу, директору частного охранного предприятия Мондровскому. Шемаханов и раньше обращался к нему с разнообразными просьбами: обеспечить охрану при перевозке денег на «Южный комбинат», охранять руководителей комбината и представительство при посещении столицы, собрать информацию о каком-либо человеке, напомнить чиновнику, что он деньги взял, а обещаний своих не выполнил. Так что особой новизны в просьбе попутать очередного чиновника не было, и Мондровский взялся за работу. Тем более что Шемаханов в своем рассказе искажил реальную картину. Он сообщил директору ЧОПа, что Калмыков — прожженный взяточник. «А со мной даже говорить не стал! Он нас не уважает, народ наш не уважает, дружбу народов не уважает! Его пугнуть, как следует, он все подпишет, и даже денег не просит!»

Получив показания Шемаханова, следователь направил группу за директором ЧОПа. Задержали его дома, прятаться он не собирался, не ожидал, что его могут привлечь к ответственности. Мондровский был уверен, что на Шемаханова следователям выйти невозможно, ничто на Шемаханова не указывало. Киллер должен был умереть, а непосредственный организатор — надежно спрятаться, как делал уже несколько раз. Ни телефонного звонка, ни другого способа доложить о выполнении задания не предусматривалось. Деньги за «работу» были отданы заранее, с этим человеком можно было работать с предоплатой. Никакой «ниточки» ни от заказчика, ни от исполнителя, как считал Мондровский, к нему протянуть нельзя было.

На допросе, после очной ставки с Шемахановым, Мондровский подтвердил, что Шемаханов просил его собрать сведения о Калмыкове, потому что этот чиновник-взяточник мешает их предприятию работать. Нужно было найти способ поговорить с Калмыковым вне работы, потому что попасть к нему на прием было невозможно. Но дальше сбора сведений дело не пошло. Того, что Шемаханов просил «попутать» Калмыкова, он не помнит.

На вопрос, знает ли он Бориса Кувезенкова, Мондровский ответил, что не знает. На очной ставке с Мондровским Борис Кувезенков показал, что знает этого человека как директора ЧОПа, который не взял его на работу из-за инвалидности. Тогда Мондровский «вспомнил», что года два назад к нему приводила Кувезенкова сестра. Она просила взять брата на работу охранником жилого комплекса или стройки с графиком работы «две недели на работе — две недели дома», или что-нибудь в этом роде.

Говорила, что он дисциплинированный парень, семьи у него нет, армию отслужил. Мондровскому запомнилось, что сестра старалась устроить брата заочно, хоть брат и ждал в приемной. Сестра говорила: «А что на него смотреть? Вот все документы». Мондровский отказался брать человека на работу заочно и пригласил Кувезенкова в кабинет, а сестру попросил подождать за дверью. Но сестра не ушла, сказала: «Ничего, я тут подожду». Кувезенков, как вошел, сразу сказал: «Я на инвалидности, мне нужны специально созданные условия труда». Мондровский молчал и смотрел на него. Кувезенков пояснил: «Мне тяжести нельзя поднимать», потом добавил: «Я с чучмеками работать не буду!» Мондровский сказал: «Тебе будет тяжело у нас работать». Потом дежуривший в приемной охранник доложил Мондровскому, что Кувезенков, когда ждал, спросил его: «А что у вас тут можно спереть?» А когда посетители, уходя, шли мимо охранника, он слышал, как сестра сказала Кувезенкову: «Какая ж ты скотина!»

На вопрос следователя, как же он забыл такого колоритного посетителя, Мондровский с улыбкой сказал: «Да, вот, забыл. А сейчас вспомнил во всех подробностях».

На вопрос следователя, подтверждает ли Кувезенков слова Мондровского, Кувезенков ответил: «Директор ЧОПа не так сказал, он сказал: «Тебе постоянно будет тяжело у нас работать. А вот случится разовая работа, сделал за день, получил деньги, и — домой, возьмешься?» Я сказал, что с аккордной оплатой мы всегда согласны. А все остальное так, как он сказал. Только про «спереть» я пошутил. Что в охранном предприятии возьмешь?»

Кувезенкова увели, и следователь продолжил допрос Мондровского. На вопрос, кого он заносил в папку «Одноразовые» в своем рабочем компьютере, Мондровский ответил: «Он же вам сказал, кого. Кто для постоянной работы не подходит, а так, отвезти, например, документы, когда сотрудники все заняты...» На вопрос, были ли в этой папке сведения о Кувезенкове, Мондровский ответил отрицательно. «Сведения были, но вы их стерли за два дня до покушения на Калмыкова, это определили наши специалисты», — сказал следователь. «Какого покушения! — закричал Мондровский. — Просматривал папки, не вспомнил, кто это такой, и стер! Только сейчас его вспомнил...»

Мондровский нервничал, и следователь решил, что можно рискнуть. Он задал вопрос: «Знаете ли вы Ардальона Борисовича Передонова?» Мондровский явно разволновался. «Мотоциклист» хвастался перед ним шикарным «документом для лохов». Мондровский тогда сказал ему, что имечко надо бы попроще, а тот ответил, что к большим людям с заковыристыми именами больше уважения. Следователю Мондровский ответил: «Такого человека не знаю». Следователь сообщил Мондровскому, что ему предстоит еще одна очная ставка и потянулся к телефону, как будто для того, чтобы вызвать «Мотоциклиста» на очную ставку. Но телефон сам зазвонил. Следователь почтительно выслушал говорившего и сказал: «Все, заканчиваю, сейчас буду!» Затем сказал Мондровскому, складывая документы: «Мы сейчас прервемся, продолжим завтра. Придет мой помощник — подпишите свои показания. Хочу вам сказать, что вы мешаете вести следствие. А раз так, то и мне нечего вас выгораживать. Шемаханов

вас не просил стрелять, только поручил собрать информацию о генерале Калмыкове. Значит, вы совершили покушение по собственной инициативе. Мотивы преступления поищем. Ну, например, ненависть к взяточникам, а Калмыкова вам охарактеризовали, как крупного взяточника. Вы узнали, каким маршрутом он ездит, на какой машине, и захотелось вам его застрелить, побороться с коррупцией. «Мотоциклиста Передонова» не знаете, значит, он приснился этому дурачку Кувезенкову. А нам, что Ардальон Передонов, что майор Пронин, все едино. Это — имена литературных персонажей. Кого вы Кувезенкову сказали назвать, того он и назвал. Искать такого человека глупо, Передонов реально не существует. А, на самом деле, вы сами все организовали. Вы — инициатор, вы — и организатор».

Пришел помощник, и следователь спешно удалился. Мондровский провел в камере бессонную ночь. Хотя он и догадался, что «Мотоциклист» не найден, следователь блефует, но, тем не менее, решил кое в чем признаться.

На следующем допросе Мондровский сообщил имя «Мотоциклиста» и сознался, что это он предложил ему Кувезенкова в качестве помощника. Мондровский сознался также, что от Шемаханова получил заказ стрелять в машину Калмыкова, чтобы его испугать, чтобы он без взятки подписал документы.

Стали искать Алексея Федоровича и «Мотоциклиста». Искали преступников, которых следует наказать, никаких полезных сведений они дать уже не могли, все было ясно.

Мондровский и Кувезенков скучали в своих камерах без допросов. Шемаханова допрашивали по два раза в день.

На вопрос следователя, кто сообщил ему, в какой больнице лежит раненый генерал Калмыков, и кто передал Калмыкову в больницу письмо с угрозой убить сына, Шемаханов ответил, что ничего об этом не знает. Тогда следователь пригрозил ему, что начнут допрашивать врачей. Привезут в больницу Шемаханова, займут кабинет и начнут в этот кабинет приглашать по одному врачей-земляков. Найдут и трепача, и «почтальона». После этого отделение будет опозорено, и его, скорее всего, разгонят.

Шемаханов начал торговаться. Договорились, что Шемаханов сообщает фамилию человека, который сказал ему про Калмыкова и передал письмо, а следственных действий в больнице проводиться не будет. Этому человеку скажут, чтобы уволился из больницы «по собственному желанию». Когда на этом договорились, следователь спросил: «А зачем вы Калмыкову смертью сына угрожали?» Шемаханов ответил: «Это я ошибся, честно признаю. Сердце горело, не мог терпеть! Хотел, чтобы Калмыков этот тоже мучился. Я больше трогать никого не собирался, клянусь!»

На вопрос следователя, кто поручил оказать силовое воздействие на уполномоченного правительства Калмыкова, Шемаханов твердо отвечал: «Никто! Он меня лично оскорбил! Это взяточник и негодяй!» Формулировка «оказать силовое воздействие» была найдена в результате спора. Шемаханов не соглашался на глагол «убить», а следователь не признавал глагола «испугать». «Что ж вы за свои деньги это сделали?» — спрашивал следователь. «Зачем за свои? Из сейфа взял!» — отвечал Шемаханов. «А отчитались бы как за эти деньги?» — «Сказал бы, дал Калмыкову, чтобы зачет подписал. Хозяева зна-

ют: не подмажешь, не поедешь! Хозяевам все равно, испугался он или деньги взял, лишь бы дело было сделано». — «И вам бы поверили?» — «У нас людям верят! Это в Москве не верят! Расписку даешь, все равно не верят!» И так много раз. С этой позиции сдвинуть Шемаханова не удалось, чтобы найти настоящих заказчиков покушения, нужно было еще работать или согласиться с тем, что преступление совершено по заказу Шемаханова.

На одном из последних допросов следователь сказал Шемаханову: «Вы все время ведете себя так, как будто генерал Калмыков виноват перед вами и перед «Южным комбинатом». Хотя вы и преступили закон, и формально виноваты, но по сути считаете, что Калмыков заслуживает наказания, как бесчестный человек». «Да, правильно понимаете», — ответил Шемаханов. «Откуда вы знаете, что Калмыков задержал зачет?» — спросил следователь. «Хозяева так сказали. Им верный человек сообщил!» — «Ваш «верный человек» — мошенник. Он себе большой процент комиссионных заложил, поэтому другая сторона отказалась от зачета, слишком мало им оставалось», — упрощенно объяснил ситуацию следователь. «Не верю этому!» — сказал Шемаханов. «Вот документы, — стал объяснять следователь. — Это — акт сверки между «Южным комбинатом» и тульским заводом, вашим первоначальным партнером. Вот — просьба аннулировать акт сверки, поданная через два дня после сдачи документов в уполномоченный банк. Вот — новый акт сверки между тульским заводом и кемеровским предприятием, составленный через месяц. Этот зачет прошел. И Калмыков документы завизировал». Шемаханов смотрел на документы, ничего не понимая.

Следователь подождал и сказал: «Я вам дам в камеру копии документов. Можете до завтра их изучать».

На следующий допрос Шемаханов пришел небритый, осунувшийся, что называется, потерянный. На вопрос следователя, изучил ли он документы, Шемаханов с сильным кавказским акцентом, которого раньше не чувствовалось, и на «ты» попросил: «Еще раз расскажи!» Следователь снова воспроизвел восстановленную им цепь событий и добавил: «Калмыков не задерживал вашего зачета. Он вообще не знал о вашем предприятии. Вам отказали в приеме, потому что нечего было обсуждать, документов ваших у Калмыкова не было!» «Ах-ах-ах! Скажи только, где этот подлец?!» — Шемаханов спрашивал о посреднике, которого собирался разорвать собственными руками. Следователь ответил, что Алексей Федорович скрылся за границей, и его ищут.

В дальнейшем Шемаханов мог понадобиться следователю только в том случае, если бы высшее начальство не удовлетворилось им как заказчиком преступления и потребовало искать настоящих заказчиков среди хозяев комбината.

Если заказчиками преступления были руководители Шемаханова, то нужно было срочно выводить из-под возможного удара Калмыкова и его семью. На «Южный комбинат» от имени уполномоченного банка направили письмо, в котором сообщалось следующее. В результате проведенной проверки выяснилось, что документы на проведение зачета были сданы в уполномоченный банк такого-то числа, затем отозваны по просьбе тульского завода такого-то числа, поэтому в ведомство Калмыкова документы не направлялись. О факте отзыва документов «Южному комбинату» обязан был сообщить

посредник, поставивший свою подпись на документах о прекращении зачета на основании доверенности, выданной директором «Южного комбината». К письму были приложены ксерокопии документов, подписанных Алексеем Федоровичем. О покушении и об уголовном деле в письме не было ни слова.

Артур Иванович отложил документ и задумался. «Третий раз сталкиваюсь с этим Алексеем Федоровичем. Первый раз он Артуру помог с обналичкой и пытался через него на Юрия Иннокентьевича выйти. Второй раз приезжал тоже к Артуру, хотел уже со мной контакт наладить, как сейчас говорят, получить инсайдерскую информацию о зачетах. А третий раз просто напакостил, схватил деньги и смотался. Что б ему было сказать этим деятелям с «Южного комбината», что зачет сорвался! Ведь не по его вине. Ну, вернул бы свой куш, что это у него, последние деньги, что ли? Скорей всего, найдут, засранца, правда, предъявить ему особенно нечего... Кто же все-таки меня «заказал»? Был бы серьезный заказчик, разузнал бы все заранее, не удовлетворился бы словами Алексея Федоровича. Возможно, действительно, все затеял этот московский абрек Шемаханов. И попал на двух идейных борцов с коррупцией Мондровского и «Мотоциклиста». Но как киллеру-то повезло: живой остался! Такому Кувезенкову все равно, где жить, дома у матери или в лагере. Работать не будет, инвалид ведь. Конечно питание не то, да еще блатные жить спокойно не дадут. Нет, не все равно, даже Кувезенкову дома лучше. Слава Богу, никого не убили! Федора на работу я устрою, чтобы был доволен. Да ему и по возрасту

пора уже из водителей уходить... Как же никого из прохожих не задело-то! Какие же мерзавцы! Взятчиков взялись отстреливать! Шофера ранили, случайных людей могли ранить или убить, да и взяточника-то не того им показали...»

Следователь решил, что нужно подождать еще месяц — полтора. Если никаких опасных тенденций не обнаружится, то сыну Калмыкова можно спокойно возвращаться.

— Ну, как ты там? Не устал отдыхать? — Артур услышал в трубке голос отца. — Буквы русские не забыл? Значит, все хорошо. Твоя эмиграция окончена, можешь возвращаться!

ПЕТР СЕРАФИМОВИЧ РЯЗАНЦЕВ

Петр Серафимович Рязанцев проснулся в своей постели. Жена Галина Петровна лежала рядышком на спине, раскинувшись, руки-ноги в стороны, «распроставшись», как она сама называла такую позу, и слегка похрапывала. Петр Серафимович любил, когда жена так похрапывает: было ясно, что жена спит. Тогда можно потихоньку вылезти и уйти из спальни, «отползти», как они это называли. Или зажечь свет и почитать, если вставать не хотелось. Если жена храпела громко, то Петр Серафимович обнимал ее и шептал в ухо: «Не надо так делать... На бочок, на бочок...» Жена обычно слушалась, поворачивалась на бок и некоторое время спала без-

звучно. Но если жены не было слышно, в этом была неопределенность: то ли спит, то ли не спит. Если не спит, дремлет, а он вздумает отползти, жена обязательно пробормочет: «Я сейчас тоже встаю, сколько время?..», а если он захочет почитать, то: «Зажигай, зажигай свет, я не сплю...» Этого Петр Серафимович не любил.

В это утро, не слишком раннее, жена спала крепко. Петр Серафимович потихонечку вылез из кровати, нащупал тапочки и ушел, бесшумно притворив дверь в спальню.

Найдя в темноте наощупь стаканчик со вставными зубами на полочке в ближайшем к спальне туалете, Петр Серафимович потихонечку прошел в дальний, по-современному — «гостевой» сортир, сунул зубные протезы в рот, после чего почувствовал себя вполне полноценным человеком. Без зубов Петр Серафимович сам себя стеснялся.

Минуту посомневавшись, Петр Серафимович решил попить кофе, не дожидаясь жены. Хотелось в одиночестве подумать, погасить беспокойство в душе.

Душевное спокойствие, именно отсутствие беспокойства, Петр Серафимович теперь более всего ценил в своей жизни. Большая часть жизни, прожитая им в XX веке, прошла как раз в постоянном беспокойстве. Постоянно было в душе такое чувство, что надо бежать куда-то, торопиться, а то не успеет, опоздает, потеряет. XXI век принес умиротворение душе теперь уже шестидесятипятилетнего Петра Серафимовича. В немалой степени душевному спокойствию способствовали жизнь в окружении приятных ему людей и благополучные внешние обстоятельства. К числу таковых относились: любящая и

любимая миловидная жена, хотя вторая, но, можно считать, единственная, потому что прожили вместе они уже более 35 лет, хорошие и устроенные дети, два сына, необременительная и любимая работа, соответствующее потребностям количество денег, хорошая квартира, приличная дача.

Петр Серафимович считал, что он стал совершенно другим, не таким человеком, каким был в молодые и зрелые годы. Осматривая мысленным взором свою жизнь, отдельные эпизоды ее, оценивая свои поступки, он часто недоумевал, удивлялся себе и своему прошлому. Как же он мог так поступить тогда?! О чем он думал, что заставило его когда-то сделать то, а не это, поступить так, а не этак. В этих своих размышлениях он заходил так далеко, что ему начинало казаться, будто он всю жизнь вообще ничего не соображал, всегда, на любой жизненной «развилке» выбирал неправильный путь и действовал самым дурацким образом.

Поводом для такого самоуничтожения, как правило, бывал какой-нибудь бытовой пустяк. Зазвонил телефон, Петр Серафимович вскинулся, захлопнул книгу, забыв положить закладку, схватил трубку, а там ошиблись номером. Пришлось потом искать потерянную страницу, и мысли побежали: «Вот, всегда я так...»

Увлечшись размышлениями о том, что в своей жизни он все делал не так, Петр Серафимович доходил до абсурда. Ему представлялось, что в профессии он ничего не достиг, что здоровье напрасно растратил, что денег настоящих не заработал, что зря развелся с первой женой (хорошо еще, что детей не было) и так далее, и тому подобное. В общем, все плохо, ложись и помирай... И такие-то мысли мучи-

ли Петра Серафимовича при очень неплохих жизненных итогах и очень приличном самочувствии. Нет, нет, не «приличном для своего возраста», а по-настоящему приличном, хорошем самочувствии, когда ничего постоянно не болит, сон не нарушен, «на горшок» ходишь регулярно. А то, что очки приходится то снимать, то одевать и зубы нужно класть в стакан и тому подобное, старческое, так это, извините меня... Что сделаешь, если человеческие зубы на всю жизнь не рассчитаны! И голова у Петра Серафимовича работала хорошо, пожалуй, лучше, чем в молодости, потому что он меньше стал отвлекаться от главного, меньше витать в иллюзиях.

Можно считать, самоуничижительное течение мыслей и было главным признаком старости. Но признак этот проявлялся недолго, страдание это глупое заканчивалось, потому что выводы о полном крахе во всех областях ну никак не соответствовали действительности, упирались в твердую стену реальности. Поэтому грустные мысли, как стеклянный шарик, долетали да этой твердой стены и разбивались вдребезги. Именно разбивались, а не отскакивали, потому что мысли Петра Серафимовича шли назад, если можно так выразиться, не целиком, а осколками.

Жена, с которой Петр Серафимович состоял в недолгом первом браке, была такая сказочная стерва, что нужно было не сожалеть о разводе, а радоваться, что живым от нее ушел и что ребеночка не завели (и не пришлось оставлять родного сына или дочку у нее в лапах). Первую беременность она прервала и ему ничего не сказала. Потом, когда он узнал, жена объяснила, что они молодые и им еще нужно «пожить для себя». Петра Серафимовича от

этой формулировки корежило, но как-то свyksя постепенно, стал на позицию жены, может и правда... Зато второй раз он ее укараулил, не пускал на аборт. Тут уже ему самому досталось: и диоптрий у него в очках много, нечего инвалидов плодить, и зарплата у него маленькая, нечего нищету плодить, и далее в том же духе. Скандалили каждый день, он ее убеждал, а она, не ожидая, кто в споре победит, сбежала и через три дня явилась без обременения. Петр Серафимович был поражен ее низостью и коварством и тем, что ребенка их она убила, — за короткий период супружества его отношение к абортam изменилось от легкомысленного к трагическому. Теперь уже дело потихоньку пошло к разводу. Петр Серафимович интеллигентно страдал, а жена его, оценив ситуацию, хладнокровно искала новый вариант. Когда нашла, тогда они и развелись.

А Петр Серафимович после развода сначала впал в тоску, чувствовал себя заброшенным, обманутым и несчастным. Потом наступил период ликования: «Какое счастье, что избавился!» Жизнь пошла дальше, и много лет Петр Серафимович не вспоминал про бывшую жену, точнее вспоминал по разным поводам, но не задумывался о ней. Теперь через десятки лет, когда стали Петра Серафимовича мучить фантазии по мотивам, так сказать, прожитой жизни, захотелось ему узнать, что стало с его бывшей женой. В Интернете нашел единственное упоминание пятилетней давности, почему-то как ландшафтного дизайнера. Наверное, не она, какой она дизайнер! Раскрыл ссылку и увидел фотографию другой женщины и лужайку, ею оформленную. Подумал было, что ошибся, не жена, а тезка и однофамилица. Но вдруг вспомнил женщину на фотографии — зака-

дычную подругу своей первой жены. Именно эта баба приложила немало усилий, чтобы их развести тогда, и, главное, чтобы больше оттягать при разводе. Вспомнил и ее имя-фамилию. Набрал в поисковике имя подруги жены, и «выскочила» та же лужайка с портретом его первой жены! Прежнее негодование, раздражение от постоянной лживости бывшей жены снова поднялось в душе — все у нее шиворот-навыворот! Хотя, скорей всего, фотографии перепутали случайно, этот пустяк помог, облегчил течение мыслей о первой жене, и Петр Серафимович перестал говорить знакомым, что, будь он более покладистым, не пришлось бы разводиться. Этот осколок разбившегося шарика растаял уже навсегда.

ПЛАТНОЕ ОБУЧЕНИЕ

И к профессиональной своей деятельности Петр Серафимович придирался напрасно. Наоборот, ему было, чем гордиться. Петр Серафимович организовал один из первых факультетов управления и стал его первым деканом. Пробить это начинание было очень трудно, но он пробил — факультет работал и выпускал несколько десятков молодых специалистов в год. Выпускники были нарасхват тоже благодаря трудам Петра Серафимовича: он и высокий уровень образования старался обеспечить, и ребят пытался пристроить на место, для чего широко привлекал успешных менеджеров к преподаванию, а они потом набирали новых сотрудников из знакомых уже студентов.

А далее Петр Серафимович решил сделать из своего факультета школу управления мирового уровня.

И систему обучения стал вводить, как на Западе: двухступенчатая Болонская система бакалавр — магистр, запись на различные курсы, плата за обучение. При тех связях, которыми Петр Серафимович обзавелся, когда пробивал свои предшествующие начинания, он многого добился, ему многое разрешили.

И вот, факультет Петра Серафимовича стал одним из наиболее европеизированных факультетов, число бесплатных мест для студентов стало меньше числа платных, и зарплата преподавателей тоже стала вполне европейской. Действия Петра Серафимовича сочли одним из проявлений проводимой министерством реформы, и его включили в различные комиссии по проведению реформы высшей школы, где он был деятельным и квалифицированным членом.

Петр Серафимович был счастлив, ведь он добился своего. Настал период наивысшего подъема, веры в себя и удовлетворения результатами своей работы. Петр Серафимович в это время пребывал в уверенности, что все сделал правильно.

Уверенность эта покачнулась после одного случая. Петр Серафимович подружился с симпатичным профессором Сорбонны и решил набраться европейского опыта непосредственно от носителя этого опыта, попросту, несколько дней походить за парижским профессором, присутствовать на лекциях, коллоквиумах, семинарах, экзаменах, беседах со студентами и в аудиториях, и в коридорах, сопровождать его всюду. Француз согласился.

На одном из контрольных занятий французский профессор раздал десяти студентам задания, а потом предложил Петру Серафимович вместе отпра-

виться пить кофе. Не будучи уверен в своем знании французского языка, Петр Серафимович стал уточнять, правильно ли он понял, что они оба уйдут, а студенты останутся, ведь задания, как он только что слышал, студенты получили одинаковые? Француз подтвердил. «Но ведь они будут списывать друг у друга!» — удивился Петр Серафимович. «Зачем же? — в свою очередь удивился француз. — Ведь они заплатили деньги за обучение, зачем же им самим себе вредить, терять деньги?!» Оба профессора вышли из кабинета, предупредив студентов, что вернутся через 30 минут. Не убежденный коллегой, Петр Серафимович оставил француза в вестибюле, выбежал на улицу и изловчился заглянуть в окно кабинета на первом этаже, который только что покинул. Он был убежден, что увидит студентов, собравшихся в кучку около знающего товарища, и списывающих у него правильный ответ. Нет! Он увидел, что вся десятка сидит по местам и работает. Наблюдавший за ним с крыльца французский коллега удовлетворенно хихикал.

Этот эпизод запомнился французскому профессору как забавный случай, подтверждающий, что «русские видят опасность там, где ее нет». А русский профессор Петр Серафимович Рязанцев задумался над своим конфузом всерьез. И главная мысль, которая начала формироваться у Петра Серафимовича, состояла в том, что не все «ихнее», даже хорошее и проверенное годами, подходит для «нашей местности» и механически «списывать» у Европы систему высшего образования нельзя!

Вернувшись из Парижа домой, Петр Серафимович завел две общих тетради и стал в них заносить впечатления от ответов студентов на экзаменах и

Петр Серафимович ... выбежал на улицу и изловчился заглянуть в окно кабинета на первом этаже... Он был убежден, что увидит студентов, собравшихся в кучку около знающего товарища, и списывающих у него правильный ответ. (к стр.)

зачетах. В одну тетрадь он вписывал платных студентов, в другую — бесплатных, так называемых «бюджетников». Записи подтвердили то, что Петр Серафимович знал и раньше: бюджетники учатся лучше. Не то чтобы слабый бюджетник был лучше сильного платного студента, но, в статистическом смысле различие было несомненным: средний бюджетник был сильнее и учился добросовестнее, чем средний платный студент. И «философия» у студентов выработалась соответствующая. Никто из платных студентов не говорил: «Мои родители заплатили большие деньги, и я буду добросовестно учиться, чтобы оправдать их затраты». Такая позиция студента, заплатившего за обучение, была очевидна для французского профессора. Позиция нашего платного студента, скорее, была такая: «Я заплатил деньги, поэтому извольте поставить мне оплаченный «зачет». Да и куда вы денетесь, неужто выгоните меня и потеряете платного студента-кормильца?» И эта разлагающая философия распространялась и захватывала студенчество. А «бесплатные» студенты завидовали и скулили: «Вон, платным ни за что ставят пятерки, а с нас три шкуры дерут, заставляют учиться, спрашивают по-настоящему, придираются». «Я ведь сэкономил родителям, поступив на «бюджет», — говорили друг другу обиженные бесплатные студенты. — Так пусть они сейчас немного потратятся на экзамены, чтоб сын так сильно голову не напрягал».

И на экзамены к Петру Серафимовичу из года в год, от сессии к сессии приходило все меньше студентов. Дошло до того, что в холодный январский день экзамен Петру Серафимовичу сдавали три студента из целой студенческой группы, хотя на

консультацию за два дня до этого приходили двенадцать человек. А ведь Петр Серафимович, будучи деканом, двоек не ставил никогда, а пятерки ставил очень охотно, даже не заслуженные. Но за эту пятерку Петр Серафимович требовал, чтобы студент с ним побеседовал на тему, заданную экзаменационным билетом. От студента требовалось эмоциональное и умственное напряжение в течение двадцати — тридцати минут. На такое напряжение многие студенты не были способны. Они уже через пять минут уставали, теряли нить беседы, а через полчаса выматывались настолько, что буквально падали от усталости. Так ученик первого класса школы не выдерживает напряжения получасового урока. Чтобы не подвергать себя столь серьезным испытаниям, травмирующим юную психику, студенты совсем не шли на экзамен, а искали, кому бы дать взятку и получить положительную оценку, не только не имея знаний, но и не имея сил напряженно поработать полчаса. Поэтому в тот раз девять студентов, побывавших на консультации, приняли решение не сдавать экзамен, «не напрягаться», а пойти «другим путем».

Проведя исследование студенческой неработоспособности, Петр Серафимович перестал говорить о европейском образовании, а сел за разработку программы, которая, по его мнению, должна была поднять уровень подготовки специалистов в России. Программа получилась обширная, рассчитанная на несколько лет, и содержала множество взаимосвязанных пунктов и этапов, но суть ее состояла в том, что необходимо уменьшить количество студенческих мест в университетах страны и временно ликвидировать платное образование. В России об-

разовалось так много университетов, что не хватает способной к обучению молодежи, чтобы их заполнить. Поэтому в вузах учат тех, кто не может учиться, не способен стать врачом, учителем, инженером, историком. Неспособную молодежь учат за деньги, вернее, в одних университетах пытаются учить, а в других и не пытаются, и через пять лет получают фиктивных специалистов с настоящими государственными дипломами. Вот Петр Серафимович и попытался эту, уже вполне сложившуюся практику поломать. Петр Серафимович в своей программе учел все и, самое главное, нашел, откуда брать деньги на проведение программы в жизнь: уменьшение количества университетов дает такую экономию, которая позволяет учить студентов в оставшихся вузах бесплатно.

Переходя со своей программой из кабинета в кабинет, Петр Серафимович ни у кого не нашел поддержки. Ему объясняли, что, по его программе, ради туманного и отдаленного блага для всей страны (то есть, неизвестно для кого) требуется уже сейчас отнять у реальных людей реальные деньги, которые приносят студенты в кассу как плату за обучение, а также кладут в карманы преподавателей как плату за экзамены. И во всех кабинетах Петру Серафимовичу выражали недоумение от того, что его новая программа противоречит старой его программе, признанной и во многом реализованной, в частности, на его собственном факультете. Конечно, соглашались руководители, на практике получилось не совсем так, как планировал Петр Серафимович, но так всегда бывает в жизни... И никаких конкретных шагов по реализации своей новой программы Петр Серафимович сделать не смог.

Но Петр Серафимович все-таки добился своего, правда, тоже не совсем так, как планировал. В одном из последних кабинетов, из тех, после которых идти уже некуда, Петр Серафимович услышал:

— Ваши аргументы невозможно опровергнуть. Вы совершенно правы. Мне очень нравится ваша программа. Реализация программы, без сомнения, принесет пользу стране. Изложена программа просто и ясно. Чувствуется, что все в ней продумано, даже выстрадано. Я понимаю, что несколько лет вы добивались создания европейских университетов, а добились только «азиатских» взяток и теперь хотите исправить дело, реабилитироваться, так сказать. Несколько излишняя горячность, с которой вы рассказываете о своей программе, объясняется, я думаю, тем, что вы уже не раз излагали свои идеи разным начальникам, а поддержки не получили. Ведь так? А знаете почему? Потому что никто не станет работать бесплатно, а тем более себе в убыток. Никакими перспективными проектами, никакими соображениями о государственной пользе нельзя заставить начальника работать. Поговорка «не за страх, а за совесть» придумана для исполнителей, а не для начальников. Только страх или личная заинтересованность могут заставить начальника приложить усилия. А усилий для реализации вашей программы требуется очень много и работать придется много лет... Но, конечно, сначала начальник должен понять, чего от него хотят... Ни один руководитель не возьмется за непонятное дело. Положим, вы сумели объяснить суть дела. Далее, нужно объяснить начальнику, что ему за это будет? Брать с вас деньги невозможно. Во-первых, у вас нет столько денег, во-вторых, ваша программа и в перспективе вам

лично денег не принесет, поэтому требовать с вас деньги бессовестно, что ли... Вы работаете, потому что это — дело вашей жизни. Но я тут причем?

Петр Серафимович с интересом слушал этого циника, восседающего под портретом президента. Рядом с его креслом в напольном штативе стоял флаг России, очень большой, хоть на демонстрацию с ним иди.

— Но за свою работу начальник получает большую зарплату, — сказал собеседнику Петр Серафимович.

— На нашу большую зарплату нельзя удовлетворить даже маленькие потребности большого человека, — с улыбкой ответил большой человек. — Зарплату начальник считает компенсацией за то, что он потратился, когда добивался своего места. Нет, кое в чем вы правы, есть идеалистические стимулы для работы: талант, чувство долга, совесть. Но эти стимулы побуждают работать незначительное меньшинство, и, в основном, тоже исполнителей, а не начальников. Большинство же руководящих работников не имеют, как и Евгений Онегин, «высокой страсти» «для звуков жизни не щадить». Поэтому работают хорошо, только когда боятся, или когда надеются много получить. А если уж заведется у начальника талант, если он, помимо своей воли, произведет что-нибудь великое, то жди неприятностей. Вот Николай Коперник не торопился обнародовать свое гениальное открытие. Талант талантом, а должность важнее. Пусть пока Солнце вокруг Земли вращается, до пенсии гения, так сказать. А выйдя на пенсию, можно сообщить, что на самом деле, Земля вращается вокруг Солнца... Это я отвлекся, вернемся на... неподвижную Землю, на

твердую почву, как говорится. Я хочу вам помочь, потому что программа ваша правильная и нужная. И сейчас я ищу, что за эту работу я могу получить, за что мне ввязываться в вашу борьбу? И вот я нашел, поэтому ваше дело в шляпе! А не нашел бы, сказал бы вам тоже самое, что другие. Так вот, пока я сижу на этом месте, надо мне стать доктором наук и профессором, а то потом неизвестно, как пойдет жизнь и карьера. Вот, давайте-ка, Петр Серафимович, совместными усилиями напишем докторскую диссертацию мне, и еще кое-кому, кто нам понадобится для дела. Потом мы профессорами станем...

— Аттестат профессора получить сложно, если человек не работает в науке, есть серьезные требования... — сказал Петр Серафимович.

— Не беспокойтесь, когда дойдет до дела, мы через Госдуму проведем положение «о присуждении и присвоении», в котором эти требования ослабим. Получим «корочки», тогда опять ужесточим, — с улыбкой успокоил Петра Серафимовича государственный деятель.

Программа Петра Серафимовича была принята, благодаря чему бесплатное обучение в университетах России существует до сих пор. Петр Серафимович помог написать три докторских диссертации, двое из трех докторов наук быстро стали профессорами.

После успеха своего начинания, во многом перечеркнувшего его предыдущую деятельность... А впрочем, в диалектическом смысле, можно считать, что новая программа Петра Серафимовича стала продолжением его предыдущей программы, потому что обе программы были направлены на совершенствование высшего образования, а то что ме-

тоды достижения этой цели могут быть различны, так ведь это — диалектика, как у Гегеля «отрицание отрицания», и Иосиф Бродский писал, что «жизнь качнётся вправо, качнувшись влево».

Так вот, после завершения этого этапа своей деятельности, Петр Серафимович из деканов ушел. Это было непросто сделать, потому что на его место никто не претендовал. Потребовалось найти и уговорить преемника. И из активных преподавателей ушел, оставив себе полставки профессора — одна лекция и один семинар в неделю, еще дипломники и аспиранты. Тут было проще, «нагрузку» охотно разобрали другие преподаватели. Петр Серафимович решил, что активной деятельности с него хватит, и года у него такие, что пора обдумать и обобщить все, что было, самому разобраться, а может быть и другим объяснить, написать... Ведь есть о чем писать.

«Писатель выполняет три задачи, — размышлял Петр Серафимович. — Ведет читателя через перипетии сюжета: бои, погони, свидания, расставания, браки, разводы и т. д. и т. п. Иначе говоря, увлекает человека событиями другой жизни, действительной, выдуманной или предполагаемой. Во-вторых, рассказывает читателю о незнакомых землях, о других временах, о тайнах других профессий или показывает обычные события с необычной стороны. Наконец, писатель, рассказывая читателю об этом, передает другому человеку свою систему ценностей, рассказывает, что, по его мнению, хорошо, что плохо, как следует поступать, как не следует. Часть этих сентенций читатель неизбежно принимает и в неожиданных ситуациях знает как себя вести — ведет

себя, как герой книги. И наоборот, человек не хочет уподобляться отрицательному персонажу. Тот, кто читал роман «Верноподданный» Генриха Манна или знает про Иудушку Головлева, постесняется разводить демагогию, а женщина, которая помнит пьесу «Три сестры» Чехова, не станет дома топтать ногами на близких и визжать, как Наталья».

Петр Серафимович не чувствовал себя в силах придумать историю о незнакомой сфере жизни, потому что боялся, что стыдно будет, если попадешь впросак, вставишь в текст какой-нибудь «стремительный домкрат». Может быть, написать повествование о жизни преподавателей, хорошо ему известной? Подобное повести «Кафедра» И. Грековой. Автор повести — женщина-профессор, даже псевдоним она себе взяла математический «игрекова». Назвать свою повесть можно «Факультет», тут уж Петру Серафимовичу все известно до тонкостей, тут уж он не ляпнет... Нет, перспектива вести своих выдуманных героев через перипетии выдуманного сюжета не увлекала Петра Серафимовича. Потом ведь знакомые преподаватели начнут себя узнавать, обидеть кого-нибудь можно... А если просто записывать только свои рассуждения, выводы, оценки? Тоже нет, в этом случае получится настолько скучное произведение, что читать его сможет только сам автор, в душе которого от каждого абзаца самопроизвольно возникают яркие картины собственной жизни, пережитые им острые ощущения, которые он, неумелый писатель, не смог передать на бумаге... «Пожалуй, писать ничего не стоит...» — решил Петр Серафимович.

Подобным размышлениям о своем жизненном пути пожилой профессор Рязанцев посвящал часы.

Такая возможность у Петра Серафимовича была, потому что нагрузка на работе у него значительно уменьшилась, заботиться о хлебе насущном ему не нужно было, жена за ним ухаживала и с уважением относилась к его переживаниям, а сыновья были взрослые, благополучные и никаких усилий от него не требовали.

Были еще внуки, милые дети... Но ведь любовь к внукам — это любовь без ответственности: рассказывал сказку, поиграл, объяснил параграф в учебнике, ну сходили вместе в цирк, и можно сдавать детей отцу-матери, а самому идти домой, своими делами заниматься. Отвечают за внуков их родители. А дед вполне может относиться к внукам так, как относился к своим детям Иван Северьяныч у Лескова в «Очарованном страннике»: «Да ведь как их ласкать?... по головке его рукой поведешь, погладишь и скажешь ему: «Ступай к матери»...» Увлечься внуками Петр Серафимович не старался.

И вот сидящего за столом на кухне ранним утром в трусах и в майке Петра Серафимовича вывел из задумчивости телефонный звонок. Плачущий голос сказал.

— Петя, милый, это — Астри Закурдаева. Сегодня ночью из-за меня умер Юрочка. Кристиночка спит. Я не знаю, что мне делать...

РАССКАЗ ВДОВЫ

Жена Петра Серафимовича Галина Петровна и Астри Павловна Закурдаева, вдова Юрия Иннокентьевича, прогуливались вдоль моря. Шли они по плотному, как будто утрамбованному мокрому пе-

ску. «Летний» песочек на всю осень, зиму и весну бульдозеры сгребали в большой вал, разделявший легкие пляжные строения и море. Через каждые несколько сотен метров в песчаном валу устраивали проход, чтобы внесезонные отдыхающие могли пройти с набережной к морю. Теперь, с началом сезона, песок снова распределили по прибрежной полосе, превратив песчаный вал, похожий на детскую «крепость», в пляж.

Внучка Астры Павловны и внук Галины Петровны бегали босые по песку, забегали в нехолодное уже море и не смотрели на бабушек. Галина Петровна шла, спокойно слушала Астри Павловну и поглядывала на детей. Дети играли хорошо, вмешательства не требовалось. А Астри тараторила без умолку. «Юра, пока был жив, не разрешал жене много разговаривать, вот она теперь наперстывает», — подумала Галина Петровна. Такие колкости она допускала только «про себя», а вслух была с Астрой Павловной любезна и предупредительна. Галина Петровна полагала, что раз согласилась поехать с Астрой и ее невыносимо разбалованной внучкой, то две недели должна держаться, не бунтовать, не воспитывать ни Астру, ни Кристину. Хотя иногда у Галины Петровны «язык чесался», так хотелось сообщить Астре Павловне азы домашней педагогики, а рука тянулась к ремню, потому что выслушивать грубости маленькой девочки было унижительно. Ладно, две недели потерпит. Заодно и своего внука подержит у моря, раз сама поехала по просьбе мужа, чтобы отвлечь Астру от грустных мыслей.

Астри Павловна впервые со дня смерти Юрия Иннокентьевича чувствовала себя хорошо. Ее со-

гревало теплое солнце, около нее была заботливая и внимательная подруга, ноги шлепали по ласковому морю, в котором ей было холодно еще купаться, особенно заходить в воду, но ноги мочить было очень приятно. И то, что Кристиночка играла с мальчиком, не окликала ее каждую минуту: «Бабушка, бабушка...» — позволило ей отвлечься, раскрепоститься, не думать о своей вине, о том, что жизнь кончена, почувствовать себя немного свободной... «Как же, однако, изматывает это непрерывное “бабушка, бабушка”», — впервые подумала бабушка. И Астра Павловна говорила, говорила...

— Тебе, наверное, кажется, что я очень балую Кристиночку. Я и сама это замечаю... Но я возьму себя в руки, пусть пройдет немного времени. Ты ведь знаешь, пяти месяцев еще нет, как скончался Юрий Иннокентьевич... Тот, кто балует детей, ленивый человек. Такой воспитатель не заботится о ребенке, о его будущем. Пока ребенок маленький, легче ему потакать во всем, ничего не требовать, ничему не учить, терпеть грубость и неблагодарность. А потом человечку тяжело придется во взрослой жизни.

«Ну, надо же! — внутренне возмутилась Галина Петровна. — Астра все так хорошо понимает, так здорово излагает, хоть записывай. Что ж она внучку свою распустила до последней степени?!»

Астра Павловна продолжала.

— Я своих дочерей достаточно строго воспитывала. И девочки получились хорошие. Я и приемную дочь сумела приручить. А ведь она мне досталась в тринадцатилетнем возрасте, а мне было двадцать три. Близкими людьми стали, до сих пор с ней дру-

жим. Отношения у нас такие, скажем, какие бывают у молодой тетки и любимой племянницы. Вот и судите! Не такая уж я дура...

У Юрия Иннокентьевича, ты знаешь, первая жена утонула. Мастер спорта была по плаванию, а утонула. В море, недалеко от Туапсе. Он горевал очень. Но еще больше растерялся, ведь он знал только свою работу, был уже начальником и главным конструктором, и хотели его поставить директором другого предприятия. На том предприятии уже три года исполняющий обязанности руководил, но его, того человека, не утверждали, искали более подходящего. Вот Юрочке и предложили. Пошли согласования, беседы в ЦК, в министерстве, в райкоме партии. А тут такое горе. Он что-то резкое сказал в райкоме, и райком не поддержал, сказал, что человек в таком состоянии не справится. Юра потом все равно директором стал. Через пять лет новая тематика открылась, помните, ПРО, асимметричный вариант, Рейган, Горбачев, звездные войны. Юрий Иннокентьевич по этой тематике новый институт организовал, стал там директором и главным конструктором. Потом его сделали генеральным конструктором. Регалий было много: лауреат Ленинской и Государственных премий СССР и России, доктор наук, профессор, генеральный конструктор, директор, другие еще титулы. Когда мы поженились, он был еще кандидат наук, лауреат Государственной премии.

Вся семья, конечно, Юрочкиными интересами жила, чтобы папе помочь, чтобы папа поработал, чтобы папа отдохнул. Девчонки учились хорошо: не дай бог, папу огорчить «четверкой» или замечанием в дневнике.

Я работу бросила. Первый год еще работала, а потом, как Танечка родилась, ушла в декретный отпуск и уже не возвращалась. Потом Люся родилась, а Тамара, старшая, приемная дочь, школу кончала. У всех в ее классе репетиторы были, у Тамары — нет, папа не разрешал. Я сама с ней занималась.

А главное — за мужем ухаживала. У него всякие привычки были. Ничего особенного, но если не по его, то раздражался. Ну, там, щи, чтобы огневые. Две минуты постояли, уже ему кажется, что остыли, чай тоже. А яблоки, наоборот, из холодильника любил. Творог ел домашний, я делала из молока и кефира. Но стоит не уследить при готовке, он отодвинет, не станет есть, «вареный», говорит. Обижался. Костюмы любил новые, с иголочки, а в магазин Юру не вытащишь, сама покупала костюмы, без него. И брюки чтобы только я гладила, он меня сам учил мужские брюки гладить. Уже домработница была. Он один раз увидел, что она его брюки гладит, расстроился. Два раза сам гладил, профессор мой ненаглядный.

В общем, ты понимаешь, хватало мне хлопот. Потом девчонки замуж повыходили. Старшие неплохо. Мужья приличные, заботливые. И нашу помощь ценили. А младшая, Люся, уже в новые времена такого балбеса нашла! Ничего не делает. Лежит на диване и телевизор смотрит, или с компьютером в «Косынку» играет. Тридцать лет, а уже обрюзгший какой-то. Кристиночка родилась, так он, папа молодой, по-моему, даже головы не повернул. Люся работает на двух работах, а он дома сидит, но чтобы ребенка забрал из детского сада, так нужно час объяснять, куда пойти, что сказать, куда отвести. Я его

тормошу, а он отвечает: «Каждый человек должен свой путь в жизни найти!» И продолжает на диване лежать.

Очень меня это злило, что зять такой. И режим установился странный. Утром дочь отведет внучку в детский сад и уедет на работу. К вечеру я еду забирать из детского сада и везу к себе. Юрий Иннокентьевич внучке радовался, доволен бывал, когда придет с работы, а Кристиночка у нас. Сначала я каждый день по телефону договаривалась с зятем, согласовывали, кто заберет Кристиночку и куда повезет. А потом уж так стало, что я всегда забирала и к себе везла. Дочь вечером к нам заедет усталая, без ног после двух работ. Хоть поест по-человечески. Заберет Кристиночку и домой ее сонную везет, благо, недалеко. Зять редко подключался, все у него какие-то дела да встречи... Никогда ничем не кончались эти дела и встречи...

«Значит, не все время зять ее на диване лежал, были у него и дела, и встречи, только безуспешные, к сожалению», — мысленно покритиковала Галина Петровна рассказчицу за несправедливое отношение к мужу дочери.

— Конечно, я мужу меньше внимания стала уделять, и уставала я, дополнительная нагрузка все-таки. — Астра Павловна не обращала внимания на реакцию подруги, несла свое. — Решила я такой порядок изменить. Поговорила с Юрой, пусть ребята к нам переедут, квартира большая, и нам веселее будет и, как я тогда надеялась, легче и полезней для будущего. Еще надеялась, что часть забот о Кристиночке вернется к ее родителям, я чуть освобожусь, а то все время было неудобно перед Юрой, что он слегка заброшенный...

Юра согласился, даже обрадовался. Дочери сказала, что временно нужно вместе пожить, а то слишком много дороги каждый день получается, ребенка мучаем, и мне тяжело. Тут еще музыкальная школа добавилась. Думала, дочка против будет, поэтому я еще сказала зачем-то, что квартиру их можно сдавать, деньги дополнительные им будут... Это я лишнего приплела, никто квартиру сдавать не собирался. Лучше бы уж сдали... Да и вся затея была лишняя, вредная. Моя вина... А зятя особенно уговаривать не пришлось. Перенесли его с одного дивана на другой. Теперь он на нашем диване место в жизни стал искать.

Стали большой семьей жить. Сначала хорошо было, радостно, чувство полноты жизни появилось... Это я неточно выразилась, жизнь и так была полна... Скажем, появилась наполненность ежедневными мелочами, ведь маленький ребенок в квартире, и дочь тут, и зять. Юра даже помолодел, внучку возил в зоопарк в воскресенье. Меня не брал. Гордый такой, счастливый дедушка. Зять тоже стал в семейной жизни участвовать. То мусорное ведро сам без всякой просьбы вынесет, то в магазин предложит сходить. С Юрой разговоры у них завелись на разные темы. Я счастлива была, что так все хорошо устроила.

Потом, смотрю, Юрий Иннокентьевич поскуцел. На зятя стал как-то сбоку смотреть, под углом, не прямо. Однажды мне говорит: «Знаешь, наверное, зять наш — очень плохой человек! Подойдет, спросит, как делать какое-нибудь дело. Я ему объясню, куда идти, что говорить, что не говорить. Он кивает, чуть ли не записывает. А потом пойдет и все сделает наоборот!» Я даже рассмеялась. «Что ты, —

говорю, — Юрочка! Это он от бестолковости, он думает, что делает так, как ты его научил!»

Но тревога и дурное предчувствие после этого разговора остались. В общем, разладилось у них, у Юры с зятем. Юрий Иннокентьевич решил, что с таким дураком разговаривать бесполезно. Знаешь, как у Чехова: «Никто не убедит меня, что Чацкий, много разговаривающий с дураками и любящий дуру, умный человек». А зять решил, что ему намеренно неправильно советуют, чтобы выставить его никчемным малым. Замолчал, ошетинился, стал иногда уходить ночевать в старую квартиру, вроде как обижался...

А тут случилась история с машиной. Юра купил машину большую, раз семья увеличилась. А иномарку, что у нас была, мы решили зятю отдать. Машина почти новая, не ездила совсем, стояла в гараже. Зять обрадовался. Сам повез на автосервис проверить состояние. А там сказали, что машина в порядке, но надо масло поменять, и еще какие-то пустяки сделать. Зять обиделся, расстроился. Пригнал машину на их старую квартиру, напился там. Два дня у нас не появлялся. Дочь поехала выяснить, в чем дело. Он плакал, жаловался, что его за человека не считают, подарили ему машину со старым маслом. Дочь стала его уговаривать, что смена масла — это обычная операция, звонила его знакомым, чтобы подтвердили. Знакомые сначала думали, что их разыгрывают, а потом ему, как маленькому, рассказывали про уход за автомобилем.

Но зять не смягчился. «Машина со старым маслом, — жаловался он дочери, — только пример того, как ко мне относятся в твоей семье. Отец твой мне

помочь ни в чем не хочет, только советы неправильные дает, мать все время подчеркивает, что я — никто, а отец твой настоящий мужчина». Это он про меня так говорил. Дочери моей тоже досталось за то, что не защищает его от нас, были и другие претензии.

Поехала уже я объясняться. Сначала уговаривала, а потом не сдержалась и все ему выложила, что о нем думаю. Еду домой после этого скандала, внутренне негодую, сожалею, что то не сказала да это не так сказала. Надо было еще сильнее его отхлестать, чтобы понял наконец, какое он ничтожество... Потом стала думать, как Юрию Иннокентьевичу сказать, и стоит ли говорить. А под конец думаю: «Господи! Что же это я делаю! Ведь я их разведу, Кристиночку без отца, да и без матери, оставлю!» Ничего я Юре не сказала. И правильно сделала. У него на работе был период сложный. Решил он из директоров института уходить, остаться только генеральным конструктором. Нашел себе преемника, толкового администратора. Проходило все это не гладко, ведь резал по живому.

Юра старел, семьдесят лет миновало. Наградили его орденом к юбилею. Он очень гордился. Как наденет парадный пиджак, а на нем и слева, и справа, и старые, советские, и новые, российские, и китайские. Я люблюсь. Он такой красивый, такой представительный. И моя доля была в его наградах.

А здоровье Юры стало подводить. То одно, то другое. Поэтому и решил он из директоров уходить. Не любил лечиться, но лечился. Очень боялся, что на пенсию придется уйти по состоянию здоровья. Врачи ему помогали. В той больнице, где мы были прикреплены, аппаратура хорошая, лекарства са-

мые лучшие. Ну, и я старалась, как могла. Он сказал в хорошую минуту, когда его сильно сердце прихватило, «Скорую» вызывали, а потом отпустило: «Это ты меня на ниточке держишь, загнуться не даешь...»

Одним словом, моя поддержка ему, как никогда, была нужна в это время. А у нас ритм жизни установился такой, что я все время при Кристиночке. Дочка с зятем только собой занимаются. Отношения выясняют. То мирятся, тогда дочка уезжает на старую свою квартиру и звонит мне один раз в день, когда я Кристиночку уже уложу спать. То ссорятся, тогда дочка у нас ночует, а с зятем по телефону ругается и договаривается, кому на развод подавать. А на мне — детский сад, привести — увести, музыкальная школа, быт. Хорошо, домработница была. Перед Юрой все время себя виноватой чувствовала, что забросила его, но ничего сделать с собой не могла, все время о внучке думала. Перед ней тоже виновата, что без родителей ее оставила. Перед всеми виновата!

А Юра от меня отошел, «отстроился», как он сам когда-то это называл. Или «вывел за скобки», так он говорил про других людей, которые вместе живут, но общих интересов не имеют. Рассказывать мне про свою работу перестал. Дома стал себя вести по-другому. Сидит, к примеру, за столом, вдруг встанет и чаю себе нальет. Раньше у нас не так заведено было, раньше я ему все подавала. Он даже и не просил, а я угадывала. Ему это очень нравилось, что я его желания чувствую. А я счастлива была от этого. Кристиночка очень ко мне привязалась. Каждые полминуты говорила: «Бабушка, бабушка...» И ска-

зять, бывало, нечего, а она все окликает. Выйду я на минуточку на кухню, а она зовет. Юра ей скажет: «Нет твоей бабушки, улетела на Луну и никогда не вернется!» Кристиночка сразу плакать. Я вернусь, а она сквозь слезы говорит: «Дедушка пошутил». Юра тогда, в январе, 27 числа, с утра недомогал, на работу не пошел, остался дома. Днем поспал, а потом сидел хоккей смотрел по телевизору до часу или до двух часов ночи. Я искупала Кристиночку, сказку прочитала, потом спросила ее, о чем сказка, это Юра настаивал, чтобы я ее обязательно спрашивала, что она поняла. Потом свет погасила и посидела около нее в темноте пять минут, так Кристиночка всегда просила. Вышла из ее комнаты, уже был одиннадцатый час. На душе неспокойно. Я к Юре пошла. Он в кресле сидит, хоккей смотрит. Подошла к нему, по голове погладила: «Как ты себя чувствуешь?» — говорю. «Что-то неважно...» — отвечает. Я пошла, чай ему приготовила, принесла в кабинет. Он говорит: «Спасибо, иди спать». Я и пошла, ног под собой уже не чувала, и глаза слипались. Зашла к Кристиночке, а она без одеяла лежит, раскрылась. Я ее укрыла, пошла в спальню, легла, и как провалилась. Проснувшись, половина третьего на часах. Юры рядом нет. Пошла в кабинет. Он сидит в кресле бледный, весь в поту, и за левый бок рукой держится. «Юрочка, говорю, давай «Скорую» вызовем!». «Давай, если через полчаса не отпустит, то вызовем. Они меня в больницу, наверное, заберут...» — говорит, а во рту как будто каша. «Нитроглицерин принял? Я тебе сейчас еще капель накапаю...» — говорю, а сама думаю, что, наверное, Кристиночка опять раскрылась. Он почувствовал, что я о постороннем

думаю, не о нем. Серdito так сказал: «Ладно, иди, ничего не нужно...» Я и пошла к Кристиночке. Нет, она не раскрылась. А мне кажется, что, стоит мне отойти, Кристиночка раскроется, наваждение какое-то. Я села около нее и просидела минут десять. Спит спокойно, не ворочается. Я вышла, пошла к Юре, а он умер...

Вот так... Не уберегла я Юру, не удержала я его, свой конец ниточки отпустила, засуетилась, из-за пустяков главное прозевала... Меня дочери утешают, говорят, что моей вины нет, но я-то знаю... С тех пор я как будто помешалась. Кристиночку от себя боюсь отпустить, даже с матерью. Только ею и живу: кормлю, пою, купаю, занимаюсь с ней, в детский сад и в музыкальную школу вожу... Спать уложу и ношусь по квартире, двери закрываю, свет выключаю, телевизор тише делаю. Если люди есть дома, шикаю на них, чтобы шепотом говорили, чтобы не смеялись, не чихали, не кашляли, не беспокоили Кристиночку. Катались тут с ней на речном трамвайчике. На конечном пункте с кораблика на берег перебросили трап без перил, сходни. Матрос рядом со сходнями стоит, помогает людям сойти, а маленьких детей переносит. Здоровый такой парень, веселый. Все выстроились к нему в очередь. А я только и думаю, как бы самой Кристиночку на берег переправить, а то матрос уронит еще. Остановилась на сходнях, спиной к матросу повернулась, оттерла его от Кристиночки, и сама стала ее переводить. Была бы настоящая опасность, могли бы из-за моей глупости свалиться в воду все трое, и матрос, и я, и Кристиночка. Матрос даже выругался по-мальчишески: «Ну, вы, мамаша, блин, даете!» Стыдно вспоминать... Порчу

ребенка... Кристиночка уже грубить мне начала, замахивается на меня... Я ее спрошу, а она отвечает: «Бу-бу-бу». Еще стала говорить мне: «Отстань!» Я ей что-нибудь объясняю, а она уши руками затыкает, я ей показываю, а она отворачивается. Несколько раз я уже от нее плакала... Все понимаю, а сделать ничего не могу с собой... Я знаю, что тебя Петя уговорил поехать сюда со мной. Но мне так с тобой хорошо, мне с тобой легче, Галя.

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА

Артур шел в одних плавках и босой по плоскому мокрому песку, держа левой рукой сына Ванечку, а в правой руке нес сумку со своими шлепанцами, с сандаликами и рубашечкой сына. На ноги справа накатывался прибой, заливал ноги Артура, а Ванечка подпрыгивал каждый раз, чтобы пенный фронт волны не попал на ноги, подпрыгивал до прихода волны, а приземлялся уже в мутную воду с песком. Прыгал он уже минут десять, и ему не надоедало. Артур смотрел на ноги сынишки и думал только о том, удастся Ванечке перепрыгнуть через волну, или волна накатит на его голые ножки.

Решили дойти до 118-го пляжа, попить там яблочного сока из зеленой бутылочки и вернуться назад. Не потому, что на этом пляже был самый вкусный сок, сок был такой же, как и в других пляжных недавно открывшихся кафе. Но пятилетний Ванечка просил пойти непременно на 118-й. Он уже умел считать до тысячи, любил, когда ему задавали задачки на сложение, и, немножко подумав, складывал числа, даже «с переходом через десяток», напри-

мер, 7+9. Никто его специально не учил ни буквам, ни цифрам, но читать и считать он выучился в три года. Цифры и буквы завораживали Ванечку. Необъяснимое очарование для него состояло именно в том, что они шли пить сок на 118-й пляж.

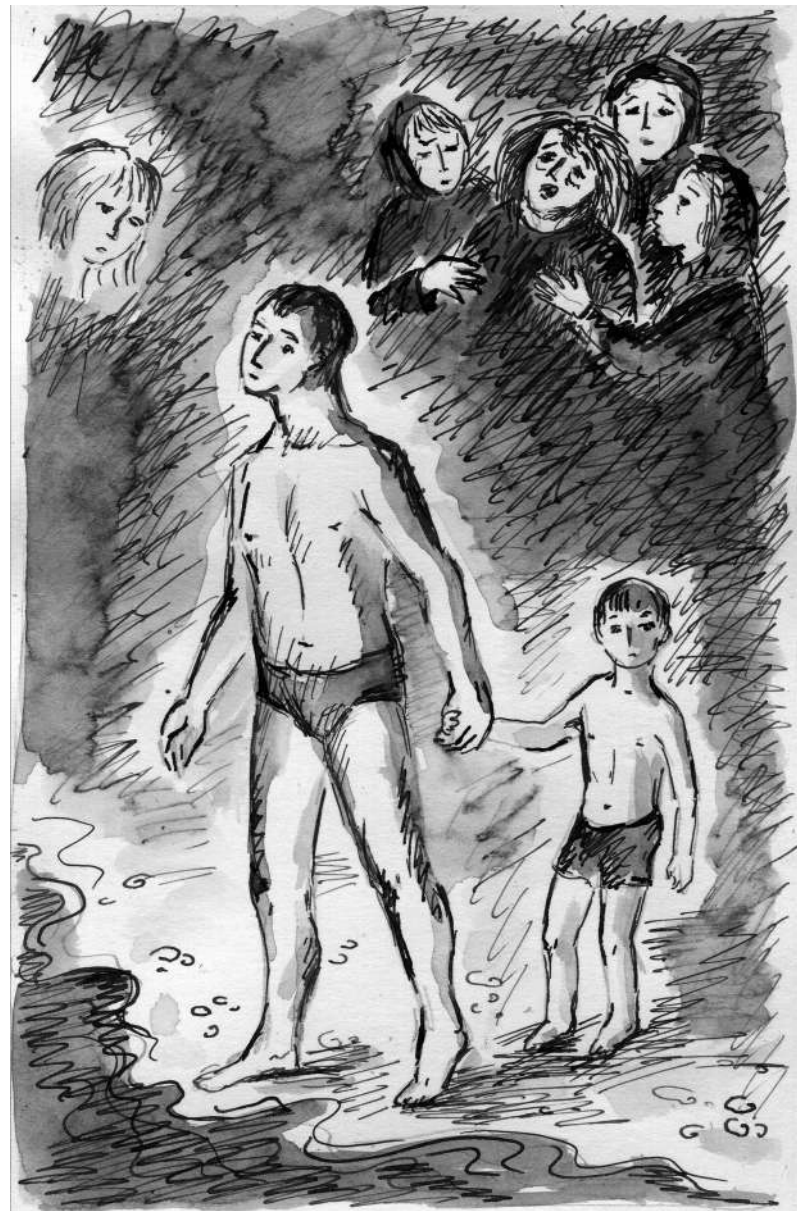
Шли довольно быстро, ведь путь до 118-го был неблизкий. Народу вдоль берега прогуливалось немного, июнь в начале, сезон только открылся. Обогнали двух старушек, около которых вертелись дети, мальчик и девочка лет по шести-семи. Когда обходили их слева, со стороны берега, Артур услышал, что они говорят между собой по-русски. Артур оглянулся и узнал их — бабушки с внуками каждый день лежали на пляже недалеко от их места, и Артур поздоровался с соотечественницами. Он знал, что девочку зовут Кристина. Она на пляже каждую минуту окликала свою бабушку: «Бабушка, бабушка...» Лежащие рядом с ними супруги-итальянцы обратили внимание на это постоянно повторяющееся слово, и спросили бабушку, указывая на Кристину: «Scusa, Signora, che cosa vuol dire «babuscesa»?» Но бабушка Кристины не поняла вопроса, подумала, что иностранцы на своем языке хвалят ее внучку и, смущенно улыбаясь, стала говорить: «Grazie, grazie...». Артур сказал итальянцам: «Babuscesa» e la nonna». Итальянские супруги засмеялись, а Артур объяснил бабушке, в чем дело.

Артур с Ванечкой обогнали бабушек и снова пошли ближе к морю. Ванечка перестал прыгать и спокойно шел, о чем-то думая, за ручку с папой. А Артур тоже задумался, потому что никак не мог «ухватить» воспоминание, пронесшееся в мозгу. Ведь он уже видел где-то Кристину бабушку. Удалось, Артур «ухватил», вспомнил.

В конце января Артуру позвонил Игорь Петрович Аверин, бывший заместитель директора института по режиму. Аверин давно уволился из института, потому что ушел из «органов» по возрасту, и организовал предприятие, занимающееся сбором информации по заданию банков, страховых компаний, крупных корпораций. Заказов у предприятия Аверина было очень много, и Игорь Петрович благодаря своим связям, добросовестности и сообразительности всегда отлично выполнял работу. В некоторых случаях Игорь Петрович не только собирал информацию, но и помогал заказчику советом или личным звонком нужному человеку, конечно если такая возможность была и если он считал правильным помочь заказчику.

Артур, заместитель председателя правления банка «Росинвестпроект», уже не имеющий приставки «и. о.», изредка обращался к Аверину и получал квалифицированную помощь. Обычно Артур звонил Игорю Петровичу. А тут Игорь Петрович сам позвонил Артуру и сказал: «Артур, умер Юрий Иннокентьевич. Похороны на Троекуровском кладбище завтра. Скажи Артуру Ивановичу, если он не знает...» Артур ответил, что отец в госпитале. «Тогда, не говори. Я, может, сам ему позвоню», — ответил Аверин.

На кладбище было очень холодно. Народу собралось много, Артур почти никого не знал. Поздоровался с Авериним, поблагодарил его за то, что сообщил о похоронах. Издалека увидел свою бывшую начальницу Евгению Сергеевну, она почти не изменилась за эти годы. Та тоже увидела Артура, но с первого взгляда не узнала, а, когда встретились глазами второй раз, Евгения

Артур шел в одних плавках и босой по плоскому мокрому песку, держа левой рукой сына Ванечку. (К стр. 334.)

Сергеевна кивнула издалека. Еще Артур с трудом узнал Володю Кучерова, начальника Светочки. Владимир Васильевич очень сильно постарел за несколько лет, стоял сгорбленный, бледный и смотрел неподвижно перед собой. С ним Артур даже не пытался здороваться, наверняка Кучеров Артура не помнил. Вот и все знакомые за пять лет работы в институте. Выступали главные конструкторы и генералы, выражали соболезнования жене, Астре Павловне, и дочерям. Эти женщины стояли тихо и кивали головами, когда к ним подходили с соболезнованиями. Но вот стали прощаться, и жена вдруг кинулась на гроб и закричала истошным голосом: «Прости меня, Юрочка!..» Ее оттащили, две дочери держали ее под руки, а третья дочь схватила мать двумя ладонями за щеки, трясла ей голову и что-то говорила матери прямо в лицо, наверное, мать теряла сознание. Шапка с головы вдовы упала на пол. Шапку поднял профессор Рязанцев, бывший университетский декан Артура. Поднял и отдал дочери. Дочь перестала трясти мать и стала неловко надевать шапку ей на голову. Вот тогда-то Артур и видел Астру Павловну.

Да, разница между зимней Москвой и пляжем на Адриатике огромная. И разница между той убитой горем вдовой, уронившей шапку, и этой пожилой дамой в купальнике — не меньше!

Но как все переплелось! Жена Закурдаева оказалась здесь, и Артур ее случайно узнал. Юрий Иннокентьевич умер зимой. Пришло лето, и вдовица его безутешная поехала восстанавливаться на курорт, и внучку с собой повезла. Жизнь ее пошла дальше, не застыла.

И он, Артур, идет с маленьким сыном по тому же пляжу. И Артуру уже почти сорок лет, а сыночек маленький. Не погибла бы Светочка, был бы у них со Светочкой парень лет четырнадцати, а то и пятнадцати. Ах, жалко, вечная память...

Закурдаев, генеральный конструктор и полновластный хозяин государственного предприятия, обналичивал с помощью Артура бюджетные деньги, чтобы кормить своих инженеров, а заодно подкармливать и цепочку жуликов. И отец Артура, настоящий руководитель, занимался странными взаимозачетами, спасал множество обнищавших казенных предприятий, освобождал государственный бюджет от исполнения непосильных обязательств. И профессор Рязанцев создал самый современный факультет, где преподаватели брали неслыханные взятки, а потом сам же стал со взятками бороться не на жизнь, а на смерть. Все они — значительные, талантливые и честные люди, цвет нации. Таких рождается по одному на тысячу, а «пробивается» из них, наверное, только каждый десятый. Остальные не выдерживают борьбы, «умывают руки», «зарывают свой талант в землю». Большинство талантов не в состоянии построить так свою судьбу, чтобы и талант свой раскрыть, и жить среди людей, в своей стране, по существующим правилам, гласным и негласным. Ведь ни один герой не живет на площади, ни один гений не обходится без еды, без семьи и без жилья, и никто не вечен.

Артур так увлекся своими рассуждениями, что забыл про сына. Но Ванечка шел спокойно, никуда не рвался. Да, интересный мальчик, идет, думает о чем-то... И Артур снова размечтался.

«Какое счастье, что в начале карьеры мне удалось поработать с такими людьми! Они показали мне, что реальная жизнь, с реальными... компромиссами, может быть честной и прекрасной. И реальная деятельность с неизбежным у нас жульничеством может быть нравственна и производительна. А «белые одежды» можно постирать... Надо будет в Москве навестить Рязанцева... И отцу с матерью Ваньку надо чаще подкидывать, пусть внучок побудет с такими замечательными бабушкой и дедушкой... Что-то мы задержались со вторым ребенком. Категорически потребую у жены родить мне дочку ко дню 8 марта! Назовем девочку Светланой, если жена согласится».

ТОЛГА

Поэма

1

Два старичка, промаявшись полночи,
Пошли на кухню, чтоб попить чайку.
Вдруг после чая, лежа на боку,
Сомкнут на час недрёманные очи?

Покуда он фильтрованной водой
Наполнил чайник и зажег конфорку,
Она зачем-то белую скатерку
Достала из-под полки выдвижной.

Как будто гости... да и стол кухонный,
И чай ночной какой-то незаконный,
И все-таки поспать они должны...
Но он пошел и натянул штаны.

На скатерти уже стояли сушки,
Ее стакан, его большая кружка,
На блюде пастила и полватрушки,
Печенье, вроде шоколадной стружки,

Две рюмки, полбутылки «Амарулы».
И, чтобы зад не холодить от стула,

Лежал на стуле шерстяной платок,
Носить который уже вышел срок.

Взглянув на стол, со сном простился тяжко,
Поплелся в спальню и надел рубашку.
Когда вернулся он на этот пир,
Еще стояли масло, хлеб и сыр.

Супруги, предрассветная пора,
Две чашки «Липтона» из одного пакета,
И телепередач в ту пору нету,
И сна не будет, видно, до утра.

И после рюмки белого ликера
Он ей рассказывал про африканский фрукт,
И что слоны его охотно жрут...
Прилично для ночного разговора.

С живейшим интересом в третий раз
Она прослушала его ночной рассказ
И с легкой грустью пару раз вздохнула,
Что никогда не ела амарулы.

Как счастливы! Почти что пройден круг,
Но мил и интересен им супруг,
И в каждом взгляде, слове иль движенье
Они найдут любовь и наслажденье!

2

Она решила, что настало время
Чуть-чуть покапать папочке на темя,
И разговор от африканской темы
Свернуть на наши местные проблемы.

Два старичка, промаявшись полночи,
Пошли на кухню, чтоб попить чайку.
(К стр. 343.)

«Хотелось мне, чтоб мы на юбилей
Татьяны Зуевой, моей подруги давней,
Поверх конверта с тысячей рублей
Добавили б презент оригинальный...»

«Ты говорила, мама, но предмет...
Поэзии ведь в этой дуре нет...
Ее пороть бы, а не поздравлять...»
И начал он свои стихи читать.

*«Наша жизнь неповторима,
И не стоит повторять:
С мужем, что ли, нелюбимым
Двадцать восемь лет опять?»*

*С непонятною работой
Не справляться много лет?
Что ль в заштопанных колготах
Снова есть дрянной обед?*

*Обосравшись в сей юдоли,
В кукиш склавши три перста,
 Попрошу о лучшей доле
Незнакомого Христа.*

*Совершенно перестроясь
В помутившихся мозгах,
Проповедую про совесть,
Про любовь и Божий страх...»*

Жена заметно огорчилась тут:
От них всего лишь милой шутки ждут,
О пустяке ведь только попросила,
И ни к чему такая злость и сила!

И, главное, за что? Простая баба,
Не хуже и не лучше остальных.
Не сильно надорвался бы, когда бы
Он написал простой, обычный стих!

«Как ты жесток! Откуда столько злости?
Ведь собираемся мы к этим людям в гости!
Конечно, мы читать не станем им,
Но с настроением можно ли таким?!»

З

«Не бойся, мама, не грусти напрасно!
Я напишу для Зуевой твоей:
«Ты, Таня, работаща и прекрасна»
И зарифмую «юбилей — налей».

Писать стихи — веселая работа!
Писать для дуры — непосильный труд:
Ты пишешь поздравительное что-то,
А из тебя насмешки злые прут!

Ведь нам, считай, в обмен на наши годы,
Дана своя, особенная статья:
Мы обладаем чудною свободой
Ни по какому поводу не врать,

Не льстить себе, не падать на колени,
О тайном, непонятном не тужить,
Чтоб нам десятилетия мерзкой лени
Не выдавали за святую жизнь».

«Нельзя судить так строго и беспечно
Людей, что с нами рядом столько лет!

Не ангелы они, увы, конечно,
Но и у нас такого права нет.

Не так уж много подлинных злодеев,
Но больше павших в жизненной борьбе.
Ведь это все же, папочка, Рассея,
Неужто нужно объяснять тебе?

Ты хочешь гнев обрушить благородный
На чью-то виноватую главу?
А жертва кто? Космополит безродный,
Крестьянин с животиною в хлеву,

Профессор с унижительной зарплатой,
И жители несчастных наших сел...
Они, по-твоему, что ли виноваты?
Какой же, все ж ты, папочка, осел!»

Чтоб этот спор не стал партийным спором,
Пусть не обернулся бы грозой,
Вновь выпили по рюмочке ликера
И закусили сыром «со слезой».

Белело небо — то от ТЭЦ далекой
Довольно быстро плыли облака.
Через тройные стекла евроокон
Просачивался гром грузовика.

Метро под полом снова стало слышно.
По потолку забегала малышка.
Жена пошла и погасила свет.
День начался. Все — ночи больше нет.

4

Мои герои все-таки собрались,
Отправились на Танькин сабантуй,
Одно лишь муж условие поставил:
В обратный путь чтоб мамочку — за руль.

Вручив конверт и пожелав здоровья,
Они уселись на диван в углу,
Вступили в хор обычного злословья
И дождались — позвали всех к столу.

Стол собран был не то что неумело,
Не то что скромно, но совсем не так...
Иль школьница взялась за это дело,
Или замшелый старый холостяк.

Салат готовый, рядом с ним медуза
Со спаржею, корейская еда,
Но русское ее не примет пузо —
Переварить не сможет никогда.

Морковка (в том же куплена отделе),
Икорка, бедной роскоши каре,
Скотч-виски, как медаль на голом теле,
И курица с картофельным пюре.

(Не первый раз я в небольшом рассказе
Пишу о том, что было на столе,
Мне б о еде, как будто о проказе,
Не поминать, при нашей толщине...

Люблю я стол накрыть, зажарить утку,
С антоновкой, с капустой покислей...

Но это я отвлекся на минутку,
Вернемся-ка на Танин юбилей.)

Вот Танин муж, уже слегка поддатый:
«Прости, — сказал, — коль в чем-то виноваты.
Но я и дети, кажется, вполне...
Ик... создаем условия жене».

Одобрили: «Он за нее — горой!»
И тотчас же налили по второй.
Родителей, не чокаясь, почтили.
Чуть закусили и опять налили.

Тянулась эта зауряд-пирушка
В обычном темпе, мягко, без проблем,
Но встала именинница Танюшка –
Шаг от стола, и поклонилась всем.

5

Сломалась в поясе, как будто в старой пьесе,
Упала на линолеум коса,
Все гости сразу замерли на месте:
Поклоны в пояс, вот так чудеса!

*«Дорогие гости,
Добрый муженек,
Миленькие детки,
Наступил мой срок.*

*Я всю жизнь старалась
Походить на всех,
Но не получалось,
Будто бы на грех.*

*Скучно на работе,
Грустно мне в семье,
И в лесу, и в поле
Неуютно мне.*

*Видно, для другого
Богом создана,
Не могу быть с вами,
Не моя вина.*

*Не по мне мирское,
Я учу Псалтырь,
Ждет меня над Волгой
Толгский монастырь.*

*Тихая обитель,
Скромной жизни рай.
Вы меня простите.
Мир людской, прощай!»*

Весь стол молчал, никто не лез с советом,
Никто не знал, что следует сказать,
Похоже, именинница с приветом...
Вдруг кто-то молвил: «Это — благодать...»

Две девушки, две дочери Татьяны,
Заплакали за праздничным столом:
Семейной жизни скрытые изъяны
Открылись всем: «Как плохо мы живем!»

А Танин муж, откинувшись на стуле,
Не отводил от люстры красных глаз
И думал: «Как бессовестно надули!
Смолчать ведь обещала в этот раз...»

Встал мой герой... Его я не представил.
Сергей Ильич, чтоб было поскладней.
Сережу я два раза уж прославил,
И в третий раз нисколько не трудней.

«Я сам крещен. Но в православной вере,
Пожалуй, слаб, раз не блюду посты.
Меня прельщают... в этом самом деле,
Скорее, проявленья красоты.

Вот Соловки, восьмое чудо света!
Но Никона не любят там, Бог с ним.
А под Москвой стоит Иерусалим.
И Никон там заместо Магомета!»

Отдельные дефекты этой речи
Я объясняю выпитым вином.
Любого человека покалечит
Корейская закуска за столом!

Но Таня, как и всякий неопит,
Не чуяла, что ересью разит:
«Ты много знаешь, друг мой дорогой,
А я все это восприму душой!»

«Кирилло-Белозерский, вид из лодки...
Кто хочет, у меня есть дома фотки.
А Толгский — близко, Таня, не грусти!
Тебя я обещаю отвезти!

Борисоглебский — рядышком с Ростовом,
Два дня мы жили там на всем готовом...

*Ждет меня над Волгой
Толгский монастырь.
(К стр. 351.)*

Вот Иверский на озере Валдай...
Не дергай, мама, и сказать мне дай!»

Пять раз на протяжение мужней речи
Жена его тянула за штаны
(Пиджак он снял, когда начался вечер).
Он даже и не глянул с вышины.

Лишь только сел, ее настало время:
«Ну, что ты лезешь, Господи, прости?
Нет, дураков не пашут и не сеют...
То осуждал, то взялся отвезти!»

Вслед за Сережей гости загудели:
А что, в конце концов, на самом деле,
Пусть человек живет своим умом,
Не всем ведь водку трескать за столом!

7

Два месяца почти ушло на сборы,
На просьбы, на мольбы, на уговоры,
Еще на увольнение, на развод:
Уход, так значит от всего уход.

С работой обошлось на удивление:
Мгновенно подмахнули заявление
И деньги быстро выдали сполна —
Боялись, передумает она.

В суде переписала с образца
Татьяна наша в качестве истца:
Утратили, мол, чувство и притом
Совместное хозяйство не ведем.

Смирился муж, конечно, может каждый
Увидеть в переменах профицит.
Сергею Ильичу сказал однажды:
«Найду другую, сына мне родит...»

А девочки поплакали, повыли,
Ну, а потом не то чтобы забыли,
Но что-то с ними вдруг произошло,
Как будто бы поставили стекло...

Просила Таня перечень вещей,
По факсу список передали ей.
Казалось бы, для жизни необычной...
Но вещи были все вполне привычны.

(Люблю по списку собираться в путь...
Не в монастырь, а так, куда-нибудь.
Нашел, что нужно, и поставил крестик,
Удобно и наглядно: все на месте!)

Сергей Ильич, последний из мирян,
Теперь отъезда срок определял...
И день, и час уже вполне ясны.
Последнее напутствие жены:

«Не похудей от монастырской пищи,
Не трахни Таньку (непременно взыщет),
И помни, мой водитель дорогой,
Я послезавтра жду тебя домой!»

Вперед, читатель, в новенькой машине
Сейчас с тобой помчимся по стране.
Не все ж валяться дома на перине,
Рассвета ждать в бессонной тишине...

8

Вот позади Московское кольцо.
 Все атрибуты счастья налицо:
 Машина тянет, солнце ярко светит,
 В асфальте отражаясь, как в паркете,

И руки отдыхают на руле,
 И все прекрасно на родной земле,
 И чувство важности затеянного дела,
 И мысли добрые текут легко и смело.

*«Переменивших жизни счет
 Я обожаю,
 Кто хочет пробовать еще,
 Не знает края,
 Тех, кто в загадочный ручей
 Забросил леску,
 Тех, у кого на дне очей
 Я вижу всплески,*

*Тех, кто, покинув колею,
 Ступил на тропку,
 Кто сам собой, кто не в строю,
 Не жметесь робко».*

Он в зеркало поглядывал на Таню.
 Она сидела сзади на диване,
 Держась за ручку, в дверцу вжавшись телом,
 Дай волю, и, казалось, улетела б!

Застыла Таня, съежилась от страха:
 Ведь было все, и все пошло вдруг прахом.

Семья, работа — жизнь была полна...
 А тут, выходит, не нужна она...

Как в келье жить? Она немолода,
 А есть ли там горячая вода?
 Эх! Надо бы подробно все узнать,
 А уж потом судьбу свою решать.

Ну, для чего?! С какой перспективой?
 Куда везет чужой мужик противный?
 Ведь говорила просто, от души,
 А он подать машину поспешил!

Томилась Таня и Сергею спину
 Сверлила взглядом: «Это он — причина!
 Вот за рулем услужливый debil –
 Рад, что чужую душу погубил!»

9

Не жди, читатель, плавного сюжета,
 Читать неинтересно было б это,
 Как двести верст неслись они, горя —
 Лишь только бы достичь монастыря.

Гляди, бурлит у самого шоссе
 Базар строительный во всей своей красе:
 Работники из сопредельных стран
 И лесоматериалов океан.

Вот слева колокольня, как ракета,
 А дальше — поворот на Королев.
 Ну, как тут не уверуешь в приметы,
 В предвиденье и толкованье снов?!

Сергей Ильич, когда бы был богатым,
То непременно стал бы меценатом:
Картину купит, лично вставит в раму,
Сам восхищается и заставляет маму.

Картины покупал из года в год,
Приличных было несколько работ.
Вот видите, такому человеку
В Абрамцево нельзя же не заехать!

В Абрамцеве «Великолепный Савва»
Своих питомцев приумножил славу,
Талантам обеспечил крепкий тыл,
А сам в тюрьму под старость угодил.

Рассказывайте больше про героев,
Про тех, кто наш чудесный мир построил!
Сережа произнес большую речь,
Желая Таню бедную развлечь.

По ходу речи, восхищаясь Саввой,
Сережа повернул чуть-чуть направо,
Потом он взял немножечко левей...
Повез ее в Абрамцево, в музей.

Экскурсовод, ученая девица,
Принять двоих успела согласиться,
И хорошо, совсем не нужно ждать.
Сергей с Татьяной стали догонять.

А вот их группа, человек пятнадцать.
Две пары тут же стали обниматься.
Двух пацанов отшлепали мамыши,
И те как будто сразу стали старше.

Один мужчина вытащил тетрадку,
Раскрыл ее, переложил закладку,
И после пункта «Ясная Поляна»
Вписал: «Абрамцево. Экскурсовод Светлана».

10

Да, весело глядеть по сторонам,
Но засветло доехать нужно нам!
Я вас отвлек последнею главой,
А надо все же думать головой:

Ну, не в музей же он ее повез!..
Опять задержка — сдох бензонасос.
Какой пустяк для нашего водилы —
За час железку эту заменил он.

В машину снова и в дальнейший путь,
Хотим же мы до цели дотянуть!
«Ну и мужчина! — думала Татьяна. —
Умелый, интересный и не пьяный...»

Теперь она уже сидела рядом,
Смотрела не таким потухшим взглядом,
Сказала: «Тут удобнее и выше,
Там безопаснее, но очень близко крыша...»

Сергей Ильич, чужим увлекшись делом,
Старался, чтоб она повеселела.
В уме прикидывал: «Коль не случится бед,
То можно задержаться на обед.

Вон, Переславль Залесский в стороне,
Да и Ростов подходит нам вполне.

Свожу ее в хороший ресторан!
Как раньше не додумался, болван?!»

А мой герой и впрямь ведь был болваном,
Не надо бы ходить по ресторанам!
Мог умный человек сообразить бы —
Совсем не так готовятся в обитель!

Не тот монах, не пьет кто и не ест.
Не тот монах, кто слепо любит крест.
А тот, кто среди суетных идей
Себя спасает и других людей!

А тут тебе экскурсии, пиры,
Быть может, даже элемент игры.
Он вместо надлежащего напутствия,
Что говорить, сбивал Татьяну с курса...

Уж Ярославль виден в отдаленье,
Последний пункт — и полчаса до цели.
Но солнышка коснулся горизонт.
Приехать ночью, есть ли тут резон?

11

Вот так всегда, здесь — час, там — полтора.
Куда тут ехать — ночевать пора!
Но ведь ночевка не входила в планы.
Сейчас поехать? Или завтра, рано?

В ночь ввалиться в тихую обитель?..
Стучать в ворота? Всех перебудить их?
«Нет, нет, ночуем здесь», — решил Сережа.
И Таня с этим согласилась тоже.

Нашли отель, автомобиль пристроен,
А для людей — приличные покои.
Все оформление — несколько минут,
Казалось, будто их в отеле ждут!

(Нет, не привыкну, видно, я вовек,
Что может так обычный человек
В гостинице остаться на ночлег.
Приветствую тебя, грядущий век!)

Лишь разместились, Таня постучала,
Они попили чаю для начала,
И вот слились две разные струи.
Им вместе — сто, и как они могли!

Не думайте, что страсти роковые
Бушуют до семнадцати годов!
Вы, лысые, пузатые, седые,
Вас ждет еще такое, будь здоров!

Конечно, объяснить одной лишь страстью
Порыв Татьяны, в общем, в нашей власти.
И все ж замечу, честным быть желая,
Возможна здесь тенденция другая:

Ведь всякий смертный, стоя на краю,
Охотнее воскликнет: «Я люблю!»
И отойдет от кромки, от барьера...
От вышки парашютной, для примера...

С утра, покинув общую постель,
Сергей еще на день продлил отель,
Чуть задержался около буфета,
Где выпил рюмку водки с винегретом,

Вернувшись в номер, Таню не нашел,
 Решил, что это даже хорошо,
 И томно растянулся на диване,
 Подумав: «Мама знала все заранее!»

12

А где же Таня, Господи, прости?
 Неплохо бы теперь ее найти.
 Вот, в номере своем рыдает Таня:
 Уж цель высокая ее не привлекает.

«Я не достойна звания монашки —
 Еще в пути я согрешила тяжко.
 Меня запутал он в свои тенета!
 Зачем он объяснял про Магомета?!

Зачем меня он соблазнял хитро?
 На поезде б добралась, на метро,
 На тройке, или, вот, пришла б пешком,
 Лохмотья подпоясав ремешком.

Иль вовсе, с перебитыми ногами
 Я б по камням звенела костылями.
 Или слепая, с тросточкой в руке,
 Собака-поводырь на поводке!

Замерзшая, я б грелась у костра,
 Тут зов в ночи: «Иди сюда, сестра...»
 В своем стремленье Таня не тверда,
 Коль мнится эта ей белиберда,

А дальше даже более того:
 «Придется выйти замуж за него.

И пусть навек останутся во мне
 Мечты о монастырской тишине!

Падем перед женою на колени,
 Она оценит наши устремленья,
 Должна ж, в конце концов, жена и мать
 Чужие чувства тоже понимать!

Конечно, мужа окружу заботой,
 Порой лишь загрущу. Он: «Что ты, что ты?!»
 Потом глаза опустит, понимая,
 Что в вышине душа моя витает...»

Не плачет Таня — новая заря
 Встает в душе. (Мы знаем, что зазря.)
 И новый идеал воздвигнут снова,
 Иллюзий старых рухнули основы.

Тут мой герой подергал ручку двери:
 «Давай, Танюша, выходи скорее,
 Давно ведь время завтракать уже,
 Вот тут буфетик есть, на этаже».

13

Пошли гулять, сначала — взгляд на реку.
 Хоть там она и менее версты,
 Но это — Волга, испокон, от веку...
 От осознания замираешь ты...

Татьяна грустная смотрела через Волгу
 И думала: «Там монастырь, там Толга...
 Мне не попасть теперь уже туда.
 Река — предел. Финита, господа...»

Потом пошли они к Илье Пророку —
Храм изнутри расписан, млеет око.
У выхода — ужасные страдания,
Что ждут нас за грехи и злодеянья.

У Ризоположенского придела
Сергей Татьяне объяснил, в чем дело:
Над ризами Христа с тех давних пор
Специально этот возведен шатер.

Священной ткани «красновата часть»
По малому кусочку разошлась.
Но вскоре патриарх Иоаким
Растаскивать святыню запретил.

Илью Пророка «Северный рабочий»
Просил снести, мол, всем мешает очень.
Но все ж спасли, хоть было нелегко.
Построили в нем маятник Фуко.

Так целый день, туристский трудный быт:
«Гляди туда!» Она туда глядит.
И лишь минутами моя грустила Таня.
Обедали, понятно, в ресторане.

Конечно, были к вечеру без ног,
Упали вместе, и — на правый бок.
Вот до чего они у нас устали!
Сергей стал засыпать скорее Тани...

Глаза закрыл, и тут же лес кругом.
Жена гуляет по лесу с ведром,
Ведро взяла зачем-то, не корзину.
В ведре уже грибов наполовину.

Татьяна грустная смотрела через Волгу
И думала: «Там монастырь, там Толга... (К стр. 363.)

Он заглянул в ведро, а там — поганки.
 «Ты ради этого собралась спозаранку?»
 «А мне теперь других грибов не надо.
 Я те люблю, в которых больше яда».

«Ты знаешь, что со мной случилось, мама?» —
 Хотел сказать, а под ногами — яма...
 Всем телом дернулся, «Ты что?» — спросила Таня.
 «Молчи, молчи, — шепнул. — Я засыпаю...»

И снова лес. Зовет, а слышит эхо...
 «Сережа, я должна туда поехать!»
 «А, это — Таня. Ну, потом, потом...»
 И тут уже уснул глубоким сном.

14

Вот в монастырь над Волгою рекой
 Сергей привез Татьяну, а на кой?
 А просто Таня жаждала совета
 В обмен на свой рассказ *про то и это...*

Блуждала взором, вглядывалась в лица,
 Кого, старушку выбрать иль девицу?
 Ей приглянулось юное создание,
 Чуть хроменькое, в темном одеянье.

«Передо мной раскрыть желает душу?
 А может быть, нельзя ее мне слушать?
 Однако все же это развлечение...
 У матушки спрошу я разрешенья».

Не сведуща Татьяна и глупа —
 Для исповеди надо бы попа.

А девушка хоть в черненьком платочке,
 Но все равно лазоревый цветочек!

Сидела, опустивши очи долу,
 Понять пыталась, что мадам молола.
 Так дьякон чеховский не принимал дуэли.
 «Чего ей не хватало, в самом деле?!

Пускай, случались трудные года,
 Но хлеб и масло кушали всегда!
 И муж ведь был, и выпивал несильно,
 И дочери здоровые, красивые,

И легкая работа — просто рай!
 Нет, ей чего другого подавай!
 Сначала с воли просится в тюрьму,
 Потом — назад оглобли... Не пойму!

Чего хотела эта людоедка?
 Тут мясо не дают, а рыбу — редко.
 Порой и послушанье выпадает,
 Что только вера в Господа спасает!»

*(Так думала послушница моя,
 И стало очень грустно мне, друзья...
 Когда б из той деревни, где жила,
 Был путь другой, она бы им пошла!)*

И девушка вот так сказала Тане:
 «Я вам сочувствую, и я вас понимаю.
 Как возвратитесь, то идите в храм,
 И батюшка велит, что делать вам.

У мужа и детей просить прощенья
 Вам можно сразу, и без повеленья,

Примите, мол! И никаких деталей.
А как потом, вас батюшка наставит».

«Как верно! Вот Божественная сила!» —
В ответ Татьяна тихо говорила
И норовила, сто рублей достав,
Облобызать сатиновый рукав.

15

С Татьяной ясно. Ну, а где Сережа?
На травке он, на мир взирает лежа.
И волжские оглядывает дали,
Здрав штаны и расстегнув сандалии.

Сначала он, как истинный любитель,
Обозревал древнейшую обитель.
Ходил и щелкал фотоаппаратом,
Потом он аппарат в футляр запрятал.

Все осмотрел и, выйдя из ворот,
Увидел монастырский огород.
Сам праздный среди общего труда,
Сережа устыдился, как всегда.

Вошел обратно, постоял мечтая:
«Ведь семь веков здесь жизнь течет святая!
Сначала, вот, икону обрели,
И слух пошел во все концы земли:

Как Трифон по чудесному мосту
На эту сторону прошел, потом на ту.
Шел с посохом, вернулся — без него.
А утром — ни мосточка, ничего!

*Сидела, опустивши очи долу,
Понять пыталась, что мадам молола.
(К стр. 367.)*

Пришлось за палкой плыть на плоскодонке.
И видят: рядом с посохом — иконка.
С тех пор, с того таинственного года,
Здесь место поклонения народа.

И древнее предание гласит,
Что в Ярославле правил князь Давид,
А на московском троне, от татар,
Был Первый из Иванов — Калита.

Лечили здесь «болезнь иссохших ног»,
(А Грозный-Царь и вылечиться смог!)
А в Смуту бились иноки с врагом,
Тут русская история кругом...»

Теперь уж в те ворота, что к реке,
Прошел Сергей. И лег на бугорке.
Чуть закемарил, глядячи на реку.
Ведь отдохнуть-то можно человеку?!

«Домой хочу, да и, на самом деле,
Мне путешествия уже поднадоели,
А наше странноватое турне —
Как будто побывали на Луне.

Ну, Танька, точно, инопланетянка.
А я-то кто? Я — валенок, портянка,
Смотрю вперед, а пру назад, как рак.
Да, мама правильно сказала, я — дурак!

А с Таней что? Какие тут сомненья,
Сдам мужику на вечное хранение.
У Таниного мужа много сил,
Раз столько лет Танюшку выносил!»

16

«На Волге все же мы, и для порядка
Необходимо мне купить стерлядку!
Пусть мама дома сварит мне ушицу,
Такую, знаете, что лишь во сне приснится».

Вот едет согрешивший наш герой
В обратный путь и с легкой головой,
И с легким сердцем! Скоро будет дома!
Что ж, муки совести совсем нам не знакомы?

Нет, он сначала мучился всерьез:
Во-первых, Таньку трахнул, не довез,
А во-вторых, виденье: лес, грибы...
«Уж нет ли тут пророчества, судьбы?..

Сознаться маме? Разве только спьяну.
Во сне ей не сказал, и так не стану!
Нет, к черту неудобство, ложный стыд!»
И мой герой уже домой звонит.

И так ведет насмешливые речи,
Пока Татьяна в храме ставит свечи.
(Конечно, далеко. Не очень связь.
Но раза с третьего все ж удалось попасть.)

«Обычная туристская поездка.
А «свадьбы» не было, везу назад «невесту».
Ты позвони сейчас ее домашним,
Скажи, что к вечеру я им верну мамашу».

В ответ на мамино: «Скажи, а в чем причина?» —
Стал врать Сергей, как врет любой мужчина:

«Хи-хи, ха-ха, а в терминах знакомых,
Не взяли без согласия райкома».

И так закончил порцию вранья:
«Звоню из самого монастыря,
Здесь очень строгий жизненный уклад,
С мобильником — монашки не велят».

Тут крестным знаменем себя он осенил,
Чего уже лет десять не творил,
И страстно молвил с искренним раскаяньем:
«Я виноват, прости меня, родная!

И я клянусь на все мои года,
Последний раз, и больше никогда!»
Затем, как побывавший на духу,
Сергей стал думать только про уху.

И Таня тоже больше не страдала,
Нашла, выходит, то, чего искала:
Сережа, Толга, девушка хромая,
Россия наша без конца и края —

На Таню повлияли благотворно:
Она не билась в рвении притворном,
И с нежностью мечтала о семье,
Была нормальной женщиной вполне...

2003–2004 гг.

Я ПОБОЯЛСЯ ВДОХНОВЕНЬЯ БЫТЬ ВЕЧНЫМ МАЛЬЧИКОМ- СЛУГОЙ

Стихотворения

* * *

Я побоялся вдохновенья
Быть вечным мальчиком-слугой.
Теперь меня грызет сомненье:
Вдруг я оставил жребий свой?

Хоть я достиг вершин заветных,
Навеки позабывши стих,
Но голос тот едва приметный
Во мне совсем еще не стих.

Наоборот, сильнее и тверже
Моя становится строка,
Но сколько рифм всевозможных
Мной не разгадано пока!

* * *

Лечусь я только в одиночку,
 Всех отдалив.
 Прислушиваюсь днем и ночью:
 Прилив — отлив.

Решаю целесообразность
 Пилюль и трав,
 Стараюсь выпрямиться сразу,
 Кровь отплевав.

Себя, наверно, исцелю я
 На этот раз,
 Спасусь для нежных поцелуев
 Любимых глаз.

19 ДЕКАБРЯ

Мороз ударил враз по организму,
 Надежды нет, что лето впереди,
 Готовьтесь все к положенному визгу
 И наглому ямщицкому «Пади!..»

Нас много, мальчиков декабрьского помета,
 Мы стужей и пургой с ранья закалены,
 Генералиссимус у нас и маршалов без счета,
 Наш вечный юбиляр, и мы его сыны!

ИСКУШЕНИЕ

Мне весело и пьяно,
Хочу, как никогда,
Твоей любви, Светлана,
Без мук и без труда.

Хоть видел я не много
Не выкупленных благ,
Но ты мне, ради бога,
Достанься просто так!

Без тягостных сомнений,
Без мелочных забот.
Ну что ж, что я не гений,
Зато и не урод!

Милы тебе хоть малость,
Я и мои стихи?
Что нам с тобой осталось?
Наплюй на пустяки!

* * *

Боре Турновскому

Как экономны мы по сути —
Заделы и запасы впрок.
Скажу вам, уж не обессудьте,
Не нужно столько, видит Бог!

Живем, как все, — судьба такая,
Иль кем-то сделана такой:
Вершины жизни огибаем
Мы самой дальнею тропой.

Ведь не к высокому стремиться
Нам уготовано судьбой,
Не горевать, не веселиться,
А просто жить само собой.

ГОРЕ*Памяти Юлия Кантора*

Познавшие большое горе,
 Вы мне близки,
 Кто день и ночь от страха воеет
 И от тоски.

Кто боль вложил в пустую фразу,
 Кто тих и вял,
 И кто, узнав, приехал сразу
 И здесь стоял.

Кто говорил скороговоркой,
 Как бы в бреду,
 Кто позвонил и вскрикнул громко:
 «Я не приду!»

Познавшие большое горе,
 Людская знать,
 Кто знает, что это такое,
 И может внять...

К ПОРТРЕТУ**С ЧУТЬ СКЛОНЕННОЙ ГОЛОВОЙ**

Портрет твой с чуть склоненной головой,
 И украшенья скромные — лишь золото с нефритом...
 Художник многое узнал и, ангел мой,
 Не все узнал, но многое сокрыто.

И грусть твоих бровей увидел он,
 По памяти писал, а вышло живо.
 Но также я уменьем наделен
 Все вспоминать и излагать правдиво.

Улыбка добрая и ясные глаза —
 Портрет написан искренне и страстно.
 Как много он холстом своим сказал!
 Но без него я знаю: ты — прекрасна!

Поэтому портрет вручая вам
 Мы делим благодарность пополам!

КРИЗИС

Никто не изменил своих привычек,
Когда известье скверное пришло —
Все так же люди валят с электричек
И так же покупают барахло.

МОЕМУ ОТЦУ

Мы жили вовсе не беспечно
И суетились, как могли:
Все убивали то, что вечно,
А то, что тленно, берегли.

Не дорожа талантом малым,
Искали только малых благ.
Увы, таланта нам достало,
Да благ нам дали на пятак.

Вот впопыхах разлитой краской
Висят над нами небеса,
Хотим мы ласки, ласки, ласки,
Хотим любви... на полчаса.

Хотим измученной душою
Прильнуть к источнику наград.
Но раз произошло такое,
То кто же в этом виноват?

Вина на нас. Колючим глазом
Нам колет сердце левый бок —
Зачем мы позабыли сразу
То, что запомнить каждый мог?

Зачем, забыв уроки эти,
Шагнули в жизнь, оставив страх?
И что теперь? Мы просто дети
С улыбкой жалкой на устах...

Куда идти? К чему стремиться?
Что можем мы — кому продать?
Спасет нас Божия десница
Иль внеземная благодать.

Мы будем вечно виноваты
Своею и чужой виной.
Мы беспокоимся? Мы святы?
Печемся мы? Ах, Боже мой...

* * *

Мы спим, как в ночлежке, вповалку, рядами,
Про светлое завтра в газетах читаем,
Но только уже известили газеты —
Мы будем и завтра разуты-раздеты.

А то, что страна создает ненароком,
И то, почему-то, выходит ей боком.
Все силы — найти пропитанье и платье.
За что на Россию такое проклятье?

От целого света мы с вами отстали.
Во всем виноват, объяснили нам, Сталин,
И черное знамя над родиной реет:
Скорей за ножи — виноваты евреи!

Большое начальство в кремлевских палатах
Жрет наше и шепчет: «Вы все виноваты...»
Да, я виноват, раз родился в России,
И рад бы помочь, да меня не спросили.

НАДЕЖДА

Не отмечен, не отвечен,
Не замечен, не прощен.
Стало ясно, что не вечен,
Но хочу пожить еще.

Может, в эти два-три года,
Может быть, в последний год,
Что назначено природой,
Наконец произойдет?

Мои годы, как ступеньки,
Доведут до потолка.
Встану на верхушке стенки
И оттуда — в облака:

Над Пекином, над Лояном,
Над израильской землей,
Над Москвой, над океаном,
Над Натальей, над Ильей...

Март 1999 г.

* * *

О вы, не знающие сути!
 Свои рецензии не суйте
 С суждением наглым, кто правей!
 Бей, туз червей!

О вы, не стоящие славы,
 Которая моей могла быть,
 Творенья ваши — жалкий бред,
 Кордебалет!

И только нежные словечки,
 Где рифма накидным колечком
 Соединяет две строки,
 Где строф пронзительная сила,
 И боль души, и голос милый —
 Вот где стихи!

СОНЕТ О ПОЛЬЗЕ ФИЛОСОФИИ

Есть для всего различные понятия:
 Вот — платье дам, вот — кавалеров платье,
 Как стражник юн, но зрел как командир,
 В плаще Париж, в халате Агадир.

Есть для всего различные умения.
 К примеру, я пишу стихотворенья,
 А некто, паруса поставив, смело
 Берется за купеческое дело.

И свойства разные приличны для трудов:
 Торговец честен, а кузнец здоров,
 Ни дружба, ни любовь не требуют корысти,
 Читит музыкант орган, а живописец — кисти.

Но лишь философ может объяснить
 Явлений связь и превращений нить!

ОСЕНЬ

Осень, осень, ты съешь мои силы,
А теперь я так юн и свеж.
Что ж ты ждешь, мой дружок милый,
Ведь подходит осенний рубеж?

Осень, осень, дожди и муки,
На меня потекут опять,
Мне б успеть твои тонкие руки,
Твои нежные плечи обнять!

Злая осень стоит у порога,
Я боюсь предстоящих дел,
И как желтые листья под ноги:
Я мечтал, я любил, я хотел...

ПИСЬМО

Здравствуй, дочка! День ненастный
На меня навеял грусть
Я пугаюсь снов вчерашних,
Дел сегодняшних боюсь.

За дождем не видно стога,
Сквозь решетчатый забор
Поле, лужи и дорога —
Словно склоны снежных гор.

Час за часом исчезаю,
Пропадает отпуск мой.
До чего ж, моя родная,
В дождик хочется домой!

ПОХОРОНЫ ГЕНЫ

Он смерть твою как аргумент в борьбе
Использовал и, портя панихиду,
Кричал, что он не даст тебя в обиду,
И сам воздвигнет памятник тебе.

Он так орал, гордясь собою,
Как будто было вас лишь двое,
Меж вами не было преград,
И в смерти он не виноват.

А я, полуслепой, стоял у тела,
От горя на пол уронив очки,
За сеткой трещин разместив зрачки,
Не слышать похвальбы его хотел бы.

И память навсегда соединит
Обиду за тебя, большое горе,
В монастыре закрытом крематорий,
Разбитые очки и жгучий стыд

ПРОГУЛКА НОЧЬЮ

Хорошо бы меня зарезали,
Я бы с честью погиб в бою,
Ведь иначе с седла не слезу я,
А я жизнь ненавижу свою.

Не умея начать все сызнава,
Перед будущим в страхе дрожа,
И смотря на себя с укоризною,
Разве я испугаюсь ножа?..

РАЗГОВОР

Он:

Не бросай меня до осени,
Погоди, не уходи.
В хмуром небе милой просинью
Ты мелькаешь впереди.

Пусть мы порознь расставлены,
Мысли трезвые отбрось.
Закрывать окошко ставнями
Подожди, пока не осень.

Твоему сердечку нежному
Как молитву повторяю:
«Потерпи меня, невежу,
Хоть до осени, родная!»

Она:

Твои слова мне сердце стиснули,
Теперь едва могу дышать.
Любовь твою мне б летом выплеснуть
И к осени свободы ждать.

Предел твой выдуман, наверное,
Что осень? Выдай, не тая,
Тут тайна или глупость нервная?
Ну что ж, до осени — твоя...

Пока твоя, твоя, мой миленький.
Ты сам любви назначил край.
Все смоем осень злыми ливнями.
Твоя, но осенью прощай!

* * *

Разлучит нас не подлость, не пуля
И не речка, потекшая вспять, —
Просто воздух, что вместе вдохнули,
Нам пора уж назад выдыхать...

На соседних крестах мы распяты.
Наша жизнь так ясна и проста:
«Папа-мама!» — завоют ребята,
Как же тут отойдешь от креста!

И папаня-мамания заплачут:
«Ты зачем разбиваешь семью?»
Разве жизнь моя что-нибудь значит?
Лучше сердце свое разобью...

РЕВНОСТЬ

Ты еще не потерян из виду,
 Но, я чувствую, прервана связь,
 И меня наполняет обида,
 Посильнее, чем прежняя страсть.

Я не верю ни слову, ни телу,
 Сердце жарится адским огнем.
 «Как ты мог, как ты мог это сделать?!» —
 Повторяю я ночью и днем.

И подслушанных слов несомненность,
 И злорадство намеков чужих,
 И идущие вслед перемены —
 Уж спасения нету от них...

За твоей отвратительной ложью
 Новой жизни несчастной канун.
 Все растоптано, разве так можно?
 Как унизил и как обманул!

РОДНЯ

-1-
 Что дал в наследство мне отец?
 Приличную квартиру —
 В ней кухня есть и ванна есть
 Отдельно от сортира.

Еще отец мне дал мозги
 С большим числом извилин.
 А чем заполнены они?
 Что в школе проходили.

Еще привычку дал тянуть
 Ненужную работу
 И неумение продать
 Кому-нибудь хоть что-то.

С таким солидным багажом
 Скачу блохой, верчусь ужом.

-2-
 Что мать в наследство мне дала?
 Фантазии и планы —
 Я диссертацию пишу,
 Хочу писать романы.

Еще стремление угодить
И услужить бесплатно
Я от мамани получил.
Понятно? Не понятно!

И в каждый жизненный пустяк
Я вкладываю душу.
Зачем? Да, видно, просто так —
Глаз видит, слышат уши.

Во сне, а может, наяву?
Я вроде психа счас живу.

-3-
Что мне оставил мертвый брат?
Могилу в Вострякове.
Я вместо брата был бы рад,
Вот так, на полуслове.

Он начал так счастливо жить,
А я живу несчастно.
Но на судьбу судьбу сменить
Увы, судьба не властна.

Я знаю, были б мы друзья,
Как в детстве мы дружили,
Но как мне быть? Поднять нельзя
Того, что положили.

Как жаль, но с братиком моим
Во сне мы только говорим.

-4-
Что принесла с собой жена?
Упреки и обиды.
Она, вишь, многого ждала,
Да обманулась с виду.

Я виноват, что денег нет,
Излишний темперамент,
Что я брюнет, что про обед
Тут как-то вспомнил днями.

Навстречу мужу ни на шаг,
Достойна и красива.
Люблю ее? Люблю, дурак,
Да жить невыносимо.

С моей женой бы жить в раю,
А здесь погубит жизнь мою!

-5-
Что дал я всем и чем хорош?
А тем, что я верчусь, как вошь,
И дрыгаю ногами,
Как будто убегаю.

Конец венку сонетов.
Кому б продать все это?

САМОУБИЙСТВО ЦВЕТАЕВОЙ

А все же убили Марину Ивановну,
 Чтоб жизнь не могла бы начать она заново,
 И чтоб не осталась она на плаву,
 И чтоб не решила: я снова живу.

Ведь было же мнение: «Чин небольшой,
 Пускай поработает — все хорошо.
 Смотается пусть за вещами в Елабугу,
 Дня на два, ненадолго». Надолго, надолго...

Тогда б обернуться — и дни полетели,
 Но, видели люди, был некто в шинели.
 Чистополь, Елабуга, Питер, Париж —
 Кому ж ты, история русская, мстишь?

Кто самоубийца, а кто невпопад.
 Все врут и в оконное сито глядят.
 Вот так перерезали всех, паразиты.
 Я знаю, Цветаева тоже убита.

СВИДАНИЕ

Как мы с тобой неосторожны!
 Неужто это все не бред?
 Но оторваться невозможно
 Мне от тебя, мой милый, нет.

Мы замерли, но снег уж хрустнул...
 Как мне уйти, моя душа?..
 И мы отсчитываем грустно
 Минуты наши не дыша...

* * *

Скажи мне, миленький, что вскоре будет с нами,
Когда взорвется наш фальшивый рай,
И Родина опять бедна так станет,
Падет так низко, хоть не вызволяй?

Ты обещаешь, что не будет крови,
Что не объявят нового врага,
Что нежное очкастое сословье
Вновь не возьмут чекисты за рога?

Поручишься, что в списки виноватых
Моих детей не вставят имена?
Нас разве мало мучили когда-то
Со злобным воем: «Это их вина»?

Не верится. Ведь в страхе и безверье
Я прожил жизнь до первой седины.
Не верю в счастье за закрытой дверью,
Но мы с тобой и так награждены...

СОН

А.В. Охрименко

Через лес бежал тропюю,
Ветки дергал от лица,
Обернулся — сзади поле,
Поле, поле без конца.

Вновь вперед. Чашоба злая,
И к стволу прижался ствол.
Оглянулся. Мать честная,
Поле ровное, как стол.

Обо что царапал руки,
Обо что тупил топор?
Впереди — борьба и муки,
Сзади — ласковый простор!

Но тружусь, не отдыхая,
На ответственном посту,
У меня судьба такая...
И проснулся весь в поту.

СОНЕТ

Я полон сил — и нету сил моих,
 Я строен и силен — я сломлен и измучен,
 Я светел разумом — нет, я несчастный псих,
 Я к цели мчусь — нет, лег навозной кучей!

Все вдруг переменяет миг один,
 Сомнение, одна строка поэта,
 И в радости — я мира господин,
 А в грусти — сам разменная монета!

Все в разуме моем заключено —
 Мечты, надежды, боль и вдохновенье,
 Пью желчь я или сладкое вино,
 Ем редьку иль медовое варенье.

Две абсолютных истины я знаю.
 Одна из них — любовь к тебе, родная.

* * *

У нас — ура! — не строят камер газовых,
 И желтых звезд носить мы не должны,
 Но придержать нас следует по-разному,
 Чтоб не пролезли в крупные чины.

У нас — ура! — живут все потихонечку,
 Кто слишком прыток, тот получит шиш.
 Но по себе, как будто по покойничку,
 Бывает, ночью вдруг заголосишь.

* * *

Уж очень ты нетороплив.
Все так непрочно,
А ты, дружок, теряешь дни,
Теряешь ночи!

Смотри, навалится недуг,
И станет поздно.
Тебя на улицу сведут
И вырвут ноздри.

Носить на лацкане значок
Есть указанье.
Живи и помни, дурачок,
Жизнь — ожиданье.

УПРАЖНЕНИЕ

Я чую стихотворную строку,
Всегда дрожу от ощущения слова.
Мне нет пути, и подаю я снова
В подземном переходе старику.

А жизнь моя по-прежнему легка,
В том смысле, что вполне благополучна.
И не было еще такого случая,
Зависел чтоб от своего стиха.

* * *

Я все отдам за ласковое слово,
Тарелку щей и наш неяркий быт.
Пусть над дверьми прибитая подкова
Меня от дальних странствий сохранит!

Пусть в тишине руки прикосновенье
Сведет с ума и отведет беду,
Лишь для тебя мои стихотворенья,
Я никуда из дома не уйду!

Хоть твердо знаю, что, отдавши душу,
Я ничего не получу взамен,
Хоть будущего я немного трушу,
Но все же не желаю перемен.

Я не пойду искать по свету счастья,
Надеюсь, не настанет страшный миг,
Я к нынешнему вечному ненастью
Счастливою привычкою привык.

ТОСКА АСПИРАНТА

Еще мы только соискатели,
Нам не пройти в профессора,
Не те, ребята, показатели,
Не та на улице пора.

Запрячем мы дипломы синие —
Видать, от них одна беда,
Всегда возьмут нас в магазине,
Проводниками в поезда.

Хоть не зовут нас на банкеты,
Мы сами двинем в ресторан
И будем подавать котлеты:
Одну клиенту, две в карман.

29 ФЕВРАЛЯ

Последний день надежды не оставил.
Вот если б тридцать первое число,
Или тридцатое, еще б куда ни шло...
Но это было б вовсе против правил...

Теперь уж, если будет, только в марте,
Или совсем не будет никогда,
И все мои задумки — ерунда,
Ошибка, видно, сделана на старте.

2002–2007 гг.

РОССИЯ

Кто все это видит?
Кто все это знает?
Кто камыш колышет?
Кто в ночи вздыхает?

Кто закат заметил
Розовый и синий?
Отчего же, дети,
Мы живем в России?

Подхалимов тучи,
Все воруют нефть,
Не взойти на кручу —
Легче умереть...

* * *

Душа уж не желает перемен:
 Все хорошо, и я доволен всеми.
 Но будто капли падают на темя —
 Ведь это плен.

К порядку сам себя приговоря,
 И ум и сердце я поставил в рамки,
 Давно решил, что мне не выйти в дамки,
 Да, видно, зря.

И вот, хоть обработан мой надел,
 Хоть жил я и в довольстве, и в почете,
 Три слова на губах моих прочтете:
 Я не успел!

* * *

Я, без сомненья, худший из людей:
 Меня родная мать совсем не любит,
 Едва увидев, искривляет губы
 И уверяет всех, что я — злодей.

Июнь 2003 г.

ДОСАДА

Досадно до усрачки,
 Обидно до соплей —
 С простейшею задачей
 Не справился еврей.

ИНСТРУКТОР

Пора бы, братцы, вам соображать,
 Пора уже держать свободней руку!
 Ну, сколько время можно убивать
 На самую простейшую науку!

За это время, будь у вас талант,
 Промчались мы по городам и весям,
 Ведь проще нет, чем этот агрегат,
 А масла и бензина — хоть залейся!

МОЯ ЗВЕЗДА

Моя звезда не требует ухода:
 Сама собой мне светит год от года.
 А я иду за ней. Зато во сне
 Стихи приходят иногда ко мне.

Январь, июнь 2003 г.

ОДА

Вершина жизни,
 Дальше — только вниз,
 А ты — все вверх,
 Не ведая предела.
 Наверно, слишком долгим был разбег,
 Полетом насладиться не успела.

Но, устремлённо
 Направляясь ввысь,
 Оглядываешь
 Ближний круг и дальний,
 Чтоб за тобою весело неслись
 Все мы — твои награды и медали!

И мы с тобой
 (Волшебные слова!),
 Когда ты
 Принимаешься за дело,
 На острова и полуострова,
 Куда бы ты лететь ни захотела!
9 августа 2005 г.

* * *

Б.Д. Панкину

Всего три дня летела телеграмма.
Всего семь блюд в обеденном меню.
Всего на час прервала фильм реклама.
Всего сто лет люблю тебя одну.

Кто раздает оценки и расценки?
Кто держит цену на дурной «Квадрат»?
Кто дно скребет, а кто снимает пенки?
Кто — толстосум, а кто копейке рад?

Нет, не проникнуть в тайные науки!
Нет, не понять высокий политик!
Нет, никогда не дастся рыба в руки!
Нет, не узнать, кто — псих, а кто — не псих!

Нам мило только то, что сердцу мило.
Китайский Новый год, придай нам силы!

31 января 2003 г.

ПОЛНОЛУНИЕ 8 МАРТА 2004 г.

То ты лечишься, то ты постишься,
То болеет большая родня,
Но когда-нибудь, может случиться,
Ты, любимая, вспомнишь меня.

Это я!.. Затусеван привычкой
Четкий контур при ясной луне...
Но Бобони чудесное личико
Пусть напомним тебе обо мне!

* * *

Г.В. Пряхину

Нас не смутят смутьяны смутных лет,
Нас не утопят мутные потоки,
Мы верим: ни беды, ни смерти нет,
Пока родятся пламенные строки!

И я в восторге крикнуть не боюсь,
На плод своих трудов глядя умильно:
«Да здравствует огромный профсоюз
Земли и неба, силы и бессилья!»

26 февраля 2000 г.

* * *

Я — как заноза, как старик в дверях:
Замешкался, кругом полно народу,
А он мешает выходу и входу,
И огрызается, и под носом сопля.

* * *

А.А. Матюнину

Есть мудрецы практического свойства,
Живут они, как жизнь велит сама.
И сколько в них таланта и геройства!
И сколько в них терпенья и ума!

Так человек по признакам неярким
Идет по лесу, по реке плывет —
То вверх, то вниз, то сам сидит в байдарке,
А то на бечеве ее ведет.

Философы без толстых фолиантов,
Ораторы без изданных речей,
Фельдмаршалы без пышных аксельбантов,
Они есть соль Земли и красота очей!

ОТТЕПЕЛЬ

Кого тревожит злая участь
Несостоявшейся зимы,
Когда она, грязнясь и пучась,
Течет по улицам Москвы?!

А мы, запрятав в нафталины
Осточертевшие меха,
Гуляем в шляпах «Борсалино»
И в куртках цвета лопуха.

ОСЕНЬ 2006 ГОДА

М.Ю. Русину

Завтра, объявили это,
Будет перевод часов.
Лес стоит почти раздетый,
Мачтами без парусов.

На непаханое поле
Прибежал березок рой:
Подросли они на воле
Под высокою травой.

Лето, лето, где ты, где ты?..
Утекло ты, как вода.
Мы уже тепло одеты,
Хоть еще не холода.

Но и зимнею порою
Будет нам к лицу наряд —
Мы веселые герои
От макушки и до пят!

* * *

Пережитая опасность
Редко в памяти всплывает,
Отчего же мне так страшно
За тебя, моя родная?

* * *

Что «Апрель», что «Пульс» из Тушина
Все издания по рублю.
Рушат то, что не разрушено,
Не жалеют жизнь мою...

* * *

Смятение умов и поиск веры
Вновь увлекли Россию на года,
Но гладко рыло милиционера,
Глядящего нарочно не туда.

* * *

Я давно не читаю в трамвае
 И кальсоны ношу в холода,
 И стихов моих яркая стая
 Уж теперь не взлетит никогда!

* * *

Душа не ведает покоя
 Нигде, ни с кем и никогда.
 За что страдание такое
 И вечный страх — грядет беда?!

* * *

Знаю, ангел меня покинул,
 Испугавшийся суеты.
 Это ты меня разлюбила,
 Вдруг, как вдруг полюбила ты...

* * *

Лишь без тебя я снова стал поэтом,
 В несчастье разглядев разрез вещей.
 Пять лет любви, не думая об этом,
 Я был твоим. А ведь поэт ничей...

* * *

О, бойтесь радости, любви и вдохновенья,
 Страшиться обмануться каждый миг,
 Чтобы потом ужасный червь сомненья,
 Грудь изъязвив, вам в сердце не проник!

* * *

Не надо перерывов, давайте все подряд,
 Как будто бы с обрыва мальчишки в пруд летят,
 Как будто бы за дверью решенья ждешь судьбы,
 Как будто день рожденья, как белые грибы.

* * *

Все время остановки,
Ташусь едва-едва,
Теперь еще Перловка,
А там уже Москва...

РЕЦЕНЗИИ

ВСЕ ПОГИБЛИ, А ОН ОСТАЛСЯ

*Рецензия на книгу А. Варламова
«Алексей Толстой». «Независимая газета»
от 13.08.2009*

Превосходная книга Алексея Варламова «Алексей Толстой» (2-е изд.: сер. ЖЗЛ. М.: «Молодая гвардия», 2008), как и всякая книга о судьбе человека, напоминает сериал. На жаргоне создателей телевизионных сериалов это и «горизонтальный», и «вертикальный» сериал. «Горизонтальный» — длинная история, прерываемая в самых захватывающих местах надписью «Конец 36-й серии». «Вертикальный» — последовательность маленьких самостоятельных историй с общим главным героем. Поэтому от прочтения книги получаешь и «горизонтальную радость» (термин бравого солдата Швейка) от мастерски написанного (хорошим языком и со знанием дела) жизнеописания известного писателя, и «вертикальную радость» (термин мой) от блестящих новелл, посвященных разным периодам жизни героя повествования. На некоторых из этих новелл остановлюсь.

Происхождение. Первый вопрос, который интересуется всех нас, — настоящий ли Алексей Н. Толстой потомок своего папы, граф — не граф? Не пряча воспоминаний различных деятелей, даже очень ува-

жаемых, показывающих, что мама Александра Леонтьевна перед рождением сына много лет уже как ушла от буйного мужа и только по документам оставалась графиней, Алексей Варламов доказывает, что были попытки примирения, были встречи мужа и жены, было даже изнасилование мужем жены, в результате которого и родился писатель. Метод исследования документов Алексея Варламова внушает уважение, его выводам веришь. Мне, побывавшему в своей жизни и профессором-технарем, и писателем, художественное исследование Алексея Варламова доставляет особенную «вертикальную радость». Алексей Варламов докапывается до истины весьма талантливо и непринужденно. Добросовестный труд Варламова разительно отличается от труда покойного классика. Тот находил в архиве докладную записку вора-чиновника, написанную, чтобы заморочить голову начальству, покрыть свое воровство, представить белое черным. И затем наш классик без тени сомнения объявлял записку историческим документом, чем многократно усиливал вред, который эта докладная уже один раз принесла России.

Воспитание. Глубокие по мысли и совершенные по форме педагогические письма Александры Леонтьевны Толстой (урожденной Тургеневой) вызывают восторг. Мать писателя была свободным и сильным человеком, любила страстно и верно, воспитывала мудро. Правда, как заключает Варламов, толку от ее советов было мало. Но тут уж не мать виновата.

Поэты, писатели и художники Серебряного века. Многие были талантливы, все любили друг друга, женились друг на друге многократно, ненавидели, стрелялись на дуэли, потом дружили, жили втроем,

все писали. Алексей Варламов определяет: театр. Приводит искренние талантливые воспоминания участников — кто, где, кого, во что был одет, что читал, как принимали. Про многие воспоминания Алексей Варламов пишет: не может быть, полно анахронизмов и нестыковок — названное творческое сообщество не существовало в том году, названный участник не мог выступать, так как был в это время в другом городе и т. д. Атмосфера, дух, талант, любовь, наполнявшие воздух, которым дышали эти люди, располагали к фантазиям, к воспоминаниям о том, чего не было, но могло бы быть... А какие имена! Прочитайте наизусть пять строк пяти современных поэтов... Не прочитаете. Прочитайте пять строк поэтов Серебряного века, современников Толстого. Многие прочитают. Ну а то, что они слегка наврали в мемуарах, подправляет Варламов. Не все страницы интересно читать. Отрезали хвост от обезьяньей шкуры, перевернули кресло-качалку... Но в кресле сидел Бердяев, и все действующие лица маскарадных эпизодов на слуху сейчас, через 100 лет. Главный итог этого периода для Толстого в том, что он стал своим в этом изумительном сообществе. Благодаря таланту, высокой работоспособности и удачной игре в этом «театре» Алексей Толстой выполнил задачу, которую поставил перед собой на этом этапе — вошел в круг избранных. Добился своего, как всегда продвигаясь по всем направлениям: не нравятся мои стихи, нате вам прозу, не нравятся описания русской природы, нате вам похабные рассказы, не знаете, кто я такой, вот вам верительные грамоты — дружба с самим Максимилианом Волошиным, не принимают в компанию, вот вам обаятельный молодой человек, душа общества.

Революция и эмиграция. В книге Толстой не понимает происходящего, мечется, переезжает из города в город, попадает в Константинополь по случайному стечению обстоятельств. Варламов доказывает это, постоянно сопоставляя мнения Толстого, Бунина и других деятелей эмиграции. Сравнение Толстого с героиней романа «Унесенные ветром» (что бы ни происходило, ни я, ни мои дети не должны голодать) мне кажется очень точным. Толстой не был мыслителем, способным оценить, что происходит в России, тем более непримиримым мыслителем, как Бунин. Толстой искал, где лучше. И в зависимости от этого действовал, играл. Во всех публицистических текстах Толстого чувствуется «задание», заранее определенная направленность, а тексты статей, аргументы — следствие. Письмо к Чайковскому о необходимости принять большевизм как данность, приведенное в книге, производит на современного читателя странное впечатление. Типичная советская статья с жонглированием фактами, искажениями недавних событий и вредными для многих выводами. Но Толстой поставил на кон, сыграл и выиграл! А мог проиграть.

Изучая жизнь своего героя, исследуя документы, Варламов не пропускает чудесные высказывания, перлы, не имеющие прямого касательства к Толстому, и доносит их до читателя книги.

«Юность хороша в воспоминаниях, а сама по себе — без соли. Сейчас я сохранила в себе все, что было во мне в 15 лет, но стала глубже и покойнее». Это Наталья Крандиевская, жена Толстого.

Про 18-й или 19-й год высказывание некоего врага Совдепии о роли интеллигенции: «А войдем в Москву — в первую голову — повесить разных там...

Шаляпина, Андрея Белого, Александра Блока, Станиславского... Эта сволочь хуже большевиков, от них самая зараза...»

Жалко было бы такие цитаты потерять.

Отрывки из текстов самого Толстого, приводимые в книге, во многих случаях не имеют такой цельности, как эти чужие отрывки. Описывая деревню, Толстой пишет о том, как он любит, понимает, чувствует русскую природу, пишет больше не про деревню, а про себя. Также, когда он пишет о том, какой он враг большевиков, потом, как он принял большевизм, потом, какой он друг большевиков. Опять театр, опять врет. Причем в художественных текстах это вранье более бросается в глаза, чем в публицистических. У современников только дух захватывало от кульбитов маститого писателя. Возмущались, но тут же добавляли, что талантлив, «брюхом талантлив».

Возвращение в Советскую Россию. Это был смелый и рискованный шаг. Но Толстой сделал его и выиграл — стал советским писателем № 2 после Горького. Все «сменовеховцы», вернувшиеся вместе с Толстым, погибли, а он остался жив. Тем или иным способом снова стал деньги зарабатывать, держать хлебосольный дом, жить советским барином.

Описание развода с Натальей Васильевной читать очень интересно. Толстой (по собственным письмам, по воспоминаниям знакомых, по другим источникам, найденным Варламовым) приводит причины этого развода: писатель в семье был одинок, не имел моральной поддержки, думал и заботился о своих домашних, о нем же не заботился никто. «Я для моей семьи — был необходимой принадлежностью... через которого шли все блага.

Но кто-нибудь заглядывал в мой внутренний мир?» Вот ведь как страдал большой художник! Как его плохо понимала жена, за 20 лет совместной жизни прошедшая с ним войну, эмиграцию (Константинополь, Париж, Берлин), возвращение в Советскую Россию. Все преодолели вместе, сохранили семью с множеством детей от разных браков и родственников. Но...

Все стандартные аргументы мужа, желающего бросить старую жену и жениться на молодой, Толстой приводит широко, раздольно, с пафосом «большого художника и большого человека». Таким же пафосом полны некоторые произведения писателя. Отрывки, приведенные в книге, порой ужасают. У читателя невольно возникают сомнения в подлинности таланта этого заурядного человека. Но как он тогда вошел в круг писателей Серебряного века, как сохранил себя в эмиграции, как занял высокое положение в СССР? Дав слегка посомневаться, Варламов снова возвращает читателя на твердую и несомненную точку зрения: талант. Кроме таланта огромная работоспособность и четко сформулированная цель, на которую указывало жизнелюбие Толстого. Писал ежедневно, по многу часов. Писал по-разному, и хорошо, и плохо. Написанное продавал, не стесняясь.

Итоги жизни Алексея Толстого, не очень долгой, но очень бурной, Варламов подытоживает, как два романа. Может быть, и один роман, ведь «Хождение по мукам» сейчас читают не очень-то, нельзя сказать, что о Гражданской войне судят по этой трилогии, как об Отечественной войне 1812 года судят по роману Льва Толстого «Война и мир». Но фильм (фильмы) смотрели многие, Дашу, Катю, Телегина, Рощина и других помнят. Зато роман «Петр I» стал

основным источником сведений о России того времени. О толстовской обработке русских народных сказок есть разные мнения, но «Буратино» любят все и часто цитируют. «Гиперболоид инженера Гарина» тоже знают многие, часто вспоминают, например, рассказывая о лазерах — изобретении, до которого Алексей Толстой не дожил.

По нескольким свидетельствам, найденным Варламовым, доконало Алексея Толстого, свело раньше срока в могилу участие в комиссиях по расследованию злодеяний немцев, непосредственное знакомство с результатами действий оккупантов на нашей земле. Жена актера Соломона Михоэлса, с которым Толстой дружил в последние годы, называла точную дату начала смертельной болезни — декабрь 1943 года, когда Толстой побывал на первом показательном процессе в Харькове. Были, значит, невытопанные, чистые пятна в душе этого циника.

ТАЙНЫЕ ПРУЖИНЫ ПРЕСЛОВУТОЙ ЭПОХИ

РЕЦЕНЗИИ

*Рецензия на книгу Б.Д. Панкина
«Пресловутая эпоха в лицах и масках,
событиях и казусах»
(М.: «Воскресенье, 2002)*

Книга «Пресловутая эпоха...» — шикарная портретная галерея. Множество заметных, интересных, страшных и загадочных лиц изобразил на своих картинах-главах умный и тонкий художник. Важная, может быть, главная особенность книги в том, что со всеми своими героями автор был знаком, со многими общался на равных, со многими, как теперь говорят, имел общие проекты. Поэтому большинство героев книги схвачены «за главное место», показаны читателю главным фасадом.

Глава о Ельцине ценнее и полнее, чем книга Коржакова. Глава о Суслове великолепна, с удовольствием и многократно повторяю про себя слова о единственной роскоши, которую позволял себе этот аскет и, действительно, роскошно властвовал.

Есть более отстраненные, удаленные от героев, но тоже ценные главы. Например, про Мариэтту Шагинян. Хорошо, что есть такой портрет, ведь «Месс- Менд» теперь никто не читает и подробно-

стями биографии Ленина не интересуется. К М. Шагинян, этой писательнице Серебряного века, идеалистке-коммунистке, историку и долгожительнице, наверное, поближе и нельзя было подойти, учитывая возраст и особенности личности персонажа.

Удачных глав много, и про каждую есть что сказать. Позиция автора, общая линия книги, всех глав, оценка того, что происходило в нашей стране в последние 40–50 лет, близки и понятны читателю (читателю книги, а не послу, не министру, не главному редактору).

Оценка текущей ситуации в России проведена в книге очень здорово. Автор прямо пишет, что сам он живет в Стокгольме в социальном раю, где нет проблем или, по словам Биргитты: «Ну, это просто». Дети автора при хороших должностях в Москве полагают, что жизнь налаживается. А кухне автора, проработавшей всю жизнь в Королёвском «почтовом ящике», и родственникам автора в Пензенской области есть нечего и лекарства не на что покупать. Такой перепад, эти три ступени в рамках одной семьи впечатляют. Разные полюса так близко расположены, что искры сыпятся. Тут вам не отстраненные рассуждения про социальное неравенство, «эта штука посильнее будет...»

Хорошая книга, но очень толстая, мало кто всю прочитает. Есть главы, которые можно было не включать или сократить до одного абзаца, например, про основателя магазинов ИКЕА или участника группы ABBA. Сами по себе главы неплохие, но в эту книгу не особенно ложатся. Конечно, нужно было автору про кого-то обязательно написать, хотелось все подгрести, но, тем не менее. Есть куски плохо написанные. Речь не о красоте стиля, просто смысл

доходит только после третьего прочтения, потому что слова не те или расставлены не в том порядке. При этом большая часть книги написана хорошо, а местами блестяще.

Книгу похвалил, отдельные имеющиеся недостатки отметил. Теперь можно перейти к самому вкусному и замечательному, к тому, что в этой книге есть, а в других книгах нет.

Б.Д. Панкин рассказал (в основном в первой части книги), что такое советская элита, как эта элита функционирует (скажем, функционировала), и кто в нее попадает (попадал). Лидер государства с помощью только чиновников управлять страной не может, нужны интеллектуалы. Вот в книге и показано, чуть ли не по пунктам, кто они такие, номенклатурные таланты и умники. Рассказы об этих людях издавались, но писали их либо гневные обличители, иногда и с тайной завистью, что сами из этого корыта не хлебали, либо деятели, у которых от сладкой жизни отшибло память, поэтому они запомнили только, как самоотверженно трудились и о народе заботились. Б.Д. Панкин, в отличие от прочих, сохранил свежий и верный взгляд, рассказал читателю о некоторых тайнах советского двора. Поэтому на обложке художник М. Георгиев изобразил пружины (тайные пружины, скрытые пружины).

Сначала образование. Не всякое, но журфак МГУ подходит. Чтобы попасть в элиту, нужно учиться хорошо. (Кто не учился, как Хрущев, или учился на одни «тройки», как Горбачев, у тех путь наверх по другой линии, не элитной. На том пути нужен напор, интрига, умение оценивать ситуацию и пользоваться случаем. Если множество случаев сложатся благоприятно, то будет достигнута цель — управ-

лять всем, не понимая ни в чем. Про эту другую линию тоже есть в соответствующих главах книги.)

Следующий принцип — знать, чего хочешь. Добросовестно занимаясь, нужно отрываться от учебников и, приложив ладонь ко лбу, как Илья Муромец, осматривать окрестности, искать людей. За хорошим вузом должно следовать хорошее знакомство и хорошее учреждение. Автор книги рассказал, что увидел Аджубея и университетскую многотиражку, из чего и получилась «Комсомольская правда». Потому что в плохом учреждении, сколько ни служи, как из гоголевского города, «ни до какого государства не доскачешь».

Немаловажное свойство кандидата — это стремление и любовь к тем радостям, которые дает каждая следующая должность в хорошем учреждении: кремлевский паек на 70 рублей, далее — на 150, 2-я поликлиника, далее — 1-я, «вертушка» и т. п. Тонкое знание советской табели о рангах, кто кого главнее, и что за это положено — необходимое свойство номенклатурного интеллектуала. Галина Уланова не получила дачи даже со второй геройской Звездой, а автору книги дача предоставлялась. Однако только с уборщицей, как приравненному к министру, а полновесному министру давали еще и повара. Машину Бориса Панкина пускали «только» до Кремлевской стены, а машина Юрия Гагарина въезжала на Ивановскую площадь. Обо всем этом Б.Д. Панкин пишет смело, просто и не отвлеченно, а про себя, и не специально, а как об обстоятельствах жизни. Никто так не писал, потому что кто дорастал, тот не писал (мы, мол, просто работали), а кто писал (вот, сидят на нашей шее, жрут в три горла), тот не дорастал. Хотя в России всегда так было, можно про-

читать у В.О. Ключевского про Разрядный приказ и про то, что местничество — «сложное и запутанное явление».

Попавшего в элиту сильно не накажут и от кормушки не отлучат. Могут объявить выговор на Старой площади, чем наказанный потом гордится всю жизнь. Могут, за острый ум и смелость суждений, подвергнуть радикала жуткой каре — сослать Чрезвычайным и Полномочным послом. И тоже до конца жизни пострадавший говорит, что уехал из страны не по своей воле.

Тема формирования и функционирования элиты проведена Б.Д. Панкиным ненавязчиво, во многом, как факты собственной биографии. Вызывает уважение и удивление, как автор, с юных лет «оторванный от народа», записанный в привилегированный класс, смог так интересно и непосредственно написать обо всем этом чинодральстве.

* * *

В заключение необходимо отметить, что книга написана с юмором. Книга написана скромно, но с достойным уважением к той роли, которую автор сыграл в советской истории.

ШЕСТИДЕСЯТ- НИЧЕСКИЕ СТРАСТИ. РОМАН И ШУМ ВРЕМЕНИ

Рецензия на книгу В. Аксенова «Таинственная страсть. Роман о шестидесятниках». Газета «Культура» № 5 (7718) 11–17 февраля 2010 г.

Последнюю книгу Василия Аксенова «Таинственная страсть. Роман о шестидесятниках» читать очень приятно: написано хорошо, несколько небрежно, умелой рукой мэтра. Написано с умилением от себя тогдашнего, молодого и талантливого, и от своих молодых и талантливых друзей. Масса интересных подробностей. Пожилому читателю, мне, например, многое вспоминается, ведь когда Аксенов был молодым писателем, я был совсем юным читателем «Затоваренной бочкотары» в «Юности».

У героев романа знакомые и громкие имена (автор их изменил, чтобы въедливые читатели не придирались к мелочам: Евгений Евтушенко — Ян Тушинский, Роберт Рождественский — Роберт Эр, Владимир Высоцкий — Влад Вертикалов и т. д.). В книге много стихотворных цитат. Очень хорошие стихи. «Жил огненно-рыжий художник Гоген,

богема, а в прошлом — торговый агент...» Что тут такого? А как здорово! Мы тогда из Москвы ездили в Иваново на поэтический спектакль, который поставила Мария Гринберг по стихам Андрея Вознесенского, и были не единственными зрителями издалека. Поэты были популярны, купались в славе, иногда халтурили, но слово чувствовали, тщательно работали над словом, признавая однако первенство «музыки стиха». «Шепотом, потом полусшепотом, потом уже молча: любимая, спи...» Неправильная чередка, ведь полусшепот громче шепота! Сейчас трудно объяснить читателю, в чем тут заковыка, а Евтушенко (Тушинский) страдал от этого пустяка.

Поэты и писатели, властители дум моего поколения. Все тогда читали поэму Евтушенко про бетонщицу Буртову Нюшку, про диспетчера света Изю Крамера. От Вознесенского все знали, что «девочка пишет по биссектрисе». Сейчас так же популярны только строчки из песен. От Рождественского (или от Кикабидзе): «мои года — мое богатство». От Высоцкого: «придешь домой — там ты сидишь». А тогда Евтушенко и Вознесенский объясняли Высоцкому, что стихи он пишет ненастоящие.

В общем, рекомендую книгу любителям мемуаров и советской истории, знающим к тому же о некоторых партийно-писательских разборках (не знаящим легко запутаться в смеси псевдонимов одних героев и истинных имен других). Основные вехи романа: посещение Хрущевым выставки в Манеже, той, на которой была стычка с Эрнстом Неизвестным (в романе — Генрих Известнов), встреча руководства с творческой интеллигенцией в Кремле, на которой Хрущев унижал Рождественского, Вознесенского, Аксенова и других, много Коктебеля, про-

цесс Даниэля и Синявского, реакция интеллигенции на события в Чехословакии 1968 года, альманах «Метрополь», отъезды из СССР и другое памятное. В некоторых главах, например, в главе про альманах «Метрополь», мемуары приобретают ярко выраженный корпоративный оттенок: воспоминания о своих, написанные для своих. Кто из читателей помнит функционеров Московской писательской организации, пленумы, разборки и акции, связанные с «Метрополем»? А без таких сведений глава впечатляет не столь сильно, вся шумиха вокруг альманаха кажется надуманной.

Одна мысль, книгой навеянная, портит удовольствие от чтения. Кто они, эти лидеры молодежи — шестидесятники, эти враги режима и борцы за человеческие ценности, откуда они взялись и на что жили? С высоты прожитых лет, оценивая книгу Василия Аксенова, вижу, что нашла эти таланты и сделала их настоящими писателями и поэтами родная коммунистическая партия. Партия обеспечила им раскрутку, посильнее, чем покойный Айзеншпис Диме Билану. Партия обеспечила им многомиллионные тиражи книг, заграникомандировки, дала им квартиры в центре Москвы и сосиски в кремлевском буфете. Конечно, партия своих детей порола иногда, как положено заботливой родительнице, а потом прощала. После порки литераторы ехали на такси в ресторан ЦДЛ и там «отмокали». Нужды они не знали: деньги были и на такси, и на ресторан. Чего не скажешь о большинстве читателей, у которых и денег не было, и от партии они ничего не получали. Василий Аксенов описал такие порки, при которых у наказуемых душа в пятки уходила. А потом ничего, сходило с рук. Евтушенко писал: «Я — подорож-

ник», меня потопчут, а я потом поднимусь. Партия поругает и простит.

Тех, кого партия не отобрала в писатели, могли пробиться сами, как Александр Солженицын и Иосиф Бродский, но редко у кого это получалось. (Да и то, в период публикации «Ивана Денисовича» Солженицын был не совсем ничьим.) Остальные пропадали в неизвестности.

Некоторые же из избранников партии потом заигрывались, переставали просить прощения после порки. Позабыли, кто их вырастил, стали думать, что пробились только благодаря своему таланту. Сами так думали и наивных иностранцев в этом убеждали. Партия сильно гневалась, но времена изменились, и непослушные ребята оказывались не в лагере, а за границей.

Теперь КПСС нет, может быть, поэтому стихи и поэты стали совсем никому не нужны, а писателями называются и получают литературные премии люди значительно меньшего таланта, чем упомянутые в романе Василия Аксенова. Сейчас процветают не писатели, а скорее, умелые деятели, участники «проектов». Сейчас пробиваются не талантливые, но активные. Правда, и читателей не стало, подрастает уже второе нечитающее поколение.

Мысль о сытой, хоть и несколько нервной жизни шестидесятников, возникающая при прочтении романа Василия Аксенова «Таинственная страсть», мешает относиться к ней как к документу эпохи. Эта книга — мемуары писателя, который прожил жизнь в созвездии изумительных талантов, опекаемом руководством самой большой и самой читающей страны. И, слава богу, Аксенов это заслужил, ведь за него отстрадали его родители.

ОГРОМНЫЙ ТРУД ВЕЛИКОГО ЗНАХАРЯ

*Рецензия на книгу А. Солженицына
«Двести лет вместе». «Частный
корреспондент» от 18.05.2011 г.*

В книге на основе архивных документов, свидетельств очевидцев и собственных размышлений автор оценил истинную, ранее не до конца понятную роль, которую играли евреи в жизни России XVIII, XIX и XX веков. А также и то, как Россия и русский народ влияли на многочисленное еврейское население.

«Эту книгу я писал, исходя лишь из велений исторического материала и поиска доброжелательных решений на будущее. Но надо и не упускать из виду: за последние годы состояние России столь крушительно изменилось, что исследуемая проблема сильно отодвинулась и померкла сравнительно с другими нынешними российскими».

Александр Солженицын

В начале второго тома определен предмет изучения, ведь книга — исследование (по-солженицынски: «В УЯСНЕНИИ»), или, словами В. Высоцкого, «кто ж такие евреи?».

Подробно и научно (на 19 страниц текста 84 ссылки на первоисточники) разбирает этот вопрос автор.

Приводит цитаты, например: «...чем больше еврейство дробится физически, тем более оно внутренне сплавляется». Цитируемая фраза — либо обычная писательская выходка, текстовая красивость, не имеющая смысла, либо дьявольский посыл типа усиления классовой борьбы при социализме, чтобы руки развязать для расправ с невинными. А.И. Солженицын из этой науки делает вывод: евреи — это все кто хочешь: в ком есть еврейская кровь, или кто ходит в синагогу, или кто сам себя считает евреем, или кого другие считают евреем, или кто евреям сочувствует. Проще сослался бы на генерала Макашова: «Жида — это плохие люди». Для полноты и наукообразия можно было бы так: «Все евреи — плохие люди, а все плохие люди — евреи».

Автор, мудрец и беспристрастный философ, одинаково строго относящийся и к русским, и к евреям (иногда только позволяющий себе простительное восклицание: «Эх! И нам бы так же, как они!»), делает следующие выводы.

1. Угнетения евреев в тех масштабах, о которых принято думать, в России не было. «Тюрьма народов» — это миф, раздутый недоброжелателями России. Евреи всегда жили лучше, чем русские крестьяне. Черта оседлости была в большой степени условной. Правительство не угнетало евреев, а, наоборот, о них заботилось, старалось приобщить евреев к положительным занятиям, к земледелию. Но евреи упорствовали, отлынивали, не хотели садиться на землю, а стремились заняться привычным для них непроизводительным трудом — торговлей, маклерством, винокурением, арендой. Другими словами, ограблением и спаиванием русского народа. Причины разные, но главная — в том, что евреи ни-

когда не чувствовали себя настоящими гражданами России, считай, саботировали, не хотели трудиться по-настоящему, а так, вертелись, чтобы временно перебиться.

Тому факту, что попытка посадить евреев на землю в Новороссии частично удалась, автор не придает большого значения, считая его, по-видимому, нетипичным. Ведь прижились некоторые еврейские хозяйства на юге. За несколько десятков лет эти хозяйства добились высоких урожаев и надоев, в этих хозяйствах выросла еврейская молодежь, с детства привычная к сельскому труду. Даже делегация была в столицу с просьбой расширить площади. Наверное, успехи были бы весомее, но чиновники разрывывали то, что правительство давало еврейским переселенцам на обустройство на пустом месте, а наверх слали отчеты о неспособности евреев к земледелию. Эти отчеты цитирует А.И. Солженицын. К тому же настоящих свидетелей нет — почти всех евреев-крестьян Причерноморья убили немцы в Отечественную войну, а потомки немногочисленных уцелевших еврейских сельских жителей рассеяны по России и по миру.

2. Деятельность евреев наносила России экономический вред. Основные еврейские занятия: торговля вином, контрабанда, посредничество, аренда — приводили к угнетению, экономическому закабалению крестьянства и, конечно, к спаиванию русского народа. Из-за этого правительство пыталось ограничить еврейскую деятельность, уменьшить вред, который евреи приносили России. Но никакие меры не давали прямых результатов, скорее приводили к противоположному — еще большему расползанию зла, потому что евреи любые меры

обходили, честных государственных деятелей обманывали и переманивали на свою сторону, а нечестных чиновников подкупали.

При объяснении смысла полезных для России предприятий, затеянных евреями: развития банковского дела, строительства железных дорог, организации хлеботорговли и торговли лесом и др. — автор книги вскрывает тайные и низкие побуждения, подчеркивает антирусский и проеврейский характер этих предприятий. Иногда, впрочем, отмечая вскользь, что по тем временам дело это было неплохое и жаль, что оно развалилось, когда из него очередным ограничением заставили уйти евреев.

С таким же основанием можно было бы написать, что Третьяков скупал картины русских художников, чтобы разбогатеть, потом оставил галерею городу, чтобы прославиться, а П.И. Щукин обменял свои картины на генеральский чин. Разбору этих обвинений можно посвятить много страниц, а на последней странице небрежно согласиться с тем, что шедевры, собранные братьями Третьяковыми и братьями Щукиными, все-таки приносят пользу родине.

3. Слухи о еврейских погромах сильно приукрашены. Обычно евреи сами провоцировали погромы своей наглостью, богатством, оскорблением святынь. Русское население от погромов страдало больше, чем еврейское, потому что у русских не было оружия, а евреи стреляли в людей, в портреты государя, в уважаемых народом общественных деятелей и членов царской семьи. Правительство никак не замешано в организации погромов (хоть в книгу и просочилось обращение одного деятеля к

своим подчиненным, сделанное во время одесского погрома, что мы, мол, в душе согласны с тем, что надо бить евреев, но помогать погромщикам не должны). Православная церковь стояла (даже на коленях) за евреев, защищала их от громил. И самих же русских за эти погромы судили и наказывали.

Страдания евреев от погромов преувеличивали, особенно надеясь на реакцию богатых зарубежных евреев. Где убили 10 человек, кричали, что погибло 50, говорили об изнасилованиях и глумлении над трупами, а этого просто не было.

Поневоле вспомнишь унтер-офицерскую вдову, которая сама себя высекла.

4. Евреи бегали от военной службы. Хотя и отмечает автор отдельные проявления еврейской храбрости на войне, но в целом роль евреев в войне, в обороне страны — негативная. Кроме того, отставные солдаты, жившие вне черты оседлости, выписывали себе кучу мнимых родственников, чем разрушали здоровый и спокойный быт свободной от евреев местности. В Первую мировую войну евреи-солдаты перебежали на сторону противника или дезертировали, евреи-поставщики воровали, евреи — жители прифронтовой полосы шпионили, за что их выселяли и брали из них заложников (автор признает, что выселяли бессистемно и бездарно). Евреи, жившие в странах-союзниках, подрывали авторитет России.

Мой отец воевал в Отечественную войну с первого до последнего дня, мой дед воевал в Первую мировую унтером, а в Отечественную — ополченцем и был контужен и на той войне, и на этой. Мой прадед родился в Кронштадте в солдатской семье. Все знакомые моих родителей, и евреи, и русские, воевали,

никто в тылу не подъядался. Так что про мой еврейский род А.И. Солженицын пишет неправду.

5. Огромный вред приносили евреи России во внешней политике. Преувеличенные слухи о притеснениях русских евреев возбуждали антирусские настроения в Европе, мешали проведению сбалансированной политики. Еврейские банкиры отказывали в кредитах, мешали сближению России с Западом.

6. Революция — чисто еврейское дело. Ушедшая от еврейства и не пришедшая никуда еврейская молодежь раскачивала существующий строй. Евреи заставляли рабочих бастовать, стремились превратить требования об увеличении зарплаты в революцию. Принуждали рабочих бунтовать по-настоящему, строить баррикады, стрелять. А русские рабочие были недовольны только условиями труда и, если бы не подзуживание евреев, возможно, договорились бы с хозяевами. Для евреев же главное было — поджечь чужой дом — Россию. Ради такого поджога еврей-революционеры могли выступить и с антиеврейскими призывами.

Герберт Уэллс писал в «России во мгле», что в русской революции много евреев, но подчеркивал, что борются они не за еврейскую идею. Спектр интересов, приведших людей в революцию, необычайно широк. Шли от бедности, от богатства, от чистоты души и светлых устремлений, от подлости, от горя и от радости. Получались тираны, кровопийцы, герои, полководцы, провокаторы, кто угодно. Причем каждому еврею можно поставить в соответствие русского или грузина, который ничем не лучше или не хуже.

В дальнейшем или вычеркивали евреев из истории революции, говорили, что их в революции не

было, а был только иуда Троцкий (это когда революция считалась хорошим делом), или, как А.И. Солженицын, усиливали роль, говорили, что вот они-то кашу и заварили. Исследуя причины такого сложного явления, как русская революция, столь настойчиво тянуть еврейскую нитку бессовестно. Тем более что существуют более авторитетные мнения. «Евреи не внесли решительно ничего нового, своего, не обнаружили не малейшей инициативы, никакой оригинальности: они только легко усваивали выработанные христианами понятия, идеи, привычки». Так писал Л.Г. Дейч, один из первых русских марксистов, в книге «Роль евреев в русском революционном движении» (ГИ: М.—Л., 1926).

7. Еврей — агент, представитель еврейства. Русский может быть великим человеком, может совершить благородный, героический поступок, может работать во благо родины, но может быть и подлецом, предателем, пьяницей. Русского можно наградить или наказать. Русский — это отдельный человек. Еврей только выполняет задание. Если еврей играет на скрипке, то «да, действительно, еврей музыкальный», если еврей не стал пахать, то «еврей не годятся для этого дела», если еврей не хочет креститься, то «евреи сохранили обособленность», если еврей крестился, то «евреи — конформисты». Во всяком деле нужно найти хоть одного еврея, а дальше можно смело объявить любое дело еврейской затеей. Даже если еврей прославил Россию, то «да, еврей талантливый, но полностью доверять им нельзя, потому что они, маскируясь, служат своему еврейству».

Если поверить А.И. Солженицыну, то я не существую. Моя душа, единственная в мире, не принад-

лежащая никому, кроме моих любимых людей, ничего не стоит. Про меня можно сказать только, что некоторые евреи совершенно не имеют музыкального слуха и что многие евреи носят очки.

Хорошо, что Солженицын начал исследование с 1795 года. Начни он на две тысячи лет раньше, от него бы не укрылись тайные еврейские намерения самого известного деятеля первых лет первого тысячелетия, отдавшего себя во спасение человечества.

8. Евреи — везде. Стоит чуть ослабить контроль, они тут же набегают. Захватили поставки в армию, скупил, сгноили, продали за границу, взвинтили цены. Дороговизна военного времени — во многом из-за них. Правда, отмечает автор, русские откупщики воровали так же (но эти-то воровали свое, а те — чье?). Разрешили детям воинов поступать в высшие учебные заведения, так сразу троюродные племянники всех тыловых крыс заполнили университеты, в частности заняли места студентов-патриотов, добровольно ушедших на фронт. Евреев-студентов стало где половина, где 80 %.

Бывшие жители ГДР после объединения налегали на бананы, еще бы немного, и оставили бы они всю Германию, весь мир без этого полезного и вкусного продукта. Беда! Но обошлось, поели-поели и наелись, теперь не отличаются от других немцев. Может, и тут... Но не оставляет А.И. Солженицын такой надежды. Нет, не наедятся, дай только волю, и они всю Россию захапают.

9. Все причины активного участия евреев в русской революции приводятся крайне несимпатичные: упадок торговли, а евреи ничего другого не умели делать, нежелание идти на фронт, нежелание вернуться в те места, откуда их выселили, боязнь от-

казаться от роли штрейкбрехеров (работа в административных органах), стремление отомстить русскому народу за притеснения (работа в карательных органах). Тут и Б. Пастернаку достается за узость взглядов. Тут же спорный тезис о том, что иудаизм близок к большевизму, а православие — противоположно. Поэтому, мол, евреям в революции вольготнее. Сюда бы добавить высказывание Г.А. Зюганова, что Иисус Христос был первым коммунистом, тогда уж ни за что не сведешь концы с концами.

10. А.И. Солженицын навязывает читателю мысль о непреодолимости границы, отделяющей евреев от человечества. Исследует, делит ассимиляцию на культурную, бытовую и прочую, которую еще можно признать. Но уж в душе еврей — все равно еврей, как бы ни маскировался. Но не только русские не должны растворять в себе евреев, но и хорошие по-солженицынски евреи должны соблюдать дистанцию. Приводится цитата: «Унизительно уповать на власть, чтобы она защитила от не любящего тебя народа, унизительно исходить благодарностью к лучшим, достойнейшим представителям этого народа за то, что они замолвили за тебя слово». Примените эти слова к любой житейской ситуации, и станет ясна их нелепость.

Мне кажется, что если вот так кратко записать основные тезисы книги А.И. Солженицына «Двести лет вместе», то опровергать их особенно не нужно, и так все ясно. В книге эта суть скрыта в огромном количестве ссылок, цитат, странных, не сразу читаемых фраз, оговорок, искаженных слов и рассуждений вроде таких: может ли еврей радоваться успехам своей страны России и огорчаться от ее неудач и что еврей при этом имеет в виду.

У меня есть знакомый (не еврей, не русский), страдающий тяжелой болезнью. Человек он умный, образованный, но слишком самостоятельный, поэтому пытается лечиться от своей болезни сам. Он обратился через Интернет во Всемирный институт здоровья, или Мировую академию самолечения, в какое-то такое виртуальное учреждение, точного названия я не знаю. Описал признаки болезни и попросил совета. Ему пришел пространный ответ, который он дал мне прочитать. В документе содержалась россыпь медицинских, биологических и химических терминов. На двух страницах описано, как свободные радикалы переходят в аминокислоты, а молекулы проникают сквозь оболочки, от этого сердце бьется ритмичней, легкие дышат свободней, почки работают лучше. А причина — в этих радикалах и молекулах, и это ясно любому здравомыслящему человеку. Только у врачей официальных медицинских учреждений «не хватает ума это понять». Так и было написано. Потом, конечно, советовали купить их лекарства за хорошие деньги. Написал этот документ классический современный знахарь. Я листочки вернул знакомому и посоветовал не связываться.

Сходство удивило. Уж очень знахарский документ походил по стилю на книгу «Двести лет вместе»: всеми силами доказать то, чего нет, но в чем сам автор хочет быть уверен. А такое у Солженицына есть, хочется ему подогнать факты, ссылки, документы под заранее придуманную теорию. Я сам слышал, как он рассказывал по телевизору, что его сыновья — настоящие русские. А его сыновья на самом деле — настоящие американцы, и по виду, и по речи.

Зачем Солженицын написал эту книгу? Хотел привлечь к себе внимание, раз мало стали к нему прислушиваться, раз не удалось стать пророком, Львом Толстым? Может, со дна души у него поднялось то, что было всегда, но в такой степени не выходило наружу? Не знаю, не мне судить. Но книжку я прочитал, а таких немного среди тех, кто ее купил. Душная книга.

ТАЙНЫЕ СИЛЫ ЗА СПИНОЙ ВЛАСТИ

РЕЦЕНЗИИ

*Рецензия на книгу М. Полторанина
«Власть в тротиловом эквиваленте.
Наследие царя Бориса». «Частный
корреспондент» от 02.07.2011 г.*

Михаил Никифорович Полторанин, партийный журналист, сделал хорошую карьеру. Мальчик из Восточного Казахстана прошел ступени карьерной лестницы в местной прессе и стал спецкором «Правды». Работа, как он сам пишет, была хорошая. Спецкор выбирал на карте Союза точку и получал туда командировку. На месте помогал наладить производство, разоблачал очковтирателей, способствовал восстановлению на работе несправедливо уволенных директоров или, наоборот, добивался наказания прохиндеев всех рангов. Занимаясь этой благородной деятельностью, даже борясь с отдельными указаниями высшего руководства, Полторанин все же был уверен, что страна управляется мудрецами, государственными людьми (тогда они назывались ЧПБ — члены Политбюро ЦК КПСС).

Началась перестройка, и судьба подбросила Полторанина на самую вершину власти, внедрила его в общество этих небожителей — без особого к тому стремления самого Михаила Никифоровича. Пообщавшись с вершителями судеб, Полторанин пришел в изумление — никакие они не государствен-

ные люди, ничего в них отличительного нет, кроме дурного темперамента. Главное недоумение у новоиспеченного государственного деятеля Полторанина вызвало несоответствие руководителей стоящим перед ними задачам: они не только не могли их решить, но и не понимали условий.

Весь опыт предыдущей жизни не позволял Полторанину верить в заурядность высших руководителей страны. Наверное, они не свои, а засланные, решил Михаил Никифорович. А кем засланные? Русский политик имеет одну цель — за народ пострадать, а эти хотят власти, славы и денег в порядке, определяемом тем самым дурным темпераментом. Одному нужно больше славы и международного признания, другому — больше власти, третьему — денег. Значит, поставили их не русские, а... Нет не евреи, а иудеи. Мировое правительство, в котором может быть и русский, и татарин, но только обязательно иудейского вероисповедания, так пишет М.Н. Полторанин. Этот самый сложный тезис Полторанин придумал, чтобы его не обвинили в антисемитизме. Опять же, никакой он не антисемит, раз дружил с Львом Рохлиным и другими уважаемыми евреями. У Дэна Брауна — «Опус Деи», у Полторанина — «Бнай Брит», там — новые тамплиеры, тут — жидомасоны. У Даллеса, говорят, тоже был враг — тайная организация ДОСААФ. ЦРУ засылало туда шпионов, но не могло раскрыть секрет.

В соответствии со своей фундаментальной догадкой Полторанин вскрывает тайные пружины всех событий последних двадцати лет. Доказывает, что Гайдар и его команда — сплошь агенты (особенно сильно достается в книге Петру Авену). Ну, с этими все прозрачно. Очевидные агенты, и фамилии у них

самые шпионские. Но ведь и на Кавказе агенты! Там не все агенты так явно видны. Большая часть книги посвящена доказательству, что чеченские сепаратисты управляются той же иудейской организацией. Тут автору пришлось подумать, ведь связать вайнахов с авербахами сложно. Но, введя посредничество Турции, Полторанин смог это сделать.

Полторанин во многих событиях 80-х и 90-х годов участвовал лично, помнит то, что другие уже забыли, поэтому далекому от политики человеку по эпизодам спорить с ним трудно. Но по общему ходу нашей истории этого периода видно, что причинами всех бед являются низкая квалификация и воровство. В частности, низкая квалификация избирателей, которые выбирают таких политиков и верят таким писателям, как Полторанин.

Сейчас, когда широко отмечается 80-летие М.С. Горбачева, оживилось обсуждение событий 80-х и 90-х годов. Интересно, что с дистанции лет можно увидеть в происходившем тогда последовательность событий, управляемую руководителями. Даже сам Михаил Сергеевич теперь говорит понятным языком, хотя за все время, пока был у власти, не сказал ни одной понятной фразы. Сейчас он объясняет, что то-то и то-то он сделал, чтобы избежать большой крови, то-то, чтобы не было хаоса в экономике, то-то, грешен, нужно было сделать раньше, но жалко было людей, поэтому не решился. В действительности государственного управления, имеющего внятную цель, не было, а был сумбур, точно описанный Полтораниным. Например, в августе 1991 года сам Полторанин у телефона работал за все сбежавшее правительство Силаева, сыновья его, не найдя отца, мокли под дождем на баррикадах, а Ельцин пьянствовал в подвале.

Теперь, через двадцать лет, это называется защитой Белого дома. По другим эпизодам было то же самое, а теперь серьезно рассуждают, правильны ли были принятые решения. Как будто учителя обсуждают сочинение ученика, а на листочке-то ничего не написано.

Полторанин ищет тайный смысл в том, что произошло со страной, ищет заговор, тайные цели. Почему же ни он, ни кто-то другой не обращает внимания на явные цели наших лидеров? Эти цели видны всем, они достигнуты. М.С. Горбачев — популярнейшая фигура в мире, лауреат Нобелевской премии, лекции читает во всех странах, фонды создает. Это — слава. Б.Н. Ельцин стал первым лицом новой России, получил огромные возможности, вертел как хотел, пока не надоела ему эта «текучка». Тогда он все больше переключался на «работу с документами». Настолько, что из самолета не мог выйти для встречи с лидером чужой страны, и сошло с рук, ничего ему за это не было. Это — власть. Другие тянут нефть и газ и трамбуют площадки за рубежом под будущее житье. Это — деньги. Может, и были у наших лидеров романтические порывы ко благу России, в которые они сами верили, особенно когда «пудрили мозги» населению. Но в практических их действиях видны только интриги, внутренняя борьба и личный интерес. А, по Полторанину, низменные устремления руководителей являются явным признаком деятельности тайных организаций.

Полторанин признается в своей книге, что подрабатывал тем, что писал программы кандидатам в депутаты, не имеющим программы (то есть ворами и честолюбцам). Пока пролезают в депутаты и нами правят люди без программы, Россия и так не возродится, тайные организации могут спать спокойно.

САМЫЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на книгу Б. Фрезинского
«Об Илье Эренбурге. Книги, люди, страны».
Журнал «Знамя» № 2 (февраль 2014)

Имя Ильи Григорьевича Эренбурга теперь слегка забыто, потому что романов, повестей, рассказов и статей его почти не читают, стихов совсем не читают, а жизнь его между Москвой и Парижем не кажется удивительной в наше время. А фигура была очень колоритная, без Ильи Эренбурга нельзя понять историю советской литературы, да и вообще советскую историю. Поэтому я с удовольствием раскрыл книгу Бориса Фрезинского «Об Илье Эренбурге. Книги, люди, страны», Новое литературное обозрение, М., 2013. Это прекрасно изданный сборник объемом 900 страниц.

Илья Эренбург родился в Киеве в русскоговорящей еврейской семье. Он был избалованным ребенком, плохо учился в школе и стал революционером в 15 лет. Илья был таким большим бунтовщиком, что пришлось его отцу, купцу, освобождать сына из тюрьмы под залог и отправлять его в Париж. (В книге написано, что в Москве Эренбург-старший стал купцом 1-й гильдии, стр. 10.) Залог пропал, потому что Илья не приехал на суд из Парижа.

В Париже Эренбург быстро нашел кафе, в котором собирались большевики, влился в их кружок и получил от Ленина прозвище Ильи Лохматый. Картина из жизни русских политэмигрантов в Париже, написанная Ильей Эренбургом: «Сорок унылых эмигрантов с печатью на лице нужды, безделья, скуки слушали его [Ленина]...» (стр. 15). Нам объясняли по-другому, мол, работали политэмигранты в поте лица на благо народа, да-с, батенька... Жизнь на родительские или на партийные деньги, полная интриг и лени, не понравилась 18-летнему революционеру, и он отправился в Вену, где стал помогать Льву Троцкому. Как он потом уцелел в СССР?!

Все у Ильи Эренбурга началось очень рано и развивалось стремительно. К 19–20 годам он уже несколько разочаровался в революции, кончился социал-демократический этап парижской жизни (1908–1909) и начался литературно-богемный этап (1910–1917). Жизнь Эренбурга была теперь наполнена любовью, самообразованием и стихами. Он был прекрасно образованным (самообразованным) человеком, но не окончил ни гимназии, ни университета, о чем жалел всю жизнь. Стихи юноши заметили, Эренбурга поддержал Валерий Брюсов. Эренбург лично знал поэтов Серебряного века: Марину Цветаеву, Осипа Мандельштама, Велимира Хлебникова, Владимира Маяковского, Михаила Кузмина. Он стал одним из них. Максимилиан Волошин писал пародии на Эренбурга. В одной из своих статей о русских поэтах Волошин объединил Блока и Эренбурга. Волошин считал Эренбурга поэтом выше себя... Все — таланты, все знакомы друг с другом! Анализу стихов Ильи Эренбурга посвящен важный раздел книги, в котором много цитат и ссылок. Во

многих его стихах — диалог, спор с коллегами-поэтами, многих из которых читают и сейчас, через 100 лет. Такое было время — расцвет поэзии, всеобщий интерес к стихам, сообщество поэтов, и юный Илья Эренбург стал членом этого сообщества.

Илья Эренбург вернулся в Москву в 1920-м, посидел во внутренней тюрьме ВЧК, как агент Врангеля, но был освобожден трудами будущих «врагов народа» — Николая Бухарина и Льва Каменева и направлен в загранкомандировку для работы над романом «Хулио Хуренито». Жил в Париже, раз в несколько лет приезжая в Москву.

Борис Фрезинский так описал «идеальную модель», которую построил себе Илья Эренбург: «Жить в Париже с советским паспортом, свободно писать об изъянах Запада и по возможности правдиво об интересном в Советской России; печататься в СССР, где читательская аудитория огромна и наиболее привлекательна, но и на Западе... где интерес к советскому феномену обеспечен». «Идеальная модель» хоть и давала сбои, но продержалась десять лет. В начале 30-х годов Эренбург сдался властям, стал советским писателем, членом президиума Союза советских писателей, писал о стройках пятилетки, участвовал в войне в Испании.

До 1937 года продержался, потом опять его положение покачнулось. Эренбург полгода провел без заграничного паспорта в Москве, ожидая ареста, присутствовал на процессе Бухарина, но сумел опять вырваться в Европу после личного обращения к Сталину. Однако печатать Эренбурга почти перестали. И он снова стал писать стихи, все об испанской войне.

Вторая мировая война, зверства немцев в Европе, затем Великая Отечественная война, чудовищные

зверства врага на нашей территории произвели переворот в литературной судьбе Ильи Эренбурга. Он стал ведущим советским публицистом, даже первым публицистом антигитлеровской коалиции. Отмечу, что это — точная оценка: некоторые современные читатели, не читавшие стихов и романов Эренбурга, знают его публицистику времен войны.

После войны Илью Эренбурга направили в США советским пропагандистом периода «холодной войны». Поэтому его не стали разоблачать в статьях против Зощенко и Ахматовой. Хотя первоначально книга стихов Эренбурга «Дерево» была упомянута в одной разгромной статье, но ее вычеркнули, по мнению Бориса Фрезинского, из-за отсутствия автора в СССР. Также не попал он в кампанию борьбы с «космополитами».

После смерти Сталина Илья Эренбург написал «на чистом листе бумаги... название новой повести. Это слово облетело весь мир и в итоге стало общепризнанным названием наступившей эпохи — Оттепель» (стр. 71). Была ли тогда эта «оттепель»? Сажать и расстреливать стали меньше, но сажали в этот период не только кукурузу, и расстреливали достаточно, в частности, и по законам, принятым задним числом. Главное, в народе остался страх, что в любой момент власть может сделать с тобой, что угодно. В начале следующего, брежневского периода была «оттепель» потеплее: пятидневная рабочая неделя, Театр на Таганке, «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова в журнале «Москва». Мне кажется, Борис Фрезинский тоже не находит, что в этот период советской истории было очень «тепло». Также сомнения по поводу «температуры» в этот период оставили Борис Слуцкий в стихах и

сам Никита Хрущев в воспоминаниях. Их высказывания приведены в книге (стр. 278). Тем не менее термин «Оттепель» — самое популярное в мире произведение Ильи Эренбурга, более известное, чем публицистика, стихи, романы «Буря», «Хулио Хуренито». Название это прижилось настолько, что его без всяких комментариев используют для обозначения хрущевского периода правления. Наглядный пример удачного названия, вовремя данного историческому периоду талантливым человеком.

В соответствии с названием первой части «Книги» вслед за жизнеописанием Ильи Эренбурга следуют очерки о каждом романе писателя. Большой очерк посвящен «Черной книге» об уничтожении евреев в СССР. Отмечу, что в процессе борьбы за издание книги Илья Эренбург «поместил в «Знамени» несколько отрывков» (стр. 249). Также в «Знамени» (№ 10 1953 г.) напечатана «послесталинская» статья «О работе писателя» (стр. 269). Большой очерк посвящен также повести «Оттепель», дискуссии о ней, в которой участвовали Константин Симонов, Михаил Шолохов и другие известные деятели того времени.

Много внимания в первой части книги уделено литературной жизни, борьбе писателей между собой под руководством Идеологического отдела ЦК КПСС, приведены инструменты этой борьбы. Например, записки, указывающие, на каком уровне рассматривать вопрос о публикациях произведений Ильи Эренбурга: в ЦК КПСС или в редколлегии журнала «Новый мир» и подобное, представляющее интерес для исследователя. Завершается первая часть разделом, посвященным книгам об Эренбурге.

Вторая часть книги «Люди» имеет более хроникальный, справочный характер. Автор сообщает о

встречах Ильи Эренбурга с людьми, оказавшими влияние на его судьбу, или с теми, на кого он сам повлиял или кому помог. Приведено много писем и других исторических документов. Эта часть книги — как послойный срез истории века. В первом разделе приведена «параллельная биография» тезки и кузена Ильи Эренбурга, рано погибшего художника Ильи Лазаревича Эренбурга. Герои последующих разделов более известны читателю: Валерий Брюсов, Анна Ахматова, Осип Мандельштам, Борис Слуцкий. Описаны связи с людьми, о которых без этой книги нельзя было бы узнать. Например, помещена переписка Ильи Эренбурга с Анной Ахматовой по поводу судьбы Виктора Ардова. Ведь Илья Эренбург был «большой человек», к нему обращались за помощью. Очень интересно подробное описание позиции Ильи Эренбурга в период процесса над Юлием Даниэлем и Андреем Синявским.

Был еще один человек, который писал открытые письма Илье Эренбургу, и о котором в книге не упоминается. Это разведчик и журналист Эрнст Генри. Он считал, что Илья Эренбург в воспоминаниях «Люди, годы, жизнь» охарактеризовал Сталина как «великого злодея». Эрнст Генри в своих письмах доказывал, что ничего великого в этом злодее не было. Письма широко ходили по рукам. Теперь существуют разные оценки сталинской эпохи, а тогда это было внове.

В третьей части книги «Страны», в которой автор назвал Илью Эренбурга профессиональным путешественником, написано: «Эренбург — самый европейский из писателей советской эпохи». Это очень важное определение. Благодаря своей известности в Европе, своему знакомству почти со всеми выда-

ющимися деятелями мировой культуры середины XX века Эренбург уцелел. Конечно, тут и везенье — несколько раз вовремя уехал из страны. Конечно, тут и умелое поведение писателя в критические моменты — в книге бывшего министра иностранных дел Бориса Панкина «Пресловутая эпоха» есть рассказ о том, как, ожидая ареста, Эренбург инициировал собственный юбилей, и арестовывать юбиляра в тот раз не стали. Но была и потребность руководителей страны в таком европейском человеке. Итак, третья часть книги — новый, географический «срез» необычной жизни.

Сначала, конечно, Париж. В этом разделе — история, как Илья Эренбург стал частью европейской культуры, обрел тот образ, в котором пробыл всю жизнь. Подробно рассказано о знакомстве с парижской богемой, с поэтами, с художниками.

Далее — Германия, Италия, Испания, Англия, Скандинавия. Каждый раздел — интересная самостоятельная статья. «Европейский калейдоскоп».

Опечаток в книге почти нет, есть несколько «блох». Заметил «Берю» вместо «Берию» (стр. 276). Москва была центром сталинского террора, а не «эпицентром» (стр. 56). Общепринятый штамп просочился в хорошо написанную книгу.

СТАТЬИ

ТРИ РУСЛА ДЛЯ УТЕЧКИ МОЗГОВ

GZT.RU от 04.08.2010 г.

Проект «Возвращение бывших российских ученых домой» не затух. Наоборот, он продолжает развиваться, т. е. сосет деньги из казны.

Кого и как собираются возвращать?

Я запомнил интервью, которое дал академик А.А. Абрикосов, живущий в США, российскому телевидению, когда ему присудили Нобелевскую премию по физике (вместе с В.Л. Гинзбургом и американским ученым Тони Леггеттом). На вопрос о том, как он относится к поздравлениям руководства России, Абрикосов ответил, что у него другая страна, другой президент и далее в том же духе. После такого интервью упоминаний об этом нобелевском лауреате в нашей прессе стало меньше. Академик А.А. Абрикосов не вернется.

Группа бывших российских, а ныне зарубежных ученых написала открытое письмо о том, что нужно срочно принимать спасительные меры, иначе науке в России конец. Они не так радикальны, как академик Абрикосов. Они чувствуют душевную связь с российской наукой, считают себя обязанными помочь ученым, работающим в России. Это единственная причина, побудившая ученых написать письмо. Но эти талантливые люди не собираются возвращаться.

Каким образом намереваются возвращать таланты из-за рубежа авторы проекта? Предлагать те же условия жизни и работы, от которых они уехали? Не поедут. Пообещать исключительные условия, отличающиеся от условий никуда не уезжавшего коллеги? Несправедливо, обидно для коллеги, порождает нелепое положение.

Подсчитали вернувшихся ученых и опубликовали следующие данные. Намечали вернуть 300 000 человек. Вернули 15–20 тысяч, 5–7 % от «плана». А от общего количества российских ученых, уехавших за рубеж, — еще меньший процент. Что это за цифры, являются ли они свидетельством некоторого успеха авторов проекта? Думаю, что нет. Несколько процентов обратного потока вполне могут быть присущи такому сложному процессу, как переселение тысяч людей. Кроме того, считали вернувшихся ученых люди заинтересованные в том, чтобы процент был высокий. Так что эти данные не являются статистически достоверными. Если ученый решил вернуться домой в Россию, он сам договорится, вернется и будет работать дома. Значит, у человека есть для этого причины. Проект тут ни при чем.

Второе русло

Конечно, уехавших ученых много, но не обманывайте себя, не переселение специалистов в другие страны определяет разрушительное, аварийное для России явление «утечки мозгов». Эмигранты в силу бытовых, организационных, психологических трудностей не могут составлять большинства утекших из российской науки людей. Не от того, что вы выпили кружку воды, пруд обмелел, а от того, что вода ушла в песок.

Основная утечка мозгов происходит внутри страны. Выпускники вузов не идут работать по специаль-

ности, а идут в менеджеры (в том числе в «менеджеры по влажной уборке», по-старому, в уборщицы). Правда, следует отметить, что многие выпускники современных бесчисленных университетов и академий по специальности работать не могут, подготовка слабая.

Дипломированный специалист (учитель, врач, инженер, научный работник и т. д.) получает маленькую зарплату, имеет низкий статус в обществе, плохие условия труда. Не слушайте министра, заявляющего, что средняя зарплата учителя такая же, как у министерского чиновника. У чиновника есть еще кое-что кроме зарплаты. У банковского служащего тоже есть (в связи с кризисом все узнали, что это называется «бонусом»). Поэтому учителя воспитывают неучей, наша техника все больше отстает от зарубежной, наши лекарства хуже иностранных и т. д., и т. п.

Причина не в том, что гении уехали, а в том, что масса способных работников не трудится на стройках, на заводах и в больницах, а предпочитает бумажки перекладывать в офисах, ведь это и доходней и престижней. Не нужно заботиться об уехавших специалистах, они уже уехали. Позаботьтесь о тех, кто здесь. Инженер должен быть важнее клерка, учитель — важнее служащего, врач — важнее посредника. Иначе никто не пойдет учиться на инженера, учителя, врача, или учиться будет плохо, все равно без толку.

Это русло утечки мозгов «более полноводное», чем зарубежное, и из него как раз легче кое-кого вернуть в науку и технику.

Откуда брать утекающие мозги?

Если какой-то талантливый физик уехал в США, а какой-то талантливый инженер ушел работать инспектором ГИБДД, это было бы не так страшно, если бы других талантливых физиков и инженеров

было много. Но их мало, им неоткуда взяться. Только отдельные средние школы, только отдельные университеты стараются «держат планку». Там учатся потрясающие дети («умники и умницы»), там готовятся блестящие молодые ученые и специалисты. Но, к сожалению, общий тон задают не они. Выпускники школы не знают русской и зарубежной литературы (зато подробно изучают «Простоквашино» и «Властелина колец»), не представляют общего хода истории, даже недавней, не умеют устно считать, не имеют понятия о черчении и т. д. Выпускники университетов не собираются работать по специальности, к тому же и не знают по своей специальности ничего. Если их за молодость и природную смекалку берут в солидную фирму (зарубежную, но работающую в России), то их, инженеров, сначала обучают простой операции, как школьников. При такой постановке образования и профессиональной подготовки в бесчисленных университетах мозгов готовится мало и утечка в любых масштабах губительна для страны. Это третье, самое мелкое, но широкое русло, по нему мозги не протекают, а прокисают в образовавшемся болоте.

Утек два раза

Я много лет проработал на предприятии. Дела шли хорошо, но в известный период на мою повышенную инженерную зарплату стало невозможно кормить семью. Я утек из профессии деньги зарабатывать.

Однако без любимой профессии было скучно, поэтому я стал преподавать в университете. Кафедра, некогда славная участием в самых разных разработках — от первых спутников до аппаратуры для полярных экспедиций «Комсомольской правды», деградировала. Заведующий и преподаватели пло-

хо знали специальность и ни в каких разработках участвовать не могли, но брали со студентов деньги за экзамены. Мои попытки вернуть кафедре былой уровень не нашли понимания. Кафедра хотела сохранить status quo. Борьба была неравной: я не рисковал ничем (полставки профессора, которую мне платили, я тратил на бензин от дома до университета), другие рисковали всем. Я утек второй раз.

Оба раза мои мозги утекли из профессии без пересечения государственной границы. Мне удалось попробовать оба русла: первый раз ушел от нищенской зарплаты, второй — от фиктивной системы образования.

Многие мои коллеги, бывшие ученые и инженеры, тоже утекли из профессии, даже утекли за рубеж, но тоже, не пересекая границы. Один создал книготорговую фирму, другой работает в китайской фирме, производящей игрушки и т. д. Вот кого можно вернуть, не вкладывая миллиардов, вот где пропадающий научный потенциал! Но авторов проекта «Возвращение...» эти люди не интересуют.

Закройте проект!

Не надо больше работать по этому проекту. Не потому, что уехавшие ученые не нужны России, а потому их вернуть нельзя. Если кто-то хочет вернуться домой и работать здесь, то нужно помочь, создать условия. Но массового возврата не будет.

Истратьте выделенные деньги на изменение положения ученых и специалистов внутри страны и измените систему общего и специального образования. Быстрого результата не будет, но отдаленный результат гарантирован. В проекте «Возвращение...» результата не будет ни сразу, ни потом. Деньги просто украдут.

ГОЛОВЫ ДЛЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

СТАТЬИ

GZT.RU от 31.08.2010 г.

Суть статьи «Три русла для утечки мозгов» состояла в том, что специалисты уходят из российской науки, техники, медицины в основном, не в дальние благополучные страны, а в российские же торговые предприятия, российские банки, в милицию, становятся нянями и уборщицами. Т. е. выбирают более оплачиваемые и востребованные на родине профессии. Многие же выпускники высших учебных заведений вообще специалистами не являются, потому что ничему не учились, а пять лет носили взятки за экзамены, курсовые и проч. Эти два русла для утечки мозгов значительно шире ручейка, по которому таланты утекают за рубеж. Заканчивалась статья призывом закрыть проект «Возвращение российских ученых, уехавших работать за рубеж», и позаботиться об оставшихся, в том числе — о будущих специалистах.

Как позаботиться? Что нужно делать, чтобы Россия обрела научное величие, которое было у СССР?

Прежде чем браться за эту задачу, следует понять, что в ближайшие годы добиться значительных результатов не удастся.

Изменились условия квалифицированного труда. Советский молодой специалист распределялся на предприятие, отрабатывал три года, потом мог перейти на другое такое же предприятие, мог не переходить. Найти подработку по специальности было трудно. Уехать в другую страну было нельзя. Были «пасы в сторону»: надеть погоны с разноцветными просветами, пойти в торговлю. Это для немногих. Большинство же специалистов знало, что нужно хорошо работать на своем рабочем месте, тогда будешь зарабатывать и расти по службе. Так думали многие, так было принято, что называется, «по умолчанию». Все остальные пути считались негласными и нечестными. Вот и работали, совершали открытия, делали изобретения, защищали диссертации, становились мастерами. Выпускник Московского физтеха место в банке не искал.

Теперь другая ситуация. Потенциальные ученые, многие из них уже кандидаты наук, бросают науку и начинают заниматься финансами, ценными бумагами, работают в страховом бизнесе за такую зарплату, которая докторам наук и не снилась. Их места в науке занимают другие, менее сильные. «Бросать силы на приоритетное направление», командовать наукой в условиях социализма было проще, чем теперь. Есть, конечно, математик Григорий Перельман, но остальные, умеющие работать, от миллиона не отказываются!

Изменилась подготовка специалистов. Обычный советский студент, выполнивший самостоятельно курсовые работы, написавший дипломную работу, выступивший с докладами на студенческих конференциях, представлял собой хорошую заготовку для формирования специалиста. Были болваны, но их было меньшинство.

Теперь молодой человек может окончить университет, не зная ничего. Не только по специальности, но и вообще ничего. Ко мне на экзамен никогда не приходило больше полгруппы, а однажды пришли всего три человека, остальные сдали деньги. Я на экзаменах не зверствовал, если студент вообще ничего не знал, все равно, ставил «тройку». Но для этого со мной на экзамене нужно было поговорить по билету: меня послушать, самому что-нибудь сказать или кивнуть головой в такт, выдержать несколько минут диалога на тему, заданную экзаменационным билетом. Для большинства студентов это было тяжело, непривычно, лучше, как обычно, деньги отдать!

Большинство современных студентов говорит междометиями и не может сосредоточиться, собраться на 5–10 минут. Боюсь, что мне не поверит здравомыслящий человек, не связанный с современной высшей школой. Самостоятельные работы покупаются или скачиваются из Интернета. Все обучение фиктивное, фальшивое, только бланк диплома настоящий.

Имея такое положение в науке и образовании, ни в коем случае нельзя сейчас вкладывать крупные средства ни в какие проекты, например, в проект «Возвращение...»

Желая остановить распад науки в России нужно действовать потихоньку, идти малыми шагами, не требующими больших денег, тщательно и объективно оценивая последствия каждого шага. И продолжать, делать следующий шаг, только в том случае, если будет достигнут успех на предыдущем.

Первым таким шагом должно быть большое сокращение приема в вузы. Например, в 2 раза, начиная с 2011 года. Нужно прекратить массовую

подготовку фиктивных специалистов с настоящими дипломами. Пусть исчезнут фальшивые университеты, академии и фальшивые факультеты настоящих вузов! Никого выгонять не надо. Кто поступил, пусть доучится, а преподаватели сами «сократятся» вследствие преклонного возраста. Но набор первокурсников — новых кандидатов в дипломированные неучи следует решительно прекратить.

Ссылки на потребность общества в большом количестве специалистов несостоятельны, общество не может нуждаться в неучах на должностях специалистов.

Да ведь и нет возможности выучить столько специалистов — количество мест в вузах превышает количество выпускников школы, которые по своим способностям и уровню школьной подготовки в состоянии выучиться на специалиста высшей квалификации: физика, инженера, врача, учителя, историка и т. д.

Какие вузы сокращать? Многие знают «где не учат ничему». Формальный критерий можно придумать. Например, определить, какая часть выпускников вуза последних лет работает по специальности. Сокращение не потребует больших затрат, и даже даст возможность высвободить специалистов и деньги.

Сокращение должно сопровождаться улучшением условий учебы и преподавания, ростом самостоятельности университетов. Может случиться, что кто-то из уехавших за рубеж специалистов захочет вернуться на родину и работать в обновленном университете.

Помочь в этом деле могли бы книги и фильмы про врачей, инженеров, ученых. Нужно объяснить молодому человеку, что эти люди очень важны для страны, что успешный квалифицированный труд

делает человека счастливым, что специалист может заработать деньги для жизни на достойном уровне.

Если через несколько лет окажется, что вследствие этого первого шага дети стали лучше учиться в школе, студенты стали лучше учиться в университетах, преподаватели стали лучше преподавать и заниматься научной работой, окажется, что появились научные результаты, можно сделать следующий шаг — уничтожить губительную для образования систему платного обучения в вузах. Призыв «Твои родители заплатили деньги, ты должен стараться оправдать их затраты!» мало кого увлекает. Большинство студентов учатся по правилу: «Я заплатил за учебу, ставьте мне зачет! Да и куда вы денетесь? Неужели потеряете платного студента?!» Платные студенты развращают бесплатных (бюджетников). Эти тоже хотят отдать деньги и не мучиться над учебниками.

В истории России есть примеры, когда хорошие проекты не заканчивались ничем, потому что разрывались деньги, выделенные на проект. От проваленного проекта в учебнике истории оставалась фраза: «Проект не пошел, потому что...» И приводилась причина, которую казнокрады придумали, чтобы скрыть свое воровство. С возрождением науки может получиться то же самое. Злопыхатели скажут, что нечего было пыжиться, а доброжелатели загрустят, а потом предложат новый затратный проект.

Теперь, когда реализуется несколько крупных проектов, которые привлекают большие силы и средства, необходимо упорядочить, организовать, привести в порядок научный и «преднаучный» потенциал страны, чтобы, когда крупные проекты закончатся, было бы на кого опереться.

КАК ЗАИНТЕРЕСОВАТЬ КИТАЙСКИХ ТОВАРИЩЕЙ

GZT.RU от 24.12.2010 г.

Эта слегка переделанная строчка из стихотворения Евгения Евтушенко ассоциируется у меня не с убаюкиванием любимой («...любимая, спи»), а с этапами военно-технического сотрудничества с Китайской Народной Республикой.

В начале 90-х годов вдруг всем стало ясно, что наше оружие и достижения в смежных с оборонной техникой разделах науки чуть ли не единственный конкурентоспособный отечественный продукт на мировом рынке. Россия стала активно и открыто торговать оружием.

На многих предприятиях оборонной промышленности появились китайцы. Они приходили на предприятие с представителями «Росвооружения» и беседовали с директором. На следующие совещания уже приглашали заместителей директора и руководителей разработок — главных конструкторов. Появление на оборонном предприятии иностранцев, причем таких заметных, как китайцы, вызывало живейший интерес у сотрудников и порождало множество предположений.

Потом директор полетел в Китай, потом еще раз, уже не один, а с двумя-тремя сотрудниками. Наконец, прошел слух: «Подписан контракт!»

По первым контрактам китайцы платили очень мало, да и то деньгами — только часть, другая часть — товарами, ширпотребом, который институты сами должны были реализовывать на нашем бедном рынке, эта часть называлась «бартером». Право закупать в Китае и продавать в России ширпотреб у неопытных институтов перекупали торговые фирмы, которые лучше разбирались во всех этих тапочках и полотенцах.

И заказчики-иностранцы, и торговцы-соотечественники безжалостно надували разработчиков. Заказчики на полном серьезе обосновывали заниженные цены тезисом, что «русский с китайцем — братья навек», а торговцы уменьшали стоимость «бартерной» части контракта чуть ли не в два раза, а в случае несогласия предлагали институтам самостоятельно торговать китайскими товарами. Солидный кусок от контракта откусывало государство, как хозяин своих оборонных предприятий.

Позже, во второй половине 90-х годов, этот рынок принял более цивилизованный облик. Исчез бартер, пропали фирмы-прилипалы, поднялась стоимость контрактов. Правда, и заказчик стал более привередлив: за свои деньги хотел выбирать, но и институты стали свободнее, могли отказываться от невыгодных, рискованных или тяжелых контрактов, тем более что заказчиков становилось все больше.

Работникам институтов несколько прибавили зарплату, некоторым оформили заграничные паспорта. Работники секретных институтов стали ездить за границу!

Рабочий контакт, можно сказать, дружная совместная работа российских и китайских инженеров налаживалась просто и быстро. Русские и китайцы — совсем разные люди, по-разному относятся к жизни, к семье, к работе, к здоровью, к политике и т. д., и т. п. Но эти отличия менее заметны в инженерной среде — инженеры российской и китайской «оборонки» походили в то время друг на друга и мировоззрением, и условиями работы, и поведением.

С российскими специалистами работали даже не молодые, а юные специалисты. Лет, наверное, двадцати двух, двадцати пяти. Был случай, когда эти мальчишки пошептались между собой и, смущаясь, спросили руководителя российской делегации через переводчика: «А молодые инженеры у вас есть?» «Молодые? — переспросил руководитель. — Конечно, есть!» И указал на самого молодого в делегации. Китайцы не выдержали и засмеялись. Для них специалист сорока с лишним лет, никак не мог сойти за молодого. Это у себя в институте в Москве он считался молодым, потому что моложе него на предприятии почти никого не осталось.

Переводчиками были молодые китайцы, прошедшие интенсивный курс обучения русскому языку, или пожилые инженеры, которые учились в СССР, потом работали по специальности в Китае, потом перевоспитывались в деревне, а потом снова понадобились стране в качестве переводчиков.

Обращались друг к другу по-русски. Вана звали Ваней, Ши — Сашей. Иногда китайское имя по-русски произносилось неприлично, тогда наши называли китайского товарища Хуэй. Китайцы смеялись и говорили, что так неправильно звучит, потом весело произносили, как нужно. Некоторые русские

слова китайские специалисты выучили быстро, в частности слово «чуть-чуть».

Китайцы принимали наши делегации очень хорошо. Приличная гостиница с одноместными номерами, вкусная, обильная и необычная пища, потрясающие экскурсии. По условиям контракта, все — за счет принимающей стороны. А на валютные командировочные можно было что-то купить или привезти деньги домой.

Китайцы учились очень старательно. Записывали каждое слово, прорабатывали свои записи по вечерам и на следующий день задавали вопросы, иногда дурацкие, сразу не поймешь, как такой вопрос мог у китайца возникнуть. Но к познанию стремились всеми силами. Кстати, лекция для китайской аудитории с переводчиком длится не в два раза дольше, а в полтора.

Одним словом, сотрудничество было весьма успешным и продуктивным. Китайцы быстро осваивали достижения и хотели двигаться дальше, узнать еще больше.

Наше государство беспокоилось, попыталось ограничить круг лиц, командированных за рубеж, в институты поехали представители в штатском. Представители приглашали главных конструкторов разработок и выясняли, не пытаются ли иностранцы в процессе работы по своему контракту узнать тактико-технические данные нашего оружия. «Да вроде бы ничего такого они не спрашивали», — недоуменно отвечали руководители разработок и пытались объяснить представителю, что опасность не в том, что китайцы выведывают военную тайну, а в том, что, заплатив за одну разработку, они хотят постигнуть все, заполучить себе весь опыт нашей

работы. Китайцы сами хотят стать разработчиками не хуже наших, и, если задают лишние вопросы, то не разведывательного, а общенаучного или общетехнического характера. В итоге появилось строгое указание не делать для иностранных заказчиков ничего, что выходит за рамки конкретной разработки. Указание-то появилось, но ведь все равно научились...

Явным признаком того, что китайцы «научились», стали попытки заказать не целиком изделие, а только ту его часть, которую они не могли сделать сами. Характерное требование при заключении нового контракта: «Вы нам сделайте этот блок, и этот, а микросхемы мы без вас понаставим».

По правде говоря, не только усердие китайцев было причиной того, что сотрудничество притормозилось. Наши предложения стали не так богаты: советский запас во многом исчерпался, во многом устарел, а новые научные и технические достижения не появляются быстро, тем более что научно-технический потенциал России снизился. Руководство страны сейчас пытается поднять этот потенциал, но это — тема множества других статей. Пока что силами старичков, которые еще работают в оборонной промышленности, новое современное конкурентоспособное оружие трудно создать. Пытаются исправить дело, разбавляют старичков «сосунками», молодыми инженерами, которые получают надбавки к зарплате «за молодость» и быстро идут по служебной лестнице. Боюсь, это не выход. Изделия создают инженеры 30, 40, 50 лет, а этот созидательный слой сильно истощился. И ушли специалисты, в основном не за границу, как кому-то кажется, а в отечественные менеджеры, дилеры, риэлторы.

Это конечно нужные профессии, но для «оборонки» от этого — одни убытки.

Есть еще одно обстоятельство, которое стало заметно сразу же после начала совместной работы с китайцами. Китайские инженеры приучены к хорошей измерительной и другой стандартной аппаратуре. Когда наши объясняли китайцам, как выполнить то или другое измерение с помощью имеющихся приборов, то вызывали у них недоумение: «Вот каталог, такие приборы производят, например, в Калифорнии, можно заказать!» Так говорили китайцы даже на начальном этапе сотрудничества, когда они мало, что понимали. Был случай, когда без нашего совета китайцы купили во Франции измерительный комплекс за полмиллиона долларов, предназначенный для схожих измерений, но непригодный для работы по исполняемому контракту. А наш комплекс, который в их глазах выглядел кустарным, хорошо работал. Но это пример болезни роста. Для разработки новой техники следует покупать то, что нужно, что присутствует на рынке, а не мучиться самим, приспособливая то, что есть на складе. В перспективе такой подход более плодотворен. Привычка к достойному и уважительному обеспечению работы давала фору китайскому инженеру. Наш разработчик — всегда проситель.

Можно сказать, что за двадцать лет Китай сильно вычерпал наш резервуар. Остались изделия, которые китайцы так и не научились делать (уж очень талантливые инженеры создавали эти изделия, много теоретических и практических трудностей преодолели, обогнали когда-то и Европу, и Америку). Китайцы вынуждены заказывать эти изделия у нас, но теперь уже прямо требует передачи технологии,

потому что, как раньше (заодно и научимся) не получилось.

Продажа разработок военной техники — выгодное дело для развитой страны. Китай — хороший партнер: огромный рынок, есть деньги на новую технику, китайцы тщательно исполняют условия контрактов. Разработка военной техники требует высокого научного потенциала страны, подстегивает развитие всех наук, даже фундаментальных. То есть для России оживление этого сектора экономики, без сомнения, полезно. Надо постараться, чтобы у нас появились новые разработки, которыми мы могли бы заинтересовать китайских товарищей.

ТАМ РЕЖУТ СТАЛЬ, КУЮТ ДЕТАЛЬ

СТАТЬИ

GZT.RU от 22.03.2011 г.

Ослаб, почти исчез замечательный жанр литературы «производственный роман». Действие производственного романа разворачивается в особой обстановке, малознакомой большинству читателей. Герои романа — такие же люди, как все, но на их чувства и поступки влияют профессиональные факторы, или особенности места проживания, или общая болезнь и т. д.

Нет возможности у современного читателя прочитать новую книжку про какую-нибудь сферу деятельности человека и на всю жизнь сохранить аромат профессии, понимание условий труда и жизни разных людей, уважение к их занятиям. Человек может никогда не узнать про то, как сейчас живут рыбаки, физики, летчики или геологи. Отсутствие малых знаний о многих предметах вредно сказывается на нравственном здоровье общества, изменяет ту привычную, традиционную атмосферу общения, когда образованный человек в России знал все и имел суждение обо всем. Все чаще видно в глазах непонимание, если тема выходит за собственные узкие рамки, чаще слышно американское: «Я в этом не специа-

лист», — и стена, ни знания, ни интереса. Герой актера Александра Ленькова из фильма «Зимняя вишня», мечтавший о спорах ни о чем, сейчас кажется еще более никчемным человеком, чем 20 лет назад. Жизнь и работа почти во всех сферах за это время сильно изменились, а описания этой новой обстановки нет.

Причина угасания общей эрудиции у многих людей со специальным образованием состоит, в частности, в том, что читатели не читают книг, а писатели не пишут производственных романов. Из последних знаю только «Географ глобус пропил» А. Иванова про современную школу.

Производственный роман — это и «Аэропорт» А. Хейли. Это и «Белые одежды» В. Дудинцева (у прочитавшего любовь к выращиванию картошки и интерес к генетике останутся на всю жизнь), и «Иду на грозу» Д. Гранина, и «Смирненное кладбище» С. Каледина, и «ЧП районного масштаба» Ю. Полякова. Это прекрасные книги. Написаны они талантливыми писателями и тонкими знатоками предмета, раскрывающими читателю глубины и дали. Действие в них разворачивается в учреждении, на предприятии, в конкретном профессионально ориентированном месте. От того, что многие герои книги связаны по работе, и фабула романа связана с профессией, литературные достоинства книги не уменьшаются. И читать интересно, и знание цепляется за малость, а в памяти остается и то, и это. Пленительная Леночка из романа В. Дудинцева «Белые одежды» и противная Таня Зуева из моего «Почтового ящика» запоминаются сами по себе, независимо от того, что Леночка — биолог, а Таня Зуева — инженер.

Одна из причин угасания жанра «производственный роман» состоит в том, что писатели никаких

романов о людях в профессии написать не могут, а сами никакой профессии не имеют и никакого дела не знают, так как не тратят драгоценные годы, чтобы узнать что-нибудь, не относящееся к их писательской жизни. Если бы современный писатель узнавал жизнь, трудился в какой-нибудь нелитературной области, набирался опыта, то он безнадежно бы отстал от других писателей, которые пробивались с молодых лет, цеплялись за нужных людей, захватывали наш сильно обедневший литературный рынок.

На захваченном литературном рынке большинство успешных писателей ведет себя небрежно, пишет, не зная предмета, раздает необоснованные оценки, пишет одно и то же, презирает современников и морочит голову им, а возможно, и потомкам.

И жизнь страны оказалась совсем не отражена в этих очень похожих одна на другую книжках якобы про современную Россию. Как будто работает мощный принтер, а писатели выхватывают из него бумажные пачки, кто сколько смог урвать.

Цель писателя теперь не рассказать о неведомом, писатели ничего неведомого не знают, не объяснить происходящие события со своей писательской позиции, писатели позиции не имеют, не воспитать благородного человека. Цель писателя — раскрутить проект.

Очень похоже на цель политика — добиться высокого положения, чтобы управлять всем, не понимая ни в чем.

Не может писатель, к сожалению, и просветить читателей, объяснить, что и как вокруг происходит. Во многом оттого, что сам этого не понимает, во многом — побаивается, есть, что терять. Так в Московском Театре им. А.С. Пушкина Хлестаков

рассказывает, что его приняли за турецкого посла. Наверное, авторы спектакля посчитали, что Н.В. Гоголь не обидится на правку, а если обидится турецкий посол на упоминание всуе, то ничего страшного не произойдет. Но уж если главнокомандующий обидится, то... лучше не рисковать. Вроде бы «Ревизор», но не совсем. Вроде бы анализируют писатели нашу жизнь, учат читателей, но как-то не так.

Что же остается братьям писателям, в какой области проявить свой талант? Вот они и пишут детективы про современные правоохранительные органы: «Предложили мне, ребята, блин, перейти в прокуратуру, повышение, как бы. А я не пойду. Я — мент, по жизни — мент! Наливай, майор!»

Но, ура! Осталась область для писателей. Область эта — производственный роман. Ограничьте себя профессиональными рамками, это дисциплинирует ваш талант. Познакомьтесь с предметом, это поможет вам не завратиться. Выберите массовую профессию. Тогда ваш роман, возможно, будут читать коллеги героев произведения. Непременно отразите характерные черты нашего времени, тогда ваше произведение приобретет ценность исторического документа, как произведения В. Дудинцева, А. Солженицына или Д. Гранина. И будут ваш роман любить и за светлый образ героя, и за очаровательную героиню, и за правдивое изображение России в 10-х годах XXI века!

Площадок для развития действия сколько угодно. Вот пример с ходу, не задумываясь. Маленький поселок в Центральной России, несколько домов, принадлежащих военному учреждению. Все жители раньше работали в этом учреждении вольнонаемными сотрудниками и жили в казенных домах. То

есть люди никакой собственности не имеют, потому что эти квартиры приватизации не подлежат. Хотя их из квартир никто и не гонит. Теперь это учреждение хиреет, работы нет. Мужики пьют и работают охранниками за 3 тысячи рублей в месяц, или ездят в Москву и там работают охранниками за 15 тысяч вахтовым методом, по две недели. Женщины нашли выход: все поголовно работают сиделками у состоятельных старичков в Москве. В Москву ехать с пересадками полсуток. Напишите об этих людях, тут и проблемы явные: сообщите читателям, что опасно для страны, когда огромное количество ее молодых граждан работают охранниками.

Напишите производственный роман, да такой правдивый, чтобы читатель, прочитавший книгу захлеб, мог бы отправиться на это производство, и никто бы не узнал, что он пришелец!

НЕ ПРИГЛАШАЙТЕ МАЛОЗНАКОМЫХ ЛЮДЕЙ В ГЕРОИ

*«Литературная газета» № 29 (6233)
15 июля 2009 г.*

В «ЛГ» проходит дискуссия о том, каким должен быть современный литературный герой. Да нет такой проблемы! Пишите про соседей и сослуживцев, про то, как они живут в реальных обстоятельствах. Литературный герой — это наш современник. У него обычная, массовая профессия, он не разведчик, человек с двумя ногами и руками, традиционной половой ориентации, живущий в России (допускаются кратковременные выезды за рубеж на отдых или в командировку), желающий жить, поскольку «времена не выбирают, а в них живут и умирают». Если вы талантливы, то читать будет интересно (сюжет могу подсказать).

Правители и правительства приходят и уходят, народ остается. Каким будет народ после очередного круга, что запомнят люди, какие выводы сделают, не повторят ли сразу тех же ошибок — во многом зависит от писателей. У нас слаба традиция, при которой нравственное воспитание, религиозное воспитание, культурное воспитание происходит в основном в семьях, как в Китае. Нужны внешние

источники. В России таким источником были хорошие книги, хорошие фильмы. Передавайте ваши писательские оценки, делитесь своими мудрыми писательскими мыслями! Почти повторяя Остапа Бендера, призываю: «Свидетели, записывайте!»

Пусть потом набегут критики и разложат по полочкам: это — маленький человек, это — луч света в темном царстве, это — типичный представитель. Писатель этим не занимается, писатель видит и пишет. Братья-писатели, давайте сделаем что-нибудь для вечности! То есть напишем о своем времени.

«ПЯТЫЙ ПУНКТ» МАКСИМА ШЕВЧЕНКО

Jewish.ru от 02.08.2011 г.

На прошлой неделе антисемитская риторика российского журналиста и члена Общественной палаты РФ Максима Шевченко, в очередной раз сравнившего Израиль с нацистской Германией, пожалуй, впервые получила критический отклик на уровне российской общественной организации. Однако более ранние, июльские откровения от Шевченко остались широкими массами незамеченными. В эфире интернет-телеканала Russia.ru член ОП РФ, комментируя статью обозревателя ИД «Коммерсант» Григория Ревзина «Египетский случай», объяснил природу антисемитизма в нашей стране нелояльностью русских евреев к самой России. Российский писатель Михаил Лифшиц категорически не согласен с Максимом Шевченко.

Советская власть успешно разрушила еврейскую общину. Большинство людей не знают языка идиш, еврейской культуры, не имеют понятия об иудаизме. Кроме записи в старых советских паспортах, дополнительных трудностей при приеме на учебу и работу и страданий от бытового антисемитизма, в жизни этих людей нет ничего еврейского. К этому множеству относится большинство «половинок»,

«четвертинок», «восьмушек» и т. д. Все эти люди живут у себя дома, в России, и в Израиль ехать не собираются.

Недавно телеведущий Максим Шевченко изложил свой взгляд на российское еврейство. Он (думаю, что не вполне самостоятельно) объяснил мне и этому множеству людей, что я не просто еврей, а член мирового еврейства, некоего клуба, имеющего общую цель. Он навязывает мне дискуссию на тему, предложенную еще А.И. Солженицыным в книге «Двести лет вместе»: «Может ли еврей радоваться успехам своей родины России и огорчаться от ее неудач, и что он при этом имеет в виду?» Максим Шевченко имеет наглость утверждать, что у меня две родины, и этим я отличаюсь от него, коренного жителя здешних мест. Он, видите ли, в России дома, а я — в гостях.

Дело вот в чем. В СССР была примерно следующая расстановка сил: партийно-государственный аппарат регулировал «еврейский вопрос». Была прослойка культурных людей, которая считала эту регулировку аморальной. Были антисемиты. И было много людей, которые над еврейским вопросом не задумывались, потому что он их мало касался.

Главным было то, что все строили коммунизм, работали, учились, не любили империалистов и т. д., а борьба с пьянством и еврейский вопрос относились к неглавным темам. Теперь коммунизм строить перестали, с работой стало плохо, во многих вузах учеба — сплошная фикция, а народ ездит на автомобилях из империалистических стран. При этом культурная прослойка, определяющая «что такое хорошо и что такое плохо», сильно истончилась, поэтому народ стал тянуться к простым решениям. Мечта рухнула, создаем новую, простую.

Нужно объяснить людям, что евреи — это не национальность, а тайная организация, мировое правительство, а каждый еврей в этом правительстве — почти что министр. Цель мирового правительства — насолить России. Простое объяснение всех бед.

Для начала Максим Шевченко старается «провести черту», отделить, построить гетто — чтобы, когда будет плохо, можно было указать: виноваты те, кто за чертой. О благе России Максим Шевченко не заботится. Мировой опыт для него ничего не значит. Португалия, изгнавшая евреев и откатившаяся на задворки Европы, Третий рейх, просуществовавший двенадцать лет и убивший более 50 миллионов человек (русских больше, чем евреев) — это не примеры для Максима Шевченко, он знает, как надо на самом деле, он — «специалист по национальному вопросу».

Конечно, не Максим Шевченко тут командует, и не он первый — этих «специалистов по национальному вопросу» много. Просто этот попался под руку, вылез со своим выступлением. Но ведь «специалисты» добиваются своего! Геннадий Хазанов в интервью журналу Story (июньский номер за этот год) говорит, что перестал чувствовать себя своим. Думаю, это из-за опасений: вдруг зрительный зал догадается, что народный артист России прислан к ним от мирового закулисья.

Если разгуляются такие, как Шевченко, если им удастся «пятый пункт» сделать «первым», самым главным пунктом, то ждите больших бед.

В отсутствие национальной (общегосударственной) идеи темные силы мулсируют национальный вопрос, обижая, отделяя и прогоняя одних и возбуждая низкие инстинкты в других.

«АНТИПЛАГИАТ» И ОСЕТРИНА ВТОРОЙ СВЕЖЕСТИ

СТАТЬИ

*«Частный корреспондент»
от 14.06.2013 г.*

«Антиплагиат» выполняет простую задачу — поиск источников заимствования в проверяемом тексте. Но вокруг системы ходят слухи и разгораются споры, ее продолжают демонизировать, представляют как орудие борьбы политиков и чиновников, и даже как инструмент сексуальных домогательств преподавателей к студентам. Писатель Михаил Лифшиц поговорил с Константином Рудаковым, чл.-корр. РАН и профессором ВМиК МГУ, стоявшим у истоков этой истории.

— Константин, когда и зачем вы и ваши сотрудники разработали «Антиплагиат»?

— В 2005 году сын моего доброго знакомого, молодой ректор МИЭМП Артемий Никитов пришел ко мне в кабинет в Вычислительном центре РАН и рассказал, что его студенты тырят учебные работы из Интернета, подкладывают титульные листы, каждый со своей фамилией и, не читая, сдают. А преподаватели, зная, что работы ворованные, тоже их не читают. Такое положение возмутило ректора, и Артемий решил с ним побороться. Зная, что за гра-

ницей есть специальные системы для выявления заимствований, он обратился к их иностранным разработчикам. Западным специалистам переделка программ на русский язык показалась трудоемкой и не сулящей больших доходов. Вот Артемий и пришел к нам с предложением разработать отечественную программу.

Основной пункт «ТЗ»: нужно закачать по возможности весь рунет и обеспечить производительность — до 100 страниц за 2–3 сек на не слишком дорогой технике. Задача показалась нам интересной — разработка специализированной поисковой системы (поисковика). Основы одинаковые, что у таких продвинутых поисковиков, как Google и Yandex, что у узкоспециализированной системы, которую предстояло сделать. Как делать, нам было ясно. Подчеркну, это — не интеллектуальная система. Проект одобрил мой учитель академик РАН Ю.И. Журавлев. У нас уже была компания «Forecsys», которая и занялась разработкой. Вопросы финансирования мы утрясли с Артемием Никитовым, Минобрнауки в этом не участвовало. К работе были подключены программисты экстра-класса, выпускники ВМиК МГУ и Физтеха во главе с Юрием Чеховичем. Через полгода «Антиплагиат» уже работал.

— Так «Антиплагиат» был разработан для анализа учебных работ? Для анализа диссертаций программу стали применять потом? А ведь тут начались самые громкие скандалы.

— Еще бы! Моральный климат, точнее аморальный, в среде авторов и исполнителей заимствованных диссертаций ужасный. Фальшивые диссертации, тухляки, «осетрина второй свежести» производится в дурно пахнущем цехе. Тот, кто за

деньги пишет или компилирует работу, презирает заказчика за низкую квалификацию. Заказчик презирает нанятого компилятора за то, что «он такой умный, но такой бедный». В такой атмосфере не рождается полноценный научный труд. Кроме того, присутствует постоянный страх, что мошенничество вскроется.

— Если вскрывается, начинается скандал. Авесалом Изнуренков, владелец одного из «Двенадцати стульев», никогда не защищал свое произведение, а тут же «выдавал» взамен новое. «Авторы» же украденных диссертаций защищают «свои» произведения отчаянно, наверное, так же они защищают свои фальшивые налоговые декларации. Особенно жутко становится, когда выясняется, что у крупного научно-административного деятеля все дипломы фальшивые — и техника, и инженера, и кандидата, и доктора, и остальное. Но вернемся к курсовым и дипломным работам.

— Помочь преподавателю выявить заимствования в тухлых курсовых и дипломных работах можно в реальном времени, показав преподавателю заимствованные куски текста и дав интернет-адреса источников заимствования. Косвенным показателем качества окажется процентное содержание оригинального текста. Главная задача системы «Антиплагиат» состоит ровно в том, чтобы выделить в тексте анализируемой работы заимствованные фрагменты, процент можно вычислить и с помощью калькулятора.

— Можно ли оценивать квалификационную работу количеством процентов?

— Я считаю, что оценивать ученого только числами, процентами, индексами цитирования не следует.

В этом я солидарен и со своими коллегами по РАН, и с математиками из других стран, и со многими выдающимися учеными из других областей науки.

Я слышал, что Американское математическое общество вообще запретило использовать подобные оценки, против их применения выступил даже главный редактор высокорейтингового журнала «Nature». Представьте себе крупного ученого, который творит в очень узкой области науки, которой занимаются только 20–30 его коллег в мире. Конечно, его работы будут мало цитироваться. А может быть, и наоборот. Известно, что очень высокий индекс цитирования имела одна, по-моему, биологическая работа, в которой была допущена грубая, легкообнаруживаемая ошибка. Масса специалистов радостно писала статьи с опровержениями, конечно ссылаясь на эту работу.

— Итак, цифирь — это не все. Но ведь не только пойманное за руку «научное жулье» критикует «Антиплагиат». Ректор МГУ В.А. Садовничий назвал систему несовершенной, в этом же духе высказался премьер-министр Д.А. Медведев.

— Прочитайте внимательно, что сказал Виктор Антонович на съезде Общероссийского народного фронта: «Эта система несовершенна и ничего не доказывает, это просто сигнал к тому, чтобы серьезно этим заняться».

Я с ним полностью согласен. «Антиплагиат» несовершенен, как любое средство измерения. Он обнаруживает совпадение, и попутно подсчитывает количество совпавших символов, которое далеко не обо всем говорит. «Антиплагиат» ужасен своей беспристрастностью. Весы тоже несовершенны:

они свидетельствуют, что вес уменьшился на 1 кг. Хорошо это или плохо? Если ты — девушка, сидящая на диете, то это — хорошо, а в других случаях бывает, что и плохо. «Антиплагиат» — инструмент обнаружения, который должен работать в умелых руках. Так считают и академик Ю.И. Журавлев, и я, и наши ученики — создатели «Антиплагиата», и те преподаватели и эксперты, которые правильно пользуются программой. А сейчас, в период летней сессии, времени защиты дипломных и курсовых работ, отмечается более 100 000 обращений к программе в день.

«Антиплагиат» помогает только квалифицированному пользователю, понимающему суть дела. Как я уже когда-то говорил, нельзя в автомобиле, оснащенном навигатором, закрыть лобовое стекло и ехать тупо по указаниям прибора, наверняка окажешься в Яузе. Нельзя зарубить учебную или научную работу только на том основании, что есть высокий процент совпадения с источниками, особенно в тех областях знаний, где необходима стандартизация результатов исследований. Нельзя пропустить ученый труд, автор которого списал все, а потом с помощью нечестных методов снизил процент совпадений.

Специалист увидит, что в работе, не прошедшей тестирование, есть новое, а другая работа списана, хоть тест показывает, что все ОК.

— Так можно обманывать, подгонять ворованный текст, чтобы программа ошиблась? Значительная часть возражений против применения «Антиплагиата» в учебном процессе: даже преподаватели жалуются, что нельзя всегда требовать от студента оригинального текста.

— Это лукавые жалобы, потому что имеется в виду: «Пусть студенты продолжают списывать, раньше списывали у товарищей, потом с «левых» дисков, теперь из Интернета». И бедные студенты, чтобы добиться нужного процента, работают с ворованным текстом: переставляют слова, заменяют буквы, чтобы обдурить программу, или нанимают профессиональных мошенников, разработавших программы «Анти-Антиплагиат». Сил и денег на это уходит много, но авторам даже в голову не приходит что-то придумать самим. Одна девочка, поняв, что скачивать чужие тексты нельзя, распечатала их и заново набила на своем компьютере. Процент не изменился, она была возмущена, ведь она много часов сидела над клавиатурой, творила!

— Как же «Антиплагиат» выискивает заимствования, какие таинственные алгоритмы заложены в программу?

— Таинственных алгоритмов в «Антиплагиате» нет. Это — нормально сделанный узкоспециализированный поисковик.

— Почему же внедрение такого нужного продукта встречает сильное противодействие в университетах и учреждениях? Правда, некоторые возражения как будто взяты из трактата господина Крутицкого «О вреде всяческих реформ вообще» («На всякого мудреца довольно простоты» А.Н. Островского). Не особенно вдаваясь в существо вопроса, оппоненты «Антиплагиата» пишут: «Студенчество обеспокоено», потому что боятся, что студента-активиста будут заставлять учиться. Взрослые тоже обеспокоены, что чиновники с помощью «Антиплагиата» будут бороться друг с другом. Эти доводы не требуют опровержения, потому что студенты-активисты все

ПРИНЦИП КРУГОВОЙ ПОРУКИ

равно учиться не станут, а будут бегать от знаний и ловить волну, а арсенал внутривидовой борьбы в чиновничьей среде велик и без этого.

— Да, аргументы в пользу свободы заимствований противники «Антиплагиата» приводят очень смешные.

— Я проверял с помощью «Антиплагиата» свои тексты и получил 100 % оригинального текста, а мои книги есть, например, в РГБ (бывшей Ленинке). Должно было получиться наоборот, стопроцентное совпадение. Впрочем, я понимаю, что это — частный случай, ведь система предназначена для работы с научной продукцией. И все же, будет ли «Антиплагиат» развиваться, совершенствоваться, расширяться?

— Социальный заказ, к сожалению, остается. Будет!

*«Частный корреспондент»
от 01.07.2013 г.*

Образование и карьера во всем мире изменяются на глазах. Можно сказать, что в наше время постигать науки, учиться надо по-другому и пробиваться в жизни, делать карьеру надо по-другому. Если не перестроить образование, если не задать новые приоритеты для служебного роста, можно отстать.

Наука и жизнь — это два космических тела, которые то сходятся, то расходятся, как Земля и комета. Наука, приближаясь, приносит новое, вселяет в человечество надежду или страх, изменяет жизнь или бесследно исчезает.

Власть, управляющая жизнью, призывала, притягивала, подкармливала науку во все критические моменты истории, потом часто снова отдаляла за ненужностью. Наука дала возможность человечеству пользоваться металлами, пластмассами, перемещаться по Земле, передавать информацию, бороться с болезнями, воевать, вообще жить и кормиться такому большому населению на маленькой планете.

Самый известный призыв науки произошел для создания ядерного оружия. Все наши трижды Герои Соцтруда — создатели бомбы.

Теперь ситуация изменилась коренным образом. Призывов не стало. Наука несет непрерывную службу, как николаевский солдат. Фундаментальная наука, техника, медицина, экономика, гуманитарные науки для развития постоянно нуждаются в новых исследованиях.

Чтобы двигать науку вперед, чтобы освоить ремесло, получить современную профессию, нужно готовить специалистов на современном уровне. Объем знаний, который должен впитать человек, чтобы стать профессионалом, огромен. Нужны новые методики приобщения к знаниям, новые методы контроля знаний, новое образование, иначе постигнуть необходимую массу сведений не удастся.

В школе нужно преподавать базовый курс, одинаковый для всех, чтобы все могли сдать единый экзамен. За пределами базового курса выбор учебной программы должны определять учителя. Пусть учителя на свое усмотрение выбирают разделы дисциплины, не вошедшие в базовый курс. Если все необходимые, по мнению министерства, сведения «вогнать» в базу, замученные школьники никогда не почувствуют интереса к учебе. Конечно, для такого преподавания нужен корпус школьных учителей новой формации, имеющих высокое положение в обществе. Это можно сделать, ведь так было: вон, учитель Ардальон Передонов в «Мелком бесе» Федора Сологуба носил чин статского советника!

Злоупотребления при сдаче экзаменов — купля-продажа высоких баллов, ЕГЭ-туризм — опасны для государства, как изготовление фальшивых денег. Пока останутся нечестные пути получения высоких баллов, университеты не получают пригодных для специального образования студентов.

Сейчас плохо подготовленный школьник с хорошими результатами ЕГЭ становится студентом одного из бесчисленных университетов (которые ректор ВШЭ проф. Кузьминов назвал «массовыми университетами»), и фиктивное обучение продолжается. Студент сидит на лекции и думает о своем, пока старичок-профессор на кафедре не начнет диктовать. Тогда студент берет ручку и пишет в тетрадку то, что есть в учебниках. Цены на зачеты, экзамены, курсовые и дипломные работы известны.

Беды от деятельности фиктивного специалиста с настоящим дипломом ждать недолго: или тебя зарежут в частной клинике, или дом упадет, или ракета мимо пролетит. А закрыть плохой университет тяжело — мягко прикрыли университет с ректором С. Бабуриным во главе, так чуть ли не революция в высшей школе началась. А надо бы закрыть не менее половины университетов (министерство предлагает уволить 44 % преподавателей).

Высшая школа во многих странах перестраивается, на лекциях перестают излагать канонические знания, которые студент может найти в учебниках, монографиях и в Интернете. Профессора разъясняют трудные разделы, дают направление обучения, сообщают новости профессии, руководят самостоятельной работой студентов. А программу студенты постигают сами с такой интенсивностью, что падают в обмороки от усталости. Иначе необходимые знания и профессиональные навыки студенту не передать. Зато получается современный специалист.

В такой системе нет места списыванию, «скачиванию» чужих работ, взяткам за экзамены, курсовики и дипломы. Студент, который не понимает этого,

отстает навсегда. Университет, в котором не перестраивают образование, должен быть закрыт.

Из дипломированных специалистов формируется элита общества. Когда-то, чтобы попасть в элиту, нужны были знатное происхождение, «старые деньги», т. е. деньги, полностью «отмытые» несколькими поколениями предков, и связи, желательно, многолетние. Исследователи современного общества утверждают, что в элиту теперь можно попасть и со «старыми мозгами» (Дэвид Брукс. «Бобо в раю: откуда берется новая элита» М., 2013). Суперобразованные отпрыски образованных родителей, не имеющих ни ветвистого генеалогического древа, ни больших капиталов, занимают первые места в обществе. Да и без исследователей это ясно, достаточно назвать современных мировых лидеров — среди них много плебеев из небогатых семей. В Великобритании это несоответствие с давних пор ликвидировали, присваивая выдающимся плебеям рыцарские звания. Также поступал и император Петр I.

В современной России говорят, что одна из главных причин неприятностей страны — низкое качество элиты. В элиту попадают в основном по одному признаку — по готовности активно «поддерживать и одобрять» все, что угодно, все, что приказали. Иногда в защиту «своей» нелепой позиции крупный деятель приводит такие аргументы, что стыдно слушать. Деятель, имеющий по должности положение, например, № 20 или № 30 в стране, без сомнения, принадлежащий к российской элите, не стыдится и не смущается нисколько. Затем так же уверенно, как по «общим вопросам», деятель говорит про личное, объясняет, что свою диссертацию он писал сам,

что его жена-миллионерша вовсе ему не жена, а миллионы его несовершеннолетнего ребенка получены из законных источников. Если «крикуны и печальники» начинают деятелю сильно докучать, то он может и уйти с государственного поста и занять не меньший пост в крупной частной корпорации.

Зато, если этот деятель вдруг пожелает бунтовать, то быстро вскроются все преступления, сопровождавшие его службу, и деятеля уволят и могут отправить на цугундер. А преемнику, севшему на место бунтовщика, даже в голову не придет мысль «не воруй, а то посадят», потому что предшественник его в действительности пострадал за другое.

Такого рода круговая порука не позволяет российской элите полноценно выполнять свою главную функцию — вести общество к лучшей жизни, намечать для этого правильные пути, не давать свернуть на тупиковую дорогу. Слишком большая часть деятельности «лучших людей страны» посвящена личному обогащению и маскировке своего богатства. Правда, для настоящей работы многие из них не способны, для решения государственных задач они не годятся.

Такую элиту стыдно показать миру, поэтому в элиту привлекают отдельных любимых народом, талантливых, честных людей, безусловно, много сделавших для страны. Как правило, эти люди уже очень стары. Они рассматривают «приближение к трону» как возможность более эффективно поработать в своей области и поэтому соглашаются «на аксельбанты». Однако, даже имея несколько замечательных людей в своем составе, российская элита не помогает обществу и обманывает людей. Из-за такой элиты Россия отстает.

Пагубный процесс выдачи аттестатов и дипломов неучам и назначение на важные посты воров и подхалимов может быстро остановить развитие любого государства, вывести любую страну из колоды перворазрядных мировых держав. Но два обстоятельства дают надежду.

Первое, что в разных областях народного хозяйства все-таки появляются умные, смелые, честные, образованные люди, пригодные для выполнения крупных современных проектов. Это замечательное явление сопровождается множеством поговорок и цитат, ни одна из которых не объясняет сути дела: «свято место не бывает пусто», «нравственность в природе вещей», даже «бабы новых нарожают». Но этих людей мало, их не хватает, ведь они появляются вопреки общей тенденции. А нужно их специально готовить. Второе, Россия имеет природные богатства, в которых нуждается весь мир, и, продавая которые, можно продержаться на плаву еще некоторое время, пока не перестроимся.

*«Частный корреспондент»
от 01.08.2013 г.*

Ракета «Протон-М» с тремя российскими навигационными космическими аппаратами «Глонасс-М» упала во вторник, 2 июля на космодроме Байконур на первой минуте старта. 12 июля сообщили о завершении работы по сбору и идентификации фрагментов ракеты. Жертв, к счастью, нет. Есть миллиардные материальные потери и отравление местности. Возбуждено уголовное дело, и ожидается, что по окончании всех проверок будут «кадровые потери».

По поводу предшествующих аварий предполагали, что кто-то сбивает наши космические аппараты, ведь неудачи с ними случаются в той части полетной траектории, где российские локаторы «не видят» объекта. Такая гипотеза, было сказано, имеет право на существование. Конечно, имеет. Только если разрабатывать эту гипотезу, найти причину неудач в космосе не удастся. Продвигать, даже вслух называть такую гипотезу, нечестно, недобросовестно, разработка этой гипотезы отвлекает силы и средства. Так действовать — значит, искать простое решение, заранее прикрывать собственную...голову.

Если подозреваешь иностранные службы, проверь, узнай с привлечением узкого круга лиц. При широких связях за границей это можно сделать. Но нет, не узнать истину требуется, а громко прокукарекать, а там хоть не рассветай. Не удастся доказать, что иностранцы виноваты, обвиним внутреннего врага, не впервой в нашей истории.

Теперь искать причины аварии за линией горизонта не стоит, «Протон» упал у всех на глазах.

Другое предположение: причина неудач заключается в том, что предприятия «разболтались». Следует ужесточить режим на предприятиях оборонной отрасли. Режим на оборонном предприятии — это комплекс мер, обеспечивающих сохранение государственной тайны и способствующих повышению трудовой дисциплины и уменьшению воровства на предприятиях. Так думают посторонние люди, не знающие сути дела.

Фактически жесткий режим затрудняет работу, мешает научному и производственному взаимодействию предприятий. Степень соблюдения правил режима мало связана с эффективностью работы предприятия. Одно известное предприятие, до сих пор славящееся самым жестким режимом, за свою историю не произвело почти ничего, даже поговорка про него была, что оно работает «на унитаза». Но это градообразующее предприятие. Рабочий день начался — и весь город за забором. Вот в чем главная задача жесткого режима — ограничить свободу городского населения.

И государственную тайну режим не охраняет. На предприятии с достаточно жестким режимом секретности работал настоящий американский шпион А. Толкачев. Несколько лет передавал он

секретные сведения. Разоблачили его не «режимники», а разведчики. А режим секретности он обходил очень просто. Как говорится, на каждую хитрую гайку есть соответствующий винт.

И воровали на предприятиях независимо от жесткости режима (пока было, что воровать, сейчас уже многое украли, поэтому воруют предприятия целиком).

Способ преодоления кризиса оборонной промышленности во многом зависит от личности руководителя, от его компетентности, от того, насколько честно он работает.

Спор о том, кто должен руководить оборонной промышленностью, никогда не возникал. У руля всегда стояли военные или инженеры. История сохранила имена крупных деятелей, оказавших огромное влияние на арсенал страны: маршал Тухачевский, нарком Ванников, маршал Неделин, штатский маршал Устинов. Жизнь и смерть этих людей означала жизнь и смерть целых направлений оборонной отрасли. Так, расстрел Тухачевского привел к отставанию советской радиолокации. А инженеров, пионеров советской радиолокации, отправили в лагеря. Были среди начальников «оборонки» и неяркие руководители, такие, как забытый ныне Зайков, или многолетний председатель ВПК Смирнов, которого, возможно, помнят по кинокартине «Серые волки». Там Хрущев в исполнении Ролана Быкова говорит в телефонную трубку: «Вы — засрапец, товарищ Смирнов!».

В этот раз руководить оборонной промышленностью назначили Д.О. Рогозина, совершенно посто-

ронного человека, не инженера, не военного. Аналогичного назначения в истории страны не найти, ну разве что Берия. Но эту аналогию лучше не рассматривать, а то можно сильно увлечься и отойти от темы.

Когда новый руководитель отрасли сразу заявил, что предприятия «разболтались», нужно усилить режим, каждому практическому работнику стало ясно, что пришел дилетант, к тому же не думающий об истинных причинах неудач отрасли. Еще можно красить траву на газонах зеленой краской, можно регулировать движение оставшихся на предприятиях старичков-инженеров при переходах между корпусами. Толку не будет.

Нового руководителя оборонного комплекса характеризуют три основные черты.

Во-первых, он человек привилегированного происхождения, из советских бояр. Карьера его типична для «блатного» (как бы ему ни хотелось представить себя оппозиционером, как бы он ни уверял, что правительственных наград не имеет). И далее он идет проторенной дорогой — его сына Алексея поставили директором оборонного завода. Такие люди всегда презирали инженеров, униженных и бесправных граждан страны, не имеющих никакого общественного веса, живущих на окраинах городов, в плохих квартирах, на нищенское жалованье. Разве можно ставить начальником над инженерами генеральского сынка? Как он заставит инженеров лучше работать? Велит бить их посильнее?

Во-вторых, этот человек представляет себя как русский националист. Все он русских защищает от инородцев. Сортировка работников «по пятому пункту» в науке и технике тормозит прогресс. Как

под его руководством будут работать евреи и другие неприятные ему подчиненные, которые, тем не менее, вносят посильный вклад в укрепление обороноспособности страны, и которых порой трудно заменить?

В-третьих, он у нас «ястреб». В любом международном событии он сразу видит происки врага нашего лютого, если, конечно, что... И должность у него была политическая, соответствующая этой склонности характера. Он был представителем России в НАТО, а теперь перешел на работу, формально, с прямо противоположными задачами: не переговариваться, не согласовывать совместные действия против, скажем, террористов, а ковать оружие. Из политиков попасть в главные инженеры, почти как Маленков после «антипартийной группы»! Но у Маленкова было понижение, а у нашего героя — повышение.

Что же делать? Как уберечь оборонную промышленность, которая в течение многих лет создавала продукцию высокого мирового уровня? Отрасль сейчас больна, «падает в космические обмороки», но лечить ее пригласили не инженера, не военного, даже не «эффективного управленца», а сытого политика.

А может быть, ничего? Может быть, не успеет он сильно навредить дорогим моему сердцу предприятиям, которые сначала назывались КБ-1, НИИ-17, 108-й институт, 386-й завод, потом — «предприятие п/я Р-1111», потом к этому номеру добавилось еще и «НИИ «Полет», в одних письмах так надо называть одно и то же предприятие, в других — этак (и была своеобразная прелесть в том, чтобы в этой геральдике разобраться), а теперь все больше называются

«госкорпорации»? Пусть работает наш герой, уж на этой должности он без правительственных наград не останется. Авань, не сможет совсем разрушить отрасль...

Первое, такой неподходящий человек не будет долго руководить чуждой ему отраслью, вероятно, скоро он перейдет на другую работу. Второе, заявления заявлениями, а практические задачи вынуждают руководителя быть адекватным, так, его оценка последней аварии мягкая: «Потрясение в самой отрасли очень большое, сейчас нельзя допустить деморализации людей, работающих в космической отрасли. Это серьезная авария, тяжелая драматическая авария, из которой должны быть сделаны выводы», — сказал Рогозин. Третье, начали рассматриваться не только демагогические, но и конструктивные пути преодоления кризиса, например возвращение к распределению выпускников вузов (хорошо это или плохо, нужно подумать, но все-таки это реальная мера, а не поиск загадочных вражеских лучей).

Так что некоторая надежда на возрождение отрасли остается.

«Свободная пресса» от 22.08.2013 г.

Человек, если он не работает в приемной комиссии университета, сталкивается с поступлением в вузы иногда, не постоянно: старший брат поступает, потом сам поступает, потом дети, внуки. Но в этом году сложные проблемы переименования школьников в студенты захватили всех. Причина в том, что многим вдруг стало особенно ясно — мы в образовании отстаем. За последние 20 лет методы подготовки специалистов в развитых странах изменились в соответствии с информационной революцией, «у них» стали учить по-другому! В России учат по-прежнему и учат плохо. Это, конечно, в общем. Есть отдельные вузы, успехи которых вызывают гордость и ликование. Но во всех других, «не отдельных», а «массовых университетах» (выражение ректора ВШЭ проф. Ярослава Кузьмина) учат хуже, чем учили, когда они были не университетами, а советскими институтами. За двадцать лет плохо выученные специалисты стали солидными людьми, работают во всех отраслях, часто не по специальности, записанной в дипломе, а бывшие хорошие специалисты состарились. В результате народное хозяйство не развивается как следует.

Обеспокоенное этой важной проблемой руководство страны всерьез занялось реформированием системы образования, в частности поступлением в вузы. В этом году новая система поступления приняла некоторую законченность. В большинство университетов зачисляются по количеству баллов, которые абитуриент набрал на трех школьных экзаменах (ЕГЭ). После горячих дебатов на тему «Нужно ли нам ЕГЭ» пришло определенное спокойствие, ЕГЭ приняли (или с ЕГЭ смирились) и деятели высшей школы, и известные школьные учителя, в прошлом противники ЕГЭ, такие как Евгений Ямбург. Правда, самые знаменитые вузы получили право проводить еще один или два собственных (дополнительных) экзамена (собеседования, творческие конкурсы). Можно сказать, что начался «период нормальной эксплуатации» новой системы поступления в вузы. На этом этапе реорганизации образования в России особое значение имеет честная оценка результатов приемных конкурсов этого года.

Чтобы оценить приемную кампанию 2013 «РГ» созвала пресс-конференцию руководителей ведущих вузов. Ректоры и проректоры университетов и академий высказали свое мнение о закончившемся в основном наборе первокурсников. Если бы они говорили правду, цены бы не было мнению этого ареопага!

Но вот что мы слышали. Максим Назаров, проректор РАНХ и ГС при Президенте РФ, сообщил, что только на бюджетные места подано 17 тысяч заявлений, что средний проходной балл в этом году — 273 балла. «Есть надежда, что в этом году мы наберем сильных студентов». Фактически РАНХ и ГС при Президенте РФ, несмотря на шикарное название, вуз

далеко не первого уровня, на некоторые специальности не могут набрать студентов, поэтому берут всех, кто подал заявление и представил хоть сколько-нибудь баллов. О каком сильном наборе может идти речь?! Объяснение высоких конкурсов простое, абитуриент вправе подавать заявления и копии необходимых документов в несколько мест одновременно, что дает возможность говорить о конкурсах 10 и более человек на место. Когда доходит до приема оригиналов документов и зачисления, конкурс сильно меняется, чем слабее вуз, тем это изменение больше. Говорить о конкурсе 70 человек на место, как сказал ректор ФУ при Правительстве РФ Михаил Эскиндаров, без уточнений или оговорок не стоило бы.

Не все участвовавшие в пресс-конференции руководители университетов рассказывали о нынешнем поступлении в стиле победного рапорта. «Мы находимся немного в другой ситуации, не такой радужной, как мои коллеги», — с сарказмом заметил ректор МГТУ имени Баумана Анатолий Александров. Конечно, у этого университета особое положение лучшего технического вуза страны, за ним — традиции, у него великие выпускники, Высшее техническое училище — один из символов России, долго несет свои воды Яуза мимо корпусов этого университета. И абитуриенты, подавшие заявления в Бауманский, в среднем, относятся к своему выбору серьезней, чем соискатели мест в других вузах. Поэтому ректор говорил об уменьшении количества заявлений от школьников на 1,5 %, тогда как другие ректоры оперировали десятками процентов в плюс.

Но в общем, как сказано в отчете, «ректоры обрисовали достаточно оптимистичную картину вступительной кампании. При этом работодатели

продолжают из года в год жаловаться на качество выпускаемых специалистов».

Никто из руководителей вузов, описывая курсы и баллы, не сказал, что самая совершенная и честная система поступления не позволит университетам и академиям готовить сильных специалистов, пока в вузы принимают выпускников школы, не способных к дальнейшему образованию. Далеко не все молодые люди хотят учиться дальше, но им приходится: родители, армия, надежда на удачное замужество, друзья, наличие денег у родителей, круг общения и множество других побудительных факторов, не имеющих отношения к будущему квалифицированному труду, усаживают школьника на студенческую скамью. Он и в школе-то не учился, где домашние задания нужно делать каждый день, и в университете не будет учиться, найдет способы. И каждый из этих охломонов, подав заявления на 5 факультетов, создает фиктивный конкурс «5 человек на место». И ведь на какой-нибудь факультет попадет! Потому что количество мест в вузах превышает и потребности страны в специалистах с высшим образованием, и возможности школы выпускать столько абитуриентов, да и возможности народа производить столько умников, чтобы заполнить огромное количество «массовых университетов»!

Можно сказать, что пресс-конференция не достигла своей цели — проанализировать итоги вступительных экзаменов в вузы и указать дальнейшие пути реформы образования. Может быть, в кулуарах ректоры о чем-нибудь полезном договорились? Хотя вряд ли ректоры предложат закрыть свои вузы с их липовыми конкурсами или существенно сократить количество мест в них.

ПОСТЫ

ОБ ОБРАЗОВАНИИ

МАССОВЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

Профессор Кузьминов — видный деятель российского высшего образования, ректор одного из наших лучших университетов ВШЭ («Вышки!»). Его точка зрения на университетскую подготовку очень важна.

Однако реализовать рекомендации профессора Кузьминова можно только в некоторых элитных университетах, на некоторых факультетах, в некоторых группах.

В большей части университетов ситуация такова, что эти рекомендации просто не будут понятны ни преподавателям, ни студентам. Видимо, такие университеты профессор Кузьминов называет «массовыми».

В этих университетах студенты не знают ничего по своей специальности. Студенты не умеют учиться и не учатся. У них нет желания учиться, они не верят, что полученные знания можно применить на практике, а преподаватели не имеют данных, чтобы увлечь молодых людей своей наукой. Выпускник университета даже с «красным» дипломом зачастую не имеет элементарных сведений и не знает, где эти сведения получить. Выпускники университетов по-

лагают, что посещали университет, чтобы работать продавцами, ризлторами, клерками («требуется в/о») и не видят в этом ничего ненормального. Поэтому пожелание профессора Кузьмина готовить в университетах не квалифицированных исполнителей, а специалистов более высокого уровня нельзя рассматривать как реальное, потому что сейчас эти университеты вообще не дают профессиональной подготовки, а только выдают дипломы с формальным соблюдением регламента.

В этих университетах: предположение, что работа отвлекает от учебы, не соответствует действительности. Работа по специальности, возможность применить на практике знания, полученные в аудиториях, вовлечет студента в профессию, ему станет интересно, он попытается проникнуть в суть ремесла. Ныне же студенты не понимают, что детский вопрос «Кем ты хочешь быть?» имеет профессиональный смысл (летчиком, физиком, историком), и отвечают, что хотят быть телеведущими или олигархами.

Профессор Кузьмин призывает создавать в массовых университетах культурную среду. Это очень точно и правильно. Можно добавить, что те университеты, где не удастся создать культурную среду, следует закрыть, причем без всякого ущерба для народного хозяйства.

БЕСЕДА СО СТРАТЕГОМ (ИНТЕРВЬЮ ПРОФЕССОРА Я. КУЗЬМИНОВА)

Ощущение от интервью <http://lenta.ru/articles/2013/12/27/kuzminov/> такое, как будто слушаешь рассказ полководца об успешно проведенной

фронтовой операции и о подготовке предстоящего наступления на врага. Не все предложения профессора Я. Кузьмина сразу понятны читателю (даже, если читатель — преподаватель), но большая часть сказанного кажется правильным. Главное ощущение, что проф. Я. Кузьмин верно оценивает сегодняшнее состояние дел в образовании и искренне старается это положение исправить, причем действует ректор ВШЭ на высоком уровне (на уровне принятия решений).

Для многого из сказанного проф. Я. Кузьминовым у читателя найдется случай из собственной практики. Например, при том, что средний школьник не знает основ устройства нашего общества, вопросы для олимпиады по «праву» для школьников районного уровня 2013 года составлены так, что на них не может ответить ни кандидат, ни доктор юридических наук, причем часть вопросов сформулирована юридически безграмотно и на эти вопросы не существует правильных ответов. Такой разрыв между незнанием многих и «сверхзнанием» победителей вызывает множество вопросов. Вот почему проф. Я. Кузьмин предлагает победителям олимпиад подтверждать «свои кондиции» на экзамене в университете.

Одно тревожит. При всей адекватности взглядов проф. Я. Кузьмина на проблему, удастся ли ему учесть всю «глубину фиктивности» среднего и высшего образования в настоящее время?

ЧТО ДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ НЕ СПИСЫВАЛИ ЕГЭ, ДИПЛОМЫ И ДИССЕРТАЦИИ

Сразу ограничу поле: есть некоторые факультеты МГУ, МФТИ, МИФИ, ВШЭ, МГТУ и некоторых

других вузов, в которых дают приличное образование.

Речь пойдет о других вузах, о подавляющем большинстве, почти обо всех вузах России, которые ректор ВШЭ проф. Кузьминов назвал «массовыми университетами».

В массовые университеты поступают ничего не знающие школьники (не важно, списали они ЕГЭ из Интернета, или поступили в университет другим нечестным путем), в университете, числясь студентами, они совсем не учатся, только дают взятки. Потом защищают списанный диплом, потом списанную диссертацию, потом становятся... вы знаете, кем. Ни программа «Антиплагиат», ни перетасовка платных-бесплатных мест, ни другие меры не исправят положения.

В последнее время процесс разрушения образования перешел в качественно другую стадию: молодой человек не пытается ответить ни на один вопрос, он уверен, что ответа он не знает. Я проверял на студентах 4-го курса: перед тем, как узнать, сколько будет 2×2 , студента нужно успокоить, заранее уверить, что он знает ответ, в противном случае студент начинает юлить, уходить от ответа. Думаете, жена футболиста не догадалась, что «Вальс Грибоедова» написал Грибоедов? Побоялась попасть впросак, решила увильнуть.

Образование нуждается в кардинальных переменах, адекватных современному уровню цивилизации, а не в поверхностных, часто фиктивных, мерах.

Главное — срочное и масштабное воспитание корпуса школьных учителей. Нужна Федеральная программа, подобно обучению грамоте в 20-е годы, или подготовке летчиков и парашютистов в 30-е.

Второе — закрытие половины университетов, в которых не готовят специалистов и которые нужны только тем, кто с них кормится, а стране не нужны.

Третье — временный отказ от платного образования. Мы еще вернемся к мировым стандартам, а пока что в России платный студент, как правило, приносит деньги и получает за это зачет. А бесплатный смотрит на него и тоже несет деньги, только не в кассу, а в карман.

ПРОФСОЮЗ ТРЕБУЕТ НЕ УВОЛЬНЯТЬ БРАКОДЕЛОВ

В журнале «Огонек» № 4 от 4 февраля 2013 года напечатана статья под допустимым в наше вольное время заголовком «Нас просто достали». Это интервью с доцентом Высшей школы экономики Павлом Кудюкиным, одним из инициаторов создания Свободного профсоюза вузовских преподавателей России. Название профсоюза средневековое, цеховое, очень симпатичное, мне нравится. И создать профсоюз предложили преподаватели отличных вузов: МГУ, РГГУ, НИУ ВШЭ и др.

Но повод для повышения активности преподавателей в деле создания профсоюза выбрали такой: злые чиновники из Минобрнауки хотят уволить 44 % преподавателей, а остальных перегрузить на 28 %.

Положение в российской высшей школе следующее.

1) Большая часть университетов и академий учат плохо, специальности не дают, преподавание оторвано от ремесла, от науки, от профессии.

2) Университетов очень много, столько стране не нужно. Ректор ВШЭ проф. Кузьминов предложил термин «массовые университеты». В действительности, не нужно столько специалистов, нет столько квалифицированных преподавателей. Мне 2 года назад казалось, что нужно 50 % университетов закрыть. Теперь, наверное, положение улучшилось, поэтому министерство хочет закрыть только 44 %.

3) Студенты поступают не для того, чтобы получить профессию, а совсем для другого (в армию не ходить, замуж сходить, родителей не огорчать и т. п.). Поэтому студент даже не пытается учиться, а платит деньги преподавателю. Не за то, что преподаватель его научит, а за то, что преподаватель поставит зачет, не уча! Большинство студентов и не может учиться — школьная подготовка слабая. Средняя школа не выпускает столько абитуриентов, сколько требуется, чтобы заполнить первые курсы тысяч университетов.

4) Многие студенты не работают по специальности, которая записана в дипломе. Теперь никому не кажется необычным риэлтор с дипломом врача, клерк с дипломом инженера. К этому привыкли. Зачем тогда?

Можно и дальше перечислять.

О таком положении знают все, преподаватели — в первую очередь. И все-таки протестуют. Защищают РГТЭУ под руководством Сергея Бабурина, а ведь РГТЭУ даже не закрыли, а присоединили к РЭУ имени Плеханова. Повод для забастовки в том, что С. Бабурин не будет ректором, кто-то тоже останется без места, а студентам РГТЭУ, не дай Бог, придется учиться в «Плешке».

Неужели прогрессирующее отставание образования и науки в России от мирового уровня позволяет

порядочному человеку, честному преподавателю бороться за сохранение этих так называемых вузов? Неужели не пугает существующая практика, позволившая отставному председателю ВАК Феликсу Шамхалову получить дипломы всех уровней, от техника до чл.-кора РАН?!

НАСТОЯЩИЕ ДИПЛОМЫ

Реестр и Центр для проверки подлинности дипломов — совершенно необходимая организация. С помощью такого реестра можно будет отличить фальшивый диплом, купленный в подземном переходе, от подлинного диплома, купленного в университете.

(Предлагаю через некоторое время, когда все фальшивки выловят, создать Центр по проверке качества подлинных дипломов, чтобы отсеять молодых специалистов, пять лет бивших баклуши, а потом защитивших дипломные работы, хранящиеся в сейфах на кафедрах, которые уже по несколько раз защитили их предшественники.)

Если это дело о подделке документов, то пусть им занимаются соответствующие органы. Если это делается для информирования работодателей, то любой будущий начальник претендента на должность в полчасовой беседе определит, подходит ли ему сотрудник, а подлинность документа об образовании не очень важна.

Единственная, в моем понимании, польза от такого реестра — создание базы данных для рекрутинговых агентств, «Head Hunter»-ов, заочно набирающих специалистов, например, для иностранных фирм. Пусть они покупают информацию у Мини-

стерства. Но это — небольшой рынок, затраты на создание реестра не отобьются.

Известный бюрократический метод — создать комиссию, а там хоть трава не расти.

АНТИПЛАГИАТ

Заставить студентов учиться — важнейшая задача, без решения этой задачи все реформы высшей школы — пустые хлопоты. Для качественного обучения, в частности, не надо давать студентам «списывать», надо стараться, чтобы они сами писали курсовые и дипломные работы, а не скачивали их в Интернете и не покупали у жучков.

Проверку, насколько студент самостоятельно творит, сумели автоматизировать. Разработаны программы «Антиплагиат», например, «Антиплагиат. ВУЗ», «Аура-Текст» которые выдают %% оригинального и заимствованного текста, и есть уже нормы. В некоторых вузах эти нормы очень высоки, например, 93 % оригинального текста. Конечно, не стоило бы обычное списывание чужой учебной работы называть «плагиатом», т. е. умышленным присвоением авторства чужого произведения науки или искусства, чужих идей или изобретений. Но это — термин, а введение такой проверки — дело хорошее.

Даже если для получения нужного процента обмануть программу, например, заменить в своем тексте русские буквы «о» на латинские «o» или на нолики, и тем создать отличие от оригинала, то любой эксперт, имея текст в электронном виде, может сам проверить, насколько работа списана.

Вижу две проблемы.

1) Как разумно установить нормы заимствования для разных специальностей? Например, практический дипломный проект «Система связи 3G в городе А» должен сильно походить на такой же проект про город Б, хотя в проектах решаются совсем разные задачи (да и значительное различие затруднило бы реализацию проекта), а для философа совпадение с Кантом недопустимо.

2) Как внедрить «Антиплагиат» при существующей практике, когда дипломные работы защищаются каждый год одни и те же и отличаются только тем, откуда «автор» их взял: из сейфа на кафедре, в Интернете или из рук преподавателя.

Для получения нужных %% разрабатываются программы типа «Анти-Антиплагиат», что угодно делают, лишь бы не учиться. Учиться привычки нет, и не заставишь.

Поэтому нельзя ожидать, что программа «Антиплагиат» сама собой поднимет уровень образования. Это всего лишь новый инструмент в руках квалифицированного и добросовестного преподавателя.

ДВА ПУТИ РОССИЙСКОЙ НАУКИ

Тема «Судьба российской науки» сейчас, как никогда, популярна. Все обсуждают выборы президента РАН, взаимные обвинения Минобрнауки и РАН, последствия использования программы «Антиплагиат» для проверки диссертаций, сомнительные ученые степени депутатов и чиновников, низкий процент цитирования работ российских ученых по

Web of Science, различие организации труда ученых у нас и на Западе.

Polit.ru выяснили, что из 2,5 тысячи докторских диссертаций, защищенных в 2012 году, половина вызывает сомнения. Ученые разделились поровну и идут своими путями.

Первый путь. «Ученые труды» защитили люди, решившие, что по своему служебному положению и материальному достатку они вполне могли бы стать докторами наук и что обзавестись ученой степенью полезно для будущего. Многие деятели и не читали своих диссертаций. Пусть фальшивыми докторами занимается, кому положено, лишает их степеней, разгоняет диссертационные советы. Также нужно поступать с университетами, дающими дипломы неучам. Всерьез нужно заняться злодеями, продающими ЕГЭ выпускникам школ, развращающими молодежь. Из таких школьников и студентов вырастут фальшивые доктора наук. Фальшивая «наука» и фиктивное «образование» государству не нужны. Это плохой путь, им не ходите.

Но другая-то половина докторских диссертаций написана серьезными учеными и сильными специалистами! Вот второй путь, по этой традиционной дороге и надо идти. Увы, этот путь надо асфальтировать. Антуан де Сент-Экзюпери писал про астронома, открывшего звезду, но не принятого обществом из-за того, что тот был одет по-турецки. А потом он оделся по-европейски, и его доклад произвел сенсацию.

Писатель осуждал ученое сообщество, не разглядевшее сути дела за шароварами и феской. Мы тоже можем осуждать правила представления научных работ, обижаться, что трудно доказать свое научное величие и получить деньги на исследования с помо-

щью листочка бумаги, на котором плохим почерком записаны гениальные мысли и формулы. Действительно, для оформления нужно столько сил и времени, нужен английский язык, нужна современная офисная техника. Можно осуждать и обижаться, но тогда мы отстанем еще больше.

В наше время научных результатов так много, что разбираться в сути неправильно оформленной работы никто не будет. У вас нет времени оформить работу? А у научного начальника нет времени разбирать ваши каракули или искать ваш труд в неизвестном издании!

В некоторых западных университетах время распределено в соотношении 2 : 1 — два триместра творишь, один триместр готовишь презентацию, представляешь результаты в общепринятой форме. Результаты исследований нужно стараться публиковать в журналах, входящих в РИНЦ (российский индекс научного цитирования) или в международные индексы (Web of science, Scopus). Нужно ездить на конференции и участвовать в конкурсах на гранты.

Важность представления научных результатов понимают, даже проводят семинары, посвященные формированию имиджа ученого в современном мире. Но на семинары ходят немногие, большинство научных работников надеются обойтись без этих новшеств.

Может быть, нужно готовить специалистов по оформлению научных результатов по современным требованиям? Так в свое время создали корпус патентоведов, помогающих оформлять заявки на открытия и изобретения, а на всех предприятиях завели патентные бюро и отделы. Ведь сейчас публикация статьи в рейтинговом журнале — событие не менее значимое, чем получение патента на изобретение.

«ТАБЕЛЬ О РАНГАХ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Некоторое время назад В. Ерофеев предложил эту тему для одной из своих программ «Апокриф». Замечательная тема, ведь «Табель о рангах» влияла на жизнь Российской империи в течение почти двухсот лет и многократно упоминалась в лучших литературных произведениях. Однако в телевизионной передаче стали разбирать «табель о рангах» в переносном смысле. Говорили о «чинодральстве», о карьеризме, о том, как русские писатели осуждали... и т. д. Тема осталась нераскрыта.

«Табель о рангах» была введена Петром I в 1722 году. Без знания этого документа многие произведения наших классиков читаются и понимаются немножко не так, как задумал автор. Ведь пушкинский стационарный смотритель — дворянин. Любой чиновник, получивший чин даже низшего, 14-го класса — «коллежский регистратор», в XVIII веке, в начале XIX века становился дворянином. Но не потомственным, а личным. Дочка его, Дуня, была уже не дворянка. Если же чиновник дослуживался до штаб-офицерского чина, то получал потомственное дворянство. Сын коллежского асессора Н.С. Лесков был дворянином.

Гоголевский Чичиков был коллежским советником даже после отставки (помните, Павел Иванович пострадал по службе). А Подколесин из «Женитьбы» был надворным советником и презирал всяких там секретарей и «титулярных». Кстати, А.С. Пушкин был выпущен из Лицея титулярным советником. Чеховский Толстый — тайный советник, а Тонкий — коллежский асессор. Мирчуткина — губернская секретарша, у ее мужа чин 12-го класса, но не самый низкий, дама этим гордится и «кофий пьет с удовольствием» (только в день юбилея пила без всякого удовольствия).

Хорошо бы вспомнить эпизоды из хороших книг, которые трудно понять без знания «Табели о рангах».

«Он был титулярный советник, она — генеральская дочь»...

СТАРЫЕ ТЕКСТЫ ПРАВИЛИ ВСЕГДА

Немецкие издатели решили исправить не-политкорректных классиков <http://www.rg.ru/2013/01/06/politkorrektnost-site.html>. Сформулированный таким образом тезис может вызвать шум, возмущение, разоблачение варваров XXI века. Но старые тексты правили всегда, и мы читаем исправленные тексты. Правили в основном по следующим причинам.

1) Чтобы тексты стали приличными, не содержали слов, которые на момент правки считались ругательными. Русские сказки, собранные Афанасьевым, нельзя читать ребенку без правки. В них у Бабы-Яги так неаппетитно описаны выделения из носа, а ее

молочные железы имеют столь неправильную форму, что ребеночку лучше не знать, что такое бывает. Вот сказки и пересказывали. Известный обработчик сказок — советский писатель А.Н. Толстой. Другого Толстого Софья Андреевна умоляла убрать из текста неприличные места, чтобы его могли читать молодые девушки.

2) Чтобы тексты стали политкорректными. «По приказу товарища Троцкого! Есть! — повернулся и скрылся скоро, и только на ленте у флотского под лампой блеснуло: «Аврора». Хорошо, в стихах В.В. Маяковского просто вычеркнули строку, а на рифму «Троцкого-флотского» наплевали. В классических стихах пришлось бы переделывать. Из тех же соображений немцы заменили негров на афроамериканцев и афроевропейцев, в современном языке так принято называть чернокожих людей с американскими и французскими паспортами. Российские журналисты идут дальше, и конголезцев называют афроамериканцами.

3) От глупости. Не знаю, по какой причине, говорят, чтобы обойти закон об охране авторских прав, просто портят тексты. Убрали прелестное «Не пей из копытца, козленочком станешь!» А когда все-таки стал козленочком, то просится к морю «кишочки прополоскать». Когда было «второе пришествие» Сергея Есенина, признали его хорошим поэтом, но книгу купить еще было трудно, то при переписке заменяли «розового коня» на «резвого», полагая, что в «слепом» экземпляре, с которого переписывали, была ошибка. И так далее, до бесконечности.

Были, правда, поборники сохранения первоисточников без изменения. Самый известный из

них — Господь Бог. Он остановил св. Симеона, когда святой хотел поправить «Дева» на «Жена».

Благодаря поборникам сохранности текстов, стали известны некоторые исторические подробности. Средневековый раввин Ибн Эзра, изучая Тору, понял, что Пятикнижие не мог написать Моисей. Опубликовать эту крамольную мысль в XII веке было никак нельзя, и Ибн Эзра зашифровал свое открытие. Бессмысленный текст переписывали без изменений тысячу лет и только в наше время поняли, в чем дело.

Но это — исключительные случаи. Тексты переделывают. А что нельзя переделать, жгут и забывают.

ЧИТАЕМ ПО-ДРУГОМУ

Читать стали меньше и читать стали по-другому. Современные читатели понимают и оценивают тексты совсем не так, как понимали и оценивали тексты 20–30 и более лет назад.

Во-первых, красоты стиля не производят впечатления на читателя. Изящные словечки не запоминаются. Читатель теперь не выделяет в тексте афористичные высказывания. Труд писателя, оттачивающего стиль, шлифующего подробности, иногда даже в ущерб смыслу, читателю стал не нужен. Гоголевская птица, не долетающая до середины Днепра, стала совсем непонятна. Читатели, как Аинька и Любинька у Салтыкова-Щедрина, не могут понять, из истории это или из географии. Поэтому, кстати, и стихов не читают.

Во-вторых, стал уже спектр ассоциаций, жизненных аналогий, которые вызывает у читателя хороший текст, расширяя тем самым собственный взгляд человека на мир, возбуждая душу. Без такого душевного отклика текст остается непонятым. Понимают не спектр, а что-нибудь одно, простое. Вот и пишет читательница про «Милого друга» Мопассана: «Как он мог так поступать с женщинами?! Зачем такие книги разрешают печатать?!» Хорошо, если угадывают фабулу, а то хвалят и ругают роман за то, чего вообще в нем нет. Оттенки, нюансы, боковые линии, события второго плана пропадают, а без них нет литературного произведения, без них нет жизни.

В-третьих, современный читатель не примеряет книжную премудрость на себя, не ставит себя на место героев. А ведь если не «влезть в текст», «не расползтись промеж книжных строк», так и не стоит читать произведение изящной словесности. Теперь читатель, пораженный проникновением классика в собственные мысли, чувства, даже в обстоятельства, реже восклицает: «Откуда он знал!» — имея в виду писателя, умершего больше ста лет назад. Один знакомый мне молодой журналист писал такими чудовищными штампами, что вспоминался документ, созданный в литерном поезде Остапом Бендером. Я посоветовал молодому человеку прочитать рассказ Чапека «Эксперимент профессора Роусса». Через некоторое время он мне сообщил, что рассказ ему понравился. Вежливый малый, ему сказали — он прочитал. Никаких ассоциаций у него не возникло, мысль переделать собственные штампованные статьи не пришла ему в голову. Своего сходства с героем рассказа, думавшего, говорившего и писавшего штампами, мой журналист не увидел.

Место литературы в обществе изменилось, роль литературы в жизни стала значительно скромнее. В общем, изящная словесность не нужна. Может быть, последняя актуальная задача литературных произведений состоит в том, чтобы научить журналистов (интернет-журналистов) хорошему языку и внятному изложению.

А раз литература обходится без прилагательного «художественная», раз читателю все равно, что читать, то и писатели не особенно стараются писать. «На пляже без книги скучно, до пляжа требуется лететь на самолете, значит книги нужно отбирать компактные с мелким шрифтом, назад домой не везти ни в коем случае, место для покупок освободится», — такой массогабаритный подход к подбору книг изложил мне вполне здравомыслящий и современный читатель.

Впрочем, все это воркотня. Остались еще читатели очень высокой квалификации, которые все прочитали, все прочувствовали и все поняли. Просто их стало меньше.

ПОЭТЫ — ПО ОДНОЙ СТРОКЕ

Великая русская литература — это совокупность произведений и имен. В прозе имя и произведение идут в паре: Лев Толстой — «Война и мир», Федор Достоевский — «Братья Карамазовы» и т. д. В поэзии связь имен и произведений ослаблена. Конечно, все знают, что «Евгения Онегина» написал А.С. Пушкин, но дальше — сложнее. В городах именами поэтов названы улицы, а что написали поэты, мало кто может сказать.

Заставить современного человека читать стихи нельзя, время не то. Стихи читает только тот, кто хочет. Читателей стихов стало меньше, чем поэтов. Сейчас не то время, когда поэты были «властителями дум».

Но поэзия не умерла, в поэтическом слове содержится такая сила, что хорошая поэтическая строка сама, в отрыве от своего создателя-поэта проникает в язык, становится обязательной частью речи. Хорошо бы молодым людям знать главных поэтов и связать сеть имен с сетью стихотворений, отдельных стихотворных строк.

Целые стихотворения оставили в памяти массового читателя только Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Некрасов, может быть, еще несколько поэтов. От большинства знаменитых поэтов остались одна строка или несколько строк. Но хорошо бы, произнося эту строку, знать, кто ее придумал, хотя большинство людей, вставляя в свою речь часть стихотворения, не знают этого. Они полагают, что используют общепринятый оборот речи, «так все говорят», так же как мы, используя народные пословицы и поговорки, не знаем, кто их автор.

В таблице приведены авторы известных стихотворных строк. Популярность строк определяется различными факторами: совершенством (в смысле: мудростью, музыкальностью, красотой, пронзительностью и т. д.), известностью песни, если строка из песни, а также случайными причинами. В таблицу вставлены также не очень популярные строки очень известных поэтов.

С благодарностью принял бы правки и дополнения коллег, особенно если подскажете подходящие строки Каролины Павловой, Николая Рубцова, Семена Кирсанова и других очень хороших поэтов.

№ п.п.	ИМЯ ПОЭТА (по алфавиту)	ГОДЫ ЖИЗНИ	СТРОКА или СТРОКИ (выделены наиболее популярные слова)
1	Иннокентий Анненский	1855–1909	Среди миров, в мерцании светил Одной Звезды я повторяю имя... Не потому, чтоб я Ее любил, А потому, что я томлюсь с другими
2	Алексей Апухтин	1840–1893	Пара гнедых, запряженных с зарею Ночи безумные, ночи бессонные...
3	Белла Ахмадулина	1937–2010	А напоследок я скажу...
4	Анна Ахматова	1889–1986	Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда
5	Эдуард Багрицкий	1895–1934	Нас водила молодость в сабельный поход, Нас бросала молодость на кронштадтский лед
6	Константин Бальмонт	1867–1942	Поспевает брусника, Стали дни холоднее, И от птичьего крика В сердце стало грустнее.
7	Евгений Баратынский	1800–1844	Не ищущай меня без нужды
8	Константин Батюшков	1787–1855	О, память сердца! ты сильнее Рассудка памяти печальной
9	Агния Барто	1906–1981	Идет бычок, качается
10	Ольга Бергольц	1910–1975	Никто не забыт и ничто не забыто
11	Александр Блок	1880–1921	Ночь, улица, фонарь, аптека...
			Опять, как в годы золотые, Три стертых треплются шлеи...
			О доблестях, о подвигах, о славе...
			И вечный бой! Покой нам только снится.
12	Василий Богданов	1837–1886	Много песен слышал я в родной стороне, Как их с горя, как с радости пели, Но одна только песнь в память врезалась мне, Это — песня рабочей артели: «Ухни, дубинушка, ухни!..»
13	Иосиф Бродский	1940–1996	Ни страны, ни погоста не хочу выбирать, на Васильевский остров я приду умирать.
			Ворюга мне милей, чем кровопийца

14	Валерий Брюсов	1873–1924	Юноша бледный со взором горящим
15	Иван Бунин	1880–1953	Я — простая девка на баштане, Он — рыбак, веселый человек.
16	Александр Вертинский	1889–1957	Благодарю вас за любовь, похожую на муки Лиловый негр Вам подает манто В бананово-лимонном Сингапуре...
17	Юрий Визбор	1934–1984	А также в области балета мы впереди планеты всей
18	Андрей Вознесенский	1933–2010	Плачет девочка в автомате Миллион алых роз
19	Владимир Высоцкий	1938–1980	Придешь домой, там ты сидишь
20	Петр Вяземский	1792–1878	Тройка мчится, тройка скачет, Вьется пыль из-под копыт...
21	Александр Галич	1918–1977	Мы похоронены где-то под Нарвой...
22	Расул Гамзатов	1923–2003	Мне кажется порою, что солдаты, с кровавых не пришедшие полей, не в землю нашу полегли когда-то, а превратились в белых журавлей
23	Зинаида Гиппиус	1869–1945	И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой, Народ, не уважающий святынь!
24	Федор Глинка	1786–1880	Вот мчится тройка удалая Вдоль по дороге столбовой
25	Александр Грибоедов	1795–1829	Карету мне, карету! Свежо предание, да верится с трудом
26	Аполлон Григорьев	1822–1864	Две гитары, зазвенев, жалобно заныли...
27	Николай Гумилев	1886–1921	Чье название — Муза Дальних Странствий. Откуда я пришел, не знаю... Не знаю я, куда уйду,
28	Гавриил Державин	1743–1816	Отечества и дым нам сладок и приятен. Шекспирская стерлядь золотая... Гром победы раздавайся! Веселися, храбрый Росс! Заслуги в гробе созревают
29	Евгений Евтушенко	1933	Поэт в России — больше, чем поэт Хотят ли русские войны?

30	Сергей Есенин	1895–1925	Не жалею, не зову, не плачу, все пройдет, как с белых яблонь дым... Ты жива ль еще, моя старушка? Отговорила роща золотая березовым веселым языком... Лицом к лицу лица не увидеть.
31	Александр Жаров	1904–1984	Взвейтесь кострами, синие ночи!
32	Василий Жуковский	1783–1852	Раз в крещенский вечерок девушки гадали... Боже, Царя храни!
33	Николай Заболоцкий	1903–1958	Душа обязана трудиться
34	Михаил Исаковский	1900–1973	Враги сожгли родную хату Расцвели яблони и груши... Снова замерло все до рассвета...
35	Павел Коган	1918–1942	Бригантина подымает паруса. Я с детства не любил овал! Я с детства угол рисовал!
36	Иван Козлов	1779–1840	Вечерний звон, вечерний звон! Как много дум наводит он...
37	Алексей Кольцов	1809–1842	На заре туманной юности...
38	Александр Кочетков	1900–1953	С любимыми не расставайтесь! Всей кровью прорастайте в них, И каждый раз навек прощайтесь! Когда уходите на миг!
39	Иван Крылов	1769–1844	А вы, друзья, как ни садитесь, Все в музыканты не годитесь. Слона-то я и не приметил Марышка и очки Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать
40	Юрий Кукин	1932–2011	А я еду, а я еду за мечтами, За туманом и за запахом тайги
41	Александр Кушнер	1936	Времена не выбирают, в них живут и умирают...
42	Петр Лавров	1823–1900	Отречемся от старого мира! Отряхнем его прах с наших ног!
43	Василий Лебедев-Кумач	1898–1949	Вставай, страна огромная...

44	Михаил Лермонтов	1814–1841	Выхожу один я на дорогу
			Белеет парус одинокий
			Ночевала тучка золотая...
			Печально я гляжу на наше поколенье!
			Люблю Отчизну я, но странною любовью!
			Не победит ее рассудок мой.
45	Михаил Ломоносов	1711–1765	Прощай, немытая Россия,
			Открылась бездна звезд полна,
			Звездам числа нет, бездне дна
			В восторге пред тобой пою я похвалу,
46	Аполлон Майков	1821–1897	не камням дорогим, не злату, но стеклу.
			И может собственных Платонов
47	Иван Макаров	1821–1852	и быстрых разумом Невтонов
			российская земля рождать
48	Осип Мандельштам	1891–1938	Весна! Выставляется первая рама — ...
			Однозвучно гремит колокольчик,
49	Владимир Маяковский	1893–1930	И дорога пылится слегка
			Мы живем, под собою не чуя страны
			Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
			Я список кораблей прочел до середины...
50	Самуил Маршак	1887–1964	Что такое хорошо, и что такое плохо
			Клячу истории загоним. Лево! Лево!
			Лево!
51	Новелла Матвеева	1934	Если звезды зажигают, значит это кому-нибудь нужно?
			А вы ноктюрн сыграть могли бы на флейте водосточных труб?
52	Григорий Мачтет	1852–1901	Разекает щука рот, а не слышно,
			что поет
53	Лев Мей	1822–1862	Владелец заводов, газет, пароходов
			Любви моей ты боялся зря...
54	Алексей Мерзляков	1788–1830	Замученный тяжкой неволей,
			Ты славную смертью почил...
55	Михаил Михайлов	1829–1865	Хотел бы в единое слово
			Я слить мою грусть и печаль
56	Сергей Михалков	1913–2009	Среди долины ровныя...
			Во Францию два гренадера
57	Юнна Мориц	1937	Из русского плена брели.

56	Сергей Михалков	1913–2009	Мы едем, едем, едем...
			Россия, священная наша держава...
			Уважали дядю Степу за такую высоту.
57	Юнна Мориц	1937	Когда мы были молодыми и чушь прекрасную несли
58	Александр Навроцкий	1839–1914	Есть на Волге утес, диким мохом оброс Он с боков от подножья до края...
59	Семен Надсон	1862–1887	Ах, красота — это страшная сила!..
60	Николай Некрасов	1821–1877	Коня на скаку остановит,
			в горящую избу войдет
			Опять я в деревне, хожу на охоту...
			Тепло ли тебе, молодница?
			И погромче нас были витии,
			Да не сделали пользы пером...
61	Иван Никитин	1824–1861	Дураков не убавим в России,
			А на умных тоску наведем.
			Вот приедет барин — барин нас рассудит
			Поэтом можешь ты не быть,
62	Николай Огарев	1813–1877	Но гражданином быть обязан.
			Ой, полна, полна моя коробушка...
63	Александр Одоевский	1802–1839	Дремлет чуткий камыш
64	Булат Окуджава	1924–1997	Песнь моя летит с мольбою
			Тихо в час ночной...
65	Борис Пастернак	1890–1960	Слышишь, в роще зазвучали
			Песни соловья;
			Звуки их полны печали,
66	Алексей Плещеев	1825–1893	Молят за меня.
			Из искры возгорится пламя
67	Яков Полонский	1819–1898	Полночный троллейбус, мне дверь отвори
			Ах, Арбат, мой Арбат...
68	Борис Пастернак	1890–1960	Февраль, достать чернил и плакать
			Цель творчества самоотдача, а не шумиха,
			не успех...
69	Алексей Плещеев	1825–1893	Я весь мир заставил плакать над красой земли моей...
70	Алексей Плещеев	1825–1893	Уж тает снег, бегут ручьи,
			В окно повеяло весною...
71	Яков Полонский	1819–1898	Засвищут скоро соловьи,
			И лес оденется листвою!
72	Яков Полонский	1819–1898	Мой костер в тумане светит;
			Искры гаснут на лету...

68	Козьма Прутков	1803–1863	Вянет лист, проходит лето, иней серебрится, юнкер Шмидт из пистолета хочет застрелиться... Зри в корень!
69	Александр Пушкин	1799–1837	Мороз и солнце: день чудесный!
			Буря мглою небо кроет
			Я помню чудное мгновенье
			Мой дядя самых честных правил
			Любви, надежды, тихой славы недолго нежил нас обман
			Сижу за решеткой в темнице сырой
			Подруга дней моих суровых
70	Леонид Радин	1860–1901	Унылая пора! Очей очарованье! И опыт сын ошибок трудных, и гений парадоксов друг
			Смело, товарищи, в ногу! Духом окрепнув в борьбе, В царство свободы дорогу Грудью проложим себе.
71	Роберт Рожде- ственный	1932–1994	Не думай о секундах свысока
72	Николай Рубцов	1934–1971	В горнице моей светло.
73	Кондратий Рылеев	1795–1826	Ревела буря, гром шумел; Во мраке молнии летали;
74	Дмитрий Садовников	1847–1883	Из-за острова на стрежень, На простор речной волны...
75	Давид Самойлов	1920–1990	Сороковые, роковые
76	Игорь Северянин	1987–1941	Ананасы в шампанском Я — гений, Игорь Северянин
			Каховка, Каховка — родная винтовка
77	Михаил Светлов	1903–1964	Гренада, Гренада, Гренада моя...
			Этапы большого пути
78	Константин Симонов	1915–1979	Жди меня, и я вернусь Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины
79	Борис Случцкий	1919–1986	Убили самых смелых, самых лучших, а тихие и слабые спаслись.
80	Ярослав Смеяков	1913–1972	Если я заболею, я к врачам обращаться не стану...
			Хорошая девочка Лида
81	Иван Суриков	1841–1880	«Что шумишь, качаясь, тонкая рябина, Низко наклоняясь головою к тыну?» Вот моя деревня, вот мой дом родной

82	Алексей Сурков	1899–1983	Бьется в тесной печурке огонь, На поленьях смола, как слеза...
83	Константин Романов (К. Р.)	1858–1915	Умер бедняга в больнице военной
84	Арсений Тарковский	1907–1989	Вот и лето прошло, словно и не бывало, На пригреве тепло, только этого мало.
85	Александр Твардовский	1910–1971	Переправа, переправа! Берег левый, берег правый,...
			Я убит подо Ржевом, в безымянном болоте
86	Николай Тихонов	1896–1979	Гвозди б делать из этих людей: крепче б не было в мире гвоздей
			Мы разучились нищим подавать, дышать над морем высотой соленой, встречать зарю и в лавках покупать на медный мусор золото лимонов.
87	Алексей Константи- нович Толстой	1817–1875	Колокольчики мои, Цветики степные!
			Средь шумного бала, случайно...
			Земля у нас богата, порядка только нет
			Коль любить, так без рассудку, Коль грозить, так не на шутку, Коль ругнуть, так сгоряча, Коль рубнуть, так уж сплеча!
			Средь шумного бала, случайно...
88	Василий Тредьяковский	1703–1769	Устам отвечала Своим языком, И дикость пропала При взгляде моем
89	Иван Тургенев	1818–1883	Утро туманное, утро седое...
90	Вероника Тушнова	1911–1965	Не отрекаются, любя
91	Федор Тютчев	1803–1873	Я встретил вас — и все былое
			Умом Россию не понять, аршином общим не измерить: у ней особенная стать — в Россию можно только верить
			Люблю грозу в начале мая...
92	Афанасий Фет	1820–1892	Я пришел к тебе с приветом, Рассказать, что солнце встало...
93	Михаил Херасков	1733–1807	Коль славен наш Господь в Сионе...

94	Владислав Ходасевич	1886–1939	И вот, Россия, «громкая держава», Ее сосцы губами теребя, Я высосал мучительное право Тебя любить и проклинать тебя.
95	Василий Чувевский	Середина XIX века	Гори, гори, моя звезда
96	Корней Чуковский	1882–1969	Нынче Муха-Цокотуха именинница... Не ходите, дети, в Африку гулять
97	Тарас Шевченко	1814–1861	Не забудьте помянуть незлым тихим словом. Ревет и стонет Днепр широкий
98	Степан Щипачев	1899–1980	Любовь — не вздохи на скамейке и не прогулки при луне
99	Марина Цветаева	1892–1941	О, черная гора, затмившая весь свет! Мне нравится, что вы больны не мной...
100	Николай Языков	1803–1846	Нелюдимо наше море, День и ночь шумит оно; В роковом его просторе Много бед погребено.

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» В ТЕАТРЕ ИМЕНИ ЕВГЕНИЯ ВАХТАНГОВА

Спектакль идет с февраля этого года. Зал полный, но билеты у входа в театр перед началом можно купить по той же цене, что и заранее. Публика солидная, театральная, не очень молодая.

Спектакль необычный, иногда чувствуешь себя Ипполитом Матвеевичем Воробьяниновым на «Женитьбе» в театре «Колумба», особенно, когда актеры на сцене весело носят табуретки и скамейки. Актеры — всех вахтанговских поколений: Юлия Борисова, Людмила Максакова, Галина Коновалова (партнеры великих Николая Гриценко, Михаила Ульянова, Николая Плотникова, Юрия Яковлева, их

предшественники когда-то создали театр вместе с Е.Б. Вахтанговым, а они продолжили с Рубеном Симоновым); Сергей Маковецкий, Алексей Кузнецов; хорошая молодежь.

Постановка — действительно «Сцены из романа», как и обозначено в программке на многих карточках, вложенных в конверт. Не искажение, не оскорбление великого творения А.С. Пушкина. Нет насмешек над гением, чего я боялся. Есть театральное прочтение, созданное режиссером Римасом Туминасом и актерами одного из лучших театров страны.

Очень хороша Татьяна (Татьяны Ларины, их несколько). Она — вылитая пушкинская героиня, тот же облик, так же влюблена и доверчива. Но она становится неприступной в замужестве, веришь, что романа с Онегиным у нее не будет! Всего-то косу отрезали и в корзину положили! А актриса показала преображение в молодую, но настоящую светскую даму (хорошо бы мужу Татьяны звезду добавили на фрак, один крест на шее — маловато наград).

Прелестна стайка девушек. Такую прелесть сейчас редко увидишь, а тот, кто видит девушек только в Интернете и в передаче «Давай поженимся!», может и не узнать, что существуют такие чудесные девушки.

Евгений Онегин («их» трое) интересен, очень даже можно в него влюбиться дворянской дочке. Каждый из актеров играет свою часть Онегина. Маковецкий — пожилая душа молодого человека. Прозаический перевод письма Татьяны очень смешной. Вообще, по реакции зала видно, что не все помнят роман, и что Пушкин сейчас актуален до злободнев-

ности. (Можно было бы Онегиным и Гусару поработать над сценической речью.)

Владимир Ленский с черными (белыми) кудрями мне очень понравился, разволновал. Ничего-то он не понимал в жизни, бедный поэт. Писал стихи, бежал за Ольгой Лариной, играл, в общем. А тут Онегин его Ольгу за аккордеон потрогал (Ольга все время с аккордеоном). Пустяк! А Ленский вздумал драться с Онегиным на дуэли, стихи предсмертные читает: «Паду ли я стрелой пронзенный...» Не может остановиться, а смерть уже рядом, он уже и внешне другой, не веселый красавец, любимец муз, а какой-то нелепый, нестройный. Его раздевают до пояса, и вот уже несут мертвого... И это сыграл молодой актер. Я видел слезы у зрительниц. Действительно, жалко Ленского, хоть мы и привыкли за долгие годы, что он погиб так глупо. М.Ю. Лермонтову тоже было жалко Ленского, сраженного «безжалостной рукой».

Всего не перескажешь. Есть еще странница (судьба?) с домрой, которая удерживает Онегина от неверных поступков, звучат стихи Пушкина в исполнении И. Смоктуновского, есть зайчик, не разобрал к чему.

Музыка П.И. Чайковского, основная музыкальная тема спектакля, подходит к действию прекрасно. Романсы середины XIX века не слишком сливаются с действием (кажется, что анахронизм).

На темное зеркало за сценой интересно смотреть, декорации и современные (поднимающиеся качели), и традиционные (очень хороший возок для переезда семейства Лариных в Москву), и всякие. Оформлен спектакль хорошо.

Вполне интересный и добротный спектакль, длится почти четыре часа.

ОЧЕРЕДНОЙ СПОР О СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ

Галерейщик Емельян Захаров в одном интервью в глянцевого журнала заявил: «Русское искусство — говно!» Многим, в том числе и мне, это высказывание кажется обидным и несправедливым. И в ответ мы мстительно воскликнем: «Современное искусство — говно!» Точнее — бессмысленные каляки-маляки. Так же думали и руководители нашей страны. Правда, они были не всегда последовательны в своем неприятии современного искусства. Например, Никита Сергеевич Хрущев увековечил свой образ в полосатом памятнике на Новодевичьем кладбище работы Эрнста Неизвестного.

Вечный спор продолжила статья Александра Снегирева под названием «Народ не фарш». Автор статьи полемизирует с министром культуры Владимиром Мединским, высказавшимся в смысле «каляки-маляки». Вслед за критикой министра идет примирительный вывод про «разумное равновесие».

Спор непростой. Кого куда отнести? Василий Кандинский и Казимир Малевич — Иван Шишкин и Василий Поленов. Тут ясно. А Андрей Рублев, Эль Греко и Иероним Босх — они кто, древние абстракционисты? Илья Репин, Валентин Серов, Пьер Огюст Ренуар — этих великих художников куда записать?

Опять же, расцвет фотографии. Стоит ли писать натуралистический портрет, когда фотохудожник за полчаса создаст образ портретируемого, более похожий на оригинал? А чтобы показать то, чего не

видно на фотографии, нужно отступать от натурализма, тогда даже люди, далекие от искусства, посмотрев на «каляки-маляки», сразу узнают, поймут и воскликнут в страхе: «Клетчатый!» — как в известных «Приключениях принца Флоризеля».

Даже натуралистка Наташа Ростова допускала абстракции, представляла людей предметами мебели.

Скоро появится объемная 3D-фотография, тогда статуи можно будет лепить, как фотопортреты. Если найдешь хорошую натурщицу, будет Венера Милосская (и с руками). Но никакая объемная фотография не сможет соперничать со скульптурами Сергея Коненкова, Паоло Трубецкого или Огюста Родена. Уже сейчас, без 3D, памятник Гоголю «во дворе» Николая Андреева в общественном мнении победил памятник на Бульваре Николая Томского.

Итак, вместе с Александром Снегиревым и Мао Цзэдуном воскликнем:

«Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ». (Но всегда есть опасность, что наколют, но это к предмету разговора не относится. Мастера есть такие, что и Рембранта фальшивого могут втюхать).

«НЕ ХОДИТЕ, ДЕВКИ, ЗАМУЖ...»

Суть скандала с Pussy Riot большинству людей представляется так. Музыкальная группа с названием, написанным латинскими буквами, в главном православном соборе страны выступила с протестом против существующей власти. За это трех красивых молодых образованных женщин по-

садили в тюрьму, осудили за хулиганство и приговорили к двум годам реального заключения. Многие возмущены жестоким приговором, политики и мировые поп-звезды призывают не преследовать музыкантов по политическим мотивам. Одна наша эстрадная звезда говорит в микрофон: «Конечно, их музыка так себе, настоящее музыкальное творчество только у меня, но сажать их нельзя!» Их оппоненты, наоборот, довольны приговором. Так другая поп-звезда «поддерживает и одобряет», потому что осужденные и музыканты плохие, и вели себя плохо (как у Владимира Высоцкого: «Пел немзыкально он, скандалил, ну, выходит, правильно, что дали!»).

Оказывается, если разобраться, все немножечко не так.

Группа не музыкальная, никаких мелодий группы PR нет. Группа эпатажная, протестная. Девчонки профессионально бунтовали. Несколько раз уже устраивали акции, то на площади, то в музее, но большого скандала не получалось. Теперь скандал получился, да еще какой!

Название группы понятно любому, кто знает частушку «Не ходите, девки, замуж, ничего хорошего...»

Таким образом, меняется оттенок события: не музыканты угнетаются жестокой властью, а «профессиональные революционерки» из команды с неприличным названием добились своего.

Конечно, их нужно отпустить, на два года лагерей они не «нахулиганили». Есть надежда, что девушки с такими прекрасными лицами в дальнейшем будут использовать свой талант «в мирных целях», тем более что материально они теперь обеспечены.

ПИСЬМО Д.С. ЛИХАЧЕВА О РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Основная черта русской интеллигенции, по Лихачеву, — внутренняя свобода, читай, достоинство. Также сакральные книги древних индусов, веды, чуть ли не на первой странице говорят о достоинстве как об источнике мудрости и нравственности.

Сохранить достоинство без денег можно, но трудно. Отсутствием денег, нищетой, безвыходным положением человек оправдывает свои подлые поступки. Сохранить внутреннее достоинство, сохранить себя гораздо легче, если у тебя есть уверенность в завтрашнем дне.

Вот почему граждане страны победившего пролетариата не имеют внутреннего достоинства. Даже очень богатые люди уверены, что по воле власть имущих могут потерять все: и близких, и состояние. В лапах безнаказанной власти вчерашние богачи и начальники теряют себя, не проявляют внутреннего благородства.

Без достоинства не может быть настоящей демократии, рабская толпа действует по мановению руки господина. Избирательное законодательство западных демократий еще немногим более 100 лет назад предусматривало имущественные цензы для участия в выборах. Бедняку нечего терять, за горбушку хлеба и представление в цирке бедняк сделает все.

Давайте богатеть, богатые люди в третьем поколении становятся Щукиными, Морозовыми и Третьяковыми. Их потомки формируют генофонд нации.

Давайте соблюдать законы. В третьем поколении гражданин будет уверен, что никто не может отнять у него семью, жизнь, свободу и имущество.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Национальная идея нужна любой стране. Народ, каждый человек, от госчиновника до диссидента, должен хоть немного верить в нее. Гражданин соглашается отказаться от части своих прав и от части своего имущества ради национальной идеи. Человек верит, что его страна может стать или уже стала самой богатой, самой свободной, самой удобной, самой душевной. Человек радуется, что его страна первая направила человека в космос, или первая достигла Луны, или добилась присоединения Гонконга, или удвоила ВВП, или имеет самую высокую гору в мире и пускает на нее альпинистов из многих других стран, или что его страна — самая восточная, и в ней восходит солнце. Без национальной идеи коррупцию не победить.

Национальную идею для современной России в последние годы пытались сформировать. Но после нескольких ужасных уличных трагедий в наших городах вдруг стали говорить о национальной идее, как о сосуществовании нескольких национальностей в одной стране. Пользуются простым созвучием и отвлекают людей. Не увлекают людей национальной идеей, т. е. идеей, общей для всех граждан страны, а навязывают опасные и бесперспективные споры, какие национальности внутри страны равны, а какие ровнее.

БЛЕСК И НИЩЕТА ЭФФЕКТИВНЫХ МЕНЕДЖЕРОВ

Статья известного театрального деятеля Александра Белинского посвящена Большому театру, но поднимается в статье глобальная, всероссийская, мировая проблема.

Кто должен руководить научным учреждением — ученый или эффективный менеджер?

Кто должен командовать вооруженными силами — полководец или эффективный менеджер?

Кто должен управлять театром — главный режиссер (дирижер, балетмейстер) или эффективный менеджер?

Вопросы сложные, и должны решаться каждый раз по-новому. У нас в последнее время выбирают, как правило, эффективных менеджеров, управленцев. Молодой энергичный банковский работник садится в кресло директора предприятия и, если в течение нескольких лет на предприятии ничего не взорвется, то эффективный менеджер переходит на место повыше. Но ведь взрывается, много взрывается.

Еще один аспект — эффективный менеджер воюет все подряд, а крупный специалист не станет прямо вредить делу своей жизни.

Александр Белинский в своей статье решает вопрос однозначно — театром должен руководить большой художник, а беды, постигшие Большой, в значительной степени вызваны отсутствием Большого человека во главе Большого театра.

ГРЕЗЫ О ТЕАТРЕ НА ТАГАНКЕ

Театру на Таганке не 50 лет, а больше. До прихода Ю.П. Любимова в этом помещении был другой театр, в который не очень-то ходили (билеты даже давали «в нагрузку»).

Потом пришел Юрий Петрович, и началось.

Я сам стоял в очереди под номером 274, а продавали в кассе 74 билета по 2 в руки, то есть первым 37, которые, понятно, были профессионалами подпольного билетного бизнеса. Но как-то мы иногда попадали в театр, обычно без мест по входным билетам за 30 копеек. Один раз меня выхватил из очереди Рамзес Джабраилов и послал отправить телеграмму от Владимира Высоцкого. Я тогда поговорил с Высоцким и получил 2 входных билета на «10 дней, которые потрясли мир». Были и другие случаи, благодаря которым мы в 9–10-м классах пересмотрели весь репертуар. За 50 лет в Театре случалось всякое: делились, дрались, мирились, уходили, приходили. Главное, умирали.

Потом Юрий Петрович ушел окончательно, и кончилось.

Есть такие театры, которые не могут существовать без создателя. И не только театры, я знаю оборонный институт, который разваливается оттого, что стар стал его создатель. Театру нужен лидер. Посмотрите, подобные проблемы и в Большом, и в Театре им. Ермоловой, и им. Гоголя и т. д. Другими театрами руководят «варяги». На Таганку просят вернуться Любимова, который еле ходит и сильно обижен. Не стало почему-то талантливых режиссеров, из кого выбирать, мало пьес, которые хочется

ставить и создавать театр. В МХТ была «Чайка», в «Современнике» — «Добрый человек из Сезуана».

Посоветоваться надо с мудрецами-театралами, такими, как Александр Белинский, Анатолий Смелянский. Мне кажется, они придумают, а «эффективные менеджеры» только испортят дело.

КОМУ ХОРОШО ЖИВЕТСЯ?

НИКОМУ. Человеку не хватает средств, и он не знает, как заработать еще. Человек страдает от болезней, которые можно было бы вылечить или облегчить, но у него нет такой возможности. Человек занят, поэтому отдает своих детей нянькам, которые все время разговаривают по сотовому телефону и детьми не занимаются, а потом отдает своего ребенка в университет, где деньги берут, диплом дают, но учат плохо. Человек обижен на весь мир, даже на своих родных, и ждет подвоха и обмана от государства, от начальства, от детей и от семьи. Это касается любого человека: русского в России, русского за границей, еврея в Израиле или в России, англичанина, итальянца, рабочего, крестьянина, учителя, врача, инженера, военного.

КРОМЕ ЭЛИТЫ. Здесь человек работает с удовольствием (или бездельничает с наслаждением), не считает денег, для него не существуют границы и ограничения. Человек может даже осуществить детскую мечту и, заплатив миллионы, полететь в космос.

Но «пряников сладких всегда не хватает на всех». Поэтому, кому быть в элите, решается в борьбе, в войне, в бунте. Даже если победишь, нужно дальше

бороться, иначе вылетишь из элиты. Герой Евгения Леонова в фильме «Кин-дза-дза» только гордится тем, что он — четланин, а не пацак, а так-то разве он — элита? Победивший в Октябрьской революции рабочий класс элитой не стал, элитой стали бюрократы. «При царе» дворянство было реальной элитой.

Справедлива ли борьба, определяется тем, какая часть общества попала в элиту и за какие заслуги. Если в элиту попадают самые трудолюбивые, самые справедливые, самые талантливые, самые красивые, самые сильные, и их много, то получается справедливое общество. Прекрасные люди, ставшие элитой, и остальным (необразованным, ленивым, больным) не дадут пропасть, и детей своих воспитают в сочувствии к слабым и неприспособленным. Ведь в таком обществе средства на это появятся.

Но так бывает редко. На конкурсе стройных фигур может победить хилый интриган.

ИЗ ИСТОРИИ
СОВЕТСКОЙ РАДИОЛОКАЦИИ.
Часть 1

История радио, которому сто лет, полна драматических событий, в которых переплелись технические достижения и человеческие судьбы. Расскажем об истории появления некоторых радиоустройств.

Одна из важнейших задач военного радио состоит в дальнем обнаружении самолетов и ракет противника, в заблаговременном предупреждении об авианалете. С самого начала аспекты этой области техники обсуждались в очень высоких кабинетах.

Идея создания радиолокатора принадлежит военному инженеру Павлу Кондратьевичу Ощепкову. В 1933 году вышла его статья об «электровидении», в которой предлагалось обнаруживать самолет по отраженному радиоимпульсу. П.К. Ощепков добился обсуждения идеи «электровидения» у начальника вооружений РККА М.Н. Тухачевского. На совещании присутствовали президент АН СССР А.П. Карпинский, академик А.Ф. Иоффе и другие выдающиеся ученые. Одобрение идеи «электровидения» (на современном языке — радиолокации) на таком представительном форуме дало возможность быстро создать невиданное устройство — электровизор.

В рассказах об этом совещании осталось «особое мнение» А.Ф. Иоффе, который, одобряя идею «электровизора», считал, что для обнаружения самолетов следует применять не дециметровые, а более длинные радиоволны, например, метровые. Метровые волны соизмеримы с самолетом. Для метровых волн самолет — рассеивающая неоднородность с размерами порядка длины волны. Такая неоднородность рассеивает радиоволну в пространстве равномерно во всех направлениях, в частности, в направлении «назад», обратно, к «электровизору». В этом случае можно принять отраженный от самолета импульс. Для дециметровых и сантиметровых волн детали самолета — отражающие поверхности (плоскости), поэтому пришедшие от «электровизора» к самолету радиоволны отразятся от плоских поверхностей направленно и назад к «электровизору» не попадут.

80 лет назад обсуждались вопросы, которые в дальнейшем исследовались при составлении «радиолокационных портретов» различных летательных аппаратов, а сейчас относятся к технологии «стелс», к созданию самолетов-невидимок!

Решение совещания быстро воплотилось в жизнь. В 1934 году в присутствии ученых и военачальников был испытан «электровизор». В связи с этим осталась еще одна «академическая» история. М.Н. Тухачевский перед испытаниями поинтересовался у академика М.В. Шулейкина, каково его мнение о новинке, и получил ответ: «Все это чепуха! В этом я уверен больше, чем в том, что стою на земле!» В ходе испытаний П.К. Ощепков попросил академика сесть за пульт «электровизора», после чего М.В. Шулейкин сказал: «Я ошибся. Мы присутствуем при рождении совершенно новой техники и нового направления в науке».

После успешных испытаний прибора было создано конструкторское бюро (КБ УПВО) во главе с П.К. Ощепковым. Деятельность КБ УПВО РККА состояла как в самостоятельных разработках, так и в координации деятельности всех предприятий, занятых созданием «электровизора». КБ разрабатывало мощные генераторы и лампы к ним, регистрирующие устройства и т. д. Но еще КБ выдавало НИИ и заводам заказы на исследования, разработку и изготовление отдельных узлов аппаратуры радиообнаружения. Даже задание на разработку тактико-технических вопросов радиообнаружения выдавало КБ Ощепкова. Кроме того, КБ УПВО было обязано оборудовать новейшей аппаратурой командные пункты ПВО.

Работа шла в КБ ПВО, в Ленинградском физико-техническом институте (ЛФТИ), во Всесоюзном электротехническом институте (ВЭИ), в Ленинградском электрофизическом институте (ЛЭФИ), в Центральной радиолaborатории (ЦРЛ) и других научных и инженерных центрах страны.

Потом настал 1937 год, М.Н. Тухачевский погиб, погибли или пострадали многие его соратники. П.К. Ощепков получил 10 лет лагерей. Свой срок он отсидел полностью и вышел, когда СССР отстал в области радиолокации от США и Великобритании.

После ареста Ощепкова КБ продолжало работать под руководством Ю.Б. Кобзарева. В результате перед самой войной появился первый советский радиолокатор РУС-2 (радиоуправляемый самолетов).

РУС-2 был принят на вооружение, сыграл определенную роль при обороне Москвы, однако массового использования этого радиолокатора в Великой Отечественной войне не было. Даже фотографию РУС-2 я не смог найти, только рисунок

Можно считать, что первый период истории советской радиолокации закончился в 1941/42 годах. Потом начался новый период, практически, «с нуля»: отзыв с фронта инженеров, организация предприятий, перевод с английского научной литературы (так называемая «массачусетская серия»).

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ РАДИОЛОКАЦИИ. Часть 2

С гибелью М.Н. Тухачевского и арестом П.К. Ощепкова (о судьбе изобретателя радиолокации П.К. Ощепкова и его разработок читайте здесь: Из истории советской радиолокации. Часть 1) развитие радиолокационного обнаружения самолетов на долгое время ослабло.

Стали развиваться другие методы дальнего обнаружения самолетов. Практически все они в дальнейшем оказались малоперспективными.

Сейчас интересно вспомнить, какими способами предупреждали (или пытались предупредить) о приближающихся самолетах противника.

Первый — это, конечно, наблюдатели ВНОС (воздушное наблюдение, оповещение и связь). Наблюдатель с биноклем, с артиллерийским визиром и телефоном мог точно определить направление, с которого приближался вражеский самолет, и сообщить об опасности по телефону. Однако ночью и в плохую погоду служба ВНОС не могла работать, а в хорошую погоду дальность обнаружения не превышала нескольких километров.

Следующий способ — определить приближающийся самолет можно, улавливая шум двигателей.

Звук летящего самолета распространяется почти независимо от погоды или времени суток. Был разработан «звукоулавливатель» — устройство из четырех акустических рупоров, установленное на тележке, способное поворачиваться вокруг вертикальной оси. Улавливал шум приближающихся самолетов человек, красноармеец, по должности «оператор-слухач».

Звукоулавливатель ЗТ-2.

Определив по шуму, что самолеты приближаются, можно было установить заградительный огонь зенитной артиллерии, ночью можно было осветить цель прожектором и поразить прицельным зенитным огнем или послать истребитель-перехватчик.

В 1932 году была принята на вооружение система «Прожзвук» (прожектор — звукоулавливатель).

(Именно по аналогии со звукоулавливателем, первый радиолокатор называли «самолетоулавливателем», хотя улавливал он не самолеты, а радиосигналы.)

По мере совершенствования прожекторов и звукоулавливателей повышалась эффективность обороны городов от ночных бомбардировок. Английские системы, аналогичные нашим системам «Прожзвук» были в это время хуже.

Еще один способ обнаружения — улавливание теплового излучения самолета с помощью параболического зеркала. Устройство, аналогичное прожектору или зеркальной антенне, «осматривал» опасное направление. В фокусе параболоида был установлен термометр. Если бомбардировщик попадал в «луч» «тепловизора», то термометр показывал некоторое увеличение температуры. Теплоулавливатель мог работать только в ночное время, если не мешала Луна и другие возможные источники тепло-

вого излучения. Понятно, что этот способ обнаружения самолетов не мог долго развиваться.

На море для обнаружения кораблей теплоулавливатель может быть использован с большим эффектом. При испытаниях морских тепловизоров получили дальность порядка 10 км. Датчики температуры могут быть применены для обнаружения подводных лодок. В медицине применяются тепловизоры. Так что идея «тепловидения» перспективна, но неприменима для дальнего всепогодного обнаружения самолетов.

Рассматривался способ обнаружения самолетов путем улавливания электромагнитного излучения от системы зажигания (магнето) двигателя. Но испытания показали, что легкий самолет обнаруживался на расстоянии всего 1 км.

Еще способ обнаружения и радиопеленгования самолетов — по их работающим бортовым радиостанциям. Правда, этот способ неприменим, если противник соблюдает «радиомолчание».

Все эти способы отошли в историю. Но в предвоенный период на развитие альтернативных методов обнаружения самолетов требовались силы и средства, что замедлило развитие радиолокации.

Заключение

Все изложенное представляет упрощенную версию истории довоенного развития нашей радиолокации. Многие выдающиеся ученые, неназванные здесь, участвовали в работе. Многие молодые специалисты, которым посчастливилось разрабатывать первые радиолокаторы, стали в дальнейшем корифеями радио, профессорами, главными конструкторами.

Некоторые оценки в наше время изменились, например, по мнению современных историков, роль П.К. Ощепкова в создании первого радиолокатора была скромнее: КБ под руководством Ощепкова работало по линии ПВО, но были и другие научные коллективы, например, в Главном артиллеристском управлении (ГАУ), внесшие большой вклад в развитие радиолокации и т. д.

Одно несомненно — на заре радиолокации СССР имел фору, полученную благодаря таланту инженеров и военных, наши были первыми, а потом отстали.

Но и «потом» были прорывы и «первые в мире» разработки радиолокаторов, но это уже тема для будущих рассказов.

СЛЕСАРИ-СБОРЩИКИ И ДРУГИЕ СПЕЦИАЛИСТЫ

Слесарь-сборщик на ракетном предприятии — должность высокая. Этих людей характеризует большое уважение к себе, к изделию, которое они собирают, и к инженерам (разработчикам, конструкторам и технологам), которые изделие придумали.

Слесарь-сборщик виртуозно владеет молотком, но если что-то с чем-то не стыкуется, рука у него тянется не к молотку, а к телефону, и он говорит о недоразумении инженеру (обычно хорошо знакомому человеку). Через несколько минут инженер оказывается в сборочном цехе рядом со слесарем. Это — когда изделие новое, а уж если далеко не первое, то инженера вызывать не надо, квалифицированный сборщик разберется сам.

Я представить себе не могу, что слесарь сборщик может молотком заставить датчик «влезть» не так, против специально принятых мер, не позволяющих ошибиться. Молотком загоняли болты «не по резьбе» в кустарных автомастерских, если сразу «не лезло», но это другая культура производства!

Собранное изделие контролируется. Специальная «тестерная аппаратура» предназначена для проверки изделия — от «технологической тряски», позволяющей выявить потерянные в «недрах изделия» гайки, до сложного комплексного моделирования. Ошибочная отработка параметров траектории ракеты должна выявляться при проверке на Земле. В современной «тестерной аппаратуре» проверка проводится автоматически.

Специалистов, инженеров и рабочих забрало время, новых специалистов не появилось из-за фиктивного образования, из-за условий труда на «почтовых ящиках», из-за смены приоритетов у молодежи. А автоматизированную проверку или отменили в процессе «финансовой оптимизации», или не смогли провести, вследствие низкой квалификации работников. Результат известен всем <http://vpk-news.ru/news/16681>.

ТРЕПТОФ ПАРК

Огромный Солдат, в правой руке — опущенный меч, разрубивший свастику. Левой рукой Солдат прижимает к себе спасенную немецкую девочку. К постаменту ведет высокая лестница, в постаменте решетка, за которой лежат живые цветы: розы и гвоздики.

Перед Солдатом широкий бульвар, вдоль бульвара — мраморные параллелепипеды. На их торцах, обращенных к бульвару, написаны цитаты из приказов Сталина. Тексты, когда-то бывшие пафосными и многозначительными, теперь кажутся напыщенными и глупыми.

На боковых мраморных гранях — военные сцены из разных периодов войны, иллюстрации к текстам. На другой стороне бульвара — параллелепипеды с такими же барельефами и с немецким переводом текстов. Мрамор брали из имперской канцелярии.

В середине бульвар сужается. Небольшие лестницы ведут к двум коленопреклоненным фигурам. Офицер и солдат склонили головы. На груди у каждого соответствующий набор орденов. У офицера — ордена «Красного Знамени» и «Отечественной войны», у солдата — три ордена «Славы».

Затем бульвар снова расширяется. По центру идет аллея плакучих берез, вывезенных из России. Сейчас березы желтые из-за желтых сережек, которые пересиливают зелень молодых листочков. В конце аллеи — белокаменная женская фигура: скорбящая Родина-мать.

Величественный и грандиозный памятник 30 000 советских солдат, погибших в Берлинской операции. Сотни тысяч молодых мужчин, убитых в последние дни войны, когда все уже думали, что останутся живы. Но надо было добить фашистскую гадину.

Замечательное творение Е. Вучетича и его творческого коллектива. За мемориалом ухаживают: скульптуры, мрамор, дорожки, зеленый насаждения — все в порядке.

И в таком месте нет посетителей! Немецкий парень в очках на велосипеде, пожилая немецкая пара с третьим-сопровождающим и мы вдвоем. Больше никого. Потом появилась группа, человек шесть с профессиональными фотоаппаратами. Снимали некоторые барельефы и галдели. Эти явно по работе. Когда шли назад к электричке, навстречу попала русская семья: папа, мама и девочка лет десяти. Правда, был будний день, моросил дождик, и было холодно.

РОЖДЕСТВО В ИТАЛИИ

Рождество в Италии — повсеместный детский праздник. На балконы лезут Деда Морозы (где один, а где сразу три, один за другим).

Деревья (елки, пинии, пальмы) и уличные столбы украшены огоньками и игрушками, на улицах — гирлянды-сосульки. В городках на площадях проходят представления.

Евангельские сцены разыгрывают десятки детей в костюмах. Римские воины в шлемах с красными перьями, в плащах, с мечами и щитами. Обыватели в костюмах времен рождения Христа, как на гравюрах Доре. Детям от 5 до 12 лет. Маленькие ходят в хитонах с крылышками за ручку с родителями. Старшие носят воду, толкут зерна, просеивают муку, делают тесто и пекут древние лепешки в очагах под наблюдением взрослых, делают и раскрашивают глиняную посуду. Детские хоры поют рождественские песни, на ступенях и помостах разыгрываются рождественские сцены.

Тут же загончики с животными, упомянутыми в Евангелии. Можно посмотреть и потрогать живых овец, ослов, коз, гусей, уток, кур. На лотках выложены товары: пшеница, овес, тыквы и тыквенные семечки, и многое другое (кукуруза и арахис не очень нарушают историческую картину). Лакомства насыпают в кулечки и раздают всем.

В разных местах, даже в пещерах, устроены вертепы. Куклы (есть даже шевелящиеся, механические) представляют эпизоды из Евангелия.

Дети очарованы этим праздником, наряженные в костюмы гордятся своими ролями. Родители помогают, подыгрывают, следят за кострами и аккуратно обеспечивают порядок.

ГЛЯДЯ ИЗ ЛОНДОНА

«Глядя из Лондона» — рубрика радиостанции ВВС, вещавшей на Советский Союз.

Под этим названием пишу, что вижу.

Все советские люди знали: «В Европе люди живут лучше, чем у нас, но об этом нельзя говорить». Говорить стало можно, но отношение не измени-

лось: хоть за 20 лет многие побывали за границей, но первые командировки, туры и пляжи не разрушили прежних иллюзий. Кое-кто на этом погорел, со своими иллюзиями переехал за границу и попал, как кур в ошип. Вот некоторые наблюдения, «бытовуха».

В лондонских квартирах зимой холодно. В других городах и странах тоже холодные квартиры. Где-то «не топят» из экономии, где-то обогрев не был предусмотрен при строительстве. 18 градусов считается хорошо. Одна знакомая дама, прожив несколько лет в Тель-Авиве, сбежала назад в Москву, в частности, от холода зимой и от жары летом. Римлянам тоже холодно дома. Большие красивые окна и эркеры с допотопной фурнитурой столетней давности не позволяют нагреть помещение.

Устаревшая сантехника и ограничения потребления воды не позволяют согреться даже «там».

Москвичу в квартире зимой теплее, чем лондонцу того же социального уровня.

ГЛЯДЯ ИЗ ЛОНДОНА-2

Район на севере Лондона. По свидетельству путешественника «Афиши», «самый интеллигентный район Лондона». Здесь похоронен художник Джон Констебл <http://bibliotekar.ru/k102-Constabl/index.htm>.

Он популярен в Хэмпстеде почти как И.К. Айвазовский в Феодосии, хотя благодетелем городка не был, а был очень хорошим художником и любящим мужем. Везде репродукции картин Констебла, в том числе и с видами холмов Хэмпстеда.

На юге Хэмпстеда (между Хэмпстедом и Лондоном) — Belsize Village (Belsize Lane, Belsize Park,

Belsize Avenue и др.). Застраивали пустырь по генплану в конце XIX века.

Белые дома очень красивые, этажи разной высоты: на первом (по-нашему) этаже потолки больше четырех метров, на втором — больше трех, а на третьем — меньше трех. Все дома с садиками, в которых живут белки и в которые забредают лисы. Есть еще красные дома, типично английские. На Belsize Park памятник З. Фрейду, который жил здесь после побега от нацистов.

За сто тридцать лет дома состарились. Современный уровень комфорта старые коммуникации не обеспечивают, хоть коммуникации поновее, чем стены (трубы провели снаружи, но так, чтобы фасад не очень испортить). Дома подновляют. Один из домов совсем сломали, оставили только фасадную стену — памятник архитектуры. Чтобы стена не упала, пока идет строительство, ее поддерживают с помощью металлоконструкций типа строительных лесов, но более мощных.

Несколько станций метро — в пешей доступности. Недалеко от центра — 6–7 остановок. На кэбе до Тотенхэма — около 10 фунтов, близко. Квартиры дорогие (порядка 10 000 фунтов за квадратный метр). Заметную часть квартир приобретают русские (выросшие в Лондоне дети наших богачей). Снять квартиру 75 кв.м — порядка 600 фунтов в неделю. Гостиниц мало, уровень — три звезды. Номера делятся на две категории: с душем или с удобствами в «конце коридора». Double с собственным душем и легким завтраком — 90 фунтов. Тихо, туристов нет. Магазинов, ресторанов и прочего в самой деревне мало, но до разных центров — рукой подать.

СИЕНА — КАМЕННЫЙ ЛАРЕЦ

Сиена очень красива, самый красивый город Центральной Италии, который я видел. Одно прекрасное здание прижимается к другому. Удивляешься, как в Венеции, красоте и роскоши древней городской застройки.

Все каменное, как в Урбино. Ни листочка, ни цветочка, ни горшочка. Пишут в отзывах «каменный мешок». Но в Сиене так нарядно и весело, что «мешком» не хочется называть, лучше — каменный ларец.

Историческая часть небольшая, всюду пешком, правда, вверх и вниз. Главная площадь Il Campo: с одной стороны — Palazzo Pubblico с высокой башней Torre dell'Orto, с другой стороны — полукругом дворцы. Полукруглая площадь замощена кирпичом, разбита на девять секторов и имеет красивый фонтан. На кирпичках сидят, если нет дождя.

Duomo — величественный и богатейший собор.

Прекрасная маленькая площадь Salimbeni с тремя дворцами и памятником XIX века.

Спуститесь от Дома Св. Екатерины Сиенской к источнику Fontebranda. Посмотрите снизу на Duomo. Поднимитесь по лестнице к огромному собору S. Domenico. На этом маршруте зелень есть — склон холма, бульвар, палисадники.

Сиена насыщена искусством, как Флоренция. Внутри стоит войти в Duomo. Там алтарь, скульптуры для которого изваял Микеланджело. Две из них — апостолы Петр и Павел — великолепны. Кафедру работы Николы Пизано интересно рассматривать долго. Отдельная комната — Библиотека Пикколомини, ставшего папой Пием II. На стенах — фрески начала XV века с эпизодами из жизни папы-сиенца, под ними огромные книги XV века с миниатюра-

ми. В середине — античная группа «Три грации», на полу — полумесяцы. От всех источников что-то есть. Ходить хорошо с русским изданием путеводителя «Сиена» в руках. Есть два варианта — побольше и поменьше, оба хорошие и дополняют одно другое.

В Palazzo Pubblico — городской музей. Фрески «Аллегория Хорошего Правительства», «Действия плохого Правительства», знаменитая «Гвидориччо да Фольяно» — полководец на коне едет усмирять взбунтовавшиеся против Сиены замки. В 1328 году провели эту операцию, а в 1329 Гвидо уже красовался на фреске. В музеях стационарные аудиогиды — опускаешь 2 евро и слушаешь по-итальянски, по-английски, по-немецки, по-испански. Русского языка нет.

В Пинакотеке, картинной галерее, хорошо сохранившиеся иконы XIV–XV веков: Христос, Дева Мария, апостол Петр, апостол Павел, Иоанн Креститель, Св. Екатерина Сиенская. Несколько десятков вариантов. Мне больше всего понравилась панорама Сиены из окна Пинакотеки.

Гостиница в историческом центре — 110 евро в день с завтраком за двоих. Красивые и удобные номера с современной сантехникой. Кирпичные полы. Кирпичные потолки, опирающиеся на древние деревянные балки, выставлены на показ. Внутри много крутых каменных лестниц.

Обед с вином — 30 евро на человека и выше. Очень вкусно мясо с грибами (Carne con funghi) запивать кьянти из графина (vino della casa). Въезжать в исторический центр на машине нельзя, оштрафуют. Но если вы живете в гостинице в центре, штрафовать не будут (гостиница об этом позаботится). Машину поставить можно на стоянку. В январе есть места на бесплатных стоянках, в сезон, наверное, нет.

ДУЭЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
Глава 1. «ДЕЛО ПЕРЕЛЬМУТЕРА»	9
Глава 2. СВОБОДНЫЙ ПОИСК	33
Глава 3. «ЗА ЧТО УХВАТИТЬ СЕРЖА?»	53
Глава 4. УЛИКИ	61
Глава 5. РАСПЛАТА	75

ОБНАЛИЧКА и другие операции

ПРЕДИСЛОВИЕ	83
Часть 1. ОБНАЛИЧКА	86
Часть 2. ДРУГИЕ ОПЕРАЦИИ	252

ТОЛГА 341

Я ПОБОЯЛСЯ ВДОХНОВЕНЬЯ БЫТЬ ВЕЧНЫМ МАЛЬЧИКОМ-СЛУГОЙ

«Я побоялся вдохновенья...»	375
«Лечусь я только в одиночку...»	376
19 декабря	377
Искушение	378
«Как экономны мы по сути...»	379
Горе	380
К портрету с чуть склоненной головой	381
Кризис	382
Моему отцу	383
«Мы спим, как в ночлежке, вповалку, рядами...»	385
Надежда	386

«О вы, не знающие сути!..»	388
Сонет о пользе философии	389
Осень	390
Письмо	391
Похороны Гены	392
Прогулка ночью	393
Разговор	394
«Разлучит нас не подлость, не пуля...»	395
Ревность	396
Родня	397
Самоубийство Цветаевой	400
Свидание	401
«Скажи мне, миленький, что вскоре будет с нами...»	402
Сон	403
Сонет	404
«У нас, ура! не строят камер газовых...»	405
«Уж очень ты нетороплив...»	406
Упражнение	407
«Я все отдам за ласковое слово...»	408
Тоска аспиранта	409
29 февраля	410
Россия	411
«Душа уж не желает перемен...»	412
«Я, без сомненья, худший из людей...»	413
Досада	413
Инструктор	414
Моя звезда	414
Ода	415
«Всего три дня летела телеграмма...»	416
Полнолуние 8 марта 2004 г.	417
«Нас не смутят смутяны смутных лет...»	418
«Я как заноза, как старик в дверях...»	419
«Есть мудрецы практического свойства...»	420
Оттепель	421
Осень 2006-го года	422
«Пережитая опасность...»	423
«Что «Апрель», что «Пульс» из Тушина...»	423
«Смятение умов и поиск веры...»	423
«Я давно не читаю в трамвае...»	424
«Душа не ведает покоя...»	424
«Знаю, ангел меня покинул...»	424

«Лишь без тебя я снова стал поэтом...»	425
«О, бойтесь радости, любви и вдохновенья...»	425
«Не надо перерывов, давайте все подряд...»	425
«Все время остановки...»	426

РЕЦЕНЗИИ

Все погибли, а он остался	429
Тайные пружины пресловутой эпохи	436
Шестидесятнические страсти. Роман и шум времени.	441
Огромный труд великого знахаря	445
Тайные силы за спиной власти	456
Самый европейский советский писатель	460

СТАТЬИ

Три русла для утечки мозгов	469
Головы для отечественной науки	474
Как заинтересовать китайских товарищей	479
Там режут сталь, куют деталь	486
Не приглашайте малознакомых людей в герои	491
«Пятый пункт» Максима Шевченко	493
«Антиплагиат» и осетрина второй свежести	496
Принцип круговой поруки	503
Режим работы	509
Корни зла	515

ПОСТЫ

Об образовании	521
О культуре	532
О путешествиях	566

Л и т е р а т у р н о - х у д о ж е с т в е н н о е и з д а н и е

Лифшиц Михаил Юзефович

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДВУХ ТОМАХ
ТОМ 2**

Редактор *В.С. Вестерман*
Иллюстрации *Е. Петрова*
Оформление *А.С. Шукин*
Макет *В.В. Челядинова*
Корректор *А.А. Конькова*

Подписано в печать 10.10.2014.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 11,76.
Тираж 1000 экз. Заказ № .

ООО «Издательство «Зебра Е»
119121, Москва, ул. Плющиха, 11/20А
E-mail: zebrae@zebrae.net
www.zebrae.ru

По вопросам приобретения книг издательства «Зебра Е»
обращаться по адресу:

ООО «Издательство «Зебра Е»
125009, Москва, ул. Большая Никитская,
д. 22/2, офис 26.
Тел.: 8 (499) 995-09-42
kniga@zebrae.ru
svirin@zebrae.net